

Александр Мазин Герой

Варяг – 4



Это четвертая книга «варяжского» цикла Александра Мазина о Сергее Духареве, воеводе князя Святослава, первого настоящего героя настоящей изначальной истории Древней Руси.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КОРОНА БУЛГАРСКИХ КЕСАРЕЙ

ПРОЛОГ

Тихо в коридорах и галереях императорского дворца. Особенно тихо — после шумного и многолюдного пира.

Сегодня василевс Никифор принимал иноземных послов.

Тут были и послы болгарского кесаря Петра, и послы короля германцев Оттона Первого; послы италийцев, арабов, россов и многих других.

Еще несколько лет назад непременно присутствовал бы посол хузарского хакана... Но нет больше у хузар хакана. Последнего убил катархонт россов Сфендослав...

— Он очень опасен, этот тавроскиф, — говорит Никифор. — Не зря его называют леопардом.

— В твоём зверинце, мой повелитель, есть не только леопарды, но и царственные львы, — шепчет Феофано.

Ее чернокудрая головка лежит на мощном колене василевса. Огромные блестящие глаза глядят на него снизу страстно и восхищенно.

Никифор не видит этих глаз. Перед его внутренним взором — сотни парусов, наполненных ветром. Это лодьи россов идут вверх по Дунаю. На горе строптивой Булгарии.

Никифор знает, на что способны россы. Воины этого племени воевали под его началом в Азии. Этому ничтожеству, архонту болгар, не устоять.

Независимой Булгарии конец.

Никифор это знает.

И потому сегодня был особенно ласков с булгарами: посадил выше посланца германского короля, велел именовать Петра василевсом... А ведь этих же булгар недавно по его, Никифора, приказу по щекам хлестали — за дерзость их кесаря.

Ничего, пусть возгордятся. Скоро, скоро болгарский наглец будет, пресмыкаясь, молить Константинополь о помощи... И откроет горные проходы. И победоносная армия Восточно-римской империи вступит на земли Булгарии. Нет, не Булгарии — Мисии. Римской провинции Мисии. А он, Никифор Фока, подобно древнему императору Траяну...

Тут василевс наконец замечает глаза Феофано и забывает обо всем, даже о собственном величии.

— Встань, — говорит василевс. Его голос, могучий бас силача и военачальника, внезапно становится невнятным и хриплым. — Встань, Фео... Танцуй...

Феофано поднимается. Красный полупрозрачный шелк, ожерелье из крупных, оправленных в червонное золото рубинов, черные длинные блестящие волосы...

У Никифора было много женщин. Ему приводили и белокурых белокожих северянок с прозрачными льдистыми глазами, и чернокожих, нечеловечески грациозных африканок с кожей, упругой, как у дельфина. Были искусные и искушенные, были и совсем юные, очаровательно неумелые... Ему есть с кем сравнивать, но... Феофано несравненна. Она совершенна. Она родила Роману двух сыновей, но после родов стала еще красивее. Василевс смотрел, как мелькают над полом маленькие ступни, как едва касаются пола пальчики, как взвихряются и опадают браслеты на щиколотках, взлетают колени, подбрасывая легкие шелковые ленты, которые то расходятся, то смыкаются, пряча округлые бедра и по-детски гладкий живот. Никифор знает, что волосы на лобке Феофано сведены искусным мастером в угоду покойному Роману. Поначалу Никифору это не понравилось, но теперь, когда Феофано в танце откидывается назад, касаясь волосами пола, он, затаив дыхание, ждет — окажется ли шелковая ткань между расставленных ног или обнажит взгляду розовую мякоть приоткрытой вагины зрелой женщины в обрамлении неестественно голый бледной кожи.

Тяжелое дыхание вырывается из влажных губ императора. Струйка слюны смочила черную с проседью бороду. Кружится Феофано, извивается в танце, встряхивает упругими грудями, оттопыривает ягодицы, танец ее становится все более непристойным, вызывающим, вульгарным. Так не танцуют в императорском дворце. Так не танцуют даже обученные всему похотливые сирийские рабыни... А Феофано — императрица...

Никифор выбрасывает руку, но опаздывает. Танцовщица-василисса успевает уклониться. В сжатом кулаке императора — невесомая полоска красного шелка. Глухой рык вырывается из груди василевса. Он бросается вперед, как когда-то бросался на врага в битве. Никифор огромен и грузен, и, конечно, не так быстр, как десять лет назад, — жизнь во дворце развращает тело. Но он все равно быстрее любой женщины. Феофано визжит в притворном ужасе, когда император швыряет ее на ложе, наваливается всей тушей, задирает вверх ее точеные ножки и берет ее грубо — как девку, пойманную в только что взятом городе. Василевс пыхтит и рычит. Василисса стонет и вскрикивает. Никифор знает: Феофано нравится так. Очень нравится. Но если бы и не нравилось — ему плевать. Это он взял ее. Взял с боем, вырвал у евнухов и святош, своих врагов и друзей, победил всех, даже Бога, но оставил ее здесь, во дворце, здесь, в императорской опочивальне. Не за ум, не за то, что она — василисса, а вот за это. За умение пробудить в нем, пресыщенном и искушенном пятидесятилетнем муже, неистовую страсть.

А позже, уже проваливаясь в приятную сонную негу, опустошенный и почти счастливый Василевс Восточной Римской империи Август Никифор Фока узрел видение: бело-красные паруса и длинные весла, вспенивающие дунайскую воду. Даже в полусне Никифор знал: нескольких византийских триер с огненным боем хватит, чтобы уничтожить весь флот тавроскифов. Знал, но почему-то всё равно ощутил смрадное и липкое, как дыхание хищного зверя, дуновение. То было прикосновение страха...

Глава первая

Великий князь киевский с воеводами, ближниками и прочей военной братией

В княжьем шатре было жарковато, но, если сравнить с температурой снаружи, разница — как между предбанником и парной. Вполне терпимо. Толстый войлок неплохо защищает от солнца, а снизу края шатра приподняты, чтобы ветер с Дуная свободно проникал внутрь. Но говорить всё равно можно, не боясь чужого уха: на пятьдесят шагов вокруг никого, кроме проверенных гридней из малой Святославовой дружины, которым велено сначала бить, а потом смотреть — кого.

Инструктировал охрану великого князя лично Духарев. А взялся он за это дело после того, как Святослава дважды пытались подстрелить и один раз подсыпали яд в котел, из которого кормились не только Святослав, но и его ближники и гридни из малой дружины. Смертоносную примесь в похлебке угадал Калокир, который, как и положено благородному византийцу, в ядах разбирался лучше, чем купец — в обвесах. Злодея поймали. Отравитель, мелкая сошка из челяди черниговского воеводы, согласился подсыпать яд за две серебряные гривны, которые посулил ему некий персонаж из болтавшихся при войске маркитантов. Заказчик, естественно, удрал еще до того, как придурок-челядин попытался осуществить злодейство, так что обещанных гривен отравитель не получил бы при любом раскладе.

Слишком многие были заинтересованы в том, чтобы обезглавить русское войско, посему князя следовало беречь с особым тщанием, и с не меньшим тщанием беречься от вражеских шпионов, которых в сборном войске такой численности наверняка было немало.

Но среди княжеских ближников ненадежных людей нет. Даже ромея Калокира, полноправного представителя византийского императора Никифора Фоки, можно было считать заслуживающим доверия. По крайней мере сам великий князь в этом убежден.

— Ну говори, ромей, вижу: новости так и пляшут на твоём языке, — сказал князь Святослав Калокиру.

Патрикий приосанился. Прожженный византийский политик, он был чертовски тщеславен и дьявольски честолюбив. Менее чем за год Калокир ухитрился не просто войти в круг ближников Святослава, но, более того, побрататься с великим князем киевским. И завоевать уважение княжьих воевод и бояр. Даже таких, как Свенельд. И княгиня Ольга, подлинная (если смотреть правде в глаза) правительница Киевской державы, благоволила патрикию. Хотя Ольга вообще поддерживала всё византийское, встречалась с ромейским императором, вела личную переписку с константинопольским двором и мечтала сговорить за своего внука Ярополка порфирородную византийскую царевну. А вот Святослав дипломатической искусностью матери не обладал. Пардус — он и есть пардус. Прыжок, лязг зубов, хруст костей — и великое княжество киевское прирастает еще одним уделом.

— Говори, ромей, — нетерпеливо бросил Святослав, поскольку Калокир не торопился излагать свою новость — выдерживал театральную паузу.

Патрикий откашлялся, окинул орлиным взором княжьих ближников: Икмора, Свенельда с сыновьями, Мстишей и Лютом, Духарева, Тотоша угорского, Бранеслава, княжича полоцкого, ярла Гуннара по прозвищу Волк, Устаха, полоцкого воеводу, и еще дюжины полторы бояр, воевод и предводителей дружин подвластных и дружественных Киеву княжеств. Калокир удостоверился, что все слушают внимательно, слегка поклонился великому князю и произнес:

— Хан Гюйче принял золото болгарского кесаря.

— Вот змей подколотый! — воскликнул Икмор.

Воеводы загомонили, но Святослав поднял руку, и шум мгновенно стих.

— Откуда знаешь? — в наступившей тишине негромко спросил князь-воевода Свенельд, самый старый из присутствующих. И, пожалуй, самый уважаемый. После

Святослава, конечно.

— Есть у меня послухи в печенежском стане. — Выговор у Калокира не ромейский, а южный, тмутороканский. Неудивительно, ведь родился Калокир по соседству, в городе Херсоне. — Этим послухам можно верить.

— И сколько дал царь Петр хану Гюйче? — любопытствовал Тотош.

— И за что дал? — вставил княжич Бранеслав.

— За что дал, ясно: чтоб в спину нам ударили, — ответил Калокир. — А сколько — не знаю. Должно быть, достаточно.

— Если на нашу мерку пересчитать — сорок восемь гривен, — сказал Духарев.

И с удовольствием пронаблюдал изумленную физиономию ромея.

— Откуда знаешь? — выдавил Калокир.

— Послухи, — невозмутимо произнес Духарев. — В печенежском стане.

Святослав усмехнулся. Новость Калокира не была для него неожиданностью.

— Молодец, братко, — сказал он патрикию. — Теперь мы точно знаем, что наши послухи не ошиблись, — произнес с упором на «наши». Дипломат. Не хочет, чтобы Калокир затаил обиду на воеводу Серегея. Только Калокир — политик похитрее Святослава. Наверняка понял, что новость добыл именно воевода.

— Сорок восемь гривен? — усомнился патрикий. — Ты уверен, воевода? Чтобы за такую малость пацинаки рискнули на нас напасть? Сомнительно.

— Они и бесплатно нападут, — проворчал Икмор. — Если выгодный случай представится. Зря мы с ними союзничаем. У меня младшая жена — дочь печенежского большого хана, а всё равно я им не верю.

— Я им тоже не верю, — сказал Святослав. — Но они могут быть полезны. А кусок, который им Петр кинул, нам только на пользу. Как верно заметил Калокир, сорока восьми гривен слишком мало, чтобы наполнить их волчьи желудки. Это золото их только раздражило. Но ты, Икмор, тоже верно говоришь. Коли выгодно будет, копченые все договоры забудут и на спину нам прыгнут. Да только невыгодно им сейчас с нами ратиться. Там, — князь махнул рукой в сторону Дуная, — болгарское царство. Там добыча побогаче.

— Так ли уж богаче? — заметил Тотош. — Обеднела Булгария. Нам бы самим хватило...

— Не стоит шкуру убитого медведя делить, — неодобрительно произнес Свенельд.

Тотош не понял.

— Поговорка такая, — пояснил отцовы слова Мстиша. — Дурная примета: прежде сечи о добыче говорить. Сперва надобно болгарское войско разбить.

— Разобьем, — беспечно бросил Тотош. — Мои молодцы хоть сегодня через Дунай переплывут...

— ... И болгарские катафракты их тут же обратно в реку скинут, — насмешливо произнес Лют.

У них с Тотошем был давний спор: кому первому высаживаться.

Впрочем, спорить они могли сколько угодно, решать все равно будет Святослав. А Святослав уже все решил...

Военный совет закончился, воеводы покинули шатер.

Сергей Духарев вышел наружу вслед за Свенельдом, потянулся, хрустнув суставами, принялся... Вкусно пахло жарёной. Долго они заседали, часа три. Сергей успел проголодаться. Но ужинать он будет не здесь, а со своей дружиной.

Расторопный отрок уже подвел воеводе коня, соединил руки «подножкой». Вообще-то Духарев был еще вполне способен самостоятельно забросить свои сто с лишком килограммов плоти и экипировки на конскую спину, но в такую жару попусту напрягаться не хотелось, и он помощью не пренебрег: оттолкнулся сафьяновым сапожком от мозолистых ладоней отрока, мягко опустился в вытертое до блеска маленькое степное седло, небрежно подхватил поводья, но послал коня не уздой — шенкелями.

Княжья стража расступилась, пропуская воеводу... И его тут же окружили собственные гридни.

— Серегей, погоди!

Духарев оглянулся и увидел Устаха.

— Поснедаем вместе? — спросил полоцкий воевода.

— Нет возражений, — согласился Духарев. — Только из моего котла.

— Почему же — из твоего? — запротестовал Устах. — Вчера — из твоего, позавчера — тоже...

— Друг мой, у тебя кто нынче куховарит?

— А я почем знаю? — пожал плечами полоцкий варяг. — Кто-то из отроков. Чей черед, тот и куховарит.

— Вот именно. А у меня куховарит не гридень, а повар. Потому что баранина — это тебе не свинья лесная. Баранину приготовить — уметь надо.

— Совсем ты, Серегей, оромеился, — фыркнул Устах. — Прямо как Калокир стал. Нам, варягам, — всё снеть, что мясо.

— Поехали, поехали! — засмеялся Духарев. — От хорошей стряпни еще ни один варяг ромеем не стал.

Лагерь русского войска растянулся вдоль дунайского берега едва ли не на поприще. Хотя собственно руссов — варягов, полян-деревян, нурманов и прочих, присягнувших лично великому князю Святославу или его воеводам, — было не более двадцати тысяч. Еще тысяч десять составляли дружины союзных и подвластных Киеву владык: князь-воеводы Свенельда, князей полоцкого, черниговского и иных, помельче. Еще столько же — из охотников: примученных недавно лесовиков-вятичей, вольнолюбивых новгородцев, тмутороканцев, ясов, касогов, славянских ополченцев, хотя и знавших, с какой стороны браться за копьё или как натягивать боевой лук, но вряд ли способных выдержать удар тяжелой конницы или выжить в кровавой степной «карусели».

А вот для двадцати тысяч печенегов — организованных, предводительствуемых большими ханами Гюйче и Кошту, и «приблудных», из мелких ватажек, слетевшихся на запах крови и золота, — степная война была источником хлеба насущного. Еще были восемь тысяч союзных угров дьюлы Такшона, приведенных его сыном Тоттошем... Внушительное войско, ничего не скажешь. Глянешь с седла — конца-края не видно.

Однако по-настоящему опереться великий князь киевский мог едва ли на половину сошедшегося под его знамя воинства. А за копчеными-печенегами и вовсе нужен глаз да глаз...

Солнце уже покатилося к закату, когда к Духареву прискакал гонец от великого князя: снимаемся.

Полторы сотни варягов, дружно ухая, спихнули «Морского коня», духаревский морской драккар «шведской сборки», во взмученную воду Дуная. А еще через несколько минут закачались на мелкой волне остальные корабли духаревской дружины: боевые русские лодьи. Эти были поменьше трофейного драккара, но тоже хороши: две сработаны тмутороканскими корабельщиками, одна — смоленскими, остальные — своими, киевскими. Каждая могла нести полсотни воев в морском походе, а вмещала при необходимости и полторы. Это была не вся духаревская дружина — только отборные гридни, опытные, отменно экипированные и умелые в пешем бою. Таких во всем войске Святослава было не более пяти тысяч. Но им в стратегическом замысле великого князя киевского предназначалась главная роль...

Мимо, подгоняемые слаженными ударами весел, прошли головные корабли Святослава.

— Йонах! — крикнул Духарев уютившемуся на верхушке мачты Машегову сынку. — Как там, на том берегу?

— Стоят! — крикнул в ответ глазастый хузарский хлопец. — О-о-о! Тронулись!

Естественно. Булгарская армия перемещалась параллельно русской. Петр понимал: главное — не дать киевскому князю высадиться и закрепиться на болгарском берегу. Смять ударом кавалерии лодейный десант, расстрелять переправляющуюся вплавь конницу... У болгарского царя в этой игре были все козыри. По крайней мере он сам так считал.

Стратегический план Святослава: измотать болгарское войско жарой и ожиданием, а потом высадить пехоту на берег прямо на глазах у численно превосходящей тяжелой конницы. Любой ромейский полководец счел бы такой десант самоубийством. И был бы прав. Такой план — безумная авантюра с точки зрения любого грамотного стратега... Никогда не видевшего, как десантируется на вражеский берег нурманский хирд. Или варяжская дружина.

Глава вторая

Булгарский берег

Пчёлко из Межича, десятник третьей сотни болгарских катафрактов, водительствоваемых первым болярином кесаря Петра Сурсувулом, не видел русов — только верхние края полосатых парусов русских лодий. Парусов было много, но меньше, чем могло быть. Над парусами змейками вились флаги и выпелы. Русы пришли воевать Булгарское царство. Поэтому Пчёлко был здесь, под знаменем нелюбимого им, да и многими булгарами, кесаря Петра.

Под Пчёлкой был конь из царской конюшни. И новые доспехи из царской кузницы. Новое копье и новый щит. Только сабля в ножнах — старая, проверенная.

Этой саблей совсем юный Пчёлко рубился под знаменем кесаря Симеона с катафрактными ромейскими. А потом. — под знаменем его младшего сына — против сына старшего, нынешнего кесаря Петра, когда младший поднял боляр против старшего брата. Но пришла беда — и пришел Пчёлко биться за Петра. Нет, не за Петра — за Булгарию.

Тридцать тысяч латников привел на Дунай кесарь Петр, чтобы встретить пятидесятитысячное войско русов. Но никто в болгарском войске не сомневался в победе. Ведь большая часть войска русов и их союзников — по ту сторону Дуная. И союзникам этим, степным волкам, пацинакам-печенегам, Петр Булгарский послал три мешка золота. И еще десять раз по столько обещал, если ударят пацинаки в спину русам. Мог бы и не посылать. Не рискнут русы выйти на болгарский берег. Не настолько глуп их князь Святослав, чтобы бросить свою пехоту под копыта болгарской конницы. Стопчут. Нет такой пехоты, что способна в поле сдерживать удар катафрактов.

Плывут русские лоды по Дунаю.

Вровень с ними по хорошей старинной дороге движется болгарское войско.

А по другому берегу идет русская конница.

Нешадно палит солнце. Даже привычным ратникам дьявольски жарко: в доспехах, в войлочных кожаных подкольчужниках и подшлемниках, тем, кто плывет по Дунаю, — легче. Вокруг вода, можно зачерпнуть шеломом, выплеснуть на голову. Тем, кто по ту сторону, — тоже легче. Они могут даже и брони снять. Между ними и противником — Дунай.

Тяжело Пчёлке. Но кое-кому из его десятка, тем, кто не послушал старших и выхлебал воду из фляги еще до полудня, — еще тяжелее. В горле сухо, едкий пот струится по лицу...

«Не по уму так, — думает Пчёлко. — Измучатся вои. Ослабеют».

Но не Пчёлко решает — решает кесарь. И Сурсувул. И старшие боляре.

«Скорей бы решилось...» — думает Пчёлко.

Уж третий день так...

Сотник Велим черпнул кожаным ведром из Дуная, выплеснул на голову, фыркнул с удовольствием, передал ведро следующему и уселся на палубу рядом с гребцом. Можно бы и не грести — ветер попутный, парус — пузырем; но кораблям нужно держать ход, заданный головным, на мачте которого плещется знамено с пардусом. Впрочем, «Морской конь», драккар воеводы Серегей, — корабль ходкий. И гребут варяги Велима, особо не напрягаясь, в удовольствие, сменяя друг друга намного чаще, чем в обычном походе. А почему бы и не сменяться, если людей на драккаре — втрое против обычного. Так грести — не работа, а удовольствие.

Рядом с сотником ворочает веслом хузарин Йонах бар Машег. Ничего так управляется, не хуже прочих, хотя у того же Велима мяса на костях — раза в два побольше, чем у шестнадцатилетнего Йонаха.

Йонах Белиму нравится. Добрый гридень. Немножко нахальный, что неудивительно для сына итильского наместника Машега, зато стреляет Йонах лучше любого в Велимовой большой сотне. Что для природного «белого» хузарина тоже неудивительно.

Велим посмотрел на нос. Там, обняв деревянную конскую голову, стоял его воевода, большой кисеский боярин Серегей. Голая загорелая спина воеводы — шире сходней, по которым коней на лодью заводят. Таких здоровяков, как Серегей, даже среди нурманов и сеев еще поискать надо. Но воевода — не нурман. Никто не ведаёт точно, кто он родом. Говорили: Серегей из кривичей. Еще говорили: дядька Рёрах знает, откуда пришел Серегей: он у воеводы пестуном был. Но дядька Рёрах об этом говорить не пожелал. Даже княжичу беловедскому Трувору сказал: «Не твоего ума дело». Так говорить с Трувором даже великий князь не стал бы. Но Рёраху можно всё. Так что не узнал Трувор, откуда родом воевода Серегей. Да и не важно это. Серегей — варяг. А откуда пришел, это и впрямь не важно. Вот полоцкий князь Роговолт тоже неизвестно откуда пришел. Говорят, из-за моря. Говорят, тоже один. А может, с дружиной. Только от дружины этой в живых иного не осталось. Роговолт — варяг. И Серегей варяг. Этого довольно.

Словно угадав, что сотник думает о нем, воевода повернулся... и подмигнул Велиму. Кровь прилила к лицу сотника. Смутился Велим, будто красна девица. Хорошо, под загаром не видно, как порозовели щеки. Когда твой воевода — ведун, то, конечно, хорошо, но иной раз...

— Батька, на княжьей лодье парус спускают! — крикнул кормчий.

Гридни оживились. Духарев с удовольствием отметил, что грядущего боя никто не боится, хотя оценивал шансы на успех десанта как один к одному. И в этой оценке уверенность русов в победе играла очень серьезную роль. Чертовски важный фактор — боевой дух. Чтобы в войске никто и мысли не допускал о возможности поражения. Но с этим у русов — порядок. До сих пор воины, сражавшиеся под стягом Святослава, поражений не знали. Парус упал. Его проворно упаковали в кожаный чехол. Кормчий, не дожидаясь команды, направил драккар к берегу. Духарев оглянулся. Остальные пять лодий его дружины, практически без задержки повторив всё, что делали на драккаре, шли в одном строю с «Морским конем», как привязанные, идеально выдерживая направление и дистанцию.

На ближней — первый помощник воеводы Сергея, природный варяг, большой сотник Стемид Барсук, двоюродный братец Стемида Большого, ставшего белозерским князем после смерти своего отца Ольбарда Красного. Барсук — человек надежный. В свое время именно в его сотне ходил духаревский сын Артём, который в этом походе Святослава не участвовал. Остался в Киеве. На то были особые причины, о которых знали только Сергей и его жена Сладислава. Даже сам Артём был в неведении, но отца послушался, остался.

— Брони вздеть, — негромко, но четко произнес Духарев. И первым достал из-под скамьи тюк с доспехами.

Гридни облачились, свежие сменили тех, кто был на веслах.

— Реже веслами, реже! — гаркнул Духарев, заметив, что гребцы в азарте норовят вырваться вперед, опередить княжьи корабли. — Держать строй!

Все корабли должны подойти к берегу одновременно и на сравнительно узком участке.

Растянутая флотилия русов, перестроившись углом, словно журавлиный клин, быстро «уплотняясь» и разгоняясь, двигалась к болгарскому берегу. Впереди — лодья Святослава. Острые стрелы.

Риск. Если у болгар окажутся наготове боевые машины, то плотный строй — лучшая мишень. Но болгарское войско — на марше, чтобы подготовить и развернуть баллисты и катапульты, требуется время...

— Повеселимся, братья! — закричали с соседней лодьи, подтянувшейся уже на половину стрелища.

Мальчишка Йонах, нахаленок, вспрыгнул на борт, заплясал, балансируя, испустил волчий «варяжский» вой.

— Ну-ка на палубу! — гаркнул на него Духарев, но Машегович его не услышал. Клич подхватили, и все звуки утонули в леденящем душу вое. Катафракты на болгарском берегу, поспешно перестраивающиеся из походного в боевой порядок, наверняка тоже его услышали. Надо полагать, им не очень понравилось.

Духарев дотянулся, ухватил Йонаха за ремень, сдернул с борта на палубу, показал кулак.

Хузарский व्यюнош осклабился: доволен, нахаленок.

* * *

Затрубили перестроение к бою. Команду, голосом, повторил сотник, за ним, эхом,десятники, в том числе и Пчёлко. Его десяток перестроился вполне удовлетворительно. Никто не перепутал места, не уронил оружия, не огрел соседа копьем по шлему. Убедившись, что маневр закончился, Пчёлко двинул своих влево и вперед, занимая место согласно распорядку: во второй шеренге своей сотни, а сотня, в свою очередь, — в шеренге первой Сурсувуловой тысячи.

Теперь Пчёлко видел не только мачты и стяги, но и сами русские корабли. Русы на веслах шли к берегу. Очень хорошо шли, быстро, красиво. Пчёлко даже залюбовался. Потом прикинул, сколько воинов может быть на этих кораблях, и еще раз восхитился. На этот раз — храбростью. Если, конечно, это не обманный маневр, призванный отвлечь болгар, пока где-нибудь в другом месте высаживается еще одно войско.

Солнце пекло. Пот заливал глаза, мешая смотреть. Пчёлко стянул рукавицу, обтер лоб, прополоскал рот глотком разбавленного вина, оглядел своих — остался доволен. Несмотря на жару, его парни держались неплохо, в готовности; поднятые вверх копья стояли твердо, не дрожали.

Корабли русов летели к берегу. А берег здесь был хорош: плоский, песчаный. Высаживаться удобно. Но атаковать конницей — еще удобнее. Пчёлко заранее знал, что сейчас случится. Русы сойдут на берег и попытаются занять оборону. Но без укреплений, без фашинов, без заточенных кольев удар латной кавалерии им ни за что не удержать. Катафракты обрушатся на них, русы побегут, попытаются укрыться на своих кораблях, но отчалить не успеют. Корабли, приставшие к берегу, будут захвачены, русы сброшены в Дунай. Тогда за дело примутся лучники и прашники. Те из русов, кто сумеет избавиться от доспехов и умеет хорошо плавать, может, и спасутся. Остальные сдадутся или утонут...

* * *

Лодьи летели птицами. Берег стремительно приближался. Духарев отчетливо видел метрах в двухстах от края воды длинную шеренгу всадников. Начищенная броня горит на солнце, поднятые копья — словно заросли тростника. Очень красиво, если отрешиться от

того, что это — смерть. Но о смерти думать нельзя. Только — о победе.

Шипела вода, разрезаемая упругим корпусом драккара. Слаженные удары весел толчками гнали корабль к чужому берегу. А до берега — метров триста. И с каждым взмахом он — на полкорпуса ближе.

Двести метров. Духарев поднял лук, наложил на тетиву сразу две стрелы. То же самое сделали полсотни его гридней...

Сто метров...

— Сушить весла! — закричал Духарев. И сразу же, мощным рывком уводя к уху поддетую кольцом тетиву: — Бей!!!

Звонко защелкали тетивы. Загудели-зашипели стрелы. Гребцы втянули весла. Драккар неся к берегу по инерции, а лучники метали стрелы в застывший строй болгар. Полминуты — и колчан Духарева опустел. Воевода не успел оценить, какой урон нанесли катафрактам русские стрелы. Буквально в следующее мгновение крепкий киль драккара задел дно. Сергея бросило вперед, он ухватился за носовую фигуру, привычным движением сунул лук за спину, в саад, прыгнул вниз, на песок. Одновременно с сотнями, нет, тысячами других воинов Святослава.

Корабли русов убрали весла. Сейчас они выскочат на песчаный берег, трубы проревут атаку, и, ошестинившись копьями, понесется на них конная лава.

Пчёлко настолько сосредоточился, ожидая сигнала (да и жара измотала, притупила внимание), что упустил миг, когда туча стрел взмыла в небо. Но когда стрелы посыпались на катафракт, Пчёлко уже был наготове: уронил на лицо забрало, прикрылся щитом... Русская стрела с силой ударила в край щита, другая скользнула по наплечнику, третья лягнула о налобник коня — Пчёлко с трудом удержал его в строю. Рядом кто-то вскрикнул, жалобно заржала лошадь... Из-под щита Пчёлко глянул на своих... Держатся. У русов сильные стрелы, подумал Пчёлко, но на таком расстоянии доспех им не пробить, урон будет небольшой... Сглазил. Один из его десятка, охнув, повалился с коня... А стрелы сыпались, густо... Пчёлко съезжился за щитом. Тяжело вот так стоять в бездействии, ждать: не найдет ли тебя смерть...

Момент, когда русы оказались на берегу, Пчёлко тоже упустил. А когда наконец прозвучало долгожданное: «В атаку!», Пчёлко опустил щит и... увидел, что русы уже не в двухстах, а в пятидесяти шагах. Они пеше атаковали тяжелую конницу!

Зрелище бегущей на катафракт пехоты настолько поразило Пчёлку (и не его одного), что он упустил еще несколько мгновений. Очнулся, когда набегающий на него здоровенный уса́тый рус в круглом шлеме, размахнувшись, метнул в Пчёлку копье.

Тут уж Пчёлко не оплошал: принял копье на щит... И остался без щита. Копье руса пробило бычью кожу и деревянную основу и выскочило изнутри. Пчёлко уронил бесполезный щит. Рус (уже в десяти шагах) высоко подпрыгнул, замахиваясь мечом... Пчёлко выставил собственное копье, запоздало сообразил, что это оружие, сокрушительное в руках скачущего катафракта, слишком длинно и неуклюже, когда конь этого катафракта не летит карьером, а храпит и пятится.

Рус даже не стал уворачиваться, просто ухватил копье повыше наконечника, рванул — и Пчёлко, воин, сорок лет носивший доспехи, выпал из седла, словно новобранец. Рус мимоходом, небрежно сунул мечом Пчёлку в бок, снес наконечник копья, которым хотел попотчевать его «сосед» Пчёлки. Пчёлко успел еще увидеть, как его собственный конь встает на дыбы, а рус ловит его за узду...

Это было последним, что увидел Пчёлко Радович, перед тем как обрушившееся на шлем конское копыто отправило болгарина во тьму.

* * *

В том времени, в котором родился Сергей Иванович Духарев, генералы не бегали.

«Генералы не бегают, — гласила тогдашняя армейская мудрость, — ибо в мирное время зрелище бегущего генерала вызывает смех, а в военное — панику». Здесь же воевода — это воевода. Тот, кто ведет, а не тот, кто подает команды из-за чужих спин. В здешней Европе короли лично возглавляли собственные армии. Нынешний император «Второго Рима», Византийской империи, Никифор сам предводительствовал армиями и, говорят, мог копьём насквозь продырявить воина в доспехах. Его предшественник на константинопольском троне Роман предпочитал воевать не на поле битвы, а за столом и в спальне... Поэтому его стол и спальня вместе с красавицей-женой достались Никифору. Ходили слухи, что императрица сама и организовала свое вдовство. Император-воин был ей симпатичнее императора-гуляки.

А у русов даже князь — «первый среди равных». Это значит — в сече он тоже первый. Первый бросок копьё — его. И первое брошенное врагом копьё — тоже в него. Князь — первый. Но дружина — рядом. Всегда. Пока жив хоть один гридень. И любой из дружинных всегда готов принять на щит, а придется — и на грудь нацеленный на батьку удар.

Воевода Серегей бежал. А справа и слева бежали его гридни. Не отставая и не опережая (хотя могли бы и обогнать), держа удобную дистанцию в полторы сажени. Первые тридцать шагов — не очень быстро: песок. Потом, когда под ногами замелькала прибитая трава, — шибче.

Духарев бежал так быстро, как только мог. Тренированный воин в полном доспехе может пробежать две сотни метров за полминуты или даже быстрее. А счет шел на секунды. Будь у катафрактов хотя бы пятьдесят метров разбега — и их не удержать. Страшное это дело — удар латной конницы. Стопчут, сметут одной только массой.

Духарев бежал и молился: дай, Господи, добежать! Только бы успеть, только бы...

Успели. Замешкались болгарские командиры. Упустили заветные решающие секунды...

Набегая на конную шеренгу, каждый рус выбрал себе первого противника. Духареву достался воин в шлеме десятника. Он только-только высунул голову из-за утыканного стрелами щита, когда Сергей метнул копьё. Булгарин принял копьё на щит — поймал бронзовой накладкой, защищавшей руку. И остался без руки. То есть накладку-то выдержала, и булгарин даже в седле удержался, но ушибленная рука повисла плетью. Еще бы — Духарев брошенным копьём тура до сердца пробивал. Бросить длинное и потому практически бесполезное в ближнем бою копьё и взяться за меч булгарин не успел. Подал коня назад (в плотном строю лучше бы на дыбы поднял), попытался ударить древком, как дубиной. Духарев даже уклоняться не стал, принял на панцирное плечо, кольнул мечом под подбородочный ремень (благо рост позволял), сдернул смертельно раненного десятника с коня, почти не глядя отмахнулся от другого болгарина (попал), нырнул под копьё третьего, хлестнул с левой руки, саблей, по бедру (просек и кольчужные штанишки, и бедро до кости), ворвался во вторую шеренгу, рубанул влево, уколол вправо. Завладел одним из «освободившихся» коней — пошла потеха!

Поощрив трофейного коня мечом, плашмя, по крупу (эх, сейчас бы иметь под седлом своего, вышколенного на голос, послушного каждому прикосновению!), Духарев вломился в уже порядком смешавшиеся ряды болгарских катафрактов и, пользуясь преимуществами роста, длинных рук и отточенным за два десятилетия воинским искусством, принялся кромсать и крушить вражьи панцири, как рачьё скорлупу. Правда, недолго. Через минуту он «увяз» в массе обезумевших лошадей, в большинстве уже лишенных всадников. Теперь Духареву приходилось в первую очередь беречь ноги: как бы не отдавили боками. А вокруг продолжали рубиться. Русов было заметно меньше, но такая тесная сеча была их стихией, в то время как болгарских всадников учили другому: атаковать с разгона, перестраиваться, маневрировать купно и ровно... Поманеврируешь тут, когда на метр коня не сдвинуть. Да и сами болгарские вои были пожиже. В большинстве — молодняк. Несколько десятилетий братоубийственных гражданских войн основательно проредили воинское сословие Булгарского царства.

Только этим, да еще внезапностью, и можно было объяснить, что высадившаяся

русская пехота смогла существенно потрепать впятеро превосходящую числом, полностью экипированную латную конницу.

Потрепать, но не победить. Значительная часть болгарской кавалерии в битве вообще не участвовала. Духарев слышал, как трубят болгарские сигнальщики, и, даже не зная болгарских управляющих сигналов, отлично понимал, что происходит. Сурсувул пытается вывести из боя сохранившие какой-то порядок части, организовать их и ударить уже по-настоящему...

Духарев всё видел и слышал, но ничего не мог сделать. Его собственные гридни точно так же «утонули» в живой массе болгарской конницы. Только личная дружина Святослава справа и водительствоемые Икмором скандинавы слева продолжали ломить сквозь шеренги катафрактов...

Лошади бесились от запаха крови. Трофейный конь Духарева мотал головой в стальном налобнике. Он то бил задом, то норовил встать на дыбы. Сергей понимал, что надо как-то выбираться. Надо собрать своих гридней...

— Велим! — закричал он, углядев сотника своей личной гвардии. — Велим! Сюда!

И безжалостно погнал коня сквозь мешанину боя, по телам павших, рубя всё, до чего мог дотянуться. Через минуту, ценой невероятного напряжения, они соединились. И дело пошло веселее. Смятенные, измученные жарой и долгим ожиданием катафракты сами бросали оружие, когда видели над собой варяжские мечи. Сдавшихся не убивали и не вязали: предоставляли самим себе. Поднимаясь на стременах, Духарев видел, что подальше от берега не затронутые боем болгарские полки отходят и перестраиваются для новой атаки. Еще он видел, что высадившие их лодьи возвращаются с новыми воинами, а поверхность Дуная черна от множества переправляющихся вплавь... И тут первый снаряд прогудел над головами сражающихся и плюхнулся в воду.

Булгары наконец развернули и пустили в дело боевые машины. И машины эти были (какая удача!) совсем рядом.

— За мной! — проревел Духарев. — Клином!

Его дружина (сотен пять уже собралось, все — на трофейных лошадках), живо перестроилась, навалилась единой массой, прорвала дезорганизованное болгарское воинство, смела слабый заслон и навалилась на расчеты баллист и катапульт раньше, чем те успели обрушить на переправляющихся русов каменный град. С полсотни посекали, остальные бросились врассыпную, как куропатки.

— В круг! — заревел Духарев. — Вozy в круг! Живо!

Часть гридней, спешившись, принялась разворачивать телеги с припасом. Другие прикрывали: кто — клинком, кто — стрелами. Повезло: пара возов оказалась доверху нагружена амуницией для стрелометов. Для луков эти стрелы были не очень-то пригодны: тяжелые, неудобные, без оперения. Но для дистанции в тридцать-пятьдесят метров годились и они.

Несколько минут — и посреди смешавшихся болгарских порядков организовалась неказистое на вид, но вполне надежное укрепление из распряженных возов и уложенных помостами вoвне катапульт.

А когда углядевший это «безобразие» болгарский воевода бросил на него катафрактов, то оказалось, что взять импровизированную крепость не так уж просто. Русы ссаживали конных латников стрелами, выныривая из-под телег, секли ноги коням. Тех же, кто, спешившись, пытался влезть на баррикаду, быстренько успокаивали варяжские мечи и топоры.

А тем временем с русских лодий высаживались новые дружины. Эти уже не бросались сразу в атаку, а занимали оборону, чтобы обеспечить остальным безопасную высадку.

Булгары попытались скинуть их в Дунай, но поскольку вместо дружного удара тысяч латников в этой контратаке участвовали всего лишь сотни семь оказавшихся поблизости катафрактов, русы выстояли.

Духарев всего этого не видел. Не видел, как рвался к «ставке» Сурсувула железный

клин ближней дружины Святослава. Не видел, как переправившиеся угры закидали стрелами левый фланг болгарского войска. Не видел, как выбравшиеся на болгарский берег печенеги, вместо того чтобы вступить в битву, с ходу кинулись грабить обоз...

Духарев всего этого не видел, потому что весь обзор ему перекрыли наехавшие катафракты. Не менее полутора тысяч их скопилось вокруг импровизированной крепости, вокруг которой, помимо стены из возов и орудий, образовалась еще одна стена: из мертвых и раненых латников, убитых и бьющихся в агонии лошадей. Напирали крепко. Воеводе приходилось трижды откладывать лук и пускать в дело клинки.

Тетива лука порвалась, пришлось накинуть запасную. Но Сергей уже понял, что его маленькую крепость булгарам не взять. Их натиск ослабел, а потом и вовсе схлынул.

Воины утирали пот, перевязывали раны. Те, кто пободрее, тут же принялись обдирать доспехи с мертвых булгар.

Духарев вскарабкался на поваленную катапульту. Победа русов была очевидна. Булгарское войско отступило по всей «линии фронта». Лодьи были вытащены на песок, но на пологий берег всё еще продолжали выбираться всадники. Набитые соломой бычьи шкуры, с помощью которых они переправлялись вплавь, напомнили Духареву северные тюленьи лежбища.

А подальше от берега уже поднимались черные столбы дыма. Духарев подумал: печенеги безобразничают. Но позже оказалось, что селения подожгли сами булгары по приказу Сурсувула. Чтоб русам не достались.

— Коня мне! — спрыгнув в катапульты, приказал Духарев. — Стемид! Остаешься старшим. Пленных не добивать, ясно?

— Как скажешь, батька.

— Велим! Собери сотню. Поедем к князю.

Глава третья

Погоня

Великий князь киевский был доволен. Победа далась русам легко. А вот князь-воевода Свенельд радость Святослава не разделял: ведь большая часть болгарского войска уцелела и ушла к Доростолу¹.

— Я догоню их, великий князь! — заявил Тотош. — Дозволь?

— Иди, — разрешил Святослав. — Но твоих угров мало будет. С тобой пойдет... — Князь оглядел присутствующих, остановил взгляд на Духареве. — Как, воевода, твоих не очень потрепали?

— Не очень, — сказал Сергей. Преследовать булгар он не особенно рвался.

В отличие от молодежи: Тотоша, Икмора, Бранеслава, Свенельдичей... Может, потому и выбрал его Святослав.

— Тысячу Понятки тоже возьми, — распорядился великий князь. — Они за печенегами высаживались, в бою, считай, не были.

Первыми отходящих булгар догнали угры. Повисли на хвосте, осыпали стрелами. Катафрактов они, ясное дело, не остановили. Дорога к Доростолу прямая, широкая, еще со староримских времен. По обе стороны — сады, по кривой не объедешь.

¹ Этот древнефракийский город на Дунае, когда-то бывший римской колонией (Durostorum), назывался также: Доростолум, Дористол, Дристра (совр. Силистра). Славяне называли его Драстар, отправляясь от фракийского названия Драстра, сообщенного им местным населением. Во избежание путаницы я буду называть его Доростолом, поскольку в большинстве документов он фигурирует именно под этим именем.

— Наедем, батька? — Понятко уже давно в княжьих тысячниках, но всё равно звал Духарева «батькой»: из уважения к тем временам, когда ходил простым гриднем в духаревском десятке.

Сергей поглядел на поднимающуюся на взгорок сверкающую сталью и бронзой «гусеницу» болгарского ардъегарда, прикинул: тысячи две латников. Русов примерно столько же. Да еще угров тысячи две. От угров в рукопашной толку немного, но с боков пощипают.

— Йонах! — гаркнул Духарев. — Скачи к Тотосу. Скажи: как болгары через горку перевалят, мы на них сверху ударим. Пусть его всадники у нас под ногами не путаются.

Хузаренок умчался.

— Стемид, всё слышал?

— Всё, воевода.

Духарев поглядел назад. Его дружина шла первой, перед тысячей Понятки. На духаревских дружинниках железа поменьше, чем на болгарских катафрактах, зато опыта воинского побольше.

— А раз слышал — оповести сотников.

— Батька! — вмешался Понятко. — Дай моим первым ударить!

Духарев подумал немного... Согласиться или нет? Его гридни всё же поопытней. И экипированы лучше. Зато Поняткипа тысяча — свежая, злая...

— Ударь, — согласился он.

Понятко засмеялся, развернул коня и поскакал к своим.

Минут через десять духаревские гридни остановились и подались к правой обочине, пропуская Поняткиных всадников. Те бодренько рысили вверх по дороге, перекидывались шуточками с Серегинными дружинниками...

«Хвост» болгарской колонны достиг вершины взгорка...

Между ним и русами — метров пятьсот дороги, на которой вертелось сотни три угров. Остальные, рассредоточившись, мелькали между деревьями...

Вроде бы всё было нормально, но Духарев вдруг забеспокоился.

Привстав на стременах, еще раз огляделся. Дорога, уходящая вверх, ветви деревьев, обвисшие под тяжестью плодов. Первые сотки Поняткиной тысячи уже обогнали передовых Духарева шагов на двести...

И тут Сергей понял!

«Хвост» болгарской колонны уползал слишком медленно!

Да он вообще не уползал!

На вершине взгорка болгары остановились.

Остановились и...

— Дружина! Сомкнись! — разъяренным туром взревел Духарев. — Велим! Ко мне! Сейчас ударят! Велим!

Велимова охранная сотня в считанные секунды сошлась вокруг воеводы, перекрыв дорогу, ошестинившись копьями. Он слышал, как позади спешно перестраиваются остальные: свои и Поняткины, а наверху уже ревели трубы и болгарские катафракты, ошестинив длинные копья, начали свой страшный разгон.

Если бы можно было уйти с их дороги, пропустить мимо, засыпать стрелами, ударить вслед...

Поздно. Не успеть.

Дальше всё происходило очень быстро.

Не успевших убратся с дороги угроз лавина катафрактов снесла, не заметив. Две сотни Поняткиной тысячи, успевшие выйти вперед, подняли коней в галоп и устремились вверх, навстречу болгарским латникам.

Самоубийственный маневр. Катафракты сбросили их с дороги в считанные секунды.

— Стрелами! Бей! — закричал Духарев. Голос его потерялся в воплях, лязге и треске, но дружина и без того знала, что надо делать.

Дружный залп спешил сразу не менее полусотни катафрактов. Но лавину не остановил. Разогнавшаяся масса латников промчалась по бьющимся на камнях лошадям, по телам упавших и врезалась в плотный строй русов.

Духарев был в третьей шеренге, но длинное копьё прошло между двумя шеренгами гридней, ударило в щит Духарева и переломилось. Хруст древка утонул в грохоте боя. В следующую секунду Сергей обнаружил, что гридней впереди него больше нет, а в лицо ему летит еще одно копьё. Духарев пригнулся — копьё прошло над головой, зато другое угодило в шею коню и пронзило насквозь. И тут же закованный в железо конь катафракта врезался в духаревского жеребца, опрокинул его, оказался сверху (широкое копыто едва не угодило в шлем Духарева) и, развернутый напором задних рядов, повалился набок, выбросив своего всадника прямо на голову Духарева. Они рухнули под копыта атакующей конницы. Ноги Сергея были придавлены содрогающимся в агонии конем, на груди лежал оглушенный (или уже мертвый) болгарский катафrakt, и, когда волна латников накатилась на него, Сергей был совершенно беспомощен...

* * *

Пчёлко очнулся от боли в боку. Застонал, дернулся...

— Ишь ты, живой... — сказал кто-то. Рус, судя по выговору.

— Добей его, Угорь, — сказал другой. Тоже рус.

Пчёлко, он лежал на животе, лицом в землю, дернулся еще раз, но перевернуться не смог, потому что рус надавил ему на спину.

— Не-е... — ответил тот, кого назвали Угрём. — Воевода добивать не велел. — Рус возился со шнуровкой панциря. Каждое движение отзывалось болью в боку и голове Пчёлки. — Добивать не буду, а бронь возьму. Бронь воевода Серегей брать не запретил.

— А я саблю возьму, — сказал Бторой, отвязывая Пчёлкины ножны. — Сабля у него добрая. Вишь, каменья на рукояти.

Первый тем временем снял с Пчёлки панцирь.

— А может, все ж таки добить? — спросил второй. — Вишь, у него весь поддоспешник в крови. Всё одно умрет, чё бедняге мучиться?

— Не надо... — прохрипел Пчёлко. — Не надо добивать... Я воеводе вашему... Серегею... родич...

Произнося эту ложь, Пчёлко думал не о своей жизни: умри он, и хозяйка его, Людомила Межицкая, останется совсем одна... Эх, зря он все-таки встал под знамена Сурсувула. Негодный из Сурсувула полководец...

Сильные руки подхватили Пчёлку, перевернули. У болгарина от боли потемнело в глазах, а когда зрение вернулось, он увидел над собой двух русов: одного постарше, усатого, второго — совсем молодого, с гладким лицом.

— Ну-ка повтори, что сказал! — потребовал молодой.

— Я воеводе вашему Серегею — родич, — повторил Пчёлко, борясь с болью и тошнотой, держась лишь осознанием того, что его жизнь нужна Людомиле.

— Да ну? — насмешливо произнес молодой. — Слышал, Угорь? Ну-ка расскажи, какой он, воевода Серегей?

— Большой, — сказал Пчёлко. — Повыше меня на голову и в плечах пяди на две пошире. Лицо круглое, волос светлый, ходит, как рысь крадется...

— Всё правильно, — согласился тот, что постарше.

— ... Только родичей у него тут нет! — перебил младший. — Все знают: воевода пришел из кривской земли.

— Жена у него есть, — с усилием выдавил Пчёлко. — Сладислава... И брат у нее... У вас его Мышатой зовут... Я им родич... Я — Пчёлко Радович... Скажите воеводе... Он знает...

Лицо руса он теперь видел сквозь розовую дымку — только общий контур.

— Ну-ка, Угорь, бери его, — сказал молодой. — На моего коня сажаем...

Пчёлку подхватили и усадили на лошадь. От боли он на некоторое время впал в беспамятство. Очнулся, уткнувшись лицом в жесткую гриву. Лошадь под ним двигалась шагом. Молодой рус придерживал Пчёлку за пояс, чтоб тот не свалился.

— Терпи, болгарин, — сказал он. — Коли не соврал да не помрешь, саблю я тебе отдам. Негоже гридню родичей батьки своего обирать.

Пчёлке повезло. Лекарь русов так ему и сказал: повезло. Меч усатого руса вошел неглубоко — застрял в зазоре панциря, а рану тканью залепило, так что и кровью Пчёлко не истек. Бронь попорчена, на шлеме — вмятина, на голове — шишка, в боку — дырка. Но живой. Лекарь рану почистил, залепил целебной кашицей, напоил целебным отваром. Уложили Пчёлку рядом с ранеными русами. Молодой рус по имени Зван сказал Пчёлке:

— Спи пока. Воевода Серегей вдогонку за вашими поскакал. Вернется — скажу о тебе.

Глава четвертая

Были сборы недолги...

Духарева выручили фемные катафракты Калокира. Высадившиеся выше по течению всадники патрикия в бою не участвовали, но сразу двинулись к Доростолу. Хитрый патрикий решил: может, удастся войти в город под видом своих — ведь болгарские катафракты экипированы по образцу византийских.

Не получилось. Вернее, Калокир не рискнул присоединиться к болгарской коннице, втекавшей в ворота. А присоединился бы — что толку? С полутысячей — против нескольких тысяч Сурсувула. Знал бы патрикий, что в одном из возков, въезжавших в ворота Доростола, находится сам кесарь Петр, увезенный телохранителями с поля боя, возможно, и рискнул бы...

Но Калокир не знал. Поэтому он подождал, пока отступающее воинство пройдет по дороге (тысяч пять копий насчитал), да и двинулся в обратную сторону...

... И поспел как раз к началу атаки болгарского арьергарда.

И оказались болгарские катафракты сами в точно таком же положении, что и немногим ранее — русы. Конечно, херсонитов было меньше, и были они и не столичными, а фемными всадниками, но всё равно херсонесские ромеи были обучены намного лучше скороспелой болгарской конницы. Да и ударили они в спину увязшей в русских порядках болгарской тысяче.

В общем, когда Духарева извлекли из кучи мертвых тел, битва была закончена и практически все болгары перебиты. Но дело свое они сделали: удержали погоню и дали возможность Сурсувулу беспрепятственно уйти в Доростол.

В лагере русов Пчёлко провел пятнадцать дней. Воевода Серегей его признал и поведение своих гридней одобрил. Уехал болгарин, когда стало ясно, что рана начала подживать. Отпустили Пчёлку беспрепятственно. Более того, дали коня и вернули саблю: гридень Зван сдержал обещание. Еще Пчёлке дали медную бляху, на которой была оттиснута печать великого князя киевского. Эту бляху надлежало показывать при встрече с русами и их союзниками: уграми и печенегами. Бляху Пчёлке добыл воевода Серегей.

— Хозяйку свою береги, — сказал он на прощанье. — Я приеду — проверю.

— Приезжай, — без особого восторга сказал Пчёлко. — Людомила рада будет.

Эх, будь Сергей простым варягом, поехал бы с Пчёлкой в Межич. Крепко зацепила его болгарская боярышня.

Нельзя. Он — воевода. У него дружина, обязательства перед великим князем...

Через три дня, частью — сушей, частью — по Дунаю, войско Святослава подошло к

Доростолу. С первого взгляда было ясно, что войти в этот город будет нелегко. Широкая дорога упиралась в могучие ворота. Естественно, запертые. Из высоких привратных башен русов тут же поприветствовали каменными гостинцами. Пришлось остановиться на подобающем расстоянии. То же — и флоту. Крепостная стена подступала к самому берегу, и орудия на ней метали снаряды на полкилометра.

В общем, проблема.

Еще одна проблема — копченые. Дисциплины никакой. Разбежались по окрестностям, как крысы по помойке. И для угров дурной пример. Печенеги грабят, и этим тоже хочется. А уж армию кормить при таких союзниках — задача сложнейшая. Придут Святославовы фуражиры в деревеньку, а вместо деревеньки — пепелище да разлагающиеся трупы смердов. Или проявит Святослав милосердие, пленников отпустит — так копченые большую часть переймут, обдерут да зарежут.

Прежде чем брать Доростол, следовало навести порядок в собственном войске.

Хитроумный Свенельд придумал: первым делом надо копченых между собой посорить. Племена Хапон и Воротолмат особой вражды друг к другу не питали. Но когда хан Кошту узнал, что хан Гюйче получил подарок от болгарского кесаря, — обиделся хан Кошту. Почему Гюйче дали, а ему — нет?

А Гюйче Свенельд намекнул: мол, хочет киевский князь землю близ Доростола хану Кошту подарить. Тогда сады и поля окрестные могут ему на прокорм достаться.

Не факт, что можно было удержать печенегов от безобразий даже и на собственной земле. Но чтобы на ней разбойничал кто-то другой — ну уж нет! Ханы копченых моментально перегрызлись.

«Пришлось» Святославу их мирить. Он их и помирил — отправил в глубокий рейд: в направлении болгарской столицы — подальше от дунайского побережья.

Пока русское войско сидело под стенами Доростола и решало проблему союзников, в голове Духарева созрела интересная мысль, которую он и изложил своему князю.

Мысль была такова. Духарев берет сотню гридней из своей дружины, переодевает их катафрактами (трофейных броней хватало с избытком) и совершает разведывательный поход по тылам противника. Надо понять, что в стране творится. Может, пока они тут сидят, кесарь Петр еще одно войско собирает?

Святославу идея понравилась. А вот то, что воевода намерен самолично возглавить разведотряд, великий князь не одобрил. Но Сергей проявил настойчивость — и Святослав уступил. Правда, у Духарева сложилось мнение, что разговор о будущем рейде еще не закончен. Что-то такое мелькнуло в глазах Святослава... креативное.

К походу Духарев готовился тщательно. Взяв за основу Велимову охранную сотню, дополнил ее лучшими разведчиками, в числе которых оказались Зван и Угорь. Еще Духарев привлек одного из сопровождавших войско маркитантов, киевлянина по прозвищу Плешок. Посулил купчику представить его своему названному брату и родичу Мышате. В понятиях века, в котором был рожден Духарев, это было эквивалентно обещанию рекомендовать владельца уличного ларька председателю правления крупного банка. Плешок был нужен. Молодой оборотистый купчик уже бывал в Булгарии и имел кое-какие связи. Эх, сюда бы самого Мышату-Момчила...

Но Сладин братец был далеко. Полгода как отбыл в Западную Европу. Духарев подозревал: не просто так, а с поручением от княгини Ольги к германскому императору Оттону.

Был еще один человек, на которого Духарев положил глаз: младший командир-катафрактарий Дементий.

С этим парнем Духарев познакомился недавно, Дементий был одним из тех, кто излекал Духарева из-под убитой лошади, а потом навестил в «госпитальном» шатре: узнать, как здоровье.

Духарев считался среди русов третьим по значению воеводой, и практичный грек решил, что знакомство может оказаться полезным.

А Духарев, в свою очередь, решил, что ему может быть полезен Дементий, который, до того как стать фемным катафрактом, шесть лет служил в Преславе, в гвардии кесаря Петра. Но чтобы заполучить Дементия, нужно было договориться с Калокиром.

В отличие от русов и степняков, предпочитавших ночевать в шатрах, а то и вовсе под открытым небом, ромеи любили иметь над головой деревянную или хотя бы соломенную крышу. Поэтому катафракты встали лагерем не в поле, а заняли деревеньку километром ниже по течению от Доростола. Обустроились основательно. Окружили деревню рвом и невысоким частоколом, сооружение которого стоило местным жителям большей части хлебов и сараев. Зато это был первый населенный пункт в окрестностях Преславы, который не покинули жители. На территорию, занятую херсокекскими катафрактами, не совались ни Хапон, ни Воротолмат, ни другие копченые.

Калокир принял Духарева радушно. Раньше их отношения были несколько напряженными. Калокир претендовал на лучшее место за столом Святослава, а на лучших местах уже сидели другие, в частности Духарев. Вдобавок с начала похода и до последнего времени воевода был неизменно удачливее и успешнее патрикия. Но, после эпизода на доростольском тракте Калокир стал относиться к Духареву заметно теплее. Сергей уже не раз замечал, что спасший чужую шкуру испытывает к спасенному даже большую привязанность, чем хозяин шкуры — к своему спасителю.

— Как себя чувствуешь, воевода? Присаживайся.

Патрикий Калокир двигался мягко и плавно, и русские слова выговаривал тоже мягко и плавно. О таких говорили: мягко стелет...

— С твоей и Божьей помощью — лучше, чем могло быть, — по-ромейски ответил Духарев.

— Вина? — тоже по-ромейски предложил Калокир.

— Не откажусь.

Слуга наполнил кубки.

— В Мисии вина немногим хуже наших, — заметил Калокир.

Духарев не стал уточнять, имелась ли в виду продукция византийских или крымских виноделов.

— У меня к тебе просьба, патрикий...

— Это так по-варяжски: сразу — к делу, — Калокир засмеялся. — Ладно, выкладывай свою просьбу.

— Отдай мне на пару недель опциона Дементия, того, что служил в гвардии Петра.

— Зачем он тебе? — осведомился Калокир.

— Собираю компанию для небольшой прогулки.

— Разведка? — Калокир приподнял бровь. — Великий князь не доверяет разведчикам-печенегам?

— Как можно доверять печенегам? — удивился Духарев. — Впрочем, это была моя идея. Мне, благородный патрикий, скучно сидеть на одном месте, а здесь, под стенами Доростола, чувствует мое сердце, придется сидеть долго.

— Твое сердце, храбрый воевода, ошибается. Ставлю фунт серебра, что мы войдем в Доростол не позже чем через двадцать дней.

— Принимаю, — ответил Духарев. — Уверен, нашим машинам минимум два месяца придется возиться с этими стенами.

— Не в стенах крепость — в их защитниках, — произнес Калокир. — А защитники Доростола не станут особенно упираться, если великий князь пообещает обойтись с ними милосердно.

— Но в Доростоле — Петр! — воскликнул Духарев. — И патриарх!

— Кесаря Петра в Доростоле нет, — с удовольствием сообщил Калокир. — И дворец патриарха болгарского тоже лишился хозяина. Они, скорее всего, уже в Преславе.

Вот так сюрприз!

— Уверен?

— У империи здесь немало доверенных людей. Я знаю кое-кого из них.

Ну да, естественно.

— Кесаря Петра увезли в Преславу, — сообщил Калокир. — Кесарь болен. С ним случился удар, что неудивительно для человека его возраста. Сурсувул — с ним. И патриарх. Церковную казну они тоже увезли. Но все это было проделано втайне. Люди в Доростоле думают, что кесарь и патриарх — с ними. Когда они обнаружат, что покинуты, то, скорее всего, откроют ворота сами.

— Святослав знает?

— Еще нет. Ты — первый, кому я рассказал.

Калокир был очень доволен. Всю дорогу они с воеводой соревновались: у кого лучше шпионы. Этот этап соревнования Калокир, безусловно, выиграл.

— Где мой фунт серебра? — поинтересовался он.

— Доростол еще не взят.

— Ты мне не веришь?

— Верю. Просто напоминаю условия спора.

— Если тебя убьют мисийцы, кто заплатит мне выигрыш?

— Дай мне Дементия — и вероятность того, что меня убьют, станет меньше.

— Вероятность — меньше? — не понял патрикий. — Говори лучше на языке русов. Твой ромейский не очень хорош.

— Дай мне Дементия — и тогда я скорее верну тебе долг.

— Дам, — кивнул Калокир. — Если он согласится.

Дементий согласился.

— Ты мне должен! — напомнил Калокир.

— Должен, — признал Духарев.

Разумеется, речь шла не только о таком пустяке, как фунт серебра. И Сергея вполне устраивало, что это он должен патрикию, а не наоборот. Ромеи склонны избавляться от тех, кому должны, но своих должников берегут. Иначе с кого потом долги получать?

У Калокира, имеющего выходы на византийскую «разведсеть» здесь, в Булгарии, куча возможностей нагадить воеводе Серегею.

Утром следующего дня малая дружина Духарева покинула окрестности Доростола. Воинам предстояло пройти не одну сотню километров по вражеской территории. И никто, включая самого воеводу, не имел представления, каким путем они двинутся. Зато воевода знал, где будет конец маршрута. В Преславе.

Прошлым вечером у Духарева состоялся приватный разговор с великим князем.

Глава пятая

Тайный посол великого князя

Богатая страна — Булгария, бывшая провинция Римской империи. Не второй, Восточной, называемой Византией, а первой, Великой, той, что была — от Британии до Африки.

Была. Новые ромеи, восточные, со столицей в Константинополе, помельче. Но тоже — империя. И тоже хотели бы сделать Булгарию-Мисию своей провинцией. И план у императора Никифора был толковый. Сокрушить армию болгарского царя мечами киевского князя Святослава. И «расплатиться» за эти мечи болгарской же территорией: придунайскими землями.

«Разделим Булгарию пополам», — устами своего посла Калокира предложил константинопольский кесарь.

Придунайские земли — жирный кусок. Тучные пашни, торговые пути, старые, но крепкие цитадели... Которые еще предстоит взять. Но покорителю Итиля и Саркела такая задача — по силам. Никифор знал, что Святослав согласится. Он неплохо изучил великого князя россов. И стратегом император Никифор тоже был неплохим. Понимал, что занять эти земли Святославу будет намного легче, чем удержать. Слишком далеко они от его вотчины, той, где — корни, питающие силу россов.

Кесарь Никифор не собирался отдавать половину Булгарии Святославу. Он был намерен взять ее целиком. Пусть россы и болгары обескровят друг друга, а потом придет в Булгарию ромейское войско и «замирят» противников. И станет Булгария византийской провинцией. А если россы не захотят убраться, то имперский флот войдет в Дунай и в наказание сожжет корабли варваров. И тогда уж император подпишет с катархонтом Сфендославом такой договор, какой пожелает. А станет упорствовать Сфендослав, так договор можно и с каким-нибудь другим варваром подписать.

Таким был план кесаря Никифора, но у патрикия Калокира имелись собственные планы, поэтому он и выложил весь замысел императора Святославу. Тот не удивился. И так ясно, что ромеи блюдают договоры только до тех пор, пока противник силен. Тоже неудивительно. Так же и нурманы поступают, и многие другие. Не исключая и самого Святослава. А как иначе? Ну да, подписывая уложение, стороны непременно призывают в свидетели богов. Каждый — своих. А свои боги, ясное дело, не станут сердиться, если чужих богов и тех, кто им поклоняется, немного потеснят.

У Святослава тоже был собственный план. Которым он и поделился со своим воеводой, прежде чем отправить того в рейд.

План Святослава был — под стать планам ромейского императора. Обустроиться на дунайских берегах: в Доростоле, в Переяслазце и прочих болгарских крепостях и ждать, пока ромейский кесарь заплатит обещанную денежку. Если не заплатит, двинуться дальше, занять Булгарию, по возможности мирно, может быть, даже оставив болгарскому кесарю малую толику власти, затем пройти через перевалы в империю и взять во Фракии и Македонии то, что недоплатил император. А там, если Калокир не соврал и у него действительно есть сильные друзья в Константинополе, очень может быть, что Святославу удастся сделать то, что не удалось Олегу. Войти в ворота Града Кесарей. Не силой, конечно. Силой такую цитадель не взять. Но есть одна идея...

— Ты хочешь посадить Калокира на византийский трон? — спросил Духарев.

Святослав усмехнулся, поскреб заросший щетиной затылок (бриться великому князю было некогда), сказал:

— Хакан хузарский, хакан болгарский, хакан ромейский... Мне нравится, как это звучит. Калокир мой младший побратим. Я сделаю его императором ромеев, и тогда император ромеев станет моим младшим братом.

Духарев мог бы возразить. Даже если всё выйдет так, как хочет Святослав, вряд ли Калокир захочет быть вассалом киевского княжества. Повелитель Восточной Римской империи Калокир — это совсем не тот человек, что патрикий Калокир.

Но говорить об этом Святославу не стоит. Бессмысленно. Поэтому Сергей спросил только:

— А если Никифор заплатит, ты ведь тоже нападешь на ромеев?

— Ромеи воюют золотом, — сказал великий князь киевский. — Чем меньше у них останется золота, тем легче будет согнуть их под колено. Но воевать с булгарами я не хочу. Кесарь Петр — слаб и болен. Сурсувула здешние боляре ненавидят. У этой земли нет хозяина. Я возьму ее и сделаю сильной.

— Тогда уйми копченых, — посоветовал Духарев. — Пока они не выжгли половину Булгарии.

— Я уйму их, когда Преслава откроет мне ворота, — сказал Святослав. — Чем больше будут ненавидеть печенегов, тем больше будут любить меня. А копченые мне нужны. Они пойдут со мной во Фракию. А ты... — Святослав понизил голос, чтобы его не слышал никто,

даже доверенные гридни стражи, — ... ты должен найти главного жреца булгар и встретиться с ним. Вы оба поклоняетесь Христу, вам легче будет договориться.

— Калокир тоже христианин, — заметил Духарев.

— Калокир — ромей.

Ну да, Святослав прав: византийское духовенство и духовенство болгарское никогда не ладили.

— Хорошо, — сказал Духарев. — Я встречу с болгарским патриархом. Если сумею.

— Ты сможешь, — сказал великий князь. — Не помню такого, чтоб воевода Серегей что-то хотел — и не смог.

Вышли утром. В доспехах катафракт, но двуоконь. И луки степные тоже не прятали.

Страшная вещь — степные луки. Спустя два с половиной века монгольские тумены с блеском продемонстрируют превосходство степного оружия и степной тактики над оружием и тактикой европейскими. Но уже в веке десятом воин-степняк из своего составного лука показывал результаты получше, чем много позже — шервудские разбойнички Робина Гуда.

«Формальным лидером» своей переодетой дружины Духарев назначил Дементия, пожалуй, единственного в его отряде, выглядевшего настоящим катафрактом. В остальных, не исключая и самого Духарева, наметанный глаз тут же ппизнал бы ряженных. Одной «высокой» степной посадки хватило бы. Оставалось надеяться, что «наметанных» глаз в Булгарии нынче было не так уж много. Очень жалел Духарев, что отпустил Пчёлку. Вот бы кто пригодился. И катафракт со стажем, и болгарин природный...

— Что смурной, батько? — поинтересовался Йонах, поравнявшись с воеводой.

Духарев недовольно покосился на парня, но фамильярность стерпел. Хузарин. Что с него возьмешь? У них там по жизни — никакой субординации. Каждый в потенциале считает себя хаканом. Потому-то последние итильские хаканы и предпочитали византийских иудеев их хузарским единоверцам... За что и поплатились.

Глава шестая

Политика и стратегия в десятом веке

Ромей Калокир выиграл свой спор с варягом Серегеем.

Доростол пал. Вернее, сдался.

Город, способный выдержать многомесячную осаду, сам открыл ворота завоевателям. Правда, в обмен на обещание, что грабежей не будет.

Святослав слово сдержал. Городскую старшину, которая и приняла решение открыть ворота, никто и пальцем не тронул. Не обидели и тех, кто победнее. Хакан русов занял дворец патриарха, принял уверения в верности, попиrowал денек и отбыл покорять другие крепости. В Доростоле остался гарнизон: четыре большие сотни из гридней полоцкого князя под предводительством духаревского друга Устаха. С горожанами завоеватели обращались вежливо, сверх назначенного кормления ничего не требовали и даже поучили маленько сунувшихся в Доростол печенегов, после чего те отправились озоровать в другое место. Правда, в городе немного изменились законы и судья: судил теперь тысяцкий Устах. Судил строго и не по закону кесаря, а по варяжской правде. Зато взятки не брал, только виру.

Честность Святослава окупилась. Многие болгарские города и городки, узнав, что киевский князь держит слово, и не уверенные в своей способности отразить русов, последовали примеру Доростола. Придунайские крепости сдавались одна за другой. Они стояли, пока вокруг вилась легкая степная конница, а когда подходило главное войско русов с осадными машинами — сами открывали ворота. Будь в Булгарии крепкий кесарь, может, и

поупирались бы, а так...

Воеводы уговаривали Святослава скорее идти на Преславу, но, вопреки собственному обычаю стремительных бросков и внезапных ударов, великий князь киевский не спешил. Занимал приречные крепости, организовал нечто вроде ставки в дунайском Переяславце, городке, к которому сходились многие торговые пути. Выжидал.

А между тем вся Булгария лежала перед русами как печеный лебедь на блюде. Бери и ешь.

Воеводы и союзные князья удивлялись. Пытались узнать, почему Святослав медлит. Но великий князь киевский отмалчивался. И всё больше времени проводил с патрикием Калокиром.

А через некоторое время кое-что выяснилось. На красивой ромейской галере к Святославу прибыли посланцы византийского кесаря Никифора Фоки.

О чем послы говорили с великим князем, неведомо. Но после их отбытия Святослав призвал двух воевод — Икмора и Щенкеля черниговского, велел поднять десять тысяч гридней и быстрым маршем идти к Преславе.

— Вы должны быть в Преславе раньше царевичей Бориса и Романа, сыновей Петра.

— Никифор их отпустил? — спросил Икмор. Всем компетентным лицам было известно, что царевичей держат при императорском дворе в качестве заложников.

— Отпустил.

Плохая новость. Сейчас в Булгарии — безвластие. К Сурсувулу доверия нет. Кесарь Петр — на смертном одре. Но его сын Борис — законный наследник. Вокруг него могут сплотиться враги русов.

Впрочем, разделять и властвовать — это как раз в духе византийской политики. А вот зачем сообщать русам об этой явно враждебной акции?

— Это что, послы ромейские тебе сказали? — Удивился Икмор.

— Послы-то как раз помалкивали, — ответил Святослав. — Но у Калокира среди посольских надежный человек имеется. От него и узнали.

— Что еще сообщил «надежный человек»? — спросил Икмор. — Как у кесаря ромейского дела в Азии?

— В Азии — хорошо. Там у него сильный воевода — Иоанн Цимисхий.

— Это плохо, — заметил Икмор.

— ... зато в Константинополе дела нехороши. Голодно в Константинополе. И недовольство среди смердов. Да и бояре ромейские ропщут от поборов кесарских. И всё равно, говорят, казна кесарская пуста.

— А вот это уже хорошо, — одобрил Икмор.

— ... но о казне послы сказали, — уточнил Святослав. — Мол, обнищали. Потому никак не может кесарь ромейский по достоинству меня одарить. А вот человек Калокира говорит: кесаревичам болгарским золото в дорогу нашлось. И жены для них нашлись — кесаревны ромейские, — Святослав недобро усмехнулся.

Воеводам неведомо, но князь знал: Ольга хотела для Ярополка невесту-кесаревну, — и ей было отказано.

— Большое войско с царевичами идет? — поинтересовался Икмор.

— Не думаю, что большое. Но Преславу оборонить — хватит.

— Да, Преслава — сильная крепость, — согласился Икмор. — Я так понял, княже: нам надо осадить город и не пропустить в него царевичей, верно?

— Нет, не верно! Ты как меня слушаешь? — сердито произнес Святослав. — Я сказал: войти в Преславу раньше царевичей!

— Не получится, — Икмор покачал головой. — Я преславские стены видел. Только воев погубим. Прости, батька, но я своих гридней с ровного поля на преславские стены не погоню. Надо в правильную осаду вставать. Пока машины подтянем, пока соберем, пока бреши пробьем или ворота завалим... Так и до осени можно провозиться.

— Верно воевода говорит! — тут же подпел Щенкель. — Не осилить нам, княже. Вон

под Саркелом ты всем войском сколько дней простоял? А тут мы вдвоем. Преслава-то покрепче Саркела будет.

— Доростол — тоже, — напомнил Святослав. — Да и не вдвоем вы будете, а втроем.

— А третий — кто?

— Серегей.

— Разве он вернулся? — удивился Щенкель. — Дружина его здесь, а самого воеводу я с новолуння не видел.

— Я его в Преславу послал, — сказал Святослав.

— Как это? — удивился Щенкель. — Одного, что ли, без дружины?

Щенкель был отличным воином, но вне битвы соображал довольно медленно. А Икмор уже сделал выводы.

— Пошли, черниговец, — сказал он. — Будет обидно, если Серегей откроет ворота Преславы, а нас поблизости не окажется. Тогда нам уже не десять, а тридцать тысяч воев потребуется.

Святослав не стал разубеждать Икмора. Он тоже бывал в Преславе и знал: если горожане затворят ворота, даже пятидесяти тысяч воев будет недостаточно, чтобы порушить ее стены. Когда отец кесаря Петра Симеон перенес сюда столицу, он знал, что делал. Но Святослав очень надеялся, что воевода Серегей справится. А не справится, тогда — плохо. Без Преславы в Булгарии Святославу не удержаться. Подмоги ждать неоткуда. До киевских земель — далеко. Печенеги ненадежны. Хузары? Тем самым обороняться надо. Угры и иные союзники разбегутся, как только почуют приближение сильного врага. А сильный враг — не замедлит. Войдут ромейские галеры с огненным боем в Дунай — и всё. Перекроют реку, пожгут флот. Эх, было бы у Святослава года два-три в запасе, чтобы укрепиться на завоеванном, освоить хузарские и иные земли, поставить крепости, укрепить хотя бы днепровские волокы... Но как было отказаться от такого случая? Ромеи сами отдали ему Булгарию, своего союзника. Сами! Перун молниерукий! Святослав просто не мог отказаться от такого куска. Знал, что это может оказаться ловушкой. Знал! Ведал, что одной своей силой ему Булгарию не удержать, Доростол сдался — повезло. Придунайские крепости тоже — двойная удача. Но если устоит Преслава, тогда Плиска, Диния, Констанца и другие крупные болгарские города последуют ее примеру. Каждый замок станет оплотом сопротивления. Святослав не сможет держать их в осаде. Воинов не хватит. И всё, конец. Кесарю ромейскому останется лишь подождать, пока русы увязнут покрепче, а потом перекрыть Дунай и ждать, когда Святослав и Борис порвут друг друга. И кто бы из них ни победил, приз достанется ромеям.

Вот почему Святославу так нужна покоренная Булхария. Послушная Булгария. Союзник. Бот почему так много зависит от того, сумеет ли воевода Серегей договориться с патриархом. Если не сумеет, единственный разумный выход для русов — покинуть Булгарию. Но Святослав знал, что этот выход не для него. Великий князь киевский не умел отступать. Не успел научиться.

Было еще кое-что, о чем Святослав не сказал своим ближним. Послы Никифора привезли Святославу вместо обещанного золота «щедрое» предложение: взять себе завоеванные князем придунайские земли. Константинополь милостиво разрешал Святославу взять то, что и так ему принадлежит. А за это великий князь должен был ограничить свою экспансию.

— Ты знаешь своего кесаря, — сказал Святослав Калокиру. — Он что, настолько глуп, что надеется остановить меня куском испанского пергамента? Где обещанное золото?

— Никифор не глуп, — возразил патрикий. — Он не думает, что пергамент может тебя остановить. Но он и не думает, что тебя остановит золото. Только — ожидание золота. Я знаю его мысли. Ты не получишь золота, князь. Ведь полученное золото ты превратишь в новых воинов — и обратишь их против Константинополя, разве нет?

Святослав молча смотрел на ромея. Тот был безусловно прав.

Если бы Никифор прислал золото, он показал бы свою слабость. Его ход — хитрее.

Полоска придунайских земель слишком далека от Киева. И слишком мала, чтобы стать новым оплотом русов.

— Ты силен, — сказал Калокир. — Тебе незачем выполнять условия вашего договора. Потому он дал золото твоим врагам. Они сделают тебя слабее, и тогда уже у Никифора не будет необходимости выполнять обещания. А кусок пергамента, как ты верно заметил, это всего лишь кусок пергамента.

— Ты одобряешь действия своего кесаря, или мне это только показалось? — прищурившись, осведомился великий князь.

— Конечно, — не раздумывая, ответил патрикий. — На его месте любой поступил бы так же.

— И ты?

— И я. Но, мой князь, ты же знаешь, что я больше не служу Никифору. Я лишь делаю вид, что ему служу. Помоги мне войти победителем в Золотую Палату — и я отдам тебе Булгарию.

— Булгарию я возьму сам, — проворчал Святослав. — А потом приду к вам, ромеям, и возьму то, что не захотел заплатить мне Никифор. И сделаю то, что не сделал Олег Вещий, — возьму вашу столицу.

— Это невозможно, мой князь, — возразил Калокир. — Константинополь — это не Доростол. И далее не Преслава, которую ты, заметь, пока еще не взял. Константинополь неприступен. Взять его измором тоже невозможно. Ты можешь подойти к его стенам, как это сделал ваш князь Олег. Ты можешь разграбить окрестности и сжечь предместья. Но потом придут войска из провинций, придет из Азии Иоанн Цимисхий, этот маленький бог войны — и уничтожит тебя и твою рать. Константинополь не победить так, как ты привык побеждать.

— Предложи другое, — Святослав знал, что Калокир ничего не говорит понапрасну. — Или ты уже не хочешь стать кесарем?

— Хочу. И стану. Если ты, мой князь, мне поможешь.

— Говори!

Калокир некоторое время колебался: стоит ли открывать карты? Если удача изменит Святославу, то патрикий всегда может вернуться обратно к своим. Его примут с честью, ведь всё будет выглядеть так, будто он, как и задумано Никифором, заманил архонта русов в ловушку.

Но если Никифор как-то узнает о той ловушке, которую готовил сам Калокир...

Но откуда ему узнать? Вряд ли Святослав поведаст ему об этом. А Святославу рассказать необходимо. Без него весь замысел Калокира не стоит и медяка.

— Хорошо, — сказал патрикий. — Я расскажу тебе, как взять Константинополь. Сначала всё будет так, как ты сказал. Мы... То есть ты возьмешь Булгарию и перевалы в горах. Потом спустишься во Фракию и возьмешь там всё, что пожелаешь.

Никифор не сможет тебе препятствовать, потому что у него не так много верных войск, и они нужны ему в Константинополе, где его не любят.

А потом в Константинополь отправлюсь я в сопровождении тысячи твоих доверенных воинов и скажу, что ты готов заключить мир. Но заключать его ты желаешь лично с кесарем Никифором.

Никифор не трус. Он согласится. Но оставит меня в Константинополе, заложником. Меня и твоих воинов.

Но я — из партии Никифора. Среди его сторонников много моих друзей. И друзей твоей матери Ольги, которая не зря столько лет раздавала им серебро, подаренное ей императором. И еще есть дворцовая гвардия, которая служит честно, но почти наполовину состоит из таких же воинов-северян, какие служат тебе. И еще — народ, который ненавидит Никифора из-за жадности его брата Льва. Стоит Никифору покинуть город, как верные нам люди тотчас разожгут пламя бунта. Конечно, гвардии ничего не стоит разогнать толпу черни. Но если во главе черни встанут твои воины, а гвардейцам будет обещано увеличение жалованья, я уверен, они перейдут на мою сторону. И город станет моим. То есть — нашим,

— быстро поправился Калокир, заметив недовольство Святослава. — И если Никифор вернется, его встретят закрытые ворота и неприступные стены. Только он не вернется.

— Почему ты так думаешь? — спросил Святослав.

— Потому что ты его убьешь.

Святослав хотел возразить, но Калокир не дал, продолжал с жаром:

— Ты убьешь его как нарушившего клятву! И заберешь золото, которое он привезет! А когда я стану василевсом Византии, клянусь, ты получишь всё, что пожелаешь.

— Хорошо, — сказал великий князь. — Я подумаю над тем, что ты сказал.

План, предложенный патрикием, ему понравился. Особенно понравилось то, что внутри столицы Византии окажется тысяча русов. Святослав пошлет вместе с ними воеводу Серегея и свей Гуннара Волка. Эти двое терпеть не могут друг друга, но достаточно хитры и изворотливы, чтобы договориться с наемниками кесаря не хуже, чем ромей Калокир.

Калокир — побратим князя. Но он — ромей. И сам только что сказал: ни к чему выполнять обещания, данные слабому. Тысяча верных гридней и по крайней мере столько же гвардейцев — нурманов, данов и русов, подкупленных Калокиром, — и у нового василевса Византии не будет причин не выполнить обещанное.

— Я подумаю, — сказал Святослав. — Пока то, что ты говоришь, мне нравится. — Но сначала нам надо взять Преславу.

— Ты ее возмешь! — заверил Калокир. — Ты сравнишь с землей ее стены и разберешь по камешкам дворец болгарских кесарей! Пусть внуки Симеона возвращаются в Плиску².

— Спасибо за совет, — проворчал Святослав.

У него были совсем другие планы относительно нынешней столицы Болгарии.

Глава седьмая

Великая Преслава

Когда Пчёлко приехал в Преславу, город готовился встретить русов.

В столице уже знали, что Доростол пал. Русов у стен болгарской столицы пока не было. Но их ждали. Печенежские и угорские разъезды шатались по окрестностям, грабили и безобразничали. Отпор им дать было некому: в боярских дружинах многие полегли на дунайском берегу. Оставшиеся держались ближе к замкам и к воинским подвигам не стремились, так что разбойники чувствовали себя привольно.

Но захватить Преславу не пытались. Понимали — не по зубам.

По дороге домой Пчёлко на степняков вдосталь насмотрелся. Его, впрочем, не трогали. Если останавливали — показывал Святославу печатку, и от него тут же отставали.

В Преславе Пчёлко задержался. Остановился у родича. Решил: день-два надо отлежаться. От долгой скачки открылась рана.

Родич поделился слухами. Говорят, ромейский кесарь дал сыновьям Петра большое войско, и теперь они придут и разобьют русов.

Пчёлко в это не верил. За то время, что провел он в русском лагере, Пчёлко успел не только узнать о том, что это ромейский кесарь нанял русов, чтобы напали на Булгарию, но и увидеть ромейских катафрактов в войске Святослава. Сомнительно, чтобы кесарь Никифор сам от своих оборонялся.

Были и хорошие новости: по словам родича, отряды степняков дальше Преславы не

² Столица Болгарии была перенесена царем Симеоном из Плиски в Преславу в 893 году.

заходили, так что до Межича война еще не добралась. Зато ходили слухи о том, что вновь подняла голову богумильская ересь. Схизматики открыто бродят по стране, смущая смердов дьявольскими посулами. Собираются ватагами, предаются всевозможным грехам, совокупляются без разбора, надевши личины, чтоб неведомо было, кто с кем был. И многим это прельстительно. А тем, кто побогаче, любо, что призывают богумилы отдельно от государства жить и податей не платить: мол, нечего воинов кормить, которые тебя же потом и угнетать будут.

В общем, зараза. Пчёлко знал, как ее лечить. Мечом. Года два назад Пчёлко зарубил одного такого ересиарха, и больше в Межич богуглилы не совались.

На четвертый день родич принес новость: войско киевского князя — в трех поприщах от Преславы.

Столица готовилась к обороне, но как-то вяло. Зачем? Кабы это был просто налет степняков (пришли и ушли), или хотя бы оставалась надежда на подмогу — дрались бы. Но помощи ждать — неоткуда. Царь Петр при смерти. Кесаревич Борис? Допустим, он действительно идет к Преславе с ромейским войском... Так ведь еще неизвестно, кто хуже — русы или ромеи.

Некоторые пытались бежать... Почти всех переняли степняки. Часть беглецов вернулась обратно. В одном исподнем. Большинство сгнуло.

Возглавить оборону было некому. Сильных бояр в столице не было — все разбежались по своим замкам. Городская старшина в Великой Преславе всегда была на побегушках у царя. Из весомых людей в столице остался только патриарх. Он разок-другой в соборе призвал столичных жителей дать отпор язычникам. Но народ воодушевить не сумел. Да и не пытался.

На пятый день Пчёлко покинул столицу.

А через полпоприща его остановили конные. Угры.

Пчёлко сразу показал бляху с печаткой.

— Куда едешь? — на языке русов спросили его.

— С поручением от воеводы Серегея, — привычно ответил Пчёлко.

— Езжай.

Воеводу Серегея знали и угры, и печенеги.

Правда, ни угры, ни печенеги не ведали, что как раз в это время воевода Серегей во главе сотни гридней, ряженных катафрактами, въехал в ворота болгарской столицы. Никто не заподозрил в них врагов, наоборот — приветствовал и с радостью. Подмога.

От Доростола до Преславы — семь поприщ. Духаревский отряд прошел их двуоконь за четыре дня. Могли бы и быстрее, но пару раз задержались, натолкнувшись на большие отряды печенегов. Объяснить им, что, мол, «свои», было невозможно. Завидев «врага», степняки с ходу осыпали его стрелами. И очень удивлялись, когда «враг» отвечал тем же, причем с ничуть не меньшим искусством. Удивлялись и убивались восвояси. Вокруг было полно «дичи», которая не отстреливалась. Тем не менее в этих стычках было потеряно время, и Духарев с Пчёлкой разминулись.

Преслава выглядела очень основательно. Сергей прикинул, что толщина ее стен — более двух метров³. Перед такой твердыней пасовали даже тяжелые стенобитные орудия.

Сергей со своими гриднями въехал в северные ворота столицы. С такими воротами осаждающим придется повозиться. Толстенные створки из дуба, сплошь зашитые в железо снаружи и укрепленные металлом изнутри, снабженные тремя литыми засовами, а также простым, но надежным механизмом, позволяющим дюжине стражей, как только в пределах видимости появится вражеское войско, в считанные секунды затворить и укрепить створы

³ Как показали археологические раскопки, высота внешней стены Преславы составляла 3,35 м. По гребню ее шла платформа с частоколом.

так, что потом можно будет сутками колотить в них «бараньей головой»⁴ без всякой надежды на успех.

Надо полагать, что южные ворота северным не уступят.

Но для обороны одних стен мало. Нужны еще те, кто будет их защищать. Нужно войско, готовое драться, спаянное дисциплиной, уверенное в собственной силе. Такое войско было. У ворот, внутри и снаружи, отиралось изрядное количество вооруженных болгар. Но количество в данном случае намного превосходило качество. При виде ряженной конницы те, кому было положено бдить, тут же бросили это занятие и радостно приветствовали псевдокатафрактов. Дай воевода команду — и духаревские гридни запросто вырежут всех: и снаружи, и внутри — в башнях и караулке. А уж тогда останутся сущие пустяки: занять привратные башни, посадить у бойниц лучников и бить сверху всякого, вознамерившегося закрыть ворота. Минут тридцать точно можно продержаться. Этого вполне достаточно, чтобы войско вошло в город.

Возможно, Духареву именно так и придется поступить. Но если его миссия удастся — захватывать ворота не придется. Их Святославу откроют сами преславские жители.

Духарев диву давался, насколько просто всё получилось. Въехали в Преславу, как в родной Киев. А дальше? Сотня всадников — это не купец с полудюжиной слуг. Надо где-то разместиться. Причем так, чтобы не вызвать подозрения. У Духарева в Преславе был дом. Хороший дом, с конюшнями и прочими служебными помещениями. Строго говоря, дом этот принадлежал не Сергею, а его братцу Мышате. Но слуги Духарева знали, впустили бы старшего брата хозяина без звука. А что потом? Известно же, что Духарев — воевода русов. Русы — враги. Когда вражеский воевода, причем не один, а с сотней воинов, открыто появляется во вражеском городе, это может вызвать нежелательные эксцессы. При всём нынешнем безвластии в столице имелись стража, гарнизон, дворцовый гарнизон, офицеры, этими войсками командующие, плюс городская старшина, ополчение... Пусть каждый духаревский гридь стоит пяти стражников, но если кто-то из преславских командиров пожелает воеводу упразднить, у него есть очень серьезные шансы на успех.

Другой вариант — сразу двинуть в резиденцию патриарха. Но и тут могут возникнуть те же проблемы. Пусть формально Духарев — посол Святослава. Но в город он проник не как посол, а как лазутчик. А если договориться с патриархом не получится? Тогда прощай, аварийный план захвата ворот изнутри. Вопрос будет стоять так: удастся ли Сергею со товарищи выехать из города столь же легко, как въехали?

Выход предложил бывший опцион Дементий. Выход настолько дерзкий, что Духарев сразу понял: должно получиться.

Они ехали бок о бок по уводящей от ворот улочке, когда Дементий прервал размышления воеводы словами:

— Куда едем? Во дворец?

— Во дворец? Зачем? — Сергею потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить сказанное.

— Если мы катафракты царя Петра, значит, жить должны в царских казармах, — спокойно, будто само собой разумеющееся, произнес опцион.

— И нас вот так запросто пустят во дворец? — усомнился Духарев.

— А почему нас должны не пустить? — удивился Дементий. — Сейчас по Булгарии таких отрядов, как наш, небось десятки бродят.

— Но мы же не болгары.

— Ну и что? Готов поставить динарий, что в царской гвардии половина чужеземцев.

— Ну ладно, впустят нас во дворец, а дальше что?

— Предоставь это мне, — уверенно ответил опцион. — И не забудь про динарий.

— Гривна, — сказал Духарев. — Если всё устроишь.

⁴ «Баранья голова» — наконечник тарана.

Дементий ухмыльнулся.

— Пожалуй, я не вернусь к Калокиру, — заметил он. — Тебе служить выгоднее. Возьмешь меня десятником, воевода?

— Возьму, — обещал Духарев. — Если всё устроишь.

На территорию царского дворца попасть оказалось еще проще, чем в город.

— Откуда? — спросил стражник, когда, распахав конями сновавшую туда-сюда публику, русы подъехали к воротам.

Вопрос был задан из чистого любопытства. Стражник даже не удосужился от стены отклеиться.

— Из-под Доростола, — честно ответил Дементий.

— Ну и как там, под Доростолом?

— Мы уходили — стоял.

— А я слышал — сдали Доростол.

— Может, и сдали, — не стал спорить Дементий и въехал внутрь.

Найти свободную казарму тоже оказалось несложно — пустовала большая часть помещений.

Во дворце Дементий ориентировался прекрасно.

— Главное — держитесь спокойно и уверенно, — сказал он. — С остальным я разберусь.

И ушел.

— Не предаст? — на всякий случай спросил Велим.

— Нет, — ответил Духарев.

Больше вопросов не было. Ждать русы умели. Спокойствия и уверенности в каждом — на троих хватило бы. Даже такие молодые шустрые гридни, как Йонах, умели при необходимости ждать и помалкивать. Впрочем, самых шустрых Духарев отправил в конюшни — к лошадям.

Дементий отсутствовал около часа и явился в сопровождении толстого и важного человечка с письменными принадлежностями. Человечек старательно пересчитал всех, записал Духарева, представившегося опционом Константином, помощником Дементия. И ушел.

Дементий остался.

— Был у старшего, — сообщил он. — Поставили нас на довольствие. Два дня отдыха, потом в караул, как все. Я спорить не стал — это обычный порядок. Я правильно поступил?

— Правильно.

— А теперь хорошо бы пожрать раздобыть, — подал голос Велим. — И лошадям овса.

— Всё будет, — сказал Дементий. — Обедать пойдем по распорядку, а за овсом — хоть сейчас. Я же сказал — нас на довольствие поставили.

«Сделаю его сотником, — подумал Духарев. — Никак не меньше. Толковый парень».

Знать бы, что всё будет так просто, можно было бы и тысячу с собой взять. Эх! Войти в Преславу с тысячей — и столица стала бы русской без всяких переговоров. Хотя лучше все-таки договориться.

Вечером Духарев, взяв с собой Дементия и еще нескольких дружинников-христиан, отправился в преславский собор, на богослужение.

Собор был полон, ибо, во-первых, служил сам патриарх, во-вторых, ничто так не обращает мысли человека к Богу, как предчувствие грядущих бед.

К Духареву с товарищами, вернее, к их доспехам, преславцы отнеслись с уважением — пропустили поближе к алтарю.

Служба велась на болгарском языке, и на Сергея будто чем-то родным пахнуло.

Духарев давно не был в церкви. С Киева. Впрочем, он и в Киеве бывал в храме только по большим праздникам и то лишь из уважения к жене. Но в Киеве прочно обосновались византийские попы. Эти служили на греческом и на латыни. По-чужому. А здесь, когда слышал: «Отче наш иже еси на небесех...» — до самого сердца пробрало. А думалось, что

забыл.

Отстоял — как на облаке. Даже запомнил, зачем пришел.

Опомнился, когда всё закончилось. Осталась лишь сладкая пустота в голове и груди да терпкий вкус вина — на языке.

Опомнился. Огляделся. Свои были рядом, глядели выжидающе. Духарев сделал знак: следуйте за мной, и двинулся в выходу.

Успел в самый последний момент. Патриарх уже сел в возок. Духарев заметил, что кузов его не крепился жестко на раме, а был подвешен на цепях — патриарх любил комфорт. Когда Духарев бесцеремонно сунулся внутрь возка, то обнаружил еще большую роскошь: шелковую обивку, подушки. И, естественно, самого патриарха.

Нахальное вторжение, естественно, не привело патриарха в восторг, а его свита даже выразила желание Духарева из возка выкинуть.

Но Дементий злобно рявкнул:

— Приказ кесаря!

И патриаршья стража отступила.

Дальше — легче. Удачно, что в возке патриарх был один. И он с первых слов сообразил, что к чему. Более того, узнал Духарева, которого видел на аудиенции у кесаря Петра.

Через минуту воевода враждебной армии, публично благословленный высшим иерархом болгарской церкви, стоял посреди улицы, а роскошный возок патриарха, сопровождаемый свитой и охраной, катил прочь.

Первый этап «обмена верительными грамотами» прошел успешно. Встреча была назначена.

Патриарх болгарский согласился принять тайного посланца Святослава, однако — с великой осторожностью. Потребовал, чтоб прибыл тот ночью, без охраны, самое большее — с двумя спутниками. И не на патриарший двор, а в дом, принадлежавший кому-то из патриарших родичей. Духарев согласился.

С собой взял Дементия и Звана. Последнего выбрал из прочих гридней потому, что сообразителен, и потому, что христианин. Еще в Киеве Звана крестили и нарекли Елпидифором. Впрочем, для всех, кроме священника, он так и остался Званом.

В ночной Преславе было беспокойно. В узеньких переулках роились тени. Поступи ночной стражи не было слышно, зато время от времени ночь пререзал чей-нибудь вопль. Однажды такие вопли раздались совсем близко — как раз на улочке, в которую русы собирались сворачивать. Дементий замешкался, но Духарев велел ехать.

Когда они свернули, крики уже стихли. Зловещие тени копошились на мостозой. При появлении всадников тени замерли, а потом дружно кинулись в атаку. Надо полагать, не разглядели, с кем имеют дело. А может, и разглядели, но позарились на коней. Нынче в Преславе за ледащую лошаденку давали, как в прежние времена — за кровного жеребца. В любом случае, преславские тати сделали неправильный выбор. Двоим-троим повезло — удалось убежать. Остальным — нет. Зван хотел спешиться — помочь жертвам разбоя, но Духарев удержал. Нынче не до благотворительности. Если миссия воеводы окажется успешной, то Святославовы гридни отучат ночных разбойничков озоровать на подконтрольной Киеву территории. Духарев сам за этим проследит, потому что в любой войне страшнее всего не битвы, пусть самые кровопролитные, а вот такой беспредел, неизбежно войной порождаемый. Когда на дорогах — изувеченные трупы, до которых никому нет дела, кроме волков и одичавших собак. Когда потерявшие родителей дети грызутся из-за куска лепешки и жарят человечину на углях сгоревших изб.

Патриарху болгарскому тоже недешево обошелся минувший год. Когда Духарев видел его в последний раз на приеме у кесаря, глава болгарской Церкви был куда толще и румяней.

— Дни кесаря Петра сочтены, — не стал таить правды патриарх. — Но у него есть законные сыновья. И скоро они будут здесь. Не Божье это дело — отдавать болгарский престол язычнику.

— Великий князь киевский сам возьмет, что посчитает нужным, — возразил Духарев. — Но он не бешеный волк, чтобы без толку лить кровь. Пусть престол достанется сыну кесаря Петра, мой князь не возражает.

— А что — взамен? — без всякой дипломатии, напрямик спросил патриарх.

Наверное, старик устал хитрить. Или понял, что с русским воеводой лучше говорить именно так — без намеков и зкизоков.

— Взамен кесарь признает моего князя отцом и господином, позволит ему и его воинам жить в царском дворце, будет выплачивать ему посильную дань и поддерживать во всех начинаниях, как мирных, так и военных.

— Но ведь тогда кесарем Булгарии будет не сын Петра, а твой князь! — воскликнул патриарх.

— Великий князь, — поправил Духарев. — А кесарем Булгарии будет тот, кого помажет на царство патриарх болгарский. Разве нет?

— Нет. Это неприемлемые условия. Твой князь и его воины — во дворце кесаря? Это неприемлемо.

Духарев не стал огорчать патриарха известием, что воины великого князя уже в царском дворце.

— Ваша Святость полагает, — сказал Сергей, — у Булгарии есть лучший выбор?

— Выбор всегда есть.

— Согласен. Но будет ли лучше для Булгарии, если дворец кесаря болгарского будет принадлежать только великому князю Святославу?

— Тогда будет война, — вздохнул патриарх. — И лишь Богу известно, чем она закончится.

— Это верно, — вновь согласился Духарев. — Победить нас можно. Если призвать в союзники ромеев. Собственно, это уже почти произошло. Насколько мне известно, царевичи Борис и Роман уже ведут сюда ромеев. Если они победят, это будет не победа Преславы, а победа Константинополя. И кто бы из сынозей Петра ни взшел на престол, править он будет по указке ромеев.

— Чем христиане-ромеев хуже язычника Святослава?

Духарев посмотрел в глаза патриарха и подумал, что это глаза политика, а не божьего человека. И еще подумал, что тот младше, чем кажется.

— У нас одна речь, святой владыка, — произнес он неторопливо. — Булгарский священник крестил нашу великую княгиню...

— ... Но у нее теперь ромейский исповедник, — перебил патриарх.

— Это временно. Так же, как временным является язычество великого князя киевского. Разве не благо в глазах Господа — крестить Русь?

— Но твой князь — язычник. Он никогда не позволит.

— Почему ты так думаешь, святой владыка? Его сын и наследник Ярополк — христианин. Его жена — христианка. Среди его дружины тоже есть христиане. Я, его доверенный воевода, христианин. Еще вспомни: чуть более века прошло с тех пор, как монах Мефодий крестил вашего царя Бориса.

Сергею вспомнился услышанный несколько лет назад рассказ одного из византийских попов, обретавшихся в Киеве.

То, что болгарского царя крестил византийский монах, пусть даже и болгарин по происхождению, по мнению византийского священника, навсегда ставило болгарскую церковь в зависимость от византийской. Правда, тот же монах не скрыл, что уже через год после крещения болгарский царь переметнулся под крыло Ватикана, с которым уже тогда у византийских патриархов никакой дружбы не было. Впрочем, спустя некоторое время царь отвернулся от Рима и обратился к Константинополю.

И не исполнение обрядов было тому причиной. С позволения Папы Римского в Булгарии церковная служба велась на болгарском языке, хотя Ватикан, в отличие от Константинополя, признавал в качестве языка богослужений исключительно латынь.

Политика. Чистая политика. Но если высший иерарх западной католической церкви — Папа, то высший иерарх восточной — император Византии. Вряд ли болгарский патриарх жаждет кланяться императору Никифору.

— Подумай, святой владыка, — продолжал Духарев. — У нас, считай, один язык, одна азбука... — Тут он немного покривил душой: в окружении Святослава мало кто умел читать и писать. — Если Киев и Преслава объединятся, разве сможет Константинополь повелевать высшим иерархом Булгарии... и Киева?

— А кто поручится, что все будет, как ты сказал, воевода? — спросил патриарх.

«Ключнул, — подумал Сергей. — Надо дожимать».

— Всё в руках Божьих, — торжественно изрек Духарев и перекрестился, — Если Господу угоден наш союз, нужны ли нам иные поручительства?

— Чего хочет твой князь от меня, воевода? — нахмутив седые брови, спросил патриарх.

— Открой нам ворота Преславы, — сказал Духарев. — Вели прекратить братоубийственную войну.

— Братоубийственную? — Патриарх фыркнул. — С чего ты взял, что пачинаки и угры, разоряющие Булгарию, — наши братья?

— Я имел в виду не печенегов, а нас, русов, — заметил Духарев.

— Язычников!

— Пока — язычников! — с нажимом произнес Духарев. — И потом, святой владыка, разве прекратить войну, уменьшить жертвы — не праведное дело? Сам знаешь: Святослав всё равно войдет в Преславу. Если миром — будет, как в Доростоле. Если силой — город станет добычей победителей. Ты один можешь оберечь Великую Преславу! — воскликнул Духарев с пафосом.

— Что я могу... — пробормотал патриарх. — Я — всего лишь слуга Божий, лишенный светской власти...

«Он согласен», — сообразил Духарев.

— Царь болгарский — при смерти, его военачальники — в ничтожестве. Сейчас высшее лицо в Булгарии — ты, святой владыка! Скажи свое слово — и тебе повинуются!

Патриарх опустил глаза. Но Духарев увидел, как порозозели его щеки. Сергей верно угадал: для этого человека власть была изрядным искушением.

Но он, разумеется, был отнюдь не дурак.

— Скажи, воевода, если Преслава откроет ворота твоему князю, останутся ли в неприкосновенности Храмы Господни?

— Да, святой Владыка. Клянусь тебе в этом от имени моего князя! — торжественно провозгласил Духарев и перекрестился.

— Преслава откроет ворота великому князю Святославу, — с важностью произнес патриарх.

Союз был заключен.

Теперь оставалось только послать гонцов Святославу.

Посланцы, Зван и Угорь, покинули город ранним утром. Но до Доростола не доехали. Через сутки их переняли дозоры соединенного войска Икмора и Щенкеля.

Еще через два дня войско русов, на неделю опередив царевичей Бориса и Романа, подошло к северным воротам Преславы. Ворота были закрыты. Но снаружи, в окружении клира и многочисленной паствы, стоял сам патриарх болгарский.

Трудно сказать, удалось бы патриарху и нескольким сотням болгар остановить десятитысячную рать. Но рядом с патриархом стоял воевода киевский Серегей. И когда он поднял руку — войско остановилось.

Переговоры оказались недолгими. Примерно через час ворота Преславы, как и было обещано, открылись. Тысяча воинов во главе с воеводой Щенкелем вошла в болгарскую столицу, проследовала к царской резиденции и заняла дворец болгарских кесарей. Стража дворца никаких препятствий им не чинила. Неудивительно, поскольку караул в этот день

несли гридни Духарева.

Остальные восемь тысяч русов во главе с воеводой Икмором встали лагерем у стен болгарской столицы, чтобы встретить возвращающихся из Византии царевичей и сопровождающий их ромейский экспедиционный корпус.

А Духарев уехал.

«Вручив» Икмору и Щенкелю «ключи» от Преславы, Сергей взял пять сотен гридней и поскакал в Межич.

* * *

От Преславы до Межича конному — день пути, если торопиться. А если не спешить — три. Пчёлко не спешил. Берег себя и коня. Ночевал на постоянных дворах, а последний раз — в замке соседа-болярина. Рассказал о том, как побили болгар русы. Болярин опечалился. Был он на восемнадцать лет старше Пчёлки. Ходил с царем Симеоном на ромеев, помнил времена, когда Булгария была в силе, не то что теперь. Было у болярина трое сыновей и дочь. Сыны погибли в гражданской войне, дочь жила с мужем в его замке близ Плиски. Словом, доживал старый свой век в одиночестве. Но дружину держал, хоть и небольшую, но крепкую. Непокойно в округе. Шатались по Булгарии банды еретиков-богумилов. Смущали простой люд, не гнушались грабежами и убийствами. Словом, пришла беда — отворяй ворота.

То есть в данном случае — наоборот. Держи ворота на запоре, а меч — наготове.

В пределы господства Межицкого Пчёлко въехал на четвертый день путешествия. Готовился к худшему, но здесь, слава Богу, почти ничего не изменилось.

Ехал Пчёлко по родной дороге, отвечал на приветствия встречных и тех, кто работал на земле: кому кивком, кому взмахом руки, кому — словом теплым. Ехал Пчёлко — и сердце его радовалось. Даже рана меньше болела.

А в усадьбе его уже встречали — кто-то успел принести хозяйке добрую весть.

Подбежали дворовые, подставили руки, приняли коня. Пчёлко их будто не видел: только на боярышню свою и смотрел. Хотел слово приветственное сказать, да ком в горле набух — не выговорить. Хотел поклониться, да не успел. Боярышня сама его обняла.

— Разбили нас... — только и смог выговорить Пчёлко. — Разбили нас русы...

— Ох, Пчёлко! Как я рада!

Не важно ей сейчас, что побили войско кесаря. И глаза у нее не потому мокрые.

Пчёлко шевельнулся неловко, боль куснула бок. Должно быть, и на лице эта боль тоже отразилась.

— Ты ранен?

— Пустяк. Задело чуток. В дороге растревожил, вот и побаливает немножко.

— Знаю я твоё «немножко»! — сердито сказала боярышня. Слезы ее мгновенно высохли. — Совсем себя не бережешь! Разве так можно?

Час спустя Пчёлко, умытый, сытый, перевязанный, возмещал потерю крови красным, как кровь, вином и рассказывал госпоже межицкой о том, как побили армию кесаря, что было дальше с ним самим, и что творится на земле болгарской. Чем больше рассказывал, тем мрачнее становилось милое личико боярышни. Лишь однажды оживилась она — когда упомянул Пчёлко о воеводе Сергее.

Очень вовремя вернулся домой Пчёлко. Ни на день не опоздал. Да только зря. Наверное, вина было выпито на радостях слишком много. Или это дорога вымотала последние силы воина. Но, когда подступила ночью беда к воротам межицкой усадьбы, не встал у нее на пути воин Пчёлко с саблей в руке. Не услышал, как сначала зашлись лаем, а потом захлебнулись хрипом сторожевые псы. Не слышал, как тихо повернулись на смазанных петлях ворота и хлынули во двор чужие. И как побили немногих, осмелившихся встать на пути чужаков. Спал Пчёлко. Так крепко спал, что не услышал даже, как закричала

боярышня. Даже когда толкнули его в горло острием собственной сабли, не проснулся воин Пчёлко, лишь похрапывать перестал.

Глава восьмая

Богумилы

— Что личико воротишь, госпожа межицкая? Страшно узреть деяния диавола?

— Вонь от тебя, еретик — как от дохлого пса... — Людомила хотела бросить эти слова в закрытое маской лицо «праведного» дерзко и яростно, но голос подвел, сорвался, вместо звонкой отповеди получился жалкий сип.

— А-ха-ха! — развеселился «праведный». — Нам хула не в диковинку, боярышня. То бес в тебе вопиет, да куда ему против истины! Ничего, беса сего мы обрачаем. Седмицы не минет — будешь мне гузно лизать!

«Праведный» ростом мал, под рваной рубахой — тощее тельце, борода жидкая, пегая... Но голос зычный, как у воеводы.

— Быть тебе на колу... — шепчет Людомила. Ей больно, страшно и стыдно: простоволосой, босой, в одном исподнем — перед озверелым мужичьем.

Врасплох взяли Межич богумилы. В дом вошли без звука (впустил кто-то из челяди), Людомилу прямо из постели вытащили... Выволокли во двор, а там уже полно чужих. Шарят по клетям, по сараям, тащат добычу... У стены конюшни — кучей трупы. Даже холстом не прикрыли, еретики проклятые. А посреди всего этого содома, в отцовом, вытащенном из дома кресле — «праведный». Сидит важно, как боярин. Рядом — две девки незнакомые. Одна чашку с маслом оливковым держит, другая — с вином. «Праведный» жрет хлеб. Мясa они не употребляют: по их еретической вере животных убивать не положено. Даже курицу задушить — грех. Курицу — грех, а человека, значит, можно...

Жрет «праведный». Хлеб то в вино окунет, то в масло. Глаза в прорезях маски — хитрые, подлые...

— Что, госпожа межицкая, ужель не рада?

Держат Аюдомилу два мужика. Рожи брезгливые, словно не боярышню держат, а лягуху склизкую. Ну да, по их вере женщина — сосуд с грехом.

А невинная девица — особая мерзость, потому что — видимость лживой чистоты. А по их вере все в жизни — грязь. И грязь эта должна быть явной. Потому велют еретикам их дьяволы-пастыри в самом грязном паскудстве жить: в блюде сатанинском, в грехе свальном. Ибо чем грязнее человек, тем слабее его связь с этим миром, а душа, следовательно, ближе к освобождению.

Все это Людомила от другого «праведного» слышала. Успел кое-что наболтать, отродье бесово, пока Пчёлко его не зарубил.

Пчёлко, Пчёлко... Где ты, верный друг?

Людомила поглядывала на трупы у конюшни, пытаясь разглядеть: нет ли среди мертвых тела ее управляющего. Если Пчёлко сумел уйти, есть надежда...

— Холопа своего высматриваешь? — догадался «праведный». — Там не ищи. Не пришел еще твой холоп к освобождению. И долг будет его путь. Эй, кликните Пижму, пусть тащит сюда нечистую тварь, управляющего здешнего!

— Нету Пижмы, праведный, — пробасил один из державших Людомилу. — Он в село побег: межицких истинной вере учить. Дозволь, я притащу убийца?

— Тащи, — разрешил «праведный». — А ты, боярышня, на меня так глазами не зыркай. Лучше истине внимли: ибо близится последний час мира сего. Сокрушается ныне ваш мир руками Бога не ведающих русов... А-а-а, вот и холоп твой!

Людмила обернулась и вскрикнула от ужаса. Связанного, окровавленного Пчёлку мужик-еретик тащил за собой, подцепив крюком за ребро!

— Пчёлко! — Людмила бросилась к нему, но второй мужик поймал ее за край рубахи и отшвырнул назад с такой силой, что Людмила, не устояв, упала на землю, к ногам «праведного».

«Праведный» захихикал.

— Прости, госпожа, — хрипло произнес Пчёлко. Он не мог прийти ей на помощь. Не мог. Людмила поднялась. Сжала в кулаке край рубашки, порванной мужиком.

— За что? — спросила она тихо.

— За то! — «Праведный» поднял палец, устремил на Пчёлку. — Помнишь меня, человек?

— Пусть черт вас разбирает, богумилов, под личинами вашими! — с ненавистью выплюнул Пчёлко.

— А я тебя помню, — мягко, почти ласково произнес богумил. — Ты ведь братьев моих убил.

— Я убил, еретик! Отправил прямоком в ад! К вашему... — Тут мужик, что привел Пчёлку, дернул за крюк, и речь пресеклась стоном.

— Эх, не ведаете вы истины! — сокрушенно изрек «праведный», окунул ломоть в вино, откусил. — Эх, не ведаете. А истина же в том, что мир сей первенцем божьим Сатаниилом сотворен. Им же и души людские осквернены, ибо не может чистая душа в теле зловонном обитать, а покинет его, не медля, и к сонму ангелов присоединится. Не в том освобождение, чтобы смерть принять. — Голос еретика постепенно набирал силу. Богумил уже не говорил — гремел:

— Мало в смерти проку, ибо оскверненная душа вновь в плоть же воплотится. В том освобождение, чтобы осознала душа, что плоть грешная — зло есть. Чтобы возненавидела душа плоть, возненавидела скверну ее и, свободы возжелав от мук телесных и от мерзости, коя и есть сей сосуд дьявольский, телом именуемый, в лоно господне отошла с радостью и восторгом.

И добавил внезапно, обычным голосом:

— А ты, глупый человек, что совершил? Ты братьев наших с пути праведного опять в пучину воплощений низверг. — «Праведный» погрозил пальцем истерзанному Пчёлке. — Но мы, истину ведающие, зла за зло не творим. — Богумил взял новый кус хлеба, окунул в масло. — Мы вам, заблудшим, поможем и освобождению вашему поспешествуем особо. И потрудимся, чтоб ты, боярышня, сей сосуд скверны, — куском хлеба, с которого капало масло, богумил указал на живот Людмилы, — возненавидела пылко, чтобы порвались узы дьявольские и воспарила душа твоя к чистоте и свету. Денно и ночью будем трудиться над сим сосудом я и братья мои, чтобы открылась тебе, боярышня, истина наша: мир сей — есть страдание тяжкое и мерзость, дьяволом порожденная. Верно ль я говорю, брат Педрис?

— Верно, праведный! — Мужик за спиной Людмилы громко сглотнул.

— Так води же боярышню на конюшню, брат мой! — воскликнул еретик. — Да привяжи ее там, как ты умеешь. Но не трогай. Ни сам, ни братья прежде меня ее чтоб не касались! — добавил он строго. — Великая скверна в теле сем, и один лишь я могу ее на себя принять, не искусившись.

— Только посмей, еретик... — бледнея, проговорила Людмила.

— Я убью тебя, пес! — прохрипел Пчёлко, но от слабости — совсем тихо и не страшно.

— Грозись, грозись, — «праведный» захихикал. — Братья мои уж кол для тебя вострят. С кола-то зычней грозить будешь.

Людмилу поволокли к конюшне. В одиночку Педрису это оказалось не по силам — Людмила сопротивлялась отчаянно. Пришлось кликнуть помощников. Кучей — справились. Притащили со двора широкую скамью. Опрокинули на нее боярышню, привязали ремнями от упряжи. Когда вязали, ругали ее, плевались, словом, делали вид, что ничего, кроме омерзения, не вызывает у них полунагая девушка. Но жадно шарившие по ее

телу руки еретиков и оттопыривающиеся спереди портки говорили о другом. Однако нарушить приказ старшего еретики не посмели. Привязали и ушли. А недолгое время спустя в конюшню появился «праведный».

Глава девятая

«Зачистка»

Духарев въехал на пригорок и увидел Межич: кучку хаток, до которых оставалось километра полтора. Уже отсюда было видно, что село чистое, не сожженное. И уголья вокруг — тоже в порядке. Не затронула война Межич, что не может не радовать. Усадьбы отсюда не видать, но можно надеяться, что и она в порядке.

— Может, дозор послать, батька? — предложил Велим, увидев, что воевода замешкался.

— Без надобности, — качнул головой Духарев. — Ныне все болгарские вои по замкам попрятались, а в здешнем господарстве замка нет. Его покойный кесарь разрушил.

— Кесарь? Зачем? — заинтересовался любознательный Йонах.

— Боярин здешний в мятеже против него участвовал, вот зачем, — ответил Духарев, вспомнив рассказ Момчила-Мышаты.

— Ну так убил бы боярина. А замок зачем рушить? Отдал бы кому-нибудь из верных!

— Тебя не спросили! — фыркнул Велим.

— Так глупо же! — воскликнул Йонах. — Сейчас бы крепость была, пригодилась бы!

— Ну да, — усмехнулся Велим. — Не с кем было хакану болгарскому посоветоваться. Не родился тогда еще хузарин Йонах. А то б непременно за тобой послал: не подскажешь ли, Йонашек, как мне царством управлять, а то я не ведаю.

— И подсказал бы! — запальчиво объявил Йонах. — Может, тогда б он Булгарией правил, а не на смертном одре лежал!

Теперь засмеялся не только Велим, но и все, кто слышал, включая и Духарева.

— Слышь, батько, а может, все-таки послать дозор? — снова предложил Велим.

Духарев поглядел на своего сотника: вид у того был озабоченный.

— Что тебе не нравится? — спросил воевода.

— На поля глянь, что видишь?

Духарев посмотрел.

— Вижу: хороший урожай будет, если ратники не стопчут, — сказал он.

— Не о том я. Смердов на полях нет. И виноградник справа — там тоже никого. Не нравится мне это. Вдруг засада?

Духарев задумался. В словах сотника был резон. Духарев пожалел, что взял с собой только два десятка гридней. Не хотелось лишнего внимания привлекать...

— Посылай, — разрешил он. — Пусть разведуют. И в село, и в усадьбу. Усадьба вон там, в четверти поприща.

Дозор вернулся быстро.

— Нету там воев, — доложил старший. — Гульба у них там.

— Какая еще гульба? — удивился Духарев.

— Похоже, Волоха чествуют. Бабы там с мужиками... Мужики в личинах... Ну, как у нас на капищах.

— Волоха? — вот теперь Духарев действительно удивился. В отличие от киевских языческих земель Булгария была почти сплошь христианской. А уж покойный кесарь — вообще святоша был, каких поискать. Трудно поверить, что под боком у столицы смердам позволено устраивать языческие игрища. Хотя с поправкой на войну...

— Сам видел? — строго спросил воевода.

— Сам, — кивнул гридень. — Мы к ним шагов на сто подобрались. Смердов голых в личиках видели, а воев с оружием — нет.

«Может, все-таки — ловушка? — подумал Духарев. — Спрятать в домах ратников, а смердов заставить праздник изображать — для притупления бдительности... Нет, маловероятно. Это ведь надо заранее знать, что воевода киевский Сергеем с малой дружиной в Межич приедет. Хотя... В жизни всякое бывает».

— Сделаем так, — решил он. — Подъедем поближе, потом спешимся, подберемся тихонько да и поглядим, что там за игрища.

Так и сделали. Подъехали скрытно, коней оставили в рощице. Подозрения Духарева по мере приближения к деревеньке всё росли, поскольку русам так и не встретилось ни одной живой души. И даже коровы, пасшиеся на лугу, щипали травку сами по себе, без пастуха...

— Вон смотри, батька, каков игрун... — шепнул Велим, подтолкнув воеводу.

Игрун и впрямь был колоритен: голый, «удилище» торчком, патлы — торчком, на морде — кожаный намордник, из-под которого борода — тоже торчком. Игрун пристроился к плетню, пустил струю... Гуманный Велим дал ему возможность справить нужду, а потом аккуратно взял за горло и уложил пузом на травку. Игрун трепыхнулся было, но ощутил бодрящее прикосновение железа и притих.

— Глянь, батька, какие знатные письма, — варяг показал на спину пленника.

«Письмена», точно, были знатные. Эдак с полгода назад кто-то весьма качественно обработал мужицкую спину кнутом.

— Личико ему открой, — велел Духарев.

Под маской обнаружилась испуганная рожа типичного болгарского смерда.

— Кто таков? — негромко спросил Духарев.

— Жечка я... — просипел мужик, кося глазом на упершийся в горло Велимов засапожиик. — Истинной веры братства праведного Богумила послушник...

— Что он лепечет, батька, ты понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Духарев.

О богумилах он слышал. Сектанты местные. Считают, что мир этот создан дьяволом, а вывод делают такой: долой попов и общественно-полезный труд. Жрать, пока не вытошнит, совокупляться максимально омерзительным способом, и всё, что есть в мире хорошего, по мере сил изгадить. Такой вот активный путь избавления от привязанностей. Еще слышал, что мяса богумилы не едят и животных не режут. Только — людей.

— Сколько ваших в селе? — спросил Духарев.

— То не ведаю, — пролепетал сектант. — Много. С полсотни, может...

— Главный кто?

— П-праведный старец Аззанаил... — Зубы богумила выбивали дробь. — Токо он не в селе — в усадьбе...

— В усадьбе — тоже ваши?

Лицо воеводы стало таким страшным, что сектант и вовсе лишился дара речи, только головой дернул: кивнул.

Духарев задумался на полминуты. Дружинники его тоже ждали. Укрывшись кто где, слушали ор и визг, прикидывали, куда бежать, кого рубить... Если батька отдаст соответствующую команду. А прикажет отступить — отступят так же неслышно и незаметно, как подобралась. Смердов скрадывать — не печенегов в поле брать. Это как после турьих ловитв на коров охотиться.

— Туда глянь, батька! — тронул плечо воеводы глазастый Йонах. — Экое украшение там на воротах. Уверен, что не копченые в селе? Похоже на их забавы...

Духарев глянул. Да уж, на печенегов очень даже похоже. Жуткое зрелище. К воротам вниз головой был прибит человек. Живот у человека был вспорот — все внутренности наружу. Платье его, пропитавшееся кровью и испражнениями, свисало вниз, на голову. Если бы не серебряный крест, вбитый верхушкой в землю, Сергей и не догадался бы, что

замученный человек — священного сана.

Духарев аж зубами заскрипел, сдерживая накатившее бешенство. Сдержал. Превратил ослепляющий гнев в холодную расчетливую ярость. Мысленно поклялся: «Если не дай Бог с Людомилой случилось худое — вырежу всех. А вожаков моим варягам отдам. Пусть поупражняются в технике активного допроса».

Пока Духарев думал, из-за крайней избы выскочила растрепанная баба. За ней — мужик наподобие взятого Велимом: тоже голый и в маске. Баба бежала, вереща, не разбирая дороги... Вдруг споткнулась и шлепнулась в густую траву. Мужик, обрадованный, надал... И тоже шлепнулся. Раз — и нету. Если видел кто из села — ни за что не догадался бы, что не сами они упали, а гридни духаревские помогли.

Воевода никак не мог решить: сразу к усадьбе идти, или сначала «зачистить» село?

Решил: сначала «зачистить». Одно из его главных правил: не оставлять за спиной ни одного дееспособного врага.

— Велим, скажи всем: по сигналу — войти в село и всех, кто в такой дряни, — Духарев тронул мечом маску пленника, — резать. Других не трогать. Разве что сами полезут.

Велим кивнул. Передал ближним дружинникам. Те — дальше. Духарев выжидал, пока приказ обойдет всю цепочку.

— С этим — что? — Велим показал на трясущегося богумила.

— Я же сказал: всех, у кого личины, — буркнул Духарев, вытягивая из ножен оружие: правой — обоюдоострый меч византийскойковки, левой — узкую легкую саблю из темного «Дамаска». — Всех! — и завыл по-волчьи, поднимая свою дружину.

Гридни Духарева налетели на «игрунов», как коршуны на курятник. Десятка два конных помчались в обход — перехватить самых шустрых. Остальные — цепью, бегом, от хатки к хатке. Нашинковали дюжины три, потом уже неспешно, тщательно прошлись по избам. Кто в маске — резали, остальных выгоняли наружу, где другие сбивали смердов в гурт, как овец. Потом еще раз прошлись. Прирезали еще пяток спрятавшихся.

Мерзостей богумилы успели натворить немало, но мерзостями русов не удивишь. Те же нурманы, бывает, и похуже творят. Но с нурманами пришлось бы повозиться, а этих... Проще, чем дюжину свиней зарезать. Жаль, семя паршивое из чрев здешних опаскуженных баб и девок обратно не извлечь.

— Чужие среди вас есть? — рявкнул Духарев, возвышаясь конной статуей над перепуганными смердами. — Ну-ка!

Из толпы тут же выпихнули двух мужиков и одну бабу.

— Зачем священника убили? — обманчиво спокойным голосом спросил Духарев.

Богумилы молчали. Чужаки нехорошее. Правильно чужаки.

Глава десятая

Искушение «праведного» Аззанаила

— Экие у тебя, боярышня, ножки нежные, — воркует голубем еретик. — Беленькие, беленькие. И ручки еще нежней. Будто у младенчика...

Молчит Людомила. Кусает губы, чтоб не заплакать от ужаса и беспомощности. Не слышит она «праведного», только чувствует, только вздрагивает, когда касается ее кожи сальная борода или влажные пальцы. Неотрывно смотрит Людомила в угол. Там торчит из вороха старого сена черенок серпа. Эх, будь у нее свободны руки...

Но запястья и лодыжки Людомилы привязаны к ножкам скамьи. И еще один ремень перехватывает поперек живота.

— ... Мерзость, мерзость, искушение Сатаниилово, — бормочет «праведный»,

забираясь рукой боярышне под рубаху...

Людмила смотрит на серп. Ничего в жизни она не желала более, чем сейчас — ощутить в ладони потрескавшуюся деревянную рукоятку...

— Праведный! — в конюшню вваливается еретик в маске.

— Чего тебе? — недовольно бурчит «праведный».

— Дак это... — богумил глядит на распяленную на лавке боярышню, шумно сглатывает слюну. — Чичас станем убивца на кол натягивать. Будешь ему грехи отпускать, праведный Аззанаил, или мы сами?

— Буду, — «праведный» с кряхтением поднимается.

Во дворе тесно от народа. Тут не только богумилы, но и кое-кто из межицкой челяди. Большинство пришли из страха перед еретиками, но есть и такие, кому Пчёлкина смерть — в радость. Пчёлко — управляющий честный, но строгий. Никому поблажек не дает. Не давал...

Старого воина держат двое. Один — крюком за ребро, другой — руками. Чтоб от слабости не упал.

«Праведный» совершает благословляющий жест. Делает знак, чтоб подтащили Пчёлку поближе.

— Нравится тебе сей предмет? — осведомляется еретик, оглаживая гладко оструганный кол. — Видишь, на нем и перекладина есть, чтоб тебе сидеть удобней было. Сейчас лошадку приведем и посадим тебя на шесток, как кочета. Вот тогда и покукарекаешь!

Губы Пчёлки шевелются.

Аззанаил прислушивается... И вдруг с размаху бьет старого воина по лицу.

— Не поможет тебе Сатанаил, проклятый грешник! — кричит он. — Педрис, давай за лошадью! Живо! А вы, братья, снимайте с него портки!

Сразу несколько богумилов бросаются к Пчёлке, но тут сверху раздается громкий вопль. Орет еретик, посланный на крышу часовни — спиливать с нее крест.

— Праведный! Праведный! Беда! Беда, праведный Аззанаил! Конные! Сюда скачут!

«Праведный» Аззанаил с большой неохотой делает знак своим: мол, повремените пока.

— Ворота затворить! — распоряжается он. — Что за конные? Много?

— Десятка два! — кричит мужик с колокольни. — Оружные, в шлемах.

«Праведный» взбирается на частокол, глядит...

— Русы, — определяет он. — Ты давай пили, — кричит он мужику на колокольне. — Этим до ромейского чина дела нет. Да и мало их. Эй, ты! Скажи братьям: пусть шлемы наденут, что мы здесь в оружейной взяли, да копыя возьмут и наверх поднимутся. Увидят русы, что есть войско в усадьбе, и дальше поскачут.

— А как же братья наши, те, что в Межиче? — беспокоится кто-то. — Оборонить надоть! Ежели русы их — того?

— Значит — того! — сердито говорит «праведный». — Они как раз со стороны села и скачут.

— Оборонить... Ишь, богатырь... — бормочет Аззанаил себе под нос. — Таким, как ты — только сверху чужими копыями грозить, да уповать, что не разглядят снизу, кто это копые держит... Нет, не разглядят, — успокаивает сам себя «праведный» Аззанаил. — Не катафракты ведь, тавроскифы дикие. Эти на лица не смотрят — только на железо...

Слезы градом катились из глаз Людмилы. Ей было очень больно, но плакала она не от боли — от унижения. Она выгнулась так, что привязанная рука едва не вывернулась из сустава. Скамейка под ней тряслась и раскачивалась. Людмила застонала сквозь зубы, рванулась, в самом последнем, запредельном усилии. Скамейка, к которой была привязана Людмила, не устояла, опрокинулась набок. Людмила ткнулась лицом в колкое сено... И вдруг почувствовала, что ее правая рука свободна!

Плечо болело, огнем горели ссадины, но ее маленькая узкая ручка все-таки выскользнула из ремней.

Некоторое время Людмила не шевелилась: переводила дыхание, прислушивалась к

шуму снаружи. Нельзя терять времени, напомнила она себе. Проклятый еретик может вернуться в любое мгновение.

Со своего места Людомила не могла видеть ворот конюшни, но очень хорошо видела рукоятку серпа. Дотянуться до нее оказалось не так легко. Но в конце концов ей это удалось. Разрезать ремни было совсем просто. Людомила села и посмотрела на притворенные ворота конюшни. Что происходит снаружи — не понять. Не важно. Людомила встала. Колени дрожали, руки устали так, что отказывались повиноваться. Но отдыхать некогда. Людомила подошла к стойлу. Рыжик, верховой мерин Людомилы, потянулся губами к ее рукам — и фыркнул, не обнаружив лакомства.

Седло осталось дома, но уздечка висела здесь же, на стенке. Людомила потянулась к ней... И услышала, как со скрипом отворяется дверка в воротах конюшни.

Серп! Он остался рядом с опрокинутой скамейкой. Людомила метнулась к нему, но споткнулась и повалилась на землю. Солома смягчила падение. Людомила даже сумела дотянуться до серпа, однако грубый башмак опустил на серп мгновением раньше.

— Глупая зайчиха выпуталась из силка, — насмешливо сказал здоровенный бородатый еретик в кожаной маске. — Скажи мне, зайчиха, успел ли праведный Аззанаил погонять беса?

Глава одиннадцатая

Штурм усадьбы

Русы двигались напрямик, через пшеничное поле. Сначала — по стерне, потом — безжалостно топча тяжелые колосья.

Гридень по прозвищу Дужка, белобрысый полянин из-под Чернигова, сорвал колосок, вздохнул:

— Эх, перестояло жито!

Родители Дужки — смерды из-под Киева. В ратники Дужка пошел, потому что на него, младшего сына, земли не хватило. Повезло парню: способен оказался к воинскому делу, вышел из ополченцев в гридни. Таких в дружине Духарева было только двое. Остальные — потомственные воины или охотники.

— Давай твой меч на серп сменяем! — тут же предложили Дужке.

Черниговец отбрехиваться не стал. Смутился. Можно подумать, и впрямь не прочь к родительской профессии вернуться.

Двое гридней скакали справа и слева от воеводы, держа наготове щиты. Телохранители. Остальные, включая и самого воеводу, как только увидели, что в усадьбе затворяют ворота, взялись за луки. Но не стреляли. Далековато. Только хузарин Йонах азартно выкрикнул:

— Бить, батька?

— Погоди!

Существовала вероятность, что в усадьбе заперлись ее хозяева. Затвориться при виде чужеземных воинов — это нормально.

Грива прищурился, пытаясь разглядеть, что происходит за частоколом... Броне шлемы поблескивают. И еще на маковке часовни кто-то возится...

— Йонах, человек на башне, что он делает?

— Это который с топором? — Зрение у Йонаха было не хуже, чем у его отца. — Знак твоей веры срубают.

«Ну вот, ситуация и прояснилась», — подумал Духарев. Рубить символ христианской веры мог только враг.

— Сбить его, батька?

— А достанешь?

Вместо ответа Йонах осадил коня и метнул стрелу. И еще одну. Но вопреки ожиданиями Духарева, святотатец не упал, так и сидел на крыше.

— Неужто промахнулся, Йонаше? — насмешливо поинтересовался кто-то из гридней, когда хузарин вновь поравнялся со своими.

— Пыль с глаз сотри! — фыркнул Йонах. — Я ему первой стрелой руку к кресту прибил, а уж второй — в шейку... — И вдруг ойкнул совсем по мальчишески: — Прости, воевода! Не подумал про Бога твоего!

— Не важно, — Духарев, привстав на стременах, считал копыта над частоколом. — Это не Бог, просто дерево...

Однако многовато защитников. Духарев насчитал четыре десятка, а пока считал, еще с десяток прибавилось. Какими бы умелыми ни были русы, а полусотней взять усадьбу при численном равенстве сил вряд ли удастся. Неужели придется в Преславу посылать за подмогой?

Тем временем его отряд проехал несжатый участок. По стерне кони сразу побежали веселей, а всадники, до этого державшиеся плотной группой, разошлись свободней, чтоб не облегчать работу стрелкам с частокола. Рядом с Духаревым остались только телохранители, Велим и, конечно, Йонах.

Но с частокола почему-то не стреляли. Непонятно.

— Крикни, Велим, чтоб ворота открыли, — приказал Духарев. — Именем болгарского кесаря.

Чем черт не шутит? Может, и откроют сдуру...

— Эй, вы, там! — гаркнул сотник. — Открыть ворота! Именем вашего кесаря приказываю! Или всех вырежем!

— Нет у нас кесаря! — тут же заорали в ответ. — Уезжай прочь, рус!

Орал мужик без шлема, но зато в кожаной маске. Богумил, мать его — жаба...

— Уезжай, куда цел!

— Сбей его, Йонах, — вполголоса приказал Духарев.

Хузарин вскинул лук, метнул стрелку — и голова в наморднике исчезла.

— Попал?

— Не-а, — мотнул головой Йонах. — Глазастый. Успел нырнуть. А эти торчат. Чучела, что ли?

— Вроде того...

Духарев присмотрелся. Воины наверху присели, укрываясь за частоколом. Вернее, они думали, что укрылись. Полморды наружу. Их не только навесом — прямым выстрелом достать можно. И шлемы у них как-то неловко сидят, и копыта торчат под неправильным углом.

— Слышь, Велим, а ведь это не вой, — негромко произнес Духарев. — Такие же смерды, каких мы в селе резали.

— Хочешь — с наскоку? — с сомнением проговорил Велим. — Может и смерды, ты прав. Только кипятком сверху могут и смерды окатить. Частокол — без малого восемь локтей. С ходу не запрыгнешь...

— Глупая зайчиха хотела убежать, — насмешливо сказал здоровенный бородатый еретик в кожаной маске. — Скажи мне, зайчиха, успел ли праведный Аззанаил погонять беса?

Людмила молчала. У нее как будто уши воском залило. В стойле заржал Рыжик, ударил копытом в стену. Удар она услышала, но глухо, как из-под воды.

— Значит, не успел, — пробормотал еретик.

— Эй, Педрис! — позвали со двора. — Ты чё там застрял? Давай лошадь сюда!

— Сейчас! — крикнул богумил. И Людмиле: — Ты, боярышня, серп-то брось. Не твое

это орудие. Твое орудие промеж ног спрятано.

Девушка его не услышала, цепляясь за потрескавшуюся рукоять. Педрос наклонился, несильно толкнул Людомилу в лицо ладонью, вывернул серп из ее пальцев, отбросил подальше.

— Педрос!

— Иду уже! — гаркнул богумил. Поглядел на Людомилу, облизнул мясистые мокрые губы... Поглядел на стойло, потом — снова на Людомилу. Никак не мог решить, что ему больше любо: девку боярскую попользовать или боярского пса на кол натянуть...

Пока думал, снаружи загомонили, «праведный» на кого-то заорал...

Людомила тихонько отползла к стене. Еретик ухмыльнулся. Он выбрал.

В руке у него вдруг оказался широкий мясницкий нож.

— Вязать тебя не буду, — сказал еретик, — некогда. Будешь трепыхаться, нос отрежу.

Свободной рукой он потянул за шнурок, поддерживающий порты. Порты упали вниз.

— Вона глянь, какой у меня пест есть для твоей ступки.

Людомила не слышала, что он говорит. И на срамную часть, которой похвалялся еретик, она не глядела. Только на нож.

— Давай, зайчиха, подол кверху, ноги врозь! — нетерпеливо прикрикнул еретик. — Сказано тебе — нос отрежу!

И упал на Людомилу.

Вернее — рядом. Страшный нож воткнулся в землю. Еретик содрогнулся раза три и обмяк. Людомила увидела, что из затылка его, между ремашками маски, торчит черен стрелы с тремя черными перьями. И тут еще несколько стрел влетели в конюшню, ударили в бревна, воткнулись в землю в пяди от ноги девушки. Людомила словно проснулась. Схватила нож еретика и бросилась в стойло Рыжика.

— Ну чего там? — спросил Аззанаил.

— Стоят, — ответил ему один из тех, что на стене. — Кабы стрелять не начали, — добавил он с опаской.

— Скифы... — пробормотал, как сплюнул, «праведный». Повернулся к тем, кто держал Пчёлку, оскалится:

— Заснули, грешники? Ну-ка взяли его да... — И, осекшись на полуслове, проворно нырнул под навес. А в следующий миг над головами палачей с визгом пропели стрелы и частой дробью ударили в стену дома. Палачи в испуге присели, выпустили Пчёлку, который был так слаб, что сразу повалился на землю.

Но не все стрелы ушли впустую. Из шести десятков богумилов, взобравшихся на стеку, по крайней мере половина полетела вниз. А с дюжину уцелевших попрыгали вниз сами. Остальные не последовали их примеру только потому, что медленнее соображали. Но и эти бросились плашмя на дощатый помост: кто — скуля от страха, кто — бормоча свои богумильские молитвы. Оно, конечно, понятно, что сие скорбное тело есть сосуд грешный, Сатанилов, однако ж свой это «сосуд», жалко, если его стрела продырявит. А тут еще дикие русы испустили разом такой ужасный вой, что из богумилов последние остатки храбрости выдуло. Из всех, кроме Аззанаила. Этого воем было не напугать. Зато он мигом сообразил: усадьба потеряна. И сразу выкинул из головы и недобитого Пчёлку, и оставшуюся на конюшне Людомилу. Не успела петля первого аркана захлестнуть острый зуб частокола, как хитрый «праведный» сообразил, что делать. Выдернул стрелу из тела убитого сподвижника, содрал маску, вымазал кровью лицо и одежду и быстренько прилег у самой стены. Вовремя. Только устроился, как сверху прыгнул рус. Приземлился в шаге от Аззанаила, глянул мельком — и сразу бросился открывать ворота. А еще один рус остался наверху — с луком наготове. Прикрывал.

Мог бы и не прикрывать. Аззанаилово «воинство» металось по двору, как отара перепуганных овец.

Ворота распахнулись, русы хлынули внутрь, и началась резня. Занятие это для победителей столь увлекательно, что никто не заметил, как за спинами русов «ожил»

притулившийся у стены «труп». «Ожил» и осторожно пополз к воротам...

Стрелы больше не летели. Снаружи доносились вопли, лязг железа, мокрый хруст разрубаемой плоти.

Людмила вжалась в дальний угол стойла. Она не знала, кто на этот раз напал на усадьбу. Очень хотелось верить, что это свои, болгары. Потому что если это дикие язычники, то они ничуть не лучше богумилов. Тоже не пощадят.

Людмила, дрожа, вслушивалась в страшные звуки, ждала... Недолго.

В конюшню вбежали сразу трое. Один помчался к противоположному выходу, второй застыл с луком наготове, третий, с обнаженным клинком, проверил пустые стойла, добрался до Рыжика. Вид у воина был ужасающий: меч в крови, лицо и броня — тоже забрызганы красным. Рыжик, учуяв кровь, занервничал, попятился, едва не придавив Людмилу, но воин ухватил его за гриву, пошептал что-то в ухо. Мерин совершенно волшебным образом успокоился, позволил вывести себя из стойла.

Тут-то воин и заметил Людмилу, расхристанную, с ножом в руке...

Заметил и ухмыльнулся.

Ухмылка у него была такая, что Людмила сразу поняла: этот человек опаснее и страшнее любого еретика-богумила. И никакой нож ей точно не поможет. Рука сама собой разжалась, нож упал на солому...

— Вот это правильно, девка, — сказал страшный воин. Речь его звучала по-чужому, но была вполне понятна. — Запомни: меня Званом кличут. Придешь ко мне потом — я тебя ублажу. А ты меня. Только умыться не забудь.

— Я тебя сам ублажу! Мало не покажется!

За спиной первого возник еще один воин. Еще больше и еще страшнее. В шлеме, закрывающем пол-лица и едва не подпирающем потолок конюшни. И первый как-то сразу сник, стухевался.

— Да я так сказал, батька. Мы...

— Кыш! — рыкнул высокий воин, сдвинул шлем на затылок, и только теперь Людмила его узнала.

— Здравствуй, боярышня, — ласково произнес воевода киевский Серегей. — Прости, что не поспел вовремя.

— Здравствуй, воевода... — шепнула Людмила, посмотрела на свои ноги, поцарапанные, еле прикрытые порванной нижней рубашкой, и кровь прилила к ее щекам — от стыда и унижения.

А воевода будто угадал ее мысли.

— Корзно мое, живо! — велел он, не оборачиваясь.

Миг — и ему подали плащ. Дорогой, с шитьем и шелковой гладкой подкладкой.

Людмила и возразить ничего не успела, как воевода завернул ее в этот плащ, подхватил на руки и вынес из конюшни.

Во дворе распоряжались русы. Челядь стаскивала трупы в кучу. С десятков уцелевших еретиков, жалких, трясущихся, сидели на земле.

— Пчёлко... — шепнула Людмила. — Что с ним?

— Жив, — негромко ответил Духарев. — Не тревожься, боярышня. Худшее — позади.

Глава двенадцатая

Короткое военное счастье

Духарев лег спать поздно. Пришлось взять на себя наведение порядка: управляющий

Пчёлко лежал в беспамятстве, а Людомилу он просто пожалел: натерпелась девушка.

Распорядился по-военному. Собрал всех смердов, поставил задачу: восстановить порушенное, похоронить мертвых.

Тем временем духаревские варяги рассортировали пленных еретиков. Выявили самых злостных, обработали на предмет получения информации, те сначала поупирались, но варяжская техника допросов была способна разговорить даже матерых викингов, не говоря уже о хилых булгарских смердах. Через час-полтора еретики просто мечтали поведать хоть что-нибудь, еще не известное следователям. К сожалению, главной, самой информированной твари, «праведному», удалось драть. Как выяснилось — уже не в первый раз. Такая вот ловкая дрянь. Зато межицких холопов, открывших еретикам ворота, пленные выдали с ходу. После допроса Духарев распорядился устроить в деревне показательную публичную казнь. Присутствие всех межицких подданных было обязательно. Сам Сергей от участия в мероприятии уклонился, но приказал Велиму сделать всё, чтобы местные жители как следует запомнили, то бывает с последователями учений сатанинского толка.

Ночевали русы, естественно, в усадьбе. Несмотря на то что все порядком устали, посты на ночь Духарев распорядился ставить по-боевому.

Себя назначил старшим предрассветной смены и опочил в полной уверенности, что проснется не раньше, чем через шесть часов.

Но ошибся. Только-только он задремал, как в спальню скользнула светлая тень. Рука Духарева потянулась в мечу раньше, чем он проснулся... И остановилась на полпути — Сергей узнал ночную гостью.

— Ты уверена, девочка, что это правильно? — спросил он, когда гостя нырнула к нему под одеяло.

Глупый вопрос. Он и договорить не успел, а руки сами проникли под шелковую ткань, царапнули мозолями нежную кожу бедер, сжали плотные округлости ягодиц. Шелковая рубаша сбилась к груди.

— Сними, — прошептал он, помог девушке выпростаться из рубашки, притянул к себе. Людомила обняла его шею, прижалась тесно-тесно: грудью, бедрами, животом.

Влажные губы коснулись уха:

— Возьми меня скорее, воевода... Любимый...

Сергею очень захотелось сделать именно так, как она сказала. Взять ее сразу, в это самое мгновение. Он чувствовал: эта девушка, ее тело, ее желания, чувства — созданы именно для него. И это было единственное, что он знал наверняка.

— Я так долго тебя ждала... — шептала девушка, вздрагивая от его прикосновений.

Сергей не отвечал. Его рот, губы, язык отвечали ей не словами, иначе... Он не думал о том, что делает, как воин, победивший в сотнях поединков, не думает о том, как двигаться и какими приемами запутать противника, подчинить себе, «подготовить», а затем, в точно определенный момент, нанести единственный, выверенный, неотразимый, стремительный удар.

Только это был не поединок. И торопиться было незачем, ведь до предрассветной стражи оставалось еще целых шесть часов...

— Ты почему меня не разбудил? — недовольно сказал Духарев. — Я же сказал: последняя стража — моя!

— Да ладно тебе, батька! Будто мы без тебя врага не заметим, — непочтительно ответил Велим. — Чего серчаешь попусту? Ты — старый. Тебе отдохнуть надобно.

— Это я — старый? — Духарев даже опешил от такой наглости. — Да я тебя, сотник, одной рукой переломлю!

— Угу. Переломашь. Только где это видано — чтоб воевода сам в караул заступал?

Нет, ну никакого уважения к приказам.

— Меду вели подать, — сказал Духарев.

Не было у него этим утром настроения «строить» нижестоящих.

— Откуда тут мед? — проворчал Велим. — Не дома, чай. Могу вина принести.
— Где это видано, чтобы сотник из старшей гриди сам за медом бегал? — передразнил Духарев. — Челядина пришли.
— А нету никого. Только наши да этот, как его, Пчёлко.
— Как это — никого нет?
— В поле все. Страда.
— А хозяйка?
— Так это она всех в поле и выгнала. Я, батька, с ней пару наших отрядил, Йошку и Азима-касога. Мало ли что.
— Вот это правильно, — одобрил Духарев, потягиваясь. — Поесть чего оставили батьке? Или слопали всё?

Людмила вернулась после полудня. Усталая и очень озабоченная.
Духарева она застала в комнате Пчёлки. Состояние раненого было тяжелое, но дурным запахом от ран не тянуло, и воспаление было умеренное. Выживет Пчёлко. Но на ноги встанет не скоро.

— День добрый, воевода. Прости, что оставила тебя, но сам понимаешь: не соберем урожай — беда будет. Рук не хватает. Может, помогут твои воины?

Духарев покачал головой:

— Они — воины. Их дело — не жать-пахать, а следить, чтобы пахарей не обижали. К тому же я сегодня уезжаю.

— Как? — ахнула Людмила. — Почему сегодня?

— Мне надо быть в Преславе, — нехотя проговорил Духарев. — Это мой долг. Моим речательством скреплено обещание не чинить городу обид. Я должен быть там, чтобы подтвердить наш с патриархом договор, когда приедет мой князь. Чтобы закончить войну.

— Война не закончится, — хрипло проговорил Пчёлко. — Кесаревич Борис, я слыхал, уже идет сюда из Константинополя. С ромейским войском.

— Не будет ромейского войска, — уверенно сказал Духарев.

«Если Калокир не солгал, — добавил он мысленно. — И если не солгал его повелитель, кесарь византийский».

— Однако если другие города не последуют примеру Преславы, мой князь спустит с цепи печенегов.

— Печенеги не умеют брать крепости.

— Зато они умеют жечь и резать. Угры и печенеги превратят в пустыню все здешние земли.

Так и будет. По договору с Никифором Святослав не должен был занимать эти территории. Если он нарушит эту часть договора, Никифор вправе не выполнить свою. Более того, он может выступить на стороне болгар. Это и есть истинно имперская традиция: стравить два народа, дожидаться, пока война изматывает их, и тогда, выступив якобы миротворцем, прибрать к рукам земли обоих. Но если болгары и русы договорятся, Никифор не посмеет выступить.

— Я хочу, чтобы между булгарами и русами был мир.

— Понимаю, — сказал Пчёлко. — Ты должен ехать. Но возьми с собой Людмилу. Нельзя ей тут оставаться. Как только ты уйдешь, вернутся еретики.

— Они не посмеют, — возразил Сергей.

— Они вернутся. Нет больше закона в Булгарии. Нет больше веры. Только ересь. Исчадие ада, Аззанаил, непременно вернется. И с ним придут тысячи еретиков.

— Людмилу я беру с собой, — быстро сказал Духарев.

Людмила встрепелась обрадованно... И тут же угасла.

— Я не поеду, — грустно проговорила хозяйка Межича. Взяла маленькими ручками ручищу Духарева, прижала к щеке.

— Не сердись, Сережа. Не могу я. Пойми! Как же мне Пчёлку бросить («Нет, не

слушай ее!» — прохрипел Пчёлко), людей моих оставить без опоры? Пойми, родной: это же всё мои люди! Я с детства — их хозяйка. Как же мне тела их еретикам на поругание отдать, а души обречь на погибель вечную?

Духарев ее понимал. Но что теперь делать? Остаться? Ах, как ему хотелось остаться! Хоть на пару дней... Хоть еще на одну ночь! Нет, не о том сейчас надо думать. О жизни. Если они останутся живы, у них будет еще много ночей. Потому он должен мыслить как воевода, а не как хмельной от любви юнец.

Выполнить долг перед князем, перед своей дружиной. И уберечь Людомилу. Обязательно. Защитить. Пчёлко прав. Богумилы вполне могут вернуться. Конечно, в большинстве своем это сброд. Неуклюжие смерды с вилами и косами. Их сила — исключительно в фанатизме, напрочь отрубавшем инстинкт самосохранения. Но и в усадьбе — такие же смерды. Только трусливые. Тех, кто по-храбрее да половчее, перебили при первом налете. А единственный настоящий воин Пчёлко сейчас не то что меч, ложку поднять не в состоянии.

— Ладно, — наконец решился Духарев. — Оставлю вам Велима и с ним — четыре десятка гридней. До моего возвращения как-нибудь продержитесь.

— А ты? — спросила Людомила. — Кто тебя защитит на пути в Преславу?

— Возьму с собой шестерых. Доеду как-нибудь, — успокоил ее Духарев. — От мелких шаек отобьемся, от сильных — уйдем. Не тревожься, сердце мое. Всё хорошо будет.

— Не тревожься, батько. Все хорошо будет, — в свою очередь заверил воеводу Велим, когда Сергей сообщил ему, что тот остается охранять усадьбу. — Обороним твоих булгарят. Этих, с кожаными мордами, пусть хоть тыща набежит — всех положим.

— Ты, главное, за смердами здешними посматривай. Среди них наверняка есть и послухи, и пособники еретиков. Следи, чтоб нож в спину не воткнули.

— Прослежу, батько, — сурово ответил Стемид. — Как уедешь, всех перетрясу. В ком усомнюсь — башку долой.

— Ну, так сурово не надо, — возразил Духарев. — Кому тогда жито убирать? Просто выгони из усадьбы и всё. А доверять можешь тем, на кого Пчёлко укажет. Запомни: Пчёлко, а не хозяйка. Она — женщина. На мир другими глазами смотрит.

— ... А глаза у нее — как два солнышка... — подхватил Стемид и фамильярно подмигнул: — ... когда на воеводу глядит!

— Это тебя не касается, — сказал Сергей. — А вот ежели не сможешь сберечь — спрошу сурово.

— Я твоего спроса уже не услышу, — ответил сотник. — Потому как умру. Но ты, воевода, коли не сберегу твою любу, можешь не жечь тело мое по нашему обычаю, а по-хузарски в землю закопать.

Духарев, наклонясь, взял его крепко за ремень, даже приподнял слегка над землей.

— Мне не труп твой нужен, а живая Людомила! — процедил он, прожигая сотника взглядом. — Забыл, кто я? Не бережешь, я тебя и за кромкой найду! — поставил сотника на землю. — Понял меня, гридь?

— Понял, как не понять, — Стемид поправил бронь и не удержался, добавил с ухмылочкой: — А здоров ты, батько! Чистый мишка! И впрямь одной рукой заламаешь.

— Да ну тебя, — буркнул Духарев, повернулся и пошел седлать Пепла.

Хотелось ему надеяться, что в случае критическом Велим не станет стоять насмерть, а увезет Людомилу подальше от опасности.

Глава тринадцатая

Ромейский дозор

Семеро воинов — это много. Если речь идет о том, чтобы разогнать разбойничью шайку. А настоящему противнику здесь взяться неоткуда. Булгарское войско рассеяно, уцелевшие сидят по городам и замкам. А если наткнешься на какой-нибудь крупный отряд, всегда можно улизнуть. У каждого духаревского гридня по две лошади. От печенегов уходили, не то что от здешних виноградарей.

Так рассуждал Духарев, когда решил взять с собой только шестерых: пятерых варягов и Йонаха. Этого взял в первую очередь потому, что оставлять не хотел. Уж больно шустрый парнишка вырос у Машега. Как бы не накуролесил чего.

Одного не учел Сергей. Здесь — не Дикое Поле, где на сотни поприщ — голая степь. И не Русь, где на десять квадратных километров приходится сто кабанов, три медведя, пять леших и один бортник. Здесь — цивилизованные территории. С древних великоримских времен. Не зря ведь нынешние «особо культурные» ромеи булгар мисянами называют, хотя царя булгарского Симеона византийцы еще полвека назад признали (правда, не совсем добровольно) булгарским царем, и его сына Петра официально «василевсом булгар» титуловали. «Мисяне» — это отсюда, из времен Великого Рима, когда здесь не царство булгарское было, а римская провинция Мезия. То есть с намеком: Булгария, мол, исконно римские земли, а Константинополь, соответственно, законный древнего Рима наследник. Опора цивилизации. И как следствие — имеет естественное право повелевать всякими «тавроскифами». Литературно обоснованное. Да и словосочетания «архонт тавроскифов» и «вождь мисян» для имперского уха много благозвучнее, чем «великий князь киевский, хакан тмутороканский». А уж «василевс булгар» звучит и вовсе неприлично, ибо уравнивает какого-то «мисянина» с самим василевсом византийским.

В общем, издревле цивилизованная земля — Булгария. Издревле — римская. Так что нынче, в году девятьсот шестьдесят восьмом от Рождества Христова⁵, ромейские всадники, топчущие булгарскую землю, и не захватчики вовсе, а законные хозяева, возвращающиеся после шестивекового отпуска.

Вот на этих «хозяев» и напоролся по роковой случайности воевода киевский Серегей со своими шестью спутниками.

Их перехватили километрах в двадцати от Преславы. Катафракты. И не булгарские, а ромейские. Боевой дозор.

Дорога шла между холмами. На одном склоне — виноградник, на другом — кладбище. Над кладбищем — маленькая деревянная церковь. Там размеренно бил колокол. Духареву бы насторожиться, а он... Задумался о личном. О Людомиле. И проворонил приближение врага. И его спутники, привыкшие к тому, что воевода, ведун, чует беду за три поприща, глядя на спокойного батьку, тоже расслабились.

Ромеи и русы увидели друг друга одновременно. Русы — снизу, ромеи — сверху. Духарев и его гридни всё еще были в облачении булгарских катафракт, но ромеев это не смутило. Стальные перья копий опустились в боевое положение, всадники сомкнулись и устремились в атаку.

Духарев колебался лишь несколько секунд. Скакать обратно по дороге — дать преимущество конным латникам. Через виноградник не уйти. Значит — через кладбище. Не по могилам, конечно, а по узенькой тропке, ведущей вверх, к церкви. Вражеские всадники —

⁵ Здесь имеется некоторое расхождение в датировке. Византийские источники указывают, что вторжение Святослава в Булгарию произошло в 968 году, а в наших летописях сказано, что это был 967 год. Греческая датировка вызывает у меня большее доверие, поскольку византийские хронисты явно лучше владели вопросом. Правда, византийские хронисты тоже изрядно привирали — в угоду власти предрежающим и из общелитературных соображений, но там, где врать не имело ни выгоды, ни смысла, они были весьма дотошны и пунктуальны. А вот наши летописцы даты путали постоянно. Хотя винить их в этом трудно, ведь большинство летописей было составлено намного позже описываемых событий и, с большой долей вероятности, на основании византийских же источников.

следом. Вернее, следом — лишь часть. Остальные, разделившись, поскакали в обход, чтобы попробовать перехватить русов по ту сторону холма.

Прием старый, но эффективный.

— Йонах! — крикнул Духарев. — Твой конь — самый быстрый, а ты — самый лучший всадник! Не жди! Попробуй добраться до Преславы. Там — наши!

— А как же вы, батька?

— Мы в церкви засядем! Стрел много! Продержимся!

— Я вернусь, батька! — Йонах легко перемахнул с заводной в седло боевого коня, ожег его плетью и птицей полетел вверх, сразу оставив позади Духарева и его гридней.

Звонарь на колокольне остервенело бил в медный купол колокола. Церковь была небольшая, но крепкая, и двери ее уже затворялись, когда Духарев осадил коня, спрыгнул и буквально в самый последний момент успел втиснуть меж створок прикрытое кольчужной сеткой плечо. Рывок — служка-монашек полетел наземь, Духарев, не перекрестившись, будто язычник, ворвался внутрь.

Внутри царил полумрак, жались к стенам какие-то люди. Не воины.

— Прости меня, Господи, — прошептал Духарев.

А его гридни уже вводили под священный свод всхрапывающих, роняющих пену коней.

Полминуты — и толстый деревянный брус вошел в скобы, блокируя дверь.

— Не бойтесь! — крикнул Духарев. — Мы никого не тронем! Зван! За мной!

Подхватил лук с колчаном и бросился вверх по узкой лесенке, ведущей на колокольню.

Вид с колокольни открывался замечательный. Зеленые холмы, желтые опояски дорог, синяя речка. За ней, вдали, черный замок, теряющийся в дымке...

И сотни две всадников в доспехах, сверкающих на солнце, как надраенные бронзовые бляхи.

С колоколенки за всадниками наблюдали трое. Сам Духарев, Зван и гридень Азим, выбранный за выдающиеся стрелковые показатели. Двое оставшихся гридней разместились внизу: присматривать за дверьми, священнослужителями и несколькими прихожанами.

Говорят, на территории Византии церкви обладали правом убежища. Но на болгарские храмы это не распространялось.

Повертевшись вокруг церквушки и убедившись, что отпираться им никто не собирается, ромеи попытались выломать дверь. И были неприятно удивлены, обнаружив, что для хорошего лучника панцирь катафракта — не помеха.

Оставив подстреленных поддурманиваться на солнышке, катафракты поспешно отступили на безопасное расстояние. Вернее, на расстояние, которое они сами полагали безопасным. Духарев до времени решил их не разочаровывать и приказал своим не стрелять. Тем более стрелы надо было экономить. Совокупный боезапас его «войска» примерно соответствовал численности противника, так что каждая стрела была на счету.

Пока ромеи совещались, Духарев тоже времени не терял: высматривал командиров.

Минут через двадцать ромеи снова пошли на штурм. На этот раз с применением средств защиты, в качестве которых выступали две крестьянские телеги на высоких колесах, на которые сверху набросали всякой всячины. Когда телеги подкатились поближе, Духарев дал команду, и его маленький гарнизон «открыл огонь». Но не по телегам, как ожидали ромеи, а по кучке всадников, расположившихся без всякого прикрытия примерно в четверти километра от церкви.

«Скорострельность» опытного лучника составляет примерно двадцать выстрелов в минуту. Но первые три стрелы оказываются в воздухе в считанные секунды.

Залп — и боезапас русов уменьшился на девять стрел. А численность боеспособных противников сократилась на четыре единицы. Но это были очень важные «единицы». По крайней мере в своей «мишени» Сергей был уверен: во время совещания именно этот ромей жестикулировал активной всех. Точно определить, куда именно вошли стрелы, на таком расстоянии было трудно, но судя по тому, что ромей мешком выпал из седла, повреждения

он получил достаточно серьезные.

Остальные катафракты отреагировали на потерю руководства по-разному. Самые храбрые бросились прикрывать начальство телами и щитами, большинство отступило еще на сотню метров, а штурмовая «подтележная» группа продолжала неторопливое движение к воротам.

Тут их ожидало препятствие. Паперть.

Остановившиеся телеги сверху были — как на ладони. И весили они, надо полагать, немало. Поэтому закатывать их вверх по лестнице оказалось задачей непростой. И опасной. Неосторожно высунувшегося наружу ромея гридень Азим пришпилил к земле, как жука.

Но ромеи — народ упорный. Примерно через четверть часа «штурмовая группа» добралась-таки до дверей. И уже совсем было собралась их рубить... Но тут двери гостеприимно распахнулись.

Их открыли булгары. Но не по собственной инициативе, а по приказу Духарева. И особой радости это ромеям не доставило. Увидеть нацеленные на тебя стрелы в любом случае малопривно. А лишенных возможности маневра, скучившихся под телегой «штурмовиков» открывшийся вид огорчил до невозможности.

Тем не менее повели они себя достаточно храбро. Друг за другом прятаться не стали, а решительно бросились в атаку. Впрочем, жизненный путь их от этого не стал намного длиннее. Лишь один из них, оказавшийся отменным фехтовальщиком, прожил подольше. Духарев еще рубился с ним, когда дверь закрыли и в церкви снова воцарился полумрак. Тут ромей сообразил, что попался, от огорчения допустил ошибку, которой Сергей не замедлил воспользоваться — подсек противнику правую ногу. Ромей упал, но добивать его Духарев не стал. Церковь как-никак. Нехорошо. Так что ромея обезоружили, скрутили, наложили на ногу жгут и собрались быстренько допросить, но не успели. Сверху раздался вопль Азима. Противник перешел в решительное наступление.

Когда Духарев взбежал на колокольню, его достали сразу две стрелы. Одна чиркнула по шлему, вторая ударила в плечо, прошила наплечник и застряла в кольчужном плетении. Не зря Духарев под трофейный панцирь поддевал кольчужку! Сергей поспешно присел. Теперь стрелы пели над ним. Медный колокол гудел от множества ударов. Наверх, прыгая через две ступеньки, выскочил Зван. Духарев перехватил его, можно сказать, на лету и повалил на помост. Так что под стрелы парень не угодил. Азиму повезло меньше. Бедняга касок висел на ограждении, и его тощие ноги, обутые в верховые сапоги с узкими носами, подергивались, будто у живого. Но Азим был мертв. Ромейские стрелы били в труп.

Колокол гудел тревожным басом, но сквозь этот гул было слышно, что там, внизу, уже начали ломать дверь.

Ромейские лучники продолжали стрелять, но Духарев уже понял, что бьют они не вразброд, а дисциплинированно, залпами.

Дисциплина — это хорошо.

— Готовься! — крикнул Сергей Звану. — На мое — «бей!» По три стрелы!

Выждал до трехсекундной паузы между залпами...

— Бей! — закричал он, распрямившись и мгновенно выпустив три стрелы туда, где полдюжины ромеев дружно ломали двери.

Выстрелил и присел. Надо полагать, попал, потому что удары прекратились. Он не видел, куда стрелял Зван, но надеялся, что и его стрелы не пропали зря.

Раз, два, три, четыре... Над головами пропела очередная порция стрел...

— Бей!

Раз, два, три, четыре...

— Бей!

На этот раз не вертикально вниз, по паперти, а туда, где, прикрывшись щитами, непрофессионально сгрудились ромейские стрелки.

Раз, два, три, четыре...

— Бей!

Там, внизу, кто-то наконец сообразил, что стрелять залпами неэффективно. Теперь ромеи лупили кто во что горазд. А горазды они были не очень. И целились куда менее старательно, чем раньше. Стрельнул — и за щит. Снизу вверх даже хорошему стрелку трудно взять правильный прицел, а стрелок посредственный, да еще озабоченный собственной безопасностью, в такой ситуации с тридцати метров в коровью тушу не попадет. Ромеи же стреляли аж с пятидесяти и даже в колокол теперь попадали довольно редко. А может, у них запас стрел иссяк?

Но Духарев со Званом все же особо не рисковали. Выпрямился, метнул стрелу в кого-нибудь из тех, кто подставился, — и в укрытие.

Минут через десять ромеи отступили. Очень вовремя, потому что у Духарева со Званом тоже закончился боезапас.

Поле боя осталось за русами. И на поле этом осталось не меньше трех десятков ромеев.

А стрелы — не проблема. Боезапас можно пополнить ромейскими.

Духарев снял Азима с ограждения, положил ничком — спина убитого была утыкана стрелами, как мишень из бычьей шкуры — после тренировки отроков.

— Пригляди тут, — велел он Звану, а сам спустился вниз: допросить пленного ромея.

К счастью, пленный запыраться не стал — Духареву очень не хотелось прибегать к жестким методам допроса в Божьем храме.

Но то, что рассказал пленный (булгарский священник старательно переводил — сам Духарев по-гречески говорил, но не очень уверенно), — не обрадовало.

Отряд, на который напоролись русы, оказался частью «боевого охранения» возвращавшихся из Константинополя булгарских царевичей Бориса и Романа. Более того: оказалось, что отбыли царевичи из Константинополя задолго до того, как их отца-кесаря хватил инсульт. То есть лодьи русов еще на Дунай не вышли, а «союзники»-византийцы уже отправили в Булгарию царевичей и, в поддержку им, трехтысячную армию под командованием патрикия Никифора Эротика. И армия эта вот-вот будет здесь, потому что дозору была изначально поставлена задача добыть «языка». И командир катафрактов, оказавшихся на поверку и не катафрактными вовсе, а легкой конницей, сразу же отправил начальству гонца с сообщением, что обнаружена и блокирована группа из нескольких скифов, которые, судя по доспехам, не какие-нибудь степные бродяги, а вполне авторитетные воины. Возможно — из личной дружины Святослава. Как в гриднях Духарева опознали «скифов», тоже выяснилось просто. По посадке. Любой опытный кавалерист-ромей сразу замечал, что русы держатся в седлах «не так».

В общем, дела у Духарева и его парней были кислые. Имелся небольшой шанс, что удастся покинуть церковь, когда стемнеет. Но еще более вероятно, что с наступлением темноты ромеи снова пойдут на штурм.

Одна надежда, что Йонах сумел добраться до Преславы, там выделяют отряд — выручать воеводу, и подмога эта поспеет раньше, чем патрикий с войском.

Потому что вряд ли Икмор со Щенкем пошлют на помощь Духареву больше двух-трех сотен гридней. Им ведь в первую очередь Преславу надо держать.

Щенкель, тот бы и вовсе никого не послал — у него с Сергеем отношения сложные. Но Икмор — друг. Этот может и сам прискакать... И угодить прямо в лапы ромеев. Два ближних воеводы Святослава — роскошная добыча.

Но Духарев всё равно не жалел, что ездил в Межич. Людомилу спас, а себя... Как-нибудь выкрутится. Не в первый раз.

После разговора с ромеем к Духареву подошел булгарский священник. Страх у него в глазах не было — только беспокойство. За клир и оказавшихся в западне прихожан.

Духарев заверил, что русы им ничего худого не сделают. Сам он — христианин и готов хоть сейчас выпустить всех, кто пожелает. Но как поступят с ними ромеи, он не знает. Может, и пощадят.

Священник отошел к своим, посовещался и вернулся с сообщением, что покидать церковь никто не хочет. Доверия к ромеям у булгар не было. Еще священник предложил

причастить и исповедовать Сергея. Мало ли как обернется...

Духарев предложение принял с благодарностью. За себя и за Звана — больше в его маленьком отряде христиан не было.

Перевалило за полдень. Снаружи было тихо. Новых попыток захватить церковь ромеи не предпринимали.

Духарев с гриднями перекусили кое-чем из дорожных припасов. Поделились и с булгарами: экономить не имело смысла. Всё решится этой ночью. Поели, запили церковным вином... Гридни расслабились, задремали. Все, кроме дозорного, конечно.

Духарев думал о Людомиле. И о Сладиславе. Но о Людомиле — больше. Ведь жена была далеко, а Людомила — почти рядом. Сергеем стоило закрыть глаза, и он уже ощущал ее: приникшее тело, мягкие губы, тяжелый тугой узел волос на затылке. Мысль о ней кружила голову, как полный мех напоенного заморскими травами меда, сладкого и пряного, пьянящего одним только запахом. Меда, который можно пить большими глотками, долго, жадно... Пока не опустеет мех. Только этот «мех» никогда не опустеет.

Сергей чувствовал ее и желал... Просто нестерпимо. Окажись Людомила сейчас рядом — овладел бы ею прямо здесь, в Божьем храме. И это не было бы грехом... Наверное. Наверное, хорошо, что ее здесь нет... И всё-таки...

— Батька, проснись! Зван.

Духарев сел, встряхнул головой. Вокруг полумрак, но сверху, из высоких узких оконеч-прорезей, сочится тусклый свет.

— Долго я спал?

— Солнце садится.

— Ага... А что ромеи?

— Плохо. Сюда войско подходит. Ихнее.

— Точно?

— Сам видел. В основном — конные. Много. Стелищ на семь по дороге растянулись.

— Пойду гляну, — Духарев поднялся и полез на колокольню.

Зван не ошибся.

Это были ромеи. Действительно много. Всадники, пехота, обоз... Словом, войско.

— Что будем делать, батька?

Духарев оглядел свою маленькую армию. Пятерых парней, доверивших вождю свою жизнь. Каждый из них присягнул умереть за воеводу. И умрут. Если он велит.

— Как пленный? — спросил Духарев.

— Живой пока.

— Ходить может?

— Не-а.

— Тогда вы двое возьмете его и отнесете к ромеям. С вами священник пойдет. Переводить будет. Скажете ромеям... — Духарев задумался. Надолго.

— Чё сказать-то? — не выдержал кто-то.

— Скажете: я — воевода киевский Серегей. Я не воюю с императором ромеев. И я готов сдаться, если моим людям сохранят жизнь и не причинят вреда.

— А тебе, батька?

— Это всё.

— Но батька...

— Всё! Скажете точно, слово в слово. А еще добавите, что говорить я хочу либо с ромейским стратигом, либо с царевичем Борисом. И еще скажете, что я — друг патрикия Калокира, посланника кесаря Никифора Фоки...

Глава четырнадцатая

Ромейская честность

— Ты полагаешь, росс, что это хорошая рекомендация — быть другом изменника Калокира?

На одутловатом лице патрикия Никифора Эротика — привычная брезгливо-надменная гримаса потомственного аристократа, разговаривающего с варваром.

Рядом с патрикием — ромейский поп. Попа зовут Филофей. Он — важная шишка, поскольку патрикий обращается с ним как с равным. И, кажется, даже немного заискивает. Оба — и поп, и аристократ, неплохо владеют языком славян, так что переводчика не требуется. Естественно, перевода не требуется и обоим болгарским царевичам, которые тоже присутствуют здесь. Но помалкивают.

Духареву сыновья Петра не понравились. Одеты по-византийски, рожи постные, глазки потуплены. Вид у обоих далеко не царственный. Впрочем, что возьмешь с тех, кто с малолетства — в заложниках.

— Изменника Калокира? — Это для Духарева сюрприз. — Мне об этом ничего не известно. Мой князь — союзник вашего императора. Он здесь — по его просьбе.

— Следи за своим языком, росс! Император не просит — он повелевает!

— Пусть так, — согласился Духарев. — Мы здесь, потому что болгарский кесарь отказался выполнять повеления Константинополя, и ваш император повелел предложить моему князю золото, чтобы мой князь пришел сюда и научил болгар повиновению. Так сказал патрикий Калокир, которого ты назвал изменником. Возможно, ты и прав, патрикий, но могу тебя заверить: золото, которое привез Калокир, чтобы мой князь помог вашему императору в его войне с булгарами, было настоящим.

— Ты лжешь, варвар! — перебил Сергея патрикий.

— Не кричи, ромей! Даже этот священник рядом с тобой сможет отличить настоящее золото от фальшивого!

— Не о золоте речь. Ты лжешь, говоря, что император Рима воюет с Булгарским царством! — Патрикий повернулся к царевичам: — Разве не с почетом принимали болгарских послов в июне сего года?

Царевичи закивали, подтверждая. «Ловко», — подумал Духарев.

Нанятые ромеями русы высадились в Булгарии в августе, а хитрожопые ромеи за два месяца до этого принимали болгарских послов и небось договор о взаимопомощи заключили.

Тем временем патрикий по-гречески принялся заверять царевичей, что всё будет путем и Великая Преслава никогда не достанется варварам.

Духарев понимал достаточно, чтобы сообразить, о чем идет речь. Разубеждать никого не стал. Во-первых, потому что не считал ни себя, ни своего князя варварами, а во-вторых — не желал афишировать, что кое-как, но понимает ромейскую речь.

Патрикий снова вспомнил о пленнике.

— Ты утверждаешь, росс, что находишься у нас на службе. Тогда почему ты напал на моих воинов?

— Это они напали на меня, — возразил Духарев. — Я и мои люди были вынуждены защищаться.

— Ты мог сдаться, — заметил поп Филофей.

— У меня не было возможности вступить в переговоры, — сказал Духарев. — Когда на меня нападают, я сражаюсь.

— Ты и твои люди убили сорок шесть воинов императора. Это преступление.

— Это бой, — Духарев пожал плечами. — Воины императора тоже убили одного из моих воинов.

Опрометчиво сердить тех, от кого зависит твоя жизнь. Но Сергею было наплевать.

Патрикий поморщился, а Духарев поймал весьма заинтересованный взгляд царевича Бориса. Похоже, арифметика, в которой выразилось столкновение двухсот ромеев и шести русов, произвела на него впечатление.

— Вы не воины, а разбойники, — процедил патрикий. — И вас накажут, как разбойников. Вас распнут! Распнут! — повторил ромей с явным удовольствием. — Завтра на рассвете! Уведите варвара! — бросил он страже.

— Ты поклялся, что сохранишь жизнь моим людям! — возмутился Духарев.

— Клятва, данная язычнику, — недействительна, — ухмыльнулся патрикий. — Верно, преподобный Филофей?

Поп с важностью кивнул.

— Я не язычник, ты, лживая ромейская обезьяна! — рявкнул Духарев. — Я — христианин!

— Ты должен выполнить обещание, патрикий, — заметил царевич Борис.

— Даже если он и крещен, это не важно, — сказал ромей. — Он разбойник. Этим всё сказано. У разбойников нет ни понятия чести, ни понятия верности клятве.

— Зато они есть у нас! — возразил царевич. Он определенно начинал нравиться Сергею.

— Ты клялся сохранить жизнь его людям, — подал голос Филофей. — О нем самом не было сказано ничего. Но я бы сохранил ему жизнь. Если он действительно военачальник Сфендослава, за него могут заплатить неплохой выкуп.

— Наверняка он на это и рассчитывал, — по-гречески отозвался патрикий. — Но посмотри на него внимательно, преподобный. Это наш враг. И очень опасный. Потому будет так, как я сказал. Его распнут. Утром. — И сказал по-булгарски: — Я помилую твоих людей, росс. Оставлю их в живых. Возможно — тебя тоже. Я еще не решил. Уведите его!

— Зачем ты ему солгал? — по-гречески спросил Филофей, когда Духарева выводили из шатра. — Ложь — грех.

— Ты мне его отпустишь, преподобный, — ответил патрикий. — Зато варвар, надеясь на помилование, не выкинет ночью никакого фокуса. Поверь мне, преподобный, я знаю этих дикарей. Даже спутанные по рукам и ногам, они всё равно могут быть очень опасны.

Ночь была темной и теплой для конца сентября. Духарев остановился, запрокинул голову. Красивое небо. Звездное. Безлунное.

Сергей перевел взгляд с неба на землю. На земле горел костер. Вернее, много костров. Но этот — ближе прочих. От костра пахло дымом и едой. Духарев сразу вспомнил, что поесть ему не предложили.

Стражник легонько пихнул Сергея древком копья. Не будь у Духарева связаны руки, он мог бы отнять у стража копье и умереть с честью, с оружием в руках. Но даже и со связанными руками он мог бы сделать стражу очень больно. Ромей, надо полагать, это чувствовал, поэтому относился пленнику с опаской. Но сбивать стража с ног не было смысла: остались бы еще семеро. И вдобавок полторы тысячи воинов в лагере.

— Я хочу пить! — объявил Духарев. — Пить! — последнее слово он сказал по-гречески.

Его охранники посоветовались, потом подвели его к костру. У костра четверо ромеев играли в кости, еще двое спали, остальные занимались кто чем. Оружие было аккуратно сложено рядом.

Старший из стражей поднял с земли полупустой бурдюк (игроки в кости недовольно заворчали), знаком показал Духареву, чтобы тот сел, и поднес бурдюк к его губам. В бурдюке оказалось разбавленное вино.

Спать Духарева уложили у другого костра. Всё — очень вежливо. Даже попонку подстелили. Но ноги связать не забыли.

Спать Духарев не собирался. Если завтра его казнят — это его последняя ночь...

Что ж, пожил он славно. Детишек трое. Уже, считай, взрослые. У Слады тоже всё будет хорошо. Может, еще и замуж выйдет, какие ее годы... А вот что будет с Людомилой? Эх...

Как уснул, Сергей сам не заметил. Но когда проснулся, ночь еще не кончилась. Проснулся же воевода оттого, что кто-то перерезал ремни, которыми были связаны руки.

Костер погас, потому Духареву трудно было разглядеть своего освободителя. А пахло от него, как от любого кавалериста: конским потом, пылью и кожей.

Духарев лежал молча, не шевелясь. Не важно, кто. Важно, что друг. Враг сначала перерезал бы горло.

Руки освободились. Духарев аккуратно подвигал кистями, повернул голову. Справа — силуэт стража. Сидит, опираясь на копье, как ни в чем не бывало. Спит? Или — мертв?

Освободитель покончил с путами, молча сунул в ладонь рукоять короткого меча, нахлобучил на голову воеводе шлем, потом лег на землю и пополз подальше от костра. Духарев тоже пополз.

Впрочем, по-пластунски они передвигались недолго. Метров через тридцать спутник Сергея решительно поднялся. И рядом поднялись еще шестеро. Встал и Духарев.

— Ты как, батька, идти можешь? — шепотом спросил один из шестерых. Духарев узнал голос. Стемид Барсук. Его собственный большой сотник.

— Могу.

На Духарева накинули плащ. Барсук двинулся вперед. Шел решительно, уверенно, не скрываясь. Как раз так и нужно идти через спящий вражеский лагерь, разбитый по всем правилам военного искусства, даже огражденный невысоким частоколом. Впрочем, через ограду они лезть не стали. Двинулись прямо к выходу.

— Куда? — заступил им дорогу опцион охраны.

— В Преславу, — ответили ему по-гречески. — Приказ стратига.

К несчастью, опцион оказался недоверчивым.

— Документ!

— Пожалуйста!

Распахнувшийся плащ, быстрый укол. Подчиненные опциона тоже ничего не успели: ни взяться за оружие, ни далее закричать.

Зато беглецы успели пробежать почти двести метров, прежде чем поднялась тревога. Погоню, впрочем, снарядили проворно. И двух минут не прошло, как Духарев услышал позади топот копыт. Позади и впереди. Можно было нырнуть в придорожные кусты, но Барсук упрямо бежал по дороге, и Духарев решил, что сотник знает, что делает. Так и оказалось.

Из темноты навстречу вылетели всадники, но рубить беглецов не стали. Передовые пронеслись мимо, остальные окружили, стеной отделив от погони.

Защелкали луки, заржали лошади, закричали люди... Преследователи слишком поздно сообразили, что столкнулись с многократно превосходящими силами — большой дружиной киевского воеводы Серегея.

Духареву подвели коня.

— Здрав будь, батька! — раздался звонкий голос Йонаха. — Эй! Славно получилось! — и похвастался, не удержался: — Это я тебя углядел! Когда тебя ромеи вином поили!

Посланный за помощью хузарин добрался до Преславы вполне благополучно. И обнаружил там не только Дементия с остатками малой дружины, но еще пять сотен духаревских дружинников во главе со Стемидом Барсуком. Барсук решил не обращаться за помощью к Икмору и Щенкелю — чтоб времени не терять. Поднял гридней и немедленно двинулся на выручку воеводе.

Но все-таки опоздал. Никифор Эротик со своими катафрактами поспел раньше.

Вступать в бой с троекратно превосходящим противником Стемид Барсук не стал. Отправил гонцов Икмору со Щенкелем, расположил воев на должном удалении, а с наступлением темноты взял десяток гридней и подобрался поближе. Им повезло: глазастый Йонах сумел углядеть Духарева.

Глава пятнадцатая

Конец ромейского войска

— Надо выручать своих, — сказал Духарев.

Его сотники согласно кивнули. Никто не стал говорить, что в бою с ромеями поляжет много больше четырех грядней, томившихся в плену. Своих надо выручать.

Для начала дружинники Духарева устроили ромеям веселенькую ночь. В лучших степных традициях: с устрашающим воем, с дождем стрел, зажигательных, «визжащих», и обычных, невидимых и беззвучных. Не устрой ромеи «правильного» лагеря, им пришлось бы еще «веселее», но и так было не скучно.

Утром не выспавшийся, злой Никифор Эротик собрал таких же невыспавшихся командиров. Он уже знал, что главный росс ухитрился бежать. И высказал по этому поводу всё, что думал. И собственным командирам, и царевичу Борису, осмелившемуся этого росса защищать. Обидно, что наказывать за побег некого. Стражи, которые должны были охранять воеводу, уже несли ответ перед другим судией.

У патрикия было большое искушение выместить недовольство на четверых пленных, но он вовремя сообразил, что их можно использовать как приманку... А потом на военный совет явился проедр⁶ Филофей и напомнил, что у них есть цель поважнее, чем сбежавший росс. Великая Преслава. Надо поторопиться. Очень возможно, что Святослав уже у ее стен.

— Или внутри, — буркнул Никифор.

— Преславу взять не так просто, — возразил царевич Борис. — Это могучая крепость. Я думаю, торопиться как раз не следует. Надо подождать, пока подойдут дружины моих вассалов.

В этом был резон. Когда царевичи с ромейским «эскортом» шли через земли южной Булгарии, большинство местных бояр выразили готовность поддержать сыновей царя Петра. Но им требовалось время, чтобы собрать дружины, а Никифор с Филофеем настаивали на том, что ждать — некогда.

В их словах тоже был резон. Надо опередить варваров. Но царевичи подозревали, что немалую роль в этой поспешности играло и то, что сейчас в союзном византийско-булгарском войске на одного булгарина приходилось десять ромеев, а когда к нему присоединятся верные Борису бояре, расклад существенно изменится. И уже тогда не патрикий Никифор будет главным военачальником, а наследник престола Борис.

— Надо подождать, — сказал царевич. — Пусть Сфендослав посидит под стенами Преславы. Мою столицу ему не взять.

Никифор фыркнул. «Мою столицу!» Щенок. Как только ромеи войдут в Преславу, Булгария снова станет провинцией империи. Таков приказ царственного тезки Никифора Эротика, василевса Никифора. А россы пускай убираются в свою Скифию. Возможно, Никифор Эротик даже расплатится с ними... из казны булгарских царей.

Пока руководство совещалось, византийское войско завтракало. И ожидало команды «в поход».

Разведчики, посланные Духаревым искать подходящее место для засады, возвращались и докладывали о результатах поиска. Результаты были — не очень. Как часто бывает, самую интересную информацию доставил последний дозор. «Информация» прибыла верхом на кауром жеребце. Звали «информацию» Тоттош угорский, и сопровождали его двенадцать сотен конных угров. Вполне достаточно, чтобы вместе с духаревскими гряднями устроить ромеям веселую жизнь. Но от этой замечательной идеи пришлось отказаться.

⁶ Проедр — дословно «председатель». Высший гражданский чин.

Дело в том, что угры Тотоша были не самостоятельной боевой единицей, а всего лишь передовым отрядом, на полпоприща опередившим настоящее войско.

Навстречу царевичам и их ромейской «свите» двигался сам великий князь киевский Святослав.

— От величайшего из повелителей, василевса Римской империи автократора Никифора Фоки брату его катархонту россов Сфендославу — привет! — торжественно провозгласил патрикий Никифор Эротик.

— Не катархонту, а великому князю киевскому, хакану тматороканскому Святославу! — тут же поправил его сын херсонского градоправителя патрикий Калокир.

Эротик посмотрел на него с ненавистью.

— Пусть ему, — махнул рукой Святослав. — Спроси его: что он тут делает? Деньги обещанные привез?

— Не деньги он привез, а царевичей — болгар против тебя поднимать.

— Это я и сам знаю. Мне интересно, что скажет этот индюк.

В шелковом шатре великого князя они были втроем. Напыщенный стратиг, Святослав и Калокир — в качестве толмача. Ни Святославовых воевод, ни царевичей, ни преподобного Филофея.

— Потом, — сказал Святослав. — С ними — позже.

— Великий князь хочет знать, привез ли ты золото, обещанное ему нашим василевсом? — перевел Калокир.

— О золоте я ничего не знаю, — уклонился от прямого ответа Никифор Эротик. — Я — посол автократора Византии.

— Не привез, — лаконично перевел Калокир. — Говорит, что он посол.

— Тогда зачем он притащил с собой столько воинов? — Недобрая улыбка Святослава отозвалась холодом в животе Никифора Эротика. — Неужели мой брат кесарь ромеев так беспокоится о безопасности своего посла?

— Василеве Никифор беспокоится о безопасности сыновей болгарского архонта Петра, — нашелся Эротик. — А особенно — их женах.

— Сидели бы они, как раньше, в Константинополе, ничего бы им не угрожало, — сказал Святослав. — Зачем ты привез их сюда?

— Их отец при смерти, — схитрил патрикий. — Нельзя отказывать сыновьям, кои стремятся к смертному одру отца.

— Не попросил бы меня кесарь Никифор поучить болгар, не лежал бы их отец на смертном одре. Признайся, патрикий: ты привез сюда царевичей, чтобы они воевали со мной. Скажи правду — и я сохраню тебе жизнь.

— Он всё равно соврет, — сказал Калокир. — Я хорошо его знаю, князь. Он даже слова такого не знает — «правда». Но убивать его я не советую. Всё-таки он посол кесаря. Убьешь его — и кесарю придется объявить тебе войну.

— Ты переводы, Калокир, — холодно произнес великий князь. — И учти, что я не боюсь кесаря ромеев. И что делать с этим отродьем росوماхи, я сам решу.

— Автократор ромеев — друг великого князя! — пылко произнес Никифор Эротик. — В знак своей дружбы он послал тебе сыновей Петра. Возьми их и поступай с ними, как считаешь нужным. Только не обижай их жен, ведь в их жилах божественная кровь василевсов!

— Конечно, я их возьму, — усмехнулся Святослав. — И жен обижать не буду. Наоборот, я их возвышу. Сделаю своими наложницами.

Даже сквозь грим стало заметно, как побледнел патрикий Никифор.

Если Святослав сделает то, что сказал, Эротику лучше не возвращаться в Константинополь. Василевс Никифор собственноручно поджарит патрикия. И древность рода его не спасет.

Но в окружении тридцати тысяч воинов Святослава полторы тысячи катафрактов Никифора — что крыса в волчьих челюстях. Как Святослав решит, так и будет.

— Он мне надоел, — сказал великий князь. — Как можно такого ставить над воинами? Он трясется и потеет от страха, но продолжает врать и юлить. Скажи ему: я забираю царевичей и всех, кто с ними. Сам он может убираться. Я даже позволю ему взять с собой сотню воинов — чтобы его не прирезали по дороге.

— Сотню? — воскликнул Никифор Эротик. — Но со мной шестнадцать сотен катафрактов!

— Не с тобой! — отрезал Святослав. — Ты же сам сказал: эти воины охраняют царевичей и их семьи. Вот пусть и охраняют. Ты позаботишься об этом, Калокир.

— Они ненадежны, — предупредил Калокир. — Большинство набраны из восточных провинций.

— Так сделай их надежными! Я не могу просто так отпустить такое войско. Я бы и этого хорька не отпускал, но ты прав: прирезать его — прямо оскорбить Константинополь. А катафрактов этих я разделю на малые отряды и распределю между моими воеводами. Не все же варягам воевать за ромеев. Пусть и ромеи немного повоюют за варягов. А этому скажи: пускай убирается, пока я не передумал.

Калокир перевел. Никифор Эротик убрался.

— Что ты сделаешь с царевичами? — спросил Духарев.

— Что я могу сделать, если ты поклялся моим именем, что я сохраню за ними болгарский стол? — проворчал Святослав.

— Можешь сказать, что я солгал.

— У меня один язык, — сказал великий князь. — Даже если моим языком был ты. Старший из них станет кесарем Булгарии... И поклянется мне в верности. Только узнает он об этом уже в Преславе. А пока пусть как следует осознает, что его жизнь зависит только от меня. И пусть запомнит, что стол болгарский он получил не по праву отчины, а из моих рук. — Подумал немного и добавил: — Все-таки зря я послушал Калокира и отпустил того лживого патрикия. Чувствую: неправильно это.

Духарев промолчал. Но отметил: раньше за великим князем подобных сомнений не замечалось. то сделано — то сделано.

Чувства не обманули Святослава.

Никифор Эротик не сразу отбыл в Константинополь. По дороге он задержался в южной Булгарии, где посулами и деньгами убедил население нескольких расположенных к Византии городов не открывать ворот Святославу. Мол, скоро сюда придут войска автократора, сотрут россос в труху, а преданных — вознаградят.

Никифор Эротик очень надеялся, что так и будет. А не сдавшиеся города не позволят Святославу перекрыть сухопутную дорогу в Булгарию. И Никифор Фока простит своего тезку за то, что царевичи оказались в руках катархонта тавроскифов.

Так отплатил Святославу за снисходительность патрикий Никифор Эротик. Но его спутник и соратник проедр евхаитский Филофей тоже не преминул, по велению своего кесаря, напасть на россос.

Проедр отправился к своим давним знакомцам паницакам и опять-таки деньгами и посулами убедил их оказать Константинополю некую услугу, ставшую тем камнем, о который споткнулся победоносный конь полководца Святослава Игоревича.

* * *

— Ты пришел воевать со мной, — сказал Святослав. — Значит — ты мой враг.

— Это мое царство, — царевич Борис боялся, но изо всех сил старался скрыть страх.

«Еще бы ему не бояться, — подумал Духарев. — Попал, как кур во щи».

Парнишка всю жизнь провел в заложниках у ромейских кесарей. А уж чего там только

не рассказывали о таких, как Святослав. Будто режут и бесчестят всех подряд, невзирая на пол и возраст. Жгут тысячами, и тысячами на кол сажают. Звери лютые, одним словом. Только что человечину не жрут. И то не факт...

Страшно парнишке...

Хотя какой он «парнишка», если подумать. Святослав его на год младше. Но Святослав — воин, князь, полководец. Ему и железа не надо, чтобы прикончить такого, как царевич. Одной рукой задушит. Страшно Борису, но держится неплохо. Всё-таки не вода в жилах течет — кровь царя Симеона.

— Это мое царство. А ты пришел его воевать.

— Не сам, — уточнил Святослав. — Твои дружки ромеи позвали — царство твоё взять. И золота пообещали — на двух кораблях не увезти. Только расплатиться что-то не спешат.

— Я дам тебе золото! — быстро сказал царевич. — Столько, сколько обещали ромеи. Больше дам. Только уходи!

— Дашь? Правда? — Святослав засмеялся. И воеводы его, Икмор, Свенельд, Лют, Щенкель — тоже захохотали. Эко пошутил болгарин. Всё, что есть у него, все, что было, — теперь в руках русов. Да и сам он...

Царевич покраснел. Понял, что глупость сморозил.

— Я могу попросить у кесаря Никифора... — пробормотал он. — Чтоб он заплатил...

— Он заплатит, — подал голос Икмор. — А не заплатит, так мы через горы перейдем и сами возьмем.

— Жить хочешь, Борис? — спросил великий князь.

Царевич посмотрел ему в глаза... и кивнул.

Святослав усмехнулся... И вовремя вспомнил, что у болгар всё наоборот: покачал головой — да, кивнул — нет.

— Не хочешь жить?

— В бесчестье — не хочу, — твердо ответил царевич.

Святослав молчал. Долго. Духарев царевичу сочувствовал. Он знал: Святослав не станет его убивать, но царевич-то об этом не знал.

— Ладно, — наконец произнес великий князь, словно после долгого раздумья. — В бесчестье жить не будешь... Жить будешь — хаканом. Царем по-вашему. Но... — тяжелый немигающий взгляд уперся в Бориса, и тот даже отшатнулся слегка, словно ладонью в лицо толкнули. — ... Но клятву мне принесешь. Что будешь в союзе со мной против всех моих врагов. Братом мне будешь. Младшим. И Богом своим мне в этом поклянешься. Согласен?

— А ты? — храбро спросил царевич. — В чем поклянешься мне ты, великий князь?

— Я клятву твою приму, — сурово сказал Святослав. — Этого довольно. Но ты не бойся. Царства я твоего отбирать не стану. Даже казну отца твоего тебе оставлю — негоже брату моему нищим быть. Ромеев тоже не бойся. Они тебя будут бояться, коли братом моим будешь. Одно запомни: преступишь клятву — уж не знаю, как тебя твой Бог наказывать будет, а я тебе обещаю смерть скорую и страшную. А теперь выбирай, сын кесаря, что тебе любо: венок смертный или венец царский.

— Царский, — не раздумывая ответил Борис. И вдруг вспомнил: — А с братом моим — что?

— Да то же, — сказал Святослав. — Или бесславная смерть, или клятва и жизнь. Только без царства. Оно ведь у вас пока одно. Другого еще не завоевали.

Духарев вернулся в Межич только через месяц. Сначала в столице дела были, потом боярина одного местного замирял, который решил от царя новопомазанного отложиться.

Словом, приехал за Людомилой, когда уже листья осыпаться начали.

В Межиче всё было путём. И во многом потому, что оставил Духарев тут свою полусотню. Богумилы, правда, больше не совались, зато пару раз наезжали ватажки печенегов. Но, узнав, что в Межиче — гридни воеводы Серегея стоят, отправлялись восвояси. А вот соседа Межича, старого болярина, пощипали крепко. Сам-то он в замке

отсиделся, но из подвластных ему деревенок вымели всё подчистую и смердов порезали.

Но к тому времени, когда приехал Духарев, печенег из здешних мест уже ушли. Так что необходимость в гарнизоне практически отпала, и Духарев гридней своих забрал. Кроме одного. Полянин Дужка выразил желание остаться. Понравилось ему тут. Духарев возражать не стал. Предложил Людомиле оставить Дужку управляющим, а старого Пчёлку забрать с собой в Преславу.

На том и порешили.

К сожалению, в Преславе Духарев провел всего два дня. Оказалось, что на юге Болгарии — мятеж. Сразу несколько городов отказались платить подати и на западно-европейский манер объявили себя вольными городами.

Святослав отреагировал быстро и жестко. Скорым маршем преодолел полстраны и обрушился на мятежников «аки пардус». К зиме все взбунтовавшиеся города были замиренны.

Теперь можно было с уверенностью сказать: война в Болгарии закончилась.

Царь Петр отрекся от престола. Вернее, об этом объявили: сам Петр после инсульта и двух слов внятно произнести не мог. На царство был помазан его сын Борис, который тут же отдал «старшему брату» Святославу приданайские земли, города на них, караванные пути и право взимать на них пошлину. Святослав торжественно поблагодарил. Затем «высокие стороны» подписали договор о военном и торговом союзе, и киевский князь отбыл в Переяславец, где намеревался отныне держать свою ставку. Вместе с ним отбыл и патриарх, официальная резиденция которого была в Доростоле, принадлежавшем отныне Святославу. В Великой Преславе Святослав оставил крепкую дружину под началом Щенкеля. Договор договором, а некоторая предосторожность не помешает.

Духарев тоже остался на зиму в болгарской столице и встретил здесь новый, девятьсот шестьдесят девятый год от Рождества Христова. И зима эта была одной из лучших в его жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ РУСЬ И СТЕПЬ

ПРОЛОГ

Густую липкую вонь в юрте дикаря не перебить ни благовониями, ни даже едким дымом, струившимся от жаровни.

«Так, должно быть, пахнет в аду», — подумал проедр Филофей, опускаясь на кошму и скрешивая ноги по степному обычаю.

Снаружи — холод, обжигающий лицо ветер. Здесь — жар и смрад, оседающий на коже мерзкой липкой пленкой.

Всё здесь было противно священнику. И смрадная юрта, и дикарские обычаи, и сам дикарь, здоровенный, голый, с руками и торсом, размазанными грубыми узорами и мордами лживых языческих божков.

«Будь ты проклят, кровавый содомит», — подумал проедр, но ненависть и отвращение никак не отразились на выражении его лица. Филофей был опытным дипломатом и уже одиннадцать лет свершал свой подвиг: помогал язычникам истреблять друг друга, отвращая их от разорения христианских земель. Ради этого богоугодного дела проедр был готов терпеть страдания и лишения. Знал, что воздастся ему и там, на Небе, и здесь, на земле.

— Значит, крепко завяз пардус в чужой земле? — спросил пащинак.

— Крепко, — подтвердил священник. — Всеми четырьмя лапами.

— И не скоро вернется? — Прищуренные глазки пацака колют, как ножи. А ошибешься — вынет пацака настоящий нож и по-настоящему выколет собеседнику глаза. Филофей видел, как пацака это делает. С удовольствием. Но ни тени сомнения нет во взгляде священника.

— Не скоро, — говорит он. — Может — никогда.

— Ха! — скалится пацака. Зубы у него ровные, желтые, крепкие. Наверняка не болят. А у проедра вот уже вторую неделю болит зуб. Ни молитва, ни полоскания не помогают. Эту боль тоже приходится терпеть.

Пацака перестает улыбаться.

— Что тебе нужно, жрец? — спрашивает он, — Зачем ты приехал?

Он уже задавал этот вопрос. Второй вопрос, который он задавал Филофее. Первым было:

«Ты привез мне золото?»

«Нет», — ответил Филофей.

«Тогда зачем ты приехал?»

«Я привез тебе то, что стоит золота, — ответил тогда Филофей. — Я привез тебе весть».

— Зачем ты приехал?

— Ты великий воин, большой хан, — проедр выбирал слова тщательно. Так подбирают жемчуг для дорогого ожерелья. — Воины твои несравненны в битве. Кому еще я мог принести весть о том, что великий город готов пасть к ногам большого... К ногам коня большого хана, — быстро поправился священник, вовремя вспомнив о том, что пацаки не воюют пеше. Я принес тебе весть. А ты сам решай, как тебе поступить.

— А чего хочешь ты, жрец? — с подозрением спросил пацака. — Имей в виду: золота для тебя у меня нет.

— Мне не нужно золото, — спокойно, даже надменно отказался Филофей. — Но просьба есть. Когда ты возьмешь большой город, позволь мне возвести в нем алтарь моему Богу.

— Будет так, — не раздумывая, ответил дикарь. И снова осклабился. Пацаки не любят городов. И после их набегов городов не остается — только пепелища.

Дикарь потянулся к чаше, бережно налил из бурдюка белую жидкость. Сам. Своими руками. И протянул священнику:

— Пей.

И Филофей выпил. И причмокнул с показным удовольствием: мол, замечательный кумыс.

Филофей ненавидел эту кислую дрянь с запахом конского пота. Но не выпить — значит провалить миссию. И умереть. Проедр евхаетский Филофей не боялся смерти. Он терпел не из страха, он терпел — ради Церкви, Господа и василевса Никифора Фоки.

Глава первая

Мирная болгарская весна девятьсот шестьдесят девятого года

Весна 969 года была относительно мирной. Весна часто бывает мирной, потому что весной — время сеять, а не собирать урожай. Захватчику брать нечего. Этой весной — особенно. Голодно на землях Болгарии. Далеко не везде успели убрать урожай. Где сгорел, где потравили, а где — некому было. Кесарь Борис повелел открыть амбары. Кто хотел — мог взять семенное зерно, а осенью вернуть вдвое. Многие брали. Не только крестьяне. Приказчики Мышаты нагрузили болгарским зерном пятьдесят кораблей и, как только

открылись водные пути, повели флотилию к Боспору. В Булгарии голодно, а в Византии — голод. Там брат кесаря Никифора куропалат⁷ Лев Фока скупал привозной хлеб по очень хорошей цене. И втридорога продавал жителям империи. Зерно дорожало. Зато цены на шелк упали вчетверо. По уложению, подписанному когда-то покойным князем Игорем, киевские купцы не имели права свободно торговать на рынках Константинополя, а обязаны были продавать и покупать по ценам, установленным дворцовыми чиновниками. Но к Мышате это не относилось. Он еще шесть лет назад купил себе имперское гражданство и право торговать всеми товарами без ограничений. Это оказалось не так сложно, если знать, кому и сколько следовало заплатить. Мышата знал.

Духарев не был гражданином империи и вообще не занимался торговлей. Тем не менее семь кораблей из пятидесяти принадлежали ему. И еще ему полагалась десятина за то, что до Константинополя флотилию сопровождали его лодьи. Конечно, от ромейских триер с огненным боем русские лодьи купцов защитить не смогли бы, но ромейские военные корабли не стали бы атаковать флотилию ромейского же купца. А чтобы защититься от пиратов, четыре боевые лодьи — более чем достаточно.

В начале апреля Людомила уехала домой, в Межич. Сергей отправил с ней четыре десятка гридней — сопровождать. Кроме того, Пчёлко набрал еще дюжины три мужей, землепашцев по рождению и солдат по профессии, пообещав дать каждому землю в аренду и зерно для сева. Еще с ними поехали две ватажки каменщиков: Духарев дал Пчёлке денег на восстановление межичского замка, разрушенного когда-то «отныне и навечно» по приказу кесаря Петра. Нынешний царь Борис не глядя подмахнул отмену этого «навечно». Он был очень покладистым царем. Неудивительно, ведь в его собственном дворце русских гридней было втрое больше, чем болгарских стражников.

Зато под Доростолом болгарских воев было немало. Святослав решил сформировать из местных жителей отдельный болгарский полк. Сотниками и тысячниками в нем должны были стать местные бояре, а верховное командование над «аборигенами» великий князь отдал Духареву.

— Ты с ними дружишь — вот и командуй, — сказал великий князь. — Не Бориса же над ними ставить.

Тут Святослав был прав. Царь Булгарский активно переписывался с Константинополем (в наивной уверенности, что русы об этом не знают), и вообще был больше политиком, чем воином. В любом случае Борис ненадежен. Особенно в войне против ромеев. А война будет наверняка. Повод налицо: василевс Никифор так и не выплатил Святославу обещанные деньги. Значит, этим летом союзное войско русов, угров, печенегов и болгар переберется через гемейские перевалы, и горе тем, кто окажется у него на пути.

Делать из болгар союзников не на словах, а на деле — задача важная и непростая. Набранные добровольцы в большинстве — рядовые необученные. Их командиры-бояре военное дело знают, но многие политически неблагонадежны. Те, кто когда-то ходил на ромеев под знаменами хакана Симеона, ныне либо состарились, либо мертвы. А многим из нынешних ромей симпатичнее русов. Хотя бы потому, что ромей далеко, а русы — близко.

К счастью, у Духарева была собственная дружина, и он имел возможность к каждому сомнительному командиру приставить доверенного гридня, который заодно и болгарских воев мог поднатаскать. К концу мая у Духарева под началом было шесть полных тысяч среднеобученной пехоты и две тысячи конных, которых Сергей не рискнул бы выпустить даже против малой печенежской орды, не говоря уже о ромейских катафрактах. Впрочем, до начала военной кампании еще оставалось время. Так полагали все, включая и самого великого князя. Но империя уже сделала свой ход. Точный, коварный и очень эффективный.

⁷ Куропалат — высокая дворцовая должность, которую обычно занимали члены императорской фамилии. Впервые появилась в седьмом веке от Р. Х., но тогда так назывался начальник дворцовой стражи.

Глава вторая

Хан Кайдунат

Шесть тысяч всадников привел с собой вождь народа Хоревой, большой печенежский хан Кайдунат. Не налетел внезапным вихрем — степенно подошел. Впрочем, внезапно и не получилось бы. За день дозоры дымами сообщили: идет большая орда. Так что и сельчане успели попрятаться, и посадские — уйти за городские стены.

В облаке пыли и грохоте кибиток накатила орда. Замельтешили в покинутых посадах всадники. Словно огромные поганки, вспухли на днепровском берегу печенежские шатры. Обосновались. И лишь после этого появился у ворот темнолицый печенежский посол, малый хан, племянник Кайдуната. Пожелал говорить с великой княгиней.

Гридни подняли Ольгу наверх, на привратную башню, прикрыли щитами, чтоб не было у копченых искушения достать княгиню стрелой.

Разговор у Ольги с послом получился — как у глухого со слепым.

Спросила княгиня, что надобно здесь орде Хоревой? Или забыли они, что клялись в дружбе и приязни к ее сыну Святославу?

Не забыли, ответил посол. Как можно! Не воевать пришли — в гости. Так что, хозяйка, открывай ворота. Негоже гостей перед дверью держать.

А почему с оружием пришли? — поинтересовалась княгиня.

Так опасно без оружия в Диком Поле. Ведомо ли княгине, что кочуют там люди недобрые. Так и норовят мирных печенегов Хоревой под нож пустить, чтобы прибрать к рукам их многочисленные стада.

Сие княгине было ведомо. Однако ж здесь, в Киеве, лихих разбойников не водится, следовательно, и оружие здесь воинам Хоревой ни к чему. Хотят гостями быть — княгиня не против. Охотно примет у себя и большого хана Кайдуната, и малую его дружину. Но оружие дружине придется оставить, потому что здесь не принято, чтобы гость с оружием в дом заходил.

Оказалось, не могут воины Кайдуната без оружия ходить. Так сроднились, понимаешь, с луками своими и саблями, что без оных и заболеть могут. Да и бесчестье это для воинов Хоревой — без оружия показаться. Без оружия в степи только рабы ходят.

Тогда ничего не выйдет, огорчила посла княгиня. У Хоревой — свои обычаи, у киевлян — свои.

Посол огорчился, даже обиделся. Нехорошо, мол, когда к тебе гость приходит, а ты гостю — от ворот поворот. Надо бы в таком случае хоть подарок какой гостю сделать. Все же путь пройден немалый, да и уважение друзьям проявлять друг к другу не вредно. Княгиня с этим тезисом в принципе согласилась. И даже назвала возможный подарок: тридцать гривен серебром.

Посол в ответ долго и визгливо смеялся. А потом сообщил, что у большого хана Кайдуната конь — и тот дороже стоит.

Неужели хан Кайдунат привез в подарок ее сыну такого замечательного коня? — поинтересовалась княгиня.

Оказалось, нет.

Тогда какой же подарок привезли печенеги?

Привезли, ответил посол. Полные колчаны стрел.

Что ж, сказала княгиня, стрелы киевлянам тоже пригодятся. За дюжину хороших стрел на подольском рынке три медные монеты дают. Хорошие у печенегов стрелы?

Очень хорошие, заверил посол. Такой стрелой за сто шагов стражнику на забороле можно в глаз попасть. Так что и цена у них соответствующая. Четверть гривны за штуку.

Желаает княгиня знать, сколько у Хоревой стрел на продажу?

А желает ли уважаемый посол большого хана знать, почему продает стрелы ее сын, великий князь Святослав? — задала встречный вопрос княгиня.

Посол сказал, что его это не интересует. Великий князь нынче далеко, за Дунаем. Там свои цены, здесь — свои. Станет княгиня стрелы покупать или нет?

Нет, не станет. Стрел у княгини своих в достатке. Так что ехал бы великий хан Кайдумат торговать в другое место. Здесь ему прибытка не будет. Словом, не получилось разговора. Отъехал посол восвояси. Потом снова приехал. Назвал новую цену. Княгиня посмеялась. Предложила свою. В сто раз меньше. Да и то, сказала, лишь потому, что скоро сын ее вернется — запасы пополнять. Стрелы ему пригодятся. Теперь посмеялся посол. И цене, и известию о скором возвращении Святослава. Но опять отбыл ни с чем.

На пятый день печенегам надоело играть в дипломатию, и они предприняли попытку взять внешнюю стену.

Ничего не вышло, естественно. Брать крепости печенеги не умели. Киевляне ликовали. Думали — уйдут копченые несолоно хлебавши.

Печенеги не ушли.

Прошло двадцать шесть дней. Двадцать шесть дней пестрели под стенами Киева печенежские шатры.

Никому из города не выйти. И не войти. Осадили степняки Киев и уходить не собирались. Знали: далеко страшный Святослав. Некого бояться. В осажденном городе и трех сотен гридней не наберется. Лучшие воины со Святославом ушли. А многие из тех, кто не пошел с князем, тоже в городе не сидели. Почти пять сотен ушли с купеческим флотом.

Зато мирного народу собралось немало. И в Нижнем городе, и на Горе. Из горожан и беженцев собрали ополчение, да что толку? На стеках воевать ополченцы могли, и довольно успешно. Еще и потому успешно, что степняки в штурме городов были не очень-то ловки. Ясное дело: верхом по лестнице не поскачешь. Печенеги метали снизу стрелы да кричали обидно, надеясь, что выйдут киевляне на открытое место... Где их печенеги с легкостью перебьют. Киевляне, понятно, глупо умирать не хотели. Сидели в городе и ждали. Надеялись — поспеет кто-нибудь на выручку. Может, кто-то из соседних князей с дружиной. Или сам великий князь.

Об этом молились. Княгиня и кое-кто из ее близких — Христу Спасителю, варяги — Перуну, большинство же — своим исконным богам: Дажьдбогу, Сварогу, даже и Мокоши — чтоб напустила на копченых какую-нибудь злую хворь.

Боги с помощью не торопились. А у осажденных дела были неважные. Очень плохо было с водой. Людей — много, колодцев мало. Особенно тяжело — на Горе. Пили мёд старый, пиво прошлогоднее. Воду почти всю воинам отдавали да коням их. Кони же, хоть и в стойлах, а много больше людей пьют.

Трижды в городе собирали вече. Искали добровольцев — за помощью послать. Вызывались многие. Хоть и были лучшие вои нынче в Булгарии, со Святославом, но храбрецов в городе осталось немало. Уходили гонцы ночами, группами и поодиночке... Никто не прошел. Каждое утро печенеги на колы новые головы насаживали. И гонцов, и тех, кто под покровом ночи пытался из города бежать. А потом вышла к народу великая княгиня Ольга... Седая, совсем постаревшая: будто ей каждый день в осаде — как год. Вышла и запретила людям за стены ходить. Советовали ей ближние бояре: пусть бегут смерды. Тогда остальным больше еды и воды достанется. Не стала их слушать княгиня. Сказала: нечего людей губить зря. Будем на Бога уповать. А когда совсем невестому станет, отдамся с сыновьями печенегам. Пусть возьмут нас, а потом со Святослава выкуп требуют — сколько пожелают.

Не любо то было ее внукам, Ярополку и Олегу (старший, Володимир, второй год в Новгороде), но бабушке противиться не смели. Даже Ярополк, которому отец, уходя, киевский стол оставил. Может, мнилось ему: совершит он христианский подвиг, собой пожертвовав и за людей своих мученическую смерть приняв?

— Глупости это! — сказал Артём матери, вернувшись. — Бог тому помогает, кто дело делает. Молитвой стену не обрушишь и не удержишь. Ныне не библейские времена.

— Не болтай, о чем не знаешь! — сердито проговорила Сладислава. — Бог все может!

— Мочь-то может, а захочет ли... — пробормотал Артём. Но тихонько, чтобы мать не слышала. Выпил молока и ушел во флигель, к Рёреху: посоветоваться.

По сравнению с другими на обширном подворье воеводы Серегея дела обстояли неплохо, поскольку было тут целых два колодца: старый и новый, очень глубокий, выкопанный и выложенный камнем под присмотром парса Артака, который в этих делах понимал лучше любого киевлянина. Запасов съестных тоже хватило бы надолго. На год и более... Если бы по приказу хозяйки не отдавали каждый день толику тем, у кого не было ничего, кто при появлении печенегов успел лишь добежать до ворот и спрятаться за стенами.

— Глупость это — сидеть и ждать неведомо чего! — сердито сказал Артём старому варягу. — Пускай сто человек попадется — сто первый проскочит!

— Не проскочит, — спокойно ответил Рёрах. — А еще большая глупость гонцов толпой выкликать да отправлять за стены при всем честном народе. Этим дурням и так-то мимо копченых не пройти, а когда в городе каждый пес знает, что нынче ночью из Киева люди побегут, так тут и опытному лазутчику не проскочить.

— А откуда они знают? Думаешь, послухи печенежские в городе есть?

— Может и есть. А может и нет. А копченые всё равно знают, когда и кого ловить.

— Это верно, — согласился Артём, вспомнив осаду Саркела и то, как там каждую ночь дозоры Святослава беглецов из крепости отлавливали. — Да от того — не легче. Ты лучше скажи, дед, что делать? Вот вчера на той стороне Днепра всадников видели. И не копченых — нашего племени. Дать бы им знать, что дела в Киеве плохи.

— Ночью не пройти, — сказал Рёрах. — Ночью переймут. А днем?

— Ну ты сказал, дед! Если ночью не пройти, то уж днем... На свету — через весь печенежский стан... Иль ты шутишь?

— Может и шучу. А может и нет.

— Не понимаю тебя.

— А ты подумай, — старый варяг легонько стукнул твердой ладонью по Артёмову лбу. — Ты ж не дурень. Сколь языков выучил. И по-печенежски тоже болтаешь, как природный копченый.

— Ага! У тебя, дед, видно, совсем с глазами плохо. На меня погляди! Похож я на копченого?

— Что-то есть... — усмехнулся в усы старый варяг. — Чернявый...

— Вот и всё сходство! Первый, кто глянет на меня повнимательней, сразу чужака признает!

— А ты сделай, чтоб не глянули.

— Это как?

— Придумай!

И Артём ушел думать. И придумал.

Позже в летописях напишут: мол, был такой парень, который сам вызвался через половецкий стан среди бела дня идти. И объявил об этом при всем честном народе. Возможно, всё так и было. Но сомнительно. Поскольку акции подобного рода абсолютно не переносят огласки.

Глава третья

Отрок с уздечкой

Темна южная ночь. А вот с тишиной — не очень. Свиристит, квакает, ухает... А если к этому животному хору добавить человеческие голоса — совсем шумно получается.

Нынешняя ночь выдалась особенно шумной, потому что киевляне сделали вылазку.

Три сотни гридней верхами вылетели из распахнувшихся ворот, посекали подвернувшихся под руку печенегов, подрубили пару шатров, один даже поджечь успели — и умчались обратно так быстро, что полетевший вдогонку град стрел разбился о запертые уже ворота.

Лихо, эффектно, но совершенно бессмысленно с тактической точки зрения.

Если не знать подоплеку данной акции.

Гридни не знали, но им всё равно понравилось. Приятно поразмяться после многодневного бдения на стенах.

Правда, подобный фокус проходит лишь один раз. С этой ночи разленившиеся степняки будут начеку.

Но это уже не важно.

Нож вошел в печенежский загривок аккуратно между грязными косицами. Такой удар требует навыка. Перерезать горло проще. Но горло — это много крови и довольно много шума. Шум в данном случае был помехой небольшой, а вот кровь, которая перепачкала бы одежду, — совсем ни к чему. Печенег умер мгновенно и беззвучно. Артём аккуратно снял с него верхнюю одежду: куртку, кожаные штаны, оставив только исподнее. Потом осторожно вытянул нож и воткнул на его место стрелу.

Теперь всё выглядело как надо. Убитый лежал мордой в землю, стрела торчала из шеи. Любой степняк, увидев полураздетого соплеменника, тут же сделает «правильный» вывод: выскочил воин, в чем спал, на шум битвы — и схлопотал стрелу.

Артём поборол искушение — немедленно двинуть к реке. Рискованно. В лагере сейчас — светлей, чем днем, все взбудоражены, начеку. По-печенежски Артём говорил свободно, но всё равно не так, как настоящий степняк. Признают в нем чужака — всё пропало. А выйти из печенежского стана сейчас не легче, чем войти. Нет, надо ждать утра.

Приняв решение, Артём подобрал оброненную кем-то попону, завернулся в нее и улегся «спать» у первого попавшегося возка. Пару раз его «будили» — пихали в бок. Надо полагать, с целью проверить — жив или нет. Артём бормотал невнятно по-печенежски, и его оставляли в покое. А под утро он и впрямь задремал.

Проснулся, когда солнце уже взошло. Жизнь в печенежском стане шла обычным чередом. На замызганного парня в растрепанной одежде никто особого внимания не обратил, хотя даже среди неопрятных степняков парень этот выделялся особой неряшливостью: весь в земле и пепле, спутанные сальные пряди липнут к физиономии, босой, ковыляет неуклюже, всхлипывает. Зато в руках — уздечка дорогая, золотом украшенная.

Ханская.

Бродит парень по лагерю, суется ко всем, бормочет невнятно, уздечкой трясет.

Степняки его отпихивают, смеются. На парня почти не глядят, только — на уздечку. Знатная вещь. За такую полную гость серебра отдать не жалко. Есть чем полюбоваться. А с парнем — всё ясно. Проспал, дурень, хозяйского коня. Не найдет — взгреют, мало не покажется. Иной пожалеет, спросит: какой конь?

— Саврасый, в «яблоках», — бубнит соня, носом шмыгая.

Отличные приметы. В степных табунах каждый десятый конь — саврасый, и каждый пятый — в «яблоках».

— Еще приметы какие? — спрашивают.

— Красивый... — бормочет парень и всхлипывает.

Вокруг смеются еще громче.

— Иди у воды поищи, — говорят ему. — Может, он пить пошел. Заодно и себе морду ополоснешь.

Парень бредет к воде. У мостков, где прежде киевские бабы стирали одежду, теперь

купают коней печенеги. Много коней, сотни, а может, и тысячи. Но и в тысячном табуне любой степняк безошибочно признает своего. Дурачок с уздечкой бродит по воде, ищет. Долго бродит. Сначала — по колено в воде, потом по грудь. А потом и вовсе...

— Слышь, брат, а куда этот дурень поплыл? — без особого беспокойства спрашивает один степняк другого.

— Да коня он ищет... — отмахивается тот.

— Что, на том берегу, что ли? Эй ты! Куда поплыл, пес шелудивый? Ты! Ну-ка вернись!

Не слышит. Плывет себе. Да так ловко, совсем не по-печенежски.

— А ну вернись, сейчас стрелой достану!

Плывет. Еще быстрее. И еще чуднее. Никто из степняков так не плавает.

Оно и понятно. Это Духарев сына кролю обучил. Здешние такого стиля еще не придумали.

Стрельнуть — это правильно. Но те, что коней купают, оружие на берегу оставили. А те, кто на берегу...

— Эй, там, на берегу! Бейте, чего вылупились! Уйдет!

А пловец уже локтей на сто уплыл.

На берегу, наконец, тоже расчихали, что дело нечисто. Защелкали луки, полетели стрелы вдогонку... А пловец — ждал. Успел нырнуть.

Нырнул и пропал. Стрелки, которые считать умели, сто ударов сердца насчитали, пока черная голова пловца опять показалась над водой. Уже не в ста локтях, а в трехстах. Вдохнул раз-другой — и нырнул. А стрелы печенежские снова пропали попусту. В третий раз вынырнул — никто и стрелять не стал. Далеко.

С дюжину степняков, что коней купали, на конях же вплавь в погоню пустились. Но заметили, что не поспевают, и повернули обратно.

На берегу тем временем нашли челнок рыбацкий, брошенный, довольно неказистый, но крепкий. Погрузились, погребли. А пловец уже почти до середины реки добрался.

Будь в челноке варяги или даже обычные рыбаки, догнали бы беглеца запросто. Но печенеги с веслами не очень дружны. Да и набилось их в лодочку раза в три больше, чем надо. В общем, пока разобрались да разогнались, пловец две трети пути до противоположного берега одолел. И тем не менее был у печенегов шанс его достать — веслом грести все ж быстрее, чем рукой...

Но тут выплыла с того берега, из камышей, малая лодья с красными щитами на бортах, и печенеги сочли за лучшее ретироваться.

В четверти стрелища от беглеца лодья затабанила, сбросила ход. На носу встали двое, с луками.

— Эй, ты! Куда плывешь? — крикнули с нее.

— К вам и плыву! — последовал ответ. Лодья малым ходом поравнялась с ним.

— Руку давай!

Пловца выдернули из воды, перекинули через борт — на гребную скамью.

— И что ты, копченый, у нас искать хочешь? — спросили пловца не очень дружелюбно. — Смерти легкой иль работы тяжелой?

— Какой я тебе копченый! — сердито бросил пловец, убирая с лица мокрые волосы. — Из Киева я!

Дышал пловец тяжело. Видно было, что устал,

— А докажешь чем? — поинтересовался один из тех, кто выловил его из воды.

— Пояс гридня надень, тогда и вопросы задавать будешь, — оборвал его пловец. — Старший у вас — кто?

— Я старший, — сказал другой воин.

— Да не ты, — с досадой произнес пловец. — Воеводит у вас кто? Или вы сами тут по камышам прячетесь?

— Мы не прячемся, — воин пристально разглядывал пловца, пытаясь определить, что

за рыбку они поймали. Одет по-печенежски, но на печенега не похож. Молод с виду, а держится — как гридь из Старшей дружины. — Мы не прячемся. И не сами. Нас воевода послал: за рекой присмотреть. Сказывали: копченые на том берегу.

— Так и есть, — пловец усмехнулся и от этого стал выглядеть еще моложе. — Воевода у вас — кто?

— А тебе зачем знать?

— Затем, чтобы знать, с кем говорить буду.

— Ежели воевода Претич станет с тобой говорить.

— Еще как станет, если скажут ему, что сын воеводы Серегея к нему из Киева приплыл.

— Какого Серегея? Он же с великим князем на болгар ушел!

— Он ушел, а я остался. Скажи хлопцу своему, чтоб не баловался. Рука у него дрожит. Кто ж лук так долго внатяг держит!

— А я тебя признал! — старший на лодье расплылся в улыбке. — Ты — Артём, выряжский сотник. Эй, весла на воду! Кормчий, правь к берегу. Прости уж, сотник, что не сразу признали! В такой одежке да с этакой гривой.

— Без этой гривы мне копченые бы враз голову отрезали. А ежели одежку другую дашь — благодарен буду. Негоже к воеводе в засаленных тряпках идти.

— Дам, дам, — воин полез под скамью, достал кожаный тючок. — Тут рубаха моя и портки. Тебе, правда, великоваты будут...

— Ничего, подвяжу, — Артём стянул печенежскую куртку и собственную мокрую рубаху.

— С копченого снял, сотник? — льстиво поинтересовался парень, вытянувший Артёма из воды.

— Мамка сшила. Из шкуры отрока одного.

— Как это? — опешил парень.

— А так. Ходил всё вокруг, вопросы глупые задавал. Надоел.

— Артём! — Воевода черниговский Претич распахнул объятия. — Рад!

— А уж как я рад, воевода! — Артём коснулся щекой пахнущей дымом бороды.

— Здрав будь, хоробр! С той стороны?

— С той, — подтвердил Артём.

— И что там?

— Копченые, — лаконично ответил Артём. — В осаде Киев.

— Это мы знаем. Много ли степняков?

— Много. А с тобой сколько?

— Пять больших сотен.

— Мало! — огорчился Артём.

— Так сколько есть. Я как услышал, что к Киеву печенеги подступили, так сразу всех своих на-конь да на лодьи — и сюда. Что в Киеве?

— Худо. Воды мало. Еды — тоже. Матушка-княгиня хочет с княжичами печенегам отдаться, чтоб копченые от Киева отошли. Говорит: придет Святослав — выкупит.

— Вот глупость какая! — воскликнул воевода. — Вот что бывает, когда баба воями верховодит. Это всё от веры вашей христианской, слабосильной! — добавил он в сердцах. — Слышал, слышал я эти речи!

— Ольга — княгиня, — напомнил Артём. — И о христианах, воевода, худого не говори.

— Да я не худое говорю, а правду! Коли захотела, старая, собой от копченых откупиться, так и шла бы сама. Княжичей — зачем? А что ж Ярополк с Олегом? Неужели согласны?

— Может, и не согласны, а против воли Ольги не пойдут.

— Эх, была б хоть мать их жива...

Артём пожал плечами.

— Что ж делать? — озадачился воевода. — Эх, худые ты вести принес, сотник, худые... Голоден?

— Есть немного. К печенежскому котлу присаживаться не стал. К тебе торопился.

— Зайчатины отведаешь?

— Да уж не откажусь.

— Сейчас принесут. А ты пока Расскажи, как сюда добирался. Чаю, занятная была история...

— Кому как. Слышь, воевода, надо гонцов слать к Святославу.

— А сами что ж не послали?

— Посылали, — буркнул Артём. — Наших гонцов печенеги переняли. Я первый мимо них прошел.

— Перун молниерукий! Так великий князь ничего о беде не ведает?

— Что ведает Святослав Игоревич, мы с тобой, воевода, знать не можем. А гонца послать надо.

— Гонца-то я пошлю, да что толку? Когда еще Святослав помощь пришлет. А ежели детки его с матушкой княгиней в печенежском полоне окажутся, это ж совсем беда! Что ж делать-то?

— У меня спрашиваешь, воевода?

Претич не ответил. Думал. Артём не торопил. Ему как раз принесли зайчатину на пшеничной лепехе и кувшинчик меда.

Пока он ел, Претич кликнул одного из своих сотников, солидного варяга с синими усами, пошептал ему на ухо, спросил:

— Всё понял?

— Всё, батька!

— Тогда бегом исполняй!

И сотник бросился исполнять. Бегом, позабыв о солидности.

Артём покончил с зайчатинной и почувствовал себя значительно бодрее. И мысли в голове забегали проворней.

— Слышь, воевода, а сколько у тебя лодий? — спросил он.

— Шесть больших и две дюжины малых.

— А холста белого локтей триста найдется?

— Можно поискать. А зачем тебе?

— А краски есть?

— С этим труднее. Но могу послать отрока в соседний городок. Что ты задумал, сотник?

Артём загадочно улыбнулся.

— Вот доставят краски и холст — тогда увидишь. А пока отбери из своих пяти сотен двести молодцов видом погрознее. И еще знаешь что, пошли-ка ты гонцов в Смоленск и иные ближние города. Пусть собирают воинов...

— Ты, Серегеич, никак меня совсем за дурня держишь, — оборвал Артёма Претич. — Гонцы уже в пути.

— Прости, — извинился Артём.

— Прощаю, — кивнул Претич. — А теперь говори, что задумал. Нечего тут со мной в догадайки играть.

Артём не стал спорить и выложил свой план.

— Хитро... — пробормотал воевода, выслушав. — И опасно. Ну как догадаются копченые? Тогда что делать?

— Тогда умрем с честью, — ответил Артём. — Есть другие предложения?

— Нету, — вздохнул Претич. — Делаем, как ты придумал.

Глава четвертая

Военный совет в Доростоле

Большой, персидской работы, шатер воеводы Серегея стоял посреди учебного лагеря примерно в пяти километрах от стен Доростола. Духарев мог бы, как сам князь и прочие воеводы, обосноваться в городе, но предпочел свежий воздух жары, духоте и вони. В болгарских городах, как, впрочем, и в большинстве здешних цивилизованных поселений, канализация была «ливневого типа». То есть — в канаву под окном или прямо на улицу. Смывало нечистоты дождем. А если не было дождика, то... не смывало.

Конечно, Духарев мог бы поселиться в здешнем дворце кесаря или даже в резиденции патриарха (тот был бы не против), но предпочел поле. Воздух почище, и к дружине поближе. Сергей бы и без шатра обошелся, но положение обязывало.

Ранним и свежим июньским утром к Духареву прибежал гонец от князя.

Запыхался гонец. Быстро бежал. Гонца приняли гридни Стемида, выслушали сообщение, налили гонцу чашку «межицкого красного» — горло промочить — и отправили восвояси. Будить заспавшегося воеводу Стемид отправился сам.

Воевода, впрочем, уже не спал.

— Ну чего? — спросил он, закрыв за спиной двери в спальню.

— Святослав зовет. Собирает ближников на совет.

— Угу, — Духарев зевнул, потянулся. — Сейчас позавтракаем и поедем.

— Князь ждет, — напомнил Стемид.

— Гонец как сказал: с дружиной мне идти или одному? — уточнил Духарев.

— Про дружину ничего не говорил.

— Значит, не драться зовет, а думать. А думать, Стемид, надо не спеша. Так что сначала позавтракаем. Тем более я на голодный желудок соображаю плохо.

Царский дворец в Доростоле невелик, поменьше патриаршьего. Но обустроен по всем правилам. Вокруг стена, за стеной — парк, казармы, площадь... Словом, все необходимое. Тронный зал, царские покои, трапезная на полтысячи мест...

Велев охранной полусотне ждать его внизу, в парке, Духарев беспрепятственно миновал оба кордона и поднялся наверх, в «Зал совета».

Князь уже был там. И большинство княжьих ближников. Но Духарев пришел не последним. Не было еще Тотоша. Не было Свенельда и Бранеслава полоцкого. Зато приехал из Преславы воевода Щенкель — из смоленских варягов. И бывший свейский ярл, а ныне Святославов тысячник Гуннар Волк. Гуннара великий князь весьма ценил за ум и личную преданность, Духарев, напротив, недолюбливал — за хитрость и чрезмерную даже для свей кровожадность. Тем не менее Сергей вынужден был признать, что Гуннар отменно храбр и о своей дружине заботится, как о себе.

Обстановка в зале была неофициальная. Байки травили. Рассказывал Гуннар.

— ... Вот, значит, идет этот трель на голос и видит: яма. Заглянул он в яму, а там его, треля, хозяин, хирдман Елдер Волосатый. Как он в яму попал, непонятно, но самому не выбраться.

«Ты что тут делаешь? — кричит снизу Елдер. — Почему не работаешь?»

Трель молчит. Смотрит.

«Чего выпучился? — орет Елдер. — Бросай мне веревку. Ух и отхожу я тебя палкой, скотина ленивая, когда вылезу!»

Трель смотрит, как внизу хозяин ярится, и думает: а зачем мне его вытаскивать? Чтоб он меня побил?

Поворачивается и уходит.

А Елдар из ямы ему вслед ревет, страшными карами грозит.

Трель подумал еще и решил: а ведь ничего ему хозяин из ямы сделать не сможет. Только глотку попусту рвать. Нет, нельзя такой случай упустить. Вернулся трель к яме и высказал Елдеру все, что накопилось. А накопилось у треля много.

Елдер от такой наглости даже замолчал ненадолго. А потом еще пуще заорал — аж шишки с сосен посыпались.

Трель понял — хозяина не переорать, и пошел было прочь, но подумал: а ведь такое раз в жизни бывает. Нет, нельзя просто так уйти, надо еще что-нибудь сделать.

Вернулся он, значит, во второй раз, штаны спустил и на Елдера сверху помочился.

От такого паскудства Волосатый и вовсе озверел. Но яма глубокая. Как ни ярись, а наверх не выбраться.

Трель на него сверху поглядел, повеселился — и пошел прочь.

Но опять далеко не ушел. Когда, думает, у него еще раз такая возможность будет — над самим Елдером Волосатым поизгаляться. Вернулся трель, значит, в третий раз, встал у края ямы, думает: что бы еще такое сделать? А тут край осыпался — и наш трель прямо в яму к Елдеру и свалился. Тот его — хват, а трель как завопит:

— Не убивай меня, господин! Хошь верь, хошь не верь, а я повиниться пришел!

Все захохотали.

— А вот такая история была, — сказал Лют, когда все отсмеялись. — Приходит один черниговец по имени Мал к князю и жалуется: я, говорит, двух печенегов в бою зарубил, но никто не называет меня: «Мал — губитель печенегов»; я сад посадил — лучший в деревне, но никто не называет меня: «Мал-садовник»; и дом у меня в деревне самый лучший, но никто не называет меня: «Мал-строитель».

Но стоило мне один-единственный раз спьяну поймать козу...

— А вот я такую историю знаю... — начал Икмор, но в это время в зал вошли сразу четверо: Калокир, Бранеслав с Устахом и Свенельд. Святослав негромко хлопнул ладонью по подлокотнику, и Икмор умолк.

«Все в сборе, — сообразил Духарев. — Можно начинать».

— ... Гемейские перевалы надо закрыть, — решительно заявил Свенельд. — Я дам пять сотен гридней. Если каждый из воевод...

— Зачем их закрывать? — возразил Икмор. — Кого мы боимся? Пусть ромеи нас боятся! Они и боятся! Скажи, Тотош!

— Боятся, — подтвердил угр. — Мои люди ходили, всё видели. Там тройные заставы на всех караванных тропях.

— Перевалы надо держать! — настаивал Свенельд.

— А ты что скажешь? — Святослав повернулся к Калокиру.

Тот пожал плечами.

— Никифор не нападет, — сказал патрикий уверенно. — А если нападет, я об этом узнаю. У меня свои люди в столице.

— А если Никифор тайно соберет армию в другом месте? — предположил Лют.

— Это другое место называется Адрианополь, — насмешливо произнес Калокир.

— Почему ты так думаешь? — недовольно спросил Лют.

— Потому что этот город — самый удобный город в Восточной Фракии для того, чтобы собрать армию. А чтобы узнать, собирается ли войско, достаточно подкупить пару-тройку рыбаков на Эвре⁸. Когда вверх по реке пойдут из Эгейского моря суда с воинами и припасами, это никак не удастся удержать в тайне. Но я уверен: этого не будет. Кесарю Никифору теперь не до нас. Если мы сейчас поставим на гемейских перевалах крепкие заставы, в Константинополе могут подумать, будто мы готовимся к войне. И тогда...

Внизу под окнами раздался шум. Кто-то очень хотел попасть во дворец, а внешняя охрана, состоявшая из болгарских воев, — не пускала. Некто, желавший войти, ругал их

⁸ Эвр — совр. р. Марица.

нехорошими словами. Стражи отругивались. Когда в третий раз прозвучало имя великого князя, Икмор сказал:

— Может, послать гридня? Узнать, чего шумят.

— Я схожу! — подал голос Мстиша Свенельдич, который давно уже ерзал на лавке: наскучило сиднем сидеть.

— Узнай, — разрешил Святослав. — Калокир, продолжай.

— Я всё сказал, — ответил патрикий.

— Свенельд?

— Не убедил, — отрезал князь-воевода. — Даже если Калокир ручается в расположении кесаря, всё равно следует помнить о вероломстве ромеев.

— Не веришь мне, князь? — Калокир даже обиделся.

— Не о тебе речь — о Никифоре, — оборвал его Святослав. — Тебе мы верим. Свенельд, говори.

— Заставы нужны! И надобно поставить там не болгар, а наших. Булгарам у меня веры нет. — Свенельд покосился на Духарева: не станет ли возражать? Все-таки болгарское ополчение — под его рукой. Сергей возражать не стал. Он был согласен со Свенедьдом.

— А коли Никифор обидится, — продолжал князь-воевода, — то ему всегда можно объяснить, что дружины на перевалах — для его же пользы. Чтоб печенеги, или еще кто, не ходили через перевалы грабить ромейские земли.

— Разумно, — согласился Святослав. — Икмор...

Но договорить он не успел. В зал вбежал Мстиша, за которым, отдуваясь, вприпрыжку поспешал некий очень толстый и, судя по одежке, очень важный человек. Впрочем, сейчас толстяк напрочь забыл о собственной важности.

— Великий князь! — воскликнул он с порога. — Беда! Печенеги...

— Кто таков? — строгим голосом оборвал его князь.

Вместо толстяка ответил Духарев:

— Это мой брат Мышата, княже.

Взгляд князя смягчился.

— Теперь признал, — сказал он. — Ну, говори, что за беду ты нам принес?

Мышата покосился на Духарева. Стоит ли говорить? У многих народов участь горевестников была незавидной. Но у русов обычая казнить вестников не было. Иль теперь появился?

— Говори, брат, — ободрил его Духарев. — Князь тебя слушает.

— Беда, князь, — уже тише произнес Мышата. — Копченые Киев обложили.

Глаза князя сузились, на скулах вздулись желваки.

— Кто? — спросил он так же негромко.

— Хоревой. Большая орда хана Кайдумата.

— Быть не может! — воскликнул Икмор. — Его дочь — моя младшая жена. Кайдумат всеми богами клялся, что в мире жить будем! Не верю!

— А я верю, — подал голос Духарев. — Брату — верю. Копченым — нет. А дочерей у Кайдумата — десяток, не меньше.

— Больше, — буркнул Икмор. — Когда я жену себе выбирал, хан дюжины две девок вывел.

Святослав поднял руку — Икмор умолк.

— Давно осадили? — спросил он Мыша.

— Думаю, дня три-четыре назад.

— Нет, теперь ты точно врешь, купец! — опять не выдержал Икмор. — От Киева сюда — за три дня. Быть не может!

Мышата поглядел на воеводу — как дядька на пестуна. Снисходя к тому, у кого язык обгоняет мысли.

— У меня в орде Кайдумата свой человек есть, — сказал он. — Торговый. Когда орда на Киев пошла, он ко мне побежал. Сколько орда по степи идет, посчитать нетрудно. Вот и

получается — три-четыре дня. Можешь сам посчитать, княже.

— Не буду, — качнул головой Святослав. — Мне ли с купцом в счете соревноваться. Благодарю тебя, торговый гость Мышата. Не забуду. Свенельд, Икмор, Серегей, поднимайте дружины. Идем домой!

— Княже! Батька! — воскликнул Икмор. — Неужто по одному слову купца мы всё бросим и к Киеву побежим?

— Бросать ничего не будем. Оставим здесь крепкую дружину. И в городках придунайских — тоже. Щенкель! Преславу я на тебя оставляю. Ты, Устах, остаешься держать Доростол. Волк, на тебе будет Переяславец. — И, повышая голос: — А ты, Икмор, не перечь и делай, что сказано, потому что не купец тебе это сказал, а я!

— Да, батька, — быстро согласился Икмор.

Они с великим князем ровесники. Но выглядит Святослав лет на десять старше. И хотя Икмор великому князю — ближайший друг, правая рука, но спорить с разгневанным Святославом...

Дураков нет.

Совет закончился. О гемейских перевалах так и не договорили.

— Посуху пойдем, — сказал Духарев. — Четырьмя дружинами: моей, Икмора, Свенельда и самого князя. Отберем лучших и пойдем двуконь. Так быстрее будет, чем водой. Хочешь с нами пойти?

— Шутишь? — Мышата ухватил пальцами с блюда кусок пожирнее, запихал в рот, прожевал не спеша.

Они сидели в доме богатого доростольского купца, приятеля Мышаты. Купец при разговоре не присутствовал. Деликатный. Зато стол накрыл, не поскупившись. Всё самое лучшее.

— Разве ж мне за нашим князем угнаться? — продолжал Мышата. — Да и не люблю я — в седле. Тяжелый я. Возок — другое дело. А лучше — водой.

— Что тяжелый, так есть меньше надо! — засмеялся Духарев.

— Разве ж это еда? — вздохнул названный брат, не забыв, впрочем, отправить в рот еще один кусок гусятины. — Так, червячка заморить. Вот в Константинополе повар мой гуся как готовит? Возьмет гусенка, в сетку посадит, а сетку к балке подвесит. И кормит его по-особому: пшеном, орехами... Ну, я в то особо не вникаю. Главное — какое мясо получается! Да с острым соусом! Чудо, а не мясо! А паштет! — Мышата чмокнул соевыми губами. — А это разве гусь? — и умял еще один кусок. — Приезжай ко мне, брат! Я тебя так угощу! Так угощу — на всю жизнь запомнишь!

— А уж как меня кесарь ромеев угостит! — засмеялся Духарев. — Острым таким железом. Или как там у них принято избавляться от военачальников противника?

— Лучше — ядом, — вполне серьезно ответил Мышата. — Ядом — дипломатичнее. Только я тебе так скажу: никто тебя в Царьграде убивать не станет. У Киева в Константинополе сейчас позиция крепкая.

— Врешь, небось? После того как Святослав Булгарию захватил и границам Византии грозит? Тоттош сегодня говорил: ромей в предгорьях заставы усилили. Значит, опасаются?

— Так это и хорошо. У ромеев как: кто грозит — с тем и дружат. Хитрят, конечно, да козни строят... Вот, к примеру, как ты думаешь, почему Кайдумат к Киеву двинулся?

— Копченный потому что, — мрачно ответил Духарев. — Разбой у них в крови.

— А вот и нет! — Мышата махнул перед носом у Духарева гусиной ножкой. Капля жира упала Сергею на щеку. Он брезгливо стер ее рукавом. — Был у Кайдумата зимой гость ромейский. Епископ Евхаиты Филофей. Между прочим, Никифор его проедром сделал. Это, брат, большой чин.

— Не тот ли это Филофей, который прошлой осенью вместе с Эротиком болгарских царевичей привез?

— Тот, тот! Знаешь его, да? Он — политик известный. Кесарь Никифор его для самых хитрых дел использует. Доверяет ему полностью, потому что Филофей преданность свою не

словом, а делом доказал. Точно такой и нужен, чтобы договориться с печенегами.

— Так это он натравил на Киев Кайдумата? Почему ты об этом князю не сказал?

— А зачем? Святослав — воин. Рубит сплеча. А тут не рубить, а ловчить надо.

— Наловчили уж. Орда под Киевом, — проворчал Духарев. — Ты чего улыбаешься? Можно подумать, наши родные не в Киеве, а в Константинополе.

— Ничего нашим не будет, — уверенно сказал Мышата. — Ольга — не дура. Даст Каидумату золото — уйдет орда.

— Давно ты, брат, в Киеве не был, — сказал Духарев. — Ольга лучше сама Каидумату отдастся, чем золотом откупится.

— А, всё равно! — беспечно отозвался Мышата. — Печенеги города осаждать не умеют. А врасплох они Киев не застанут.

— Эх, знал бы — собственноручно этого твоего Филофея прирезал!

— У тебя еще будет такая возможность. Никифор, мне говорили, его в Преславу посылает. Сватом.

— Да ты что! К Святославу?

— Зачем к Святославу? У него и дочерей нет. К царю Борису.

— А к этому зачем? — удивился Сергей.

— А затем, что у Бориса есть сестры. И сестер этих Никифор хочет выдать замуж за константинопольских кесаревичей.

— Что-то я не понял. Разве мать царя Бориса — не византийская кесаревна?

— Точно так. Она была частью мирного договора между кесарем Петром и Византией.

— Но тогда получается, что болгарские царевны выйдут замуж за собственных братьев?

— А вот за это, брат, я бы не поручился. Потому как мать их, императрица Феофано, отличается ангельской красотой, но отнюдь не ангельскими добродетелями. Не зря же отец императора Романа Константин заявил, что она никогда не будет императрицей. Но помер. И Роман ее тут же возвел на престол. Ну да ты, верно, и сам знаешь.

— Слушай, Мыш, откуда мне это знать? — воскликнул Духарев. — Это у тебя дом в Константинополе! А я там не был ни разу!

— Так я же тебе рассказывал! — удивился Мышата. — Забыл?

— Забыл. Расскажи еще раз.

— Ладно. Слушай и запоминай. Василевс Константин был сыном василевса Романа Багрянородного. И у него был сын, тоже Роман. Этот Роман, в отличие от своего деда, о государстве радел мало, зато гулял знатно. Особенно любил красивым девкам под юбки лазать. Без разбору — хоть знатым, хоть простолюдинкам. Феофано эта как раз простолюдинка и есть. Говорят, в трактире у своего отца танцевала. И тоже, говорят, на передок слаба. Но кесаревич на нее крепко запал. Так, что решил жениться. Однако в это время еще жив был Константин, и ему, ясное дело, не понравилось, что в Золотой Палате трактирная потаскуха будет восседать, пусть даже красоты и статей необычайных. И не быть бы Феофано императрицей, да тут василевс Константин возьми да и помри. Причем при довольно странных обстоятельствах. После Константина василевсом стал его сын Роман, который немедленно с Феофано и обвенчался.

Мышата облизнулся, глотнул вина, оглядел стол с сожалением: практически всё съедено, причем три четверти — самим Мышатай; подумал немного, глотнул еще вина и продолжил:

— Прожили они вместе года примерно три. И под конец не очень-то ладили. Роман, как я уже говорил, был гуляка и пьяница. Государством не правил, а только злато из казны тянул. Понятно, что при таком кесаре ближники его большую силу набрали. А ближники у такого кесаря — кто? Кравчие да постельничие. То есть — дворцовые евнухи. Они все указы писали, а Роман лишь печать прикладывал. Или сам, или, вместо него, императрица Феофано. Но были у евнухов и соперники. Например, архистратиг Никифор Фока, нынешний император. Роман ему верил. Архистратигом назначил. И не зря. Никифор тогда в

Азии многих врагов ромейских побил. И больше побил бы, но Роман вызвал его в столицу. Видно, чувал недоброе и хотел верного человека рядом иметь.

Но когда Никифор приехал в Константинополь, Романа он в живых уже не застал. Странная, скажу тебе, смерть. Вернулся однажды Роман с охоты — и помер. Народу объявили, что, мол, от долгой верховой езды начались у василевса спазмы в животе, от коих он и преставился.

— Это как? — удизился Духарев, который знал множество народа, проводившего в седле больше времени, чем на земле, но не знал никого, кто бы от этого умер.

— Да уж так! — развел руками Мышата. — Тебе лучше знать, как это бывает. Ехал-ехал человек, а потом приехал, выпил винца с приправой... Тут ему и конец.

— Полагаешь, отравили?

Мышата пожал плечами.

— И что дальше было? — спросил Духарев.

— Дальше? Остались после Романа двое малолетних сироток — Василий и Константин, которых сейчас к болгарским царевнам сватают, и овдовевшая императрица Феофано. А при них — целая прорва евнухов во главе с Иосифом-паракимоменом, это спальник по-нашему. Евнухи эти при Романе все дела решали и надеялись, что и дальше так будет. Оно и проще — при младенцах-василевсах. Может, они Романа отравили, может — Феофано, а может — вместе сговорились... Кто знает... Но, чтобы править без помех, им надо было избавиться еще от одного человека — архистратига Никифора Фоки.

— Нынешнего императора?

— Его самого. Никифора вызвали во дворец, чтобы схватить, якобы за измену, ослепить и выслать в какой-нибудь монастырь подальше. Но Никифор во дворец не пошел, а двинулся напрямик к патриарху, который отправился во дворец вместе с ним, собрал синклит и погубить Никифора не позволил. С Никифора взяли клятву, что не будет злоумышлять против малолетних василевсов, и вновь провозгласили стратигом-автократором Азии. Никифор отбыл к своей армии, но евнух Иосиф, он же не дурак — понимал, что власть его под угрозой, пока Никифор жив. И направил наш спальник доверенного человека к стратигу Иоанну Цимисхию, военачальнику немногим менее славному, чем Никифор. Посол вручил Цимисхию письмо, в котором Иосиф предлагал заковать стратига-автократора в цепи и тайно отправить в столицу. А в награду Цимисхий получит место стратига-автократора, а потом, быть может, кое-что повыше.

— И что же Цимисхий?

— А то! Цимисхий, двоюродный брат Никифора по матери, берет это письмо и отправляется с ним напрямик к стратигу-автократору. Тот посылает к воронам все данные синклиту клятвы, собирает армию и провозглашает себя императором. Не медля, он назначает своих стратигов и отправляет их спешно занять все морские пути, мосты и переправы, чтобы ничто не препятствовало его маршу к столице. Затем объявляет Цимисхия вместо себя стратигом-автократором, оставляет его в Азии, а сам с верными войсками идет к Константинополю. Уже по дороге, уверенный в своих силах, Никифор посылает в столицу известного тебе Филофея с письмом к патриарху, синклиту и его главе Иосифу. В письме Никифор сообщает, что он теперь — автократор Византии, что есть несомненное благо для державы и малолетних василевсов, о коих он обещает заботиться вплоть до их совершеннолетия. А если некоторые не согласны, что император Никифор — это великое счастье для всех ромеев, то пусть пеняют на себя.

Некоторые были готовы пенять.

Филофея в цепях отправили в темницу. Иосиф с верными ему патрикиями затворили город и приготовились к длительной осаде.

Но у Никифора в городе тоже были сторонники. И немало. А чуть позже оказалось, что не только в городе, но и во дворце, охрана которого без всякого сопротивления перешла на сторону Никифора.

— А вот это уже интересно, — заметил Духарев. — Разве они не приносили клятву

верности? Неужели все оказались отступниками?

— Приносили, — подтвердил Мышата. — Только клялись они в верности василевсу и трону, а не спальнику Иосифу. А василевс кто? Никифор. Который вдобавок во всеуслышанье объявил детей Феофано своими соправителями. А чуть позже — взял да и женился на их матери. Говорили: Феофано сама в него влюбилась без памяти. Поверить можно. Никифор тогда был муж видный: хоть борода с проседью, но телом крепок, лицом красив. И вдобавок первый полководец империи. Так что, может, и влюбилась Феофано. А вот что он в нее влюбился — это точно. По сей день все прихоти ее исполняет. Но и его можно понять — такая красавица. Вдобавок обольстительна и хитра, как сицилийский купец. Тут даже святой не...

— погоди! — перебил его Сергей, которого порядки в императорской гвардии интересовали намного больше любовных коллизий константинопольских венценосцев. — Выходит, можно убрать одного императора и посадить на его место другого при полном попустительстве стражи?

— Можно, — кивнул Мышата. — При двух условиях. Первое: прежний император должен быть мертв; второе: новый император должен проявить щедрость. Полагаю, трехмесячного жалованья будет достаточно.

— Никифор тоже проявил щедрость? — поинтересовался Духарев.

— Еще какую. До сих пор проявляет. Особенно по отношению к своим родственникам.

— И к печенегам, — добавил Сергей. — А к нам почему-то нет. Мы помогаем ему воевать с Булгарией, а он отвечает нам черной неблагодарностью.

— Никифор не воюет с Булгарией, — возразил Мышата. — У Константинополя с Булгарией мир и дружба. Я, брат, своими глазами видел, как этим летом в честь болгарских послов Никифор прием устраивал. И на этом приеме послы болгарские сидели выше Лиудпранда, посла императора Оттона Первого. Но наши послы тоже там были. Хоть и сидели пониже, и содержания получили на двадцать милиарисиев⁹ меньше. Зато я два своих корабля с товарами в Италию отправил! — похвастался Мышата. — Вместе с византийской флотилией. А это, брат, не горсть монет серебряных, а полный бочонок золота. И в этом бочонке — твоя десятина, брат.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Духарев. — Мне подарков не надо. Своего золота хватает. Есть кое-что подороже золота.

— Есть, — согласился Мышата. — Вот те списки, что ты из Итиля привез. В них же вся торговля хузарская. Все пути описаны, все цены названы, все купцы-продавцы поименованы. Эх, брат, до сих пор поверить не могу, что ты такую ценность раздобыл.

— Рад, что тебе пригодились, — сухо ответил Духарев, уловивший в тоне названного брата отчетливый подтекст, содержащий весьма невысокую оценку деловых качеств Сергея.

Мышата, впрочем, тоже был в подтекстах искушен — профессия обязывала, угадал недовольство брата, улыбнулся добродушно и сказал:

— Я тебе подарок привез. Тоже — дороже золота. Пойдем, покажу.

Подарком оказался конь. Таких Духарев еще не видел. Красавец. Тонконогий, небольшой, с маленькой изящной головой, но такими безупречными статьями, каких Духарев не видел даже у лучших Машеговых жеребцов.

— Тебе! — с гордостью сказал Мышата.

— Хорош! — с восхищением произнес Духарев. — Только, боюсь, мелковат для меня...

— А ты попробуй! — предложил Мышата. Духарев попробовал. И его восхищение возросло многократно.

— Чудо, а не конь! Жаль, что холощенный! Готов спорить — за жеребенка его Машег серебром по весу заплатил бы!

— Золотом, — сказал Мышата. — Потому и холощенный. Жеребца мне бы ни за какие

⁹ Милиарисий — серебряная монета.

деньги не продали. Это арабский скакун, брат. Самых лучших кровей. Теперь он твой. Но одна просьба...

— Какая? — насторожился Духарев.

— Не зови его Пеплом. Его имя — Калиф.

Глава пятая

Киев в осаде

Четыре большие лоды со спущенными по причине встречного ветра парусами увидели с киевских стен на рассвете. Лоды шли ходко, хоть и против течения. Сразу видно — руки у гребцов дюжие.

А когда самые глазастые разглядели на мачте первой лоды стяг Святослава, на стенах раздались такие радостные вопли, каких Киев не слышал уже давно.

Весть о том, что возвращается великий князь, ликующей волной прокатилась по городу вверх, до внутренних стен Горы. Но здесь уже знали. Тут были свои наблюдатели, и княгине с княжичами немедля сообщили радостное известие.

Ольга сама уже стояла на стене, щурясь, глядела, как крохотные, похожие на насекомых-многоножек, корабли скользят по синеве днепровской воды.

Рядом с княгиней — княжичи. Старший, Ярополк, вскарабкался на гребень стены. Младшему, Олегу, не позволили.

— Вижу, вижу! — кричал Ярополк, приплясывая на каменной полке в локоть шириной. — Вижу стяги батюшки-князя! Вижу стяги воевод: Икмора, Свенельда, Серегея, Щенкея!

Но княгиня его восторга не разделяла.

— А другие лоды видишь? — спросила она. — Где весь флот княжий?

— Нет, — с явным разочарованием проговорил княжич. — Других кораблей не вижу. Только эти четыре лоды. К нам идут.

— Викула, — обратилась она к самому старшему из столпившихся рядом дружинных. — Надо князя о копченых предупредить. Худое может случиться.

— Не тревожься, матушка, — прогудел Викула. — Чай, у князя нашего глаза есть. Увидит стан печенежский. Поостережется.

— Не нравится мне это... — пробормотала княгиня.

— Что тебе не нравится, бабушка? — удивился княжич Олег. — Батяка возвращается. Теперь все хорошо будет. Уж он-то печенегов отгонит!

— Дурень ты, — Ярополк спрыгнул со стены, отвесил младшему подзатыльник. — Четыре лоды — это ж сколько воев, ну-ка посчитай!

Млаший нахмурил лоб:

— Лоды большие... В такие до сотни гридней можно посадить. А ежели потесней, то и две, значит...

— Значит ты мал еще воинскую науку постигать! — надменно оборвал его Ярополк. — Какие две сотни! Они ж с самой Булгарии идут. Значит, запас еды на каждого. А добыча? Добыча знаешь сколько места занимает?

Младший сокрушенно молчал.

— Вот тебе и две сотни! Хорошо, если копий по шестьдесят на лодью. И то, если без коней. То-то, малой! — с чувством превосходства заявил Ярополк.

— Хорошо посчитал, — похвалила княгиня. — А печенегов сколько?

— Тысяч пять, а то и поболее.

— Ку что, не появились другие лоды? — спросила Ольга.

Ярополк покачал головой. Радость с его лица сошла.

— А где ж тогда вся батькина рать? — спросил испуганно Олег. — Неужто сгинула?

— Бог того не допустит, — сказала княгиня. Но уверенности в ее голосе не было.

Не только княгиня поняла, что не всё так ладно, как показалось сначала.

Теперь уже с обеих стен наблюдали за лодьями в напряженном молчании. И не только со стен. В печенежском лагере тоже заметили лодьи. И стяги на мачтах тоже разглядели. Сперва засуетились, принялись поспешно грузить кибитки, но когда поняли, что лодий только четыре, сразу воспряли духом. Страшен великий князь Святослав. Будь с ним хоть тысячи две гридней, дали бы деру храбрые воины хана Кайдумата. Но — четыре лодьи... Как бы ни был грозен Святослав, а когда на одного руса десяток степняков приходится, это уже совсем не страшно.

А лодьи, как ни в чем не бывало, спокойно подошли к берегу. С шорохом въехали на песок украшенные деревянными фигурами острые носы, легли на положенные места весла, и один за другим стали спрыгивать на песок доспешные воины-русы. Так, словно бы и не выстроились вдоль берега грозной стеной конные печенеги.

Высадились, построились в боевой порядок. Отменные воины. На каждом — полный доспех, мечи, копыя наготове. По повадке видно: опытные, умелые воины. Вот только оказалось их всего сотни полторы.

«Неужели драться будут?» — удивился большой хан Кайдумат.

Да и не он один удивился. Каждый степняк. Это же смерть. Пешими, без прикрытия — против сорокакратно превосходящего противника. Да стоит только Кайдумату скомандовать — и все. Один залп — и от ладного строя ничего не останется. Одни мертвецы.

Строй между тем раздвинулся, пропуская двоих: одного постарше, другого — помоложе.

На старшем — доспех богатый, шлем с личиной золоченой. На младшем — попроще, шлем со стрелкой, панцирь хорошей работы...

— А на палубах — ничего, — с разочарованием сказал Кайдумату один из его родичей-подханков. — Где ж добыча?

— Узнаем, — пробормотал большой хан. — Непонятно мне: знак на корабле Святославов, а этот, с золотой мордой, точно не Святослав: потолще и ростом повыше, да и ходит по-другому.

— Что делать будем? Бить? — спросил подханок.

— Повременим. — Жизнь приучила Кайдумата к осторожности. Особенно если что-то непонятно. — Сбегай к ним, узнай, кто такие?

Подханок кивнул. Его конь шагом, осторожно, утопая копытами в песке, сошел вниз.

— Кто такие? — по-печенежски, нагло, поинтересовался он, нависая над пешими.

— Я — сотник княжий, сын воеводы Серегея, Артём! — гордо произнес младший тоже по-печенежски. — А это — воевода великого князя Святослава Гуннар по прозвищу Волк. А ты кто таков, степной воин? И что вы тут делаете, у стен нашего города?

— Я младший хан великого народа Хоревой! — выкрикнул подханок. — А вопрос твой — глупый. Вольный народ Хоревой ходит, где хочет, и берет, что хочет. Ясно тебе, рус? Захочу — и ты рабом моим станешь!

— Это вряд ли, — уверенно сказал Артём. — Хочешь меня убить — попробуй. Один на один, если ты не трус. А если ты трус, можешь скомандовать своим лучникам — и покроешь себя позором.

— Дурак ты, рус! — свесившись с седла, прямо в лицо Артёму прошипел печенег. — Один залп — и никто не узнает, что ты только что наболтал. Хочешь умереть, рус?

На миг у Артёма возникло желание: ухватить наглого копченого за горло, сдернуть с седла на спрятанный в рукаве нож... Но это уж точно было бы глупостью.

— Не хочу, — с достоинством ответил он. — Но смерти не боюсь. А велеть вашим воинам стрелять ты не вправе, потому что ты — мелкий ханчик, а здесь, я вижу, почти все воины вашего племени. Значит, с вами пришел сам большой хан или его родной брат. Так, печенег?

— Так, рус, — неохотно ответил подханок, распрямился в седле. — Здесь сам большой хан Кайдумат. Трепещи! Твоя ничтожная жизнь — в его руках!

— Уже дрожу, — насмешливо произнес Артём. — Разве не видишь? А теперь хватит пустой болтовни. Веди нас к своему хану. Пусть сам ответит, что делает Хоревой на вотчине великого князя Святослава!

Смуглую рожу печенег перекосила гримаса злобы. Очень ему захотелось полоснуть нахального руса острой сабелькой... Но сдержался. Он — переговорщик. И рус — тоже. Убить переговорщика по степным законам — дурной поступок. А убить посла без приказа большого хана — преступление. За это и самого могут головы лишить.

— Идите за мной, русы. Я узнаю, будет ли большой хан говорить с вами, — повернул коня и порысил к своим.

Русы с места не двинулись. Младший что-то сказал старшему, тот ответил.

Подханок, обнаружив, что русы за ним не последовали, крикнул сердито:

— Или идите, или возвращайтесь к своим воинам — умирать!

— Пойдем, воевода, — по-русски сказал Претичу Артём. — Выбора у нас нет. Не получится, нам все одно смерть.

— Смерть смерти рознь, — пробормотал воевода. Голос его из-под личины звучал совсем невнятно. — Одно — в бою с честью полечь. Другое — копченым в плен попасть. Знаешь ведь, что они с пленными делают.

— Знаю, — ответил Артём. — Только идти нам, воевода, всё равно придется. Одно обещаю: если выйдет худо — мой клинок тебя найдет. А ты уж, постарайся, — меня. А то по моей вере самому себя убивать не положено.

Золотые висюльки-колокольчики на сбруе Кайдуматова коня мелодично позванивали. С такими украшениями на степную охоту не едут. Понимающему человеку сразу ясно: большой хан перед ним, а не мелкий вождь.

— Ловко по-нашему говоришь, рус, — похвалил Кайдумат. — Где наловчился?

— Так многие из ваших нашему князю — союзники, — Артём улыбнулся как можно простодушнее. — С нашим князем дружить — выгодно. Вон большие ханы Гюйче и Кошту с ним на булгар ходили — большую добычу взяли.

— Небось не больше вашего князя?

— Не больше, — согласился Артём. — Так ведь у моего князя — сто тысяч воинов. Всех одарить надо.

— А скажи, рус, почему на мачте твоей лодки — княжий стяг? — сощурил и без того узкие глазки Кайдумат.

— Ошибаешься, большой хан. На моей лодке моего отца стяг, воеводы Серегея. А княжий — вот на его! — Артём кивнул на своего старшего спутника. — Поскольку он — воевода княжий.

— А что он сам молчит? — спросил большой хан. — Степного языка не знает?

— Откуда ему знать? — Артём развел руками. — Он же — с севера. Они и по-нашему плохо говорят. А ваш язык ему знать — ни к чему. Его наш князь не в степи гулять послал, а домой радостную весть принести. Кто ж знал, что ты, большой хан, к князю Святославу в гости приедешь? Только зачем ты столько воинов с собой взял, большой хан? — Физиономия Артёма сделалась еще простодушнее, чем раньше. — Здесь тебя никто не обидит, тут — мирная земля, под защитой Святослава.

— Святослав — в Булгарии, — уронил Кайдумат. — О том все знают.

Артём замотал головой, заулыбался:

— Ошибаешься, большой хан. Святослав уже близко. Нас вот вперед послал. А то у него лоды от добычи отяжелели. Совсем медленно идут. А мы вот налегке, за стягом княжьим...

Узкие глазки Кайдумата с подозрением глядели в веселые глаза Артёма. Не верил он ему... И верил тоже. Если солгал ромейский жрец, если не за Дунаем хакан русов, тогда уходить надо. Не заплатит ему Киев дани. А если лжет рус? Киев вот-вот пощады попросит...

Может, перебить эту сотню русов и продолжать осаду?

Большой хан знаком подозвал одного из своих, пошептал ему на ухо. Тот кивнул и усакал. Вниз, к берегу, туда, где стояли воины Претича. «Как бы они какой-нибудь глупости не сделали», — забеспокоился Артём.

Трудно им там стоять, зная, что в любой момент на них могут посыпаться печенежские стрелы. Нет, должны вытерпеть. Гридни лучшие, проверенные, все сами вызвались...

Посыл вернулся, пошептал на ухо большому хану. Но у Артёма слух хороший: уловил большую часть сказанного. А что не услышал — сам догадался.

Велено было печенегу посмотреть: действительно ли на берегу Святославовы гридни, отборные воины в справной зброе, а не дружина какого-нибудь союзного Киеву князя. Посмотрел печенег и убедился, что воины и впрямь отборные и оружие у них — не из дешевых.

Услышал Артём — и порадовался, что убедил всё-таки воеводу Претича взять не четыреста воев, а всего лишь сто пятьдесят, но зато облачить каждого в лучшие доспехи. Наверное, это был последний довод в пользу правдивости Артёмового рассказа.

А большой хан думал. Смотрел то на Киев лакомый, то на лоды русов... Никак выбрать не мог. Как бы так поступить, чтобы уйти и остаться?

— Хорошо, — сказал большой хан, — Скажи своему воеводе, сотник: негоже хану, пусть и северянину, по степи пешком ходить. Дарю я ему коня!

Махнул рукой — подвели Претичу жеребчика нервного, большеухого. Не лучших кровей, но неплохого, оседланного по степному обычаю, с по-степному короткими стременами.

— Скажи ему, сотник: хочу я, чтобы попробовал воевода мой подарок, — сказал Кайдумат.

Так, похоже — еще одна проверка.

— Дарят тебе, воевода свейский Гуннар, — с упором на «свейский» произнес Артём, — этого коника. Хочет большой хан, чтобы ты на него сел.

По-другому предупредить Претича Артём не рискнул. Очень может быть, что в окружении Кайдумата есть те, кто понимает язык русов.

Но старый воевода не оплошал. Подергал сначала стремя — попробовал опустить. Не получилось. Крякнул разочарованно. Артём встал на колено, подставил сцепленные руки и помог воеводе взгромоздиться на лошадь. Именно взгромоздиться. Сел Претич в седло не как черниговский воевода-рус, а в точности как это сделал бы нурман или свей. Но пересаливать тоже не стал: узду взял твердо. И вызывавшего коня осадил умело.

Наблюдавший за ним Кайдумат, видимо, был удовлетворен.

— Всаднику надобно и оружие другое, — заметил он. — Эй, дайте воеводе саблю да лук со стрелами?

— Чем отдариваться будем? — спросил Претич.

— Тем же, оружием, — не раздумывая, ответил Артём. Отстегнул ножны с мечом, снял со спины щит, протянул Кайдумату. — Возьми, большой хан. Вдруг решишь ты пойти с моим великим князем ромеев бить или еще кого. Вот и пригодится тебе оружие пешего. А то с вашей сброей крепости брать не сподручно.

С намеком сказал, но по обветренному, похожему на мореное дерево лицу Кайдумата угадать, понял ли тот намек, Артём не сумел.

— Когда увижу я твоего князя? — снова спросил Кайдумат.

— Скоро, — уклонился от точного ответа Артём.

— Хорошо, — Кайдумат махнул рукой. Его воины отхлынули, открыв путь к киевским воротам.

А затем большой хан отдал команду — и печенеги вразброд поскакали к своему стану.

Тем не менее дружинники Претича к воротам не поспешили. Сначала вытянули лоды на песок, потом собрали свой скарб и лишь после этого не спеша двинулись по натопанному пути к воротам стольного града.

«Нет, — решил Кайдумат. — Пока не уйду. Пошлю разведчиков вниз по Днепру. Если плывут лодьи князя — тогда и уйду. Снимется орда — ищи ветра в поле. На лодьях по степи не поскачешь. А ежели соврал хитрый рус — Киев мне за обман двойной данью поклонится».

Когда приплывшие воины высадились на берег, в Киеве испугались, потому что совсем мало их было.

Но обошлось. Не тронули их печенеги. Более того, увидели смотревшие со стен, что степняки готовятся уйти: снимают шатры, грузят утварь в кибитки. Увидели — и возликовали.

Но опять — рано.

Степняки снялись, да не совсем. Отошли немного — и стали вдоль речки Лыбеди.

— Ждут: придет мой сын или нет, — сказала княгиня Ольга, прежде того выслушавшая рассказ Претича и Артёма.

— Пойдем, сотник, — сказала она Артёму. — Поговорим.

Кроме княгини, в покоях присутствовали оба княжича.

Младший, Олег, скучал. Старший, напротив, выглядел взволнованным.

— Почему мне ничего не сказал? — строго спросила Ольга.

— Дело тайное, — спокойно ответил Артём. — Чем меньше людей знает, тем лучше. Прежних-то гонцов отправляли — весь Киев видел. А у Кайдумата в городе точно послухи есть.

— И как же они хану из осажденного города вести подадут? — язвительно спросила княгиня.

— Много способов есть. Можно, к примеру, берестой стрелу обмотать, а на бересте прежде написать то, что нужно.

— Будто копченые читать умеют, — презрительно уронила княгиня.

— Может, и умеет кто. А можно и не писать — нарисовать.

— Умный ты слишком для своих лет. И дерзкий. Не в мать пошел — в отца. Мать у тебя — добрая христианка.

Артём не понял, почему ум — помеха доброму христианину. И почему сердится великая княгиня — тоже не понял. Но намек, что отец его нехорош, ему не понравился. И на это Артёму было что сказать. Только тем, кто носит княжий титул, такого не говорят.

— Бабушка! — не выдержал Ярополк. — Артём нас от копченых спас! За что ты его ругаешь?

— Во-первых, копченые еще здесь. Не ушли, рядышком стоят. А во-вторых, где это видано, чтобы какой-то вьюнош розовощекий своевольно решал, как ему город оборонять.

Ярополк потрогал свою щеку, куда более гладкую, чем у Артёма, но всё-таки сказал:

— Я ему разрешил. И гридням велел вылазку сделать тоже я.

— А почему я не знала?

— Потому что не женское это дело — воевать! — выпалил Ярополк.

Сказал — и сам испугался.

Но княгиня не рассердилась. Махнула рукой.

— Награждать тебя не буду, — сказала она Артёму. — Вернется князь — наградит. Он меня щедрей.

«Это уж точно», — подумал Артём. Княгиня всегда была скуповата, а к старости и вовсе жадной стала. Она церкви строила. В Киеве уже три возвела и еще пять заложила. То же у себя в Вышгороде. А на оброчных землях — еще десятка три. Строить же церкви — дорого. Еще на утварь да на священнослужителей деньги нужны. Христиан на ее земле мало. От их приношений церковным клирам не прокормиться. Подворье ромейское в Киеве особой щедростью не отличалось. Зато купцам Ольгиным в Царьграде полегче стало. О руси¹⁰ у

¹⁰ Еще раз напоминаем, что в десятом веке русь — не этнос или название государства, а те, кто служит князю киевскому.

византийцев самые разные слухи ходили. Иные даже всерьез поговаривали, что князь русов — это тот самый князь Рос из пророчества Иезекииля, который вместе с Гогом и Магогом принесет народу Рима нескончаемые бедствия¹¹. Посему отношение к Киеву в Константинополе было довольно враждебное. Крещеная же русь уже не могла восприниматься как злая сила из пророчества. Но окончательно вычеркнуть русов из списка подозреваемых в принадлежности к «гогам» и «магогам» в Константинополе пока не могли, поскольку русью назывались не подданные княгини Ольга, а военная дружина князя Святослава. А он, несмотря на уговоры матери, креститься не собирался.

Но в то время даже самых истовых христиан в Киеве мало беспокоило, каким богам поклоняется великий князь. Да хоть каким... Лишь бы пришел поскорее.

Всё же прок от подвига Артёма, Претича и остальных был. И немалый. Хоть не ушли печенеги, зато теперь можно было киевлянам воду из Днепра брать. Ходили с опаской, но часто. Запасались впрок. Догадаются печенеги, что обманули их, — опять к стенам подойдут.

— Не тревожься, княгиня, — успокаивал Ольгу Претич, по праву старшего взявший на себя командование киевской дружиной. — Скоро союзные нам князья да вожди с дружинами подойдут. Всё хорошо будет.

Княгиня не возражала. Только губы поджимала скептически. Не верила, что помощь придет вскоре.

А про Артёма на киевских площадях уже сказители пели. Как прежде — про его отца.

Ошибся Претич. Не пришли союзные князья. Но и княгиня тоже ошиблась. Помощь пришла. Пришел Святослав.

Глава шестая

Бросок пардуса

Одиннадцать тысяч конных русов, соединенные дружины лучших гридней Святослава, Свенельда, Икмора и Духарева обрушились на печенежский стан в рассветных сумерках. Упали внезапно, как ястреб на цаплю. И не со стороны реки, откуда их ждали, а с Дикого Поля.

Засланные пластуны бесшумно зарезали редких караульчиков — и пошла кровавая потеха!

Так любили нападать сами печенеги: накатить из сумеречной мглы на спящих — и бить-рубить под рвущий уши визг.

¹¹ Настоящая цитата из пророчества Иезекииля звучит так: «Вот Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала!» (Иез. XXXIX, 1. Ср.: Бытие. XLVI, 21). В Библии же слово «Рош» является ошибкой греческого перевода, однако византийцы полагали его названием народа и века этак с пятого примеривали к варварам, угрожавшим империи. Естественно, когда в девятом веке на мировой арене появилась княжья русь, византийцы сразу вспомнили о иезекииловом «Роше». Первым это лингвистическое «открытие» совершил константинопольский патриарх Фотий, но сама цитата из Иезекииля была литературно отождествлена с русами в житии Василия Нового: «Варварский народ придет сюда на нас свирепо, называемый Рос и Ог и Мог». А византийский хронист Лев Диакон, «живописуя» войну Святослава с Византией, сообщает: «... этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие»; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос». Вот такое вольное цитирование Библии, надо полагать, и привело к тому, что «русь» трансформировалась в «рос». Пишу об этом так подробно потому, что многие серьезные историки полагают, что эта трансформация и породила слово «Россия».

Теперь получили той же монетой. Только не под пронзительный визг степных разбойников, а под леденящий сердце варяжский волчий вой.

Духарев шел во второй линии атаки, сразу за гриднями великого князя.

Сергей летел, прикинув в конской гриве, гоня впереди себя рождающийся где-то в середине живота вибрирующий вой. В правой руке — меч, в левой — легкая, бритвенно-острая сабля. Рядом, чуть опережая, — ближние гридни, тоже бросив поводья, клещами ног обхватив лошадиные бока, кто — с клинками, кто — с изготовленными луками. А слева и справа, растянувшись на две сотни шагов, — вся его дружина. Сергей, не глядя, чувствовал ее, как птица чувствует крылья.

Первая волна уже прокатилась по лагерю степняков, выбив, выкосив всех, кто не спал, кто вскочил, готовый дать отпор внезапному нападению. Теперь печенежский стан лежал перед Духаревым, как ошипанный гусь. Выпотрошить — и на вертел.

Пели русские стрелы, сшибая вскакивающих спросонья заположенных печенегов, навывлет прошивая кожу кибиток.

Прямо перед Духаревым возник из ночной дымки высокий шатер. Сергей гикнул, и Калиф с галопа ударил в шатер прикрытой стальной кисеей грудью, опрокинул, завизжал не хуже печенег, толкнулся ногами от мягкого, споткнулся. Духарев, откинувшись назад, помог коню удержать равновесие, полоснул мимоходом саблей по шевелящемуся под тканью, и дальше, дальше...

Печенежский лагерь кончился внезапно. Духарев еле успел осадить коня, чтобы не сшибить Святослава конного гридня, одного из тех, что оцепили стан и били тех копченых, что пытались уйти.

Духарев пронзительно свистнул, останавливая своих. И еще раз засвистел, разворачивая в новую атаку.

Минут через десять всё было кончено.

Из шести тысяч Хоревой осталось не более трехсот. Да еще те копченые, что были не в стане, а с табунами. Эти сейчас удирали без оглядки, неся в степь весть о возвращении страшного князя-пардуса.

Понурые, потрепанные печенеги стояли посреди разгромленного лагеря и ждали воли Святослава. То есть — ничего хорошего. В лучшем случае — позора, в худшем — смерти. Каждый наверняка сейчас мысленно хулил своего большого хана, который опрометчиво привел их к стенам Киева.

Большой хан Кайдумат тоже был здесь. Стоял, спутанный арканами, и мрачно смотрел в землю. Пять минут назад он сам искал смерти, но умереть в бою ему не дали. Спутали, стреножили, как жеребца, назначенного в заклание.

Недавно всевластного хана подтащили к князю, бросили его к ногам жеребца.

— Поднимите его, — велел Святослав.

Подняли.

— Зачем пришел? — по-печенежски спокойно спросил князь.

— К тебе в гости, — хан поднял голову. Лицо — в пыли и крови. Но в глазах нечаянная надежда. Вдруг — жизнь? — Я тебе не враг, великий князь. Хоть у воинов своих спроси! Я их в город пропустил.

— Пропустил, значит? — произнес Святослав, будто бы раздумывая. — Моих воинов — в мой город. А мог бы не пропустить?

— Мог бы!

— Не пропустить моих воинов, на моей земле, в мой город?

Кайдумат сообразил, что ляпнул не то:

— Я могу быть твоим союзником, — не очень уверенно произнес он. — Хоревой — могучие воины!

Длинные усы князя дрогнули — князь усмехнулся.

Уцелевшие степняки, сбитые в кучу дружинниками-русами, могучими не выглядели.

— На моей земле только я решаю, кому и куда идти, — сказал Святослав.

— Да, да, ты, князь! — поддакнул Кайдумат.
— ... А когда меня нет, решает мой сын, — не обращая внимания на слова печенег, продолжал Святослав. — Или ты, хан, решил, что теперь великий князь киевский — ты?
Кайдумат подавленно молчал. Он понял, что надеялся напрасно.
— А союзники такие мне не нужны, — холодно сказал Святослав. — Вы никчемные воины, Хоревой. Икмор! Убить всех!
И покинул разгромленный стан.
А через некоторое время у киевских ворот протрубил рог, деревянный брус засова со скрежетом вышел из пазов, створы распахнулись, и стольный град Киев принял своего князя.

Глава седьмая

Мать и сын

Княгиня Ольга слегла в день победы. Словно только ждала возвращения сына, чтобы ослабеть.

А Киев праздновал освобождение. Ставили столы на майданах. Катили вниз бочки пива и медовухи из княжьих погребов. Теперь беречь ни к чему — снята осада. Чудным образом прознав о том, что печенегов разбили, еще до полудня подошли к Подолу первые лодки с той стороны Днепра: с дичью, рыбой, блеющими овцами. Но продовольствия в городе теперь хватало. Все запасы печенегов (а их незваные гости награбили немало), их табуны, бурдюки с вином и кумысом достались победителям.

Киев гулял. Всем было хорошо: от последнего холопа до самого великого князя. Все отдыхали. Разъехались по домам гридни — у кого были дома. У кого семей не было, или — остались далеко, простали чарку за чаркой в Детинце, славя удачу своего батьки. Всё удастся великому князю Святославу. Вятичей взял, хузар взял, «черных» болгар побил, ясов с касогами примучил, на службу себе привел. Придунайские земли болгарские под себя взял. С ромеями дружен, печенегов держит как псов цепных, а сорвутся — башку разобьет. Хорошо Киеву под таким князем... Пока он рядом.

— Зачем ты печенегам отдаться хотела? — спросил Святослав.

Только к вечеру сумел сын выбраться к матери. Дружина не отпускала. Прошел через двор в Ольгину часть. Здесь было тихо и пустынно. Теремные дезки и холопы ушли веселиться.

«Оставили княгиню одну! Всех выпорю!» — раздражаясь уже только одной этой пустотой и тишиной, подумал Святослав, поднимаясь в горницу.

Но княгиня была не одна. С ней была жена воеводы Серегея, лекарка Сладислава. От этого настроение у князя окончательно испортилось. Сладислава напоминала ему жену, умершую, пока он был в походе. Сколько с тех пор у Святослава было наложниц... А свою угорочку-жену забыть не мог. Из всех сыновей, от него рожденных, Святослав признал только троих: Ярополка да Олега. Еще Володимира. Матери его князь уже и не помнил. Но тот все же первенец.

— Выйди, — коротко бросил князь Сладиславе. Женщина молча поднялась, взяла тяжелую книгу, из которой княгине читала, поклонилась (не в пояс, только — головой) и вышла.

Святослав опустился на стул, прежде занятый лекаркой. Жилистый, широкий. Воин. И пахло от него, как от воина: потом, дымом, железом. Пришел, а что говорить — не знал.

— Здравствуй, мать.

— Здравствуй, сын.

— Хвораете?

— Сам не видишь?

— Вижу.

Помолчали. Потом князь не удержался, спросил о том, что мучило:

— Ты зачем печенегам отдаться хотела, мать?

Ольга ответила не сразу. Лежала, опираясь на подушки, смотрела на сына. Лгать ей не хотелось. Ложь — грех. А грешить тому, кто одной ногой уже через кромку переступил, — совсем плохо. Но правду говорить тоже не хотелось, потому что знала княгиня: сыну эта правда очень не понравится.

— А зачем ты нас печенегам оставил? — вместо ответа спросила она, приподнявшись на подушках. На недолгое время в ней снова проглянула прежняя Ольга: жесткая, суровая, требовательная. — Умчался за Дунай, бросил мать, детей бросил, вотчину!

— Не бросил, — хмуро ответил великий князь. — Я за себя Ярополка оставил.

— Мал еще Ярополк для княжьего стола!

— Ничего. Пускай учится. А ты ему советом поможешь. До сей поры разве не ты мои земли держала? Не жаловалась. Вон, Вышгород твой, считай, вровень с Киевом поднялся.

— Уже не мой он теперь, Вышгород. Теперь моего в этом мире немного осталось. Теперь всё — твое. И Киев — твой, и Вышгород.

— Киев — Ярополков, — возразил Святослав.

— Твой! Здесь твоя земля. Киев, Вышгород...

— А еще — Итиль хузарский, и Тмуторокань. И болгарские земли. И не Киев теперь град мой стольный, а Переяславец болгарский. Там — сердце земли моей. — И зная, что может потешить его мать, добавил: — Там вина сладкие и фрукты дивные. Туда все пути сходятся. Там до Константинополя — рукой подать. Оттуда потекут ко мне парча да золото, серебро и кони. Там наши кожи да мех, да воск. Все, что родит земля от Новгорода до Киева, знатный доход принесет. И дружина моя сыта будет, сильна и богата. Все вои лучшие ко мне придут. Что нам тогда печенеги? Пыль под копытами!

Не убедил, похоже.

Княгиня бессильно откинулась на подушки. Дышала с хрипом, щеки запали...

— Значит, уедешь?

— Уеду! — решительно заявил Святослав. — Печенегов не бойся. Больше не придут.

Ольга не ответила. Некоторое время оба молчали. Потом княгиня сказала еле слышно:

— Не уезжай, сын. Погоди пока... Пока я умру. Чую: недолго осталось.

— Что ты худое говоришь, матушка! — Святослав коснулся мозолистой ладонью иссохшей, проросшей взбухшими венами руки матери. — Зачем так говоришь?

— Знаю. Обещай, что не уедешь.

— Обещаю, — после паузы произнес великий князь.

— Еще обещай, что похоронишь меня по-христиански.

Святослав нахмурился, заиграл желваками... Но потом все-таки выдавил:

— Обещаю.

Выпустил руку матери и встал. Ольга закрыла глаза.

Бесшумным шагом Святослав покинул горницу. Он был очень сердит.

— Иди к ней, лекарка! — бросил он ждавшей за дверью Сладиславе. — Нет! Погоди! Это правда, что она умирает?

— Правда, — спокойно ответила Сладислава. — Все люди умирают, князь.

Святослав развернулся стремительно, бросился вниз по лестнице.

— Коня! — рявкнул князь. И умчался.

Сладислава вздохнула и вошла в покои. Сердце ее чувало недоброе. Беду. И беда эта была больше, чем смерть княгини. Беда — это перемены, которые за этой смертью последуют. И не верилось Сладиславе, что это будут перемены к лучшему. Одно утешало: здесь ее муж. И пока он здесь — защитит. Но что будет, когда он уедет? А уехав, вернется ли?

Духарев гулял на княжьем дворе вместе с ближними дружинниками. Остальным накрыли столы за стенами. Богатые столы.

Если бы Сергей мог выбирать, он с удовольствием сменил бы эту грандиозную попойку на тихий обед под родной крышей. Устал он. Сначала — стремительный переход от Дуная, потом, когда на последнем поприще переняли гонцов Претича, — и вовсе сумасшедшая гонка. И, наконец, утренний бой, отнявший последние силы. Лечь бы сейчас на печь, выпить сбитню да спать до завтрашнего полудня.

Нельзя. Положение обязывает.

Сидел. Ел. Пил. Произносил и слушал здравицы.

Ушел уже затемно. Вместе со Сладой.

Пешком шли. Вдвоем. Гридни, которым было положено беречь воеводу, нынче — кто с девкой валялся, кто под столом. Гуляй, гридь молодецкая!

Подступи сейчас печенеги — голыми руками взяли бы стольный Киев.

Не подступят. После сегодняшнего разгрома долго еще не рискнут копченые посягнуть на вотчину Святослава.

Шли вдвоем, говорили негромко, переступали через пьяных. Тех, кто еще на ногах, Духарев отпихивал с дороги. На него не сердились. Кто потрезвее — кланялись.

Говорили о детях: о герое-Артёме, о младшем, Славке, который тоже обещает вырасти молодцом. О Данке: выросла девка, пора замуж выдавать.

А потом Слада как будто невзначай спросила:

— Говорят, ты себе наложницу завел там, в Булгарии?

«Вот псы, — подумал Духарев. — Уже успели наболтать».

Впрочем, может, и не они. Может, кто из гостей торговых доложил.

Сергей смутился. Но отрицать не стал. Кивнул. Лицо сделал сокрушенное.

— Язычницу?

— Нет, — Духарев слегка воспрял: есть в его любовнице качество, которое можно трактовать как плюс. Если, конечно, у любовницы, с точки зрения жены, могут быть плюсы. — Христианку.

Ошибся.

Слада заметно опечалилась. Оказалось: большой грех совершил воевода.

— Так что ж, будь она язычница, не грех, что ли?

— Грех, но меньший.

Вот и пойми после этого женщин. Хотя, если вдуматься... Для Слады язычница, может, и не совсем человек. Так, нечто для постельных утех.

— Я ее от богумилов спас, — сказал Сергей. — И не ее одну. Может, за это Господь мне часть грехов отпустит.

— Господь милостив, — поджала губы, отвернувшись.

Духарев шагнул к ней, наклонился (уже отвык от того, какая она маленькая), привлек к себе ласково, шепнул на ухо:

— Ты — моя кесаревна. Только ты.

Слада молча вывернулась из его объятий (Сергей не посмел удержать) и выбежала из дома.

Духарев слышал, как она зло распекает подвернувшегося холопа.

«Что я такое сказал? — подумал он. — Почему она обиделась? — Тут же успокоил себя: — Ладно, вечером, на ложе, помиримся».

Однако этой ночью разделить с женой ложе ему не пришлось.

Умерла княгиня Ольга.

Глава восьмая

Тризны не будет

Ольгу похоронили скромно. Как она и завещала. Без тризны, без посмертных жертв и прощального пира... Скромно. И не курган насыпали над прахом великой русской княгини, а жалкую могилку, более подобающую жене какого-нибудь смерда, а не той, которая два десятилетия правила Киевской землей.

«Елена, раба Божья, кесаревна Русов», — было начертано на надгробной плите по-гречески и болгарской «кириллицей». Провожали княгиню ее единоверцы. И среди них — Сладислава, всю ночь просидевшая подле усопшей. Греческий священник, отец Константин, на греческом прочитал молитву.

Всё было, как хотела великая княгиня.

Духарев на похоронах тоже был. Простоял в сторонке, окруженный десятком гридней. Уехал, как только легла на могильный холмик плита с крестом.

Святослав ходил — чернее тучи.

Но позволил свершить над покойницей христианский обряд. Желание усопшей священо. Все знали: не больно-то сын ладил с матерью. Но позволял править своей отчиной по своему разумению. И Ольга правила. И уважали ее. И терпели то, что отреклась от родных богов.

Народ терпел. Ольгины-то бояре сами в большинстве крещеные. Терпели Ольгу, терпели и то, что ромейское подворье в Киеве — самое богатое. Что ромейских купцов в Киеве привлекают прежде своих...

Многие роптали. Тихонько. Особенно на бояр Ольгиных. Но — терпели. А как умерла — терпение кончилось. Взроптал народ. Сначала — несмело, с оглядкой. Кому ведомо, как отнесется к этому Святослав. Князь хоть и своей, варяжской веры, а ропоту не любит. Осерчает — утопит недовольных в их собственной крови.

Но князю было не до религиозных распрь. Князя более беспокоила экономика. Пока жила мать, сбор даней и оброков был на ней. Она ставила тиунов и мытарей, посылала за оброком, судила, если местная старшина не могла справиться. Теперь всё это ложилось на Святослава. А тому — не до киевских вотчин. Он великую державу себе воюет. Но и отдавать все целиком в одни руки нельзя. Опасно. Матери Святослав мог доверить такую великую силу. Другим — нет. Потому решил Святослав поделить киевскую вотчину на сыновние доли. Точно обозначить: это — Ярополково, это — Олегово. Был еще Володимир, но ему отрезать надел не надо. Ему — Новгород. Он там уже прижился, в Киев даже в гости не наезжал. Зато на севере со всеми ладил: и с Полоцком, и с Беловодьем, и даже с нурманами. Сколько тут было заслуги самого Володимира, а сколько — его пестуна Добрыни, неведомо. Святослава это не заботило. Главное, чтобы мир был на севере и товары, меха, кость и прочее шли бесперебойно. А вот как с югом быть? То есть кому что — ясно. Олегу достанется часть деревянской земли, граничащая со свенельдовой. Доля малая, но на прокорм хватит. А вот как быть с Ярополком, который займет великокняжий киевский стол? Хоть и обещаем княжич вырасти славным мужем и правителем, но пока — отрок. Святослав, правда, помладше был, когда княжить стал. Но с ним мать была. И пестуны добрые: Свенельд, Асмуд, Сергей. А с сыном кого оставить? Асмуд — стар. Серегей и Свенельд за Дунаем нужны... Кого? Одним веры нет, другие корыстны, третьи — мелки. Все лучшие — в Святославовой войске. А присмотреть надо. Ярополк хоть и варяжской крови, а крещен. Значит, будет с ромейскими жрецами дружить. А с ромеями дружить — без порток остаться. Конечно, и у Святослава был свой ромей на службе, Калокир. Но что лукавить: окажись Калокир на службе у Ярополка, через краткий срок уже не Калокир служил бы княжичу, а княжич — Калокиру.

Трудно, трудно... Гнетут Святослава тижкие думы. Не это ему любо. Он — молод. Он — воин. Ему — врагов бить, а не оброки назначать да с седобородыми боярами рядить. Чувствует Святослав, что сам становится велеречив и медлителен. Бесит его это. Будто

боевого коня в телегу впрягли. Хочется — быстро. Вотчину поделить. Ромейскому духу в Киеве дать окорот. Чтобы крепко запомнили. И страшились. И сидели в своих душных капищах, как лисы в норах.

Будь его воля, князь бы и капища эти пожег. Вместе с их черными жрецами. Глядишь, сын бы от этой слабосильной веры отошел. И прочие в дружине, кто с крестом, — тоже. Но — нельзя. Обидятся многие верные. Да и кесарь Никифор в Царьграде тоже обидится. Сейчас у Киева с ромеями мир и как бы полное понимание. Торговым гостям-русам в Константинополе целый квартал выделен. А обидятся — как тогда торговать?

Трудно, трудно сейчас на что-то решиться даже Святославу. Трудно, но надо.

Духареву тоже было нелегко. Отношения с женой никак не склеивались. Он и сам был в том немало виноват: считай, каждую ночь ему Людомила снилась. Оно хоть и приятней, чем кошмары из прошлого-будущего, где Духарев — обрюзгший кабан в белом лимузине, а вот перед Сладой — неловко. Не дай Бог, он еще во сне Людомилу звал? Может, и звал? Слада о том не говорила, а сам он спросить не решался. В общем, проблемы.

Одно радовало — дети.

Артём, Данка, Славка. Старший вырос: не ростом — по-мужски. Юношеский задор ушел, стал немногословен, сдержан. Духарев его отчасти понимал: положение обязывало. Князь его за подвиг обласкал по-княжьи: одарил, боярином сделал, старшим над полутысячей поставил. Духарев опасался, что позовет князь сына с собой в Булгарию, что было по-прежнему нежелательно. Но у Святослава имелись на парня другие планы, которыми он поделился с Духаревым: оставить Артёма старшим над Ярополковой дружиной. То есть формально старшим будет старый Асмуд, но настоящим командиром, боевым — Артём. Князь еще и извинялся, что оставляет Серегина сына в отдалении от великих дел. Мол, Серегеич твой и здесь обижен не будет. А вырастет Ярополк, тогда, за службу, пусть Артём любой из болгарских придунайских городов под себя берет. Любой, кроме Переяславца, — оговорился князь на всякий случай.

Сергей мысленно усмехнулся. Правнуку болгарского царя — получить надел болгарской земли от завоевателя.

Младший сын Славка высот пока не достиг. Молод. Но ростом брата уже догнал — не в мать пошел, а в отца. И такой же безбашенный. С Йонахом они хорошо сошлись, хоть Славка его и младше на три года. Еще Зван к ним в компанию пристроился. То, что он годика на три постарше, и происхождения другого — из «детских»¹², — значения не имело. Все трое — опоясанные гридни. Значит — ровня. А потом еще Данка к парням присоседилась. Вроде и не очень прилично: девке шестнадцатый год, а она галопом по степи гоняет.

Слада ее бранила за недевичье поведение, пыталась к хозяйству вернуть... Даже пару раз намекнула мужу, чтоб вмешался, сказал свое веское отцовское слово. Духарев сказал. Но, видно, не было в его слове достаточного веса. Не подействовало.

Духарев решил к их забавам приобщиться изнутри: съездил на охоту со Славкой, Йонахом, Званом, Данкой и еще одной девицей по имени Любушка.

Охотой этой Духарев был разочарован. Когда Сергей охотился со своей дружиной, то к нему, воеводе, с пиететом относились, пропускали вперед. Да и конь у него был — лучший. А тут Духарев Калифа решил оставить, взял другого коня. Так что вышло, что у всех шестерых скакуны равной силы, а один из всадников — в полтора раза тяжелее остальных. Угадайте, кто?

¹² В данном случае — из детей, рожденных женщинами, «обслуживающими» дружинников. Такое происхождение в десятом веке не считалось зазорным. Даже если отец точно неизвестен, все равно это воин, дружинник, значит, наследственность подходящая. Такой ребенок считался кем-то вроде «сына полка», рос при дружине, в возрасте пяти-шести лет автоматически попадал в «детские» и проходил воспитание и обучение наравне с законными сыновьями дружинников.

Гнать-тарпана хорошо, когда ты впереди скачешь. А когда в хвосте чужую пыль нюхаешь — никакого удовольствия.

И стреляли парни, даже Славка, лучше, и ловчее были: на скаку из травы за уши зайца выдергивали.

Данка с Любушкой, правда, зайцев за уши не ловили. Но не с девками же воеводе соревноваться...

В общем, съездил Духарев разок с молодым поколением — и хватит.

Тем более работы у боярина Серегея — непочатый край. Имущество, блин. Земель накопилось — за три дня не объедешь. Хорошо хоть всё не надо инспектировать, а только там, где образовались неразрешимые проблемы. В основном с соседями. Ну, кому неразрешимые, а кому — цыкнуть разок да кулак показать.

Кулак Духарев показал. Проехался по критическим точкам вместе с малой дружиной. «Кулак» в пять сотен гридней в шелках, бархате да сверкающей зброе на большинство оппонентов произвел нужное впечатление. Не сработал лишь в одном месте. Там, где его земли граничили с лесом Люта Свенельдича. Но с Лютом спорные вопросы решили полюбовно: соревновались за кубком, кто щедрей уступит. Лют выиграл. Он — человек свободный, а Духареву еще перед женой отчитываться.

В общем, внеурочное полюдьё прошло удачно. Зато когда Духарев после двухнедельного отсутствия вернулся домой, его ждал сюрпризец.

Глава девятая

Дела семейные и религиозные

— Разговор есть к тебе, батька.

Духарев с удивлением заметил, что всегда бойкий Йонах сейчас мнется и явно смущается...

— Есть, так говори, — разрешил Сергей.

— Мне бы еще... э-э-э... с боярыней Сладиславой... тоже поговорить...

Духарев пытливо поглядел на молодого хузарина: что еще тот успел натворить?

— Можно и с боярыней... Хозяйку позови! — велел он теремной девке.

Вместе со Сладой в горницу шмыгнула Данка. Устроилась на лавке, потупила глазки.

— Батька воевода... госпожа боярыня... прошу покорно извинить, что не по обычаю... — пробормотал Йонах. — Только нет у меня здесь родичей и...

— Говори толком! — перебил его Духарев. — Что натворил?

— Да ничего! — торопливо, словно испугавшись, сказал сын Машега. — Ничего, только... Прошу у вас, батька воевода и матушка боярыня, руки дочери вашей Даны! — единым духом выпалил Йонах.

Опаньки! Сергей поглядел на жену: ты знала?

Чуть заметный кивок.

Надо же! Когда только успел?

— А что Дана, согласна? — спросил Сергей.

— Согласна! — быстро ответил Йонах. И Данка часто-часто закивала.

Духарев задумался... Породниться с Машегом? Что ж, почему бы и нет? Йонах, конечно, еще мальчишка, но уже сейчас воин добрый... А Данку и впрямь пора замуж отдавать. По местным меркам она уже, считай, в девках засиделась... Однако ж, что это будет за свадьба, если со смерти княгини и двух дней не прошло, а жениху через две недели — в поход? Можно, конечно, отложить до возвращения...

«Если вернемся, — тут же суеверно подумал Духарев. — Или оставить парня здесь?..»

— Жена, что скажешь? — спросил он. — Отдадим нашу Данку за Йонаха Машеговича? Слада ответила сразу, не раздумывая:

— Нет!

Духарев очень удивился. Он знал, что жена к Йокаму относится с симпатией...

— Ну-ка, детки, идите погуляйте, — велел Духарев. А выставив их из горницы, спросил:

— Почему «нет», Сладушка? Чем тебе мальчик не угодил? Чем он плох?

— Мне — ничем, — ответила Сладислава. — А в мужья для Даны я его не хочу.

— Отчего так?

— Оттого, что хузарин.

Вот те раз. Духарев был поражен.

— Его отец — мой друг, — напомнил он. — И не однажды спасал мне жизнь. И сын — в отца. Данке он по сердцу, гнили в нем тоже нет! Я считаю: для Данки он будет хорошим мужем!

— Ты — господин, — не поднимая глаз, произнесла Слада. — Будет так, как ты скажешь...

Дрогнула ее голова, или показалось?

Он быстро пересек горницу, обнял жену:

— Нет, не так. Сколько лет с тобой живем, первый раз слышу, что тебе хузары не по нраву. Чем хузарин хуже угра, руса, ромея?

— Тем, что он — не нашей веры! — твердо ответила Слада.

— То есть, если его окрестить, то ты согласна?

— Он не примет крещения, — не раздумывая, сказала Слада.

— Почему ты так думаешь?

— Не примет. Спроси его.

— Ладно, — сказал Духарев. — Спрошу. А ты иди пока...

Со своим гриднем он поговорит наедине.

— Так ты ее любишь или нет? — сердито спросил Духарев.

— Люблю.

— А креститься не хочешь?

— Не могу, батька-воевода.

Йонах уперся, как бычок. А Серега-то думал: уговорить его принять крещение — пустяковое дело.

— Это вера отцов моих, — заявил молодой хузарин. — Я в истинного Бога верую. Не пристало мне поклоняться одному из пророков... — Тут парень сообразил, что сблотно лишний: ведь его воевода как раз этому «пророку» и кланяется. Сообразил и умолк.

— Ты говори, говори... — поощрил его Духарев. — Что там еще у тебя накопилось?

Но Йокама молчал.

— Значит — не любишь, — констатировал Сергей. — Любил бы — не отказался б от нее.

— Кабы не твоя она была дочь, воевода... Э-эх... — пробормотал Йонах.

— И что было бы? — осведомился Духарев.

— А то бы и было! — Йонах вскинул голову, глянул синими, как у отца, глазами в прищуренные глаза воеводы. — Дикое Поле — оно большое. Ищи ветра...

— А у меня, значит, умыкнуть — не рискнешь? Неужели боишься?

— Никого я не боюсь! — сердито бросил Йонах. — Я тебе клятву принес, батька!

— Ладно, — сказал Сергей. — Не хотел я тебя обидеть, Йонах. Но Данку против воли матери отдать — нехорошо будет. Однако и «нет» я тебе тоже не говорю. И одно обещаю: пока люб ты дочери моей, за другого ее тоже не отдам. А там уж как выйдет. Будет судьба к вам благосклонна — будете вместе. Нет — значит нет. Устраивает тебя такой ответ?

— Нет! — честно ответил Йокама. — Но ведь другого не будет?

— Не будет.

— А встречаться нам можно?

— Можно, — разрешил Духарев. — Знаю: честь ее и мою не запятнаешь.

— Благодарю, батька! — Хузарин поклонился низко, в пояс. И вышел вон.

Духарев вздохнул. Проблемы эти религиозные... Христиане, иудеи, язычники... Какая разница — какой веры человек? Лишь бы человеком был настоящим.

А как бы он сам поступил на месте Йонаха? Пошел бы в иудеи ради любимой девушки? Тоже вряд ли. Но и не отступился бы тоже — это точно. Может, потому Сергей и решил дать парню шанс? Никто ведь не знает, как жизнь обернется. Одно ясно: Сладу Сергей тоже обижать не станет. Она ведь искренне верит, что Данка, выйдя за хузарина, навеки погубит душу. Так это или нет, кто знает? Но оплачивать счастье дочери горем матери — это не дело. Ох, уж эти религиозные проблемы!

Хорошо хоть в Киеве всяких богумилов нет, и здешний, в основном языческий, народ к христианам относится благожелательно. Что, впрочем, неудивительно: ведь и великая княгиня христианкой была ревностной. Одних только церквей в Киеве и окрестностях построила не менее двух десятков...

А княгиню народ уважал. Может, побольше даже, чем Святослава, который всё в походах да в походах... В иных киевских землях уже и забыли, как выглядит великий князь...

Глава десятая,

которая начинается с народного вече, а заканчивается укреплением вертикали власти

Духарева разбудили шум на улице и звон била, зовущего народ киевский на вече.

Духарев удивился. Вчерашним вечером Святослав и словом не обмолвился, что намерен созвать киевлян на «митинг». Вече — это вообще не в его правилах. Вече — это в Новгороде. Там народ любит погорлопанить да морды друг дружке побить, прежде чем определиться, что надо делать. А в Киеве — по-другому. Здесь рядом — Дикая Степь, Беда вихрем налетает — бакланить некогда.

Тем более великий князь демократии не одобрял. Даже с собственной дружиной советовался крайне редко. Только — со старшиной; воеводами, боярами, князьями союзными.

Духарев не беспокоился. Ну звонят и звонят. Худого от киевлян не ждал. Шумят — и пусть им. Глаз не разлепляя, пошарил рукой... Слады рядом не было. Естественно. Супруга его вставала с петухами. А ныне и вовсе старалась прежде мужа подняться. И в близости отказывала под разными предлогами. А, ладно! Простит со временем.

Било всё тархтело. Вот настырное... Всё-таки хорошо дома... Духарев потянулся, зевнул, спустил ноги с ложа, гаркнул:

— Эй, кто-нибудь! Квасу мне!

Полминуты — и в опочивальне появилась девка-холопка с корчагой. Дышала тяжело: бегом бежала.

«Хорошо Слада челядь вышколила», — одобрительно подумал Духарев, принимая корчагу.

Пока пил, чувствовал на себе любопытный девкин взгляд, а как оторвался от корчаги — девка тут же потупилась. А ничего девка, сочная, такую бы...

И тут же отвлекся, услышав, как кто-то отчаянно забарабанил в ворота.

Сунув корчагу девке, Духарев подошел к окну, выглянул и увидел, как в открывшуюся калитку влетел потрепанный, словно воробей после драки, монашек.

— Матушка, матушка! — завопил он с ходу. — Спаси, матушка!

«Это еще что за чучело?» — подумал Сергей. Эх, Сладка! Всеобщая утешительница...

Сладислава появилась на крыльце. За ней — холоп с двумя мешками.

— В овин неси, — сказала Сладислава холопу. И монашку: — Говори, что стряслось?

— Беда, матушка! Ой, беда! — заголосил монашек. — Спаси, матушка! — монашек упал к ее ногам. — Церковь нашу жгут!

— Что ты несешь? — сердито сказала Слада. — Ну-ка встань, говори толком!

На подворье, привлеченные его воплями, выходили люди: любопытная челядь, несколько воеводиных гридней, из флигелька выбрался старый Рёрах... Младший сын Духарева Богослав выбежал из конюшни...

Монашек вскинул голову (Духарев увидел, что под глазом у него наливаются здоровенный фингал), всхлипнул громко.

— Церковь жгут! — повторил он. — Нас бьют, Иерея насмерть убили!

— Кто?

Сверху Духарев не видел лица жены, но по голосу понял: поверила.

— Киевские люди...

Сладислава ахнула.

«А ведь действительно беда, — подумал Духарев. — Неужели бунт?»

И опрометью, оттолкнув взвизгнувшую девку, бросился вниз.

Сладино лицо — белее снега, Если бы не держал ее Сергей крепко, упала бы.

— Я знала, знала... — шептала она. — Я знала, что так и будет... О, Господи...

— Не бойся, дочка! — это проскрипел старый варяг. — Никто тебе зла не учинит. Мы не позволим!

Это «мы» в устах старика-калеки звучало странно, однако ж было правдой. Не было в Киеве варяга, который не прислушался бы к слову Рёреха-ведуна. А варяги...

«А варягов в городе нынче сотен пять, не более, — прикинул Духарев, — Остальные разъехались кто куда. Родичей повидать, вотчины проведать. А киевлян — тысячи, нет, десятки тысяч... Правда, и христиан среди них — не менее тысячи. Только здесь, на Горе, не менее пятнадцати дворов. Большинство, правда, в Вышгороде... Эх, жаль что со мной — только Велимова полусотня! Своих гридней тоже распустил: На побывку. Но ведь есть еще Святославова дружина...»

— Зброю мне, одеться! — крикнул Духарев. — Вставай, малой! — рывкнул он на монашка.

Но монашек, похоже, совсем ослаб и голос утратил.

— Поднимите его! — велел Духарез. — Дайте ему меду.

Монашка вздернули на ноги, сунули емкость. Тот сначала головой мотал, потом присосался — не оторвать.

— Хорош! — скомандовал Сергей. — Отберите у него корчагу. Ну как, божий человек, полегчало? Давай, рассказывай...

И монашек, сбиваясь, поведал о том, что случилось.

Церковь их была — при ромейском подворье. Но не внутри, снаружи. Нынче после заутрени, когда братия села к трапезе, в церковь ворвалась толпа. По словам монашка — огромная. Сразу стали крушить да бить. Священнослужителей, монахов, служек... Настоятельно разбили голову дубиной...

Некоторые пытались спастись на ромейском подворье, но там заперли ворота и не впустили никого. А он, монашек, сумел вырваться и убежать. За ним гнались, но не догнали. А он вот — сюда...

Тем временем во дворе собрались духаревские гридни. Десятка два. Остальные — где-то в городе, гуляют. Собирать некогда.

— На коней!

Ему тут же подвели Калифа.

— Батька, я с тобой! — подал голос Богослав.

— Нет, — отрезал Духарев. — Ты, Славка, останешься здесь. Если что, кто мать

защитит?

С виду Богослав — совсем мальчишка. Однако ж не мальчишка. Отрок. Юный воин.

— Погоди, муж, вот возьми! — Слада сунула Сергею кринку с молоком, горячую еще краюху...

— Спасибо! — Духарев поцеловал ее нежно, как прежде. — Ничего не бойся, моя хорошая! — глянул через плечо жены на Рёреха... Тот кивнул: не беспокойся, воевода, обережем твою хозяйку.

У ворот Горы толпился народ. С десятков воев (против обычных двух) перекрывали дорогу наверх. Гридни были Святославовы, причем из ближних, покрытые шрамами опытные рубаки. А ведь еще вчера здесь стояли два безусых отрока из Ольгииной дружины.

— Назад, сдай назад, не напирай... — лениво покрикивали они, беззлобно отпихивая древками самых настырных.

Наверх пропускали только тех, кто жил на Горе, челядинов.

Духарева узнали, поприветствовали.

— Кто вас на стражу ставил? — спросил Духарев. — Князь?

— Он.

— А сам где?

— Там, — десятник махнул в сторону Подола. — Дорогу! Дорогу воеводе!

Толпа нехотя раздавалась. Чья-то проворная рука сунулась цапнуть золотую висюльку с узды воеводы. Свистнула плетль. Брызнула кровь. Воришка завопил, схватившись за рассеченное лицо. Толпа зароптала...

В ту же секунду мечи духаревских гридней покинули ножны.

— Р-разойдись! Постор-ронись! — звонко и яростно хлестнул по ушам голос Велима.

Толпа отпрянула, раздалась к заборам.

Духарев скользнул взглядом по лицам, злобным, испуганным, — никого не узнал. Неудивительно. За десять лет население Киева и пригородов увеличилось раз в пять. И большую часть из этих десяти лет Духарев провел в дальних походах...

Ничего не сказал воевода. Молча двинул коня ениз по улице. Дружина — за ним.

За городской стеной, на ярмарочном поле у Соляных ворот, собралась изрядная толпа. И толпе этой, похоже, было наплевать, что по ту сторону поля, оттуда, где стояла построенная лет десять назад княгиней Ольгой церковь, поднимается черный густой дым. Это было неправильно. Обычно киевляне относились к пожарам очень серьезно. Тушили всем миром и незамедлительно.

Но не сегодня. Сегодня — вече.

Стояли родами и дворами. Большинство — смерды да челядь, однако ж кое-где и высокие боярские шапки мелькали. Отдельно, кучкой, словно бы сами по себе, но на возвышении, перевернутой телеге, — жрецы Волоха.

Еще на одной телеге — ораторствовали. Какой-то купчина с Подола и еще один мужик неопределенного сословия, длиннорукий, как обезьяна, лаялись друг с другом. Толпа вокруг орала. Вече, одним словом. Традиционное народное развлечение. Дубинки и пиво приносим с собой, плюхи и зуботычины получаем на месте. В другое время Духарев послушал бы, о чем дискуссия, но не сейчас. Сейчас его куда больше интересовала горящая церковь.

Духарев и его сопровождающие двинулись сквозь толпу. Люди сторонились, давая дорогу. Здесь никто не пытался ухватить духаревского Пепла за узду. И слов злых вслед не бросали.

Проезжая мимо волохов, Духарев кивнул одному, знакомому, заходившему к ним на подворье — к Ререху в гости. Жрец тоже кивнул, с важностью. Церковь горела. А вокруг нее, на соответствующем отдалении, цепочкой стояли конные Святославовы гридни и никого не подпускали к пожарищу. По эту сторону оцепления тоже толпился народ, поменьше, чем на площади, сотен семь-восемь. Много женщин. Кое-кого Духарев узнавал: люди из христианской общины. Стояли, смотрели с печалью и смирением.

Кто-то, узнав Духарева, вскрикнул радостно, сунулся к стремяни, но гридни не

подпустили. Духарев подъехал к оцеплению.

— Где князь? — спросил он,

— Там, — махнул рукой гридень из старших.

Святослав в окружении дружинников расположился у старого дуба на краю площади. Но не на высоком кресле, а верхом. И хотя сам Святослав был без доспехов, но конь под ним — боевой. И гридни тоже в полной броне. Перед князем — толпа. Но не смерды, люд получше, судя по одежке: старосты да тиуны.

Князь втолковывал им что-то. Слушатели внимали. Еще бы им не внимать, когда за спиной фыркают да позвякивают серебряными украшениями боевые кони, на которых грозными башнями — княжьи гридни.

Дружинники посторонились, пропуская Сергея.

Святослав глянул на воеводу недовольно, буркнул:

— Ты зачем здесь, воевода? Я тебя не звал.

— Вот что меня позвало! — Духарев махнул плетью в сторону горящей церкви.

— Нечего тебе тут делать! — Святослав грозно нахмурил брови.

— Ты, должно быть, запямятовал, княже, — медленно, с расстановкой произнес Духарев. — Я — воевода твой, а не холоп!

На скулах Святослава вздулись желваки. Но он усилием воли подавил ярость. Отвернулся от Духарева и, не глядя на него, произнес:

— Единоверцев своих прибежал защищать?

За спиной Сергея шумело вече. Справа весело трещал огонь...

— Да, — сказал Духарев.

— Обратно иди, на Гору! — бросил Святослав. — Там и будь. Молись кому хочешь, тебя не тронут. А капища христианские давно проредить пора. Понастроили... Как в землях ромейских. Не любы они народу!

— Народу? — Духарев криво улыбнулся. — Или — тебе?

— И мне! — жестко произнес Святослав. — А потому, воевода, позволяю я народу пожечь капища ваши, а из камней алтарных жертвенник Перуну сложить. А кто противиться будет — бить без жалости!

Сказано было не обычным голосом, а тем, каким великий князь подавал команды во время боя. Чтоб все слышали.

Духарев ощутил, как в нем поднимается волна холодного бешенства.

— Меня — тоже бить?

Святослав подал коня вперед, встал с Сергеем стремя в стремя.

— Иди домой, воевода, — произнес он негромко. — Я здесь князь. Я говорю — ты повинешься. Иди домой, пока — я не осерчал.

— И что будет? — с презрительной усмешкой бросил Духарев. — Убьешь меня? — В правой руке Сергея — плеть, левая легла на рукоять сабли.

— Отойди прочь! — с такой же холодной яростью произнес Святослав. — Лучше сам отойди, воевода! Нехорошо будет, коли умрешь ты от руки того, кого сам учил меч держать.

— А ты гридням вели! — предложил Духарев. — Хотя гридней твоих тоже я учил... Уж не знаю, княже, как тебе теперь быть. И так нехорошо, и этак...

Тут он заметил, что народ, тот, что был поближе, притих и с вниманием прислушивается к беседе великого князя со своим воеводой. И гридни ближней дружины — тоже.

А еще он увидел, что к нему пробивается Йонах. Когда Духарев выезжал из дому, парня на подворье не было, а теперь вот нашел...

Гридни Святослава посторонились, полагая, что молодой хузарин спешит с какой-то вестью.

Так и было.

— Батька! Там, в Бышгороде, Звана... — тут он заметил Святослава. — О! Княже! Дозволь воеводе весть сказать!

— Говори, — разрешил Святослав.

Похоже, он рад был немного разрядить обстановку.

А молодой хузарин даже не заметил возникшего противостояния.

— Из Вышгорода малец прибежал! — произнес он возбужденно. — Говорит: Звана нашего бояре повязали. Надо бежать выручать, батька!

Духарев глянул на Святослава. Святослав молчал. Но между гридней, и духаревских, и княжьих, пробежал ропот. Звана в войске знали.

— За что повязали? — сурово спросил Духарев. — И что он вообще там делал, в Бышгороде?

— Девка у него там, — сказал Йонах. — Боярская дочка. А повязали за то, что челядников боярина вышгородского побил.

— За что побил?

— Боярин тебя худыми словами обзывал. И... — Йонах покосился на Святослава — ... про великого князя тоже болтал... разное.

— Что болтал? — резко спросил Святослав. Йонах замялся. То ли не хотелось ему дурное повторять, то ли не желал быть ябедником...

Но сын Машега не был бы сыном Машега, если бы не выкрутился. Причем с той нахальной отвагой, которая всегда отличала потомственных «белых» хузар, не кланявшихся какому, кроме Бога.

— А может, сам у него и спросишь, княже? — дерзко предложил Йонах.

— А может, ты всё врешь, гридь? — в тон ему парировал Святослав.

— Не говори так, княже! — В голосе молодого хузарина зазвенела обида. — Я — Йонах бар Машег!

— Гордый, — буркнул Святослав. — В отца. Или — в батьку? — Князь метнул сердитый взгляд на Духарева.

Но Йонах воспринял слова князя как похвалу, задрал кверху подбородок.

— Боярина того Шишкой кличут, — сообщил он. — Поспешим, батька! — Он умоляюще поглядел на Духарева, — Малец говорил: Шишка хочет Звана собаками затравить. Шишка так неугодных холопов своих травит.

— То холопы, а то гридь! — Святослав хмыкнул.

— Так он же связанный будет! — воскликнул Йонах. — Поспешим, батька!

Духарев колебался недолго. Бросил последний взгляд на горящую церковь... Да что тут выбирать! Так и так сгорит. Нет, сейчас Зван важнее.

Сергей тронул Калифа...

И Святослав конем заступил ему дорогу.

— Далеко собрался, воевода?

— В Вышгород. Отойди с дороги, княже. Прошу тебя!

— Ах, просишь... — Святослав прищурился. — Ну коли просишь, так я, пожалуй, отойду. Может, еще о чем попросишь? О единоверцах своих...

— Ты ведь всё уже решил, княже, — мрачно произнес Духарев. — Что просить без толку.

— Артём! — вдруг зычно выкрикнул Святослав. Один из Святославовых ближних тут же выдвинулся, и только сейчас Духарев признал в нем сына, потому что бронь на парне была новая, дороже прежней, шлем с личиной и конь чужой, из княжьей конюшни.

— Будешь здесь старшим, — сказал великий князь.

— Да, батька.

«Ага, — подумал Духарев. — "Батька". Успел уже, значит, личную присягу князю принести. Растет сынок. А отцу — ни слова».

— Капища ромейские пусть разбирают, как я велел, — продолжал Святослав. — Но утварь не грабить и жрецов не бить. Только тех, кто мешать будет. Ослушников наказывай без жалости. — И, повысив голос: — Все слышали?

Слышали все. Святославов рык не услышать мудрено.

— Доволен, воевода? — уже вполголоса спросил великий князь.

— Спасибо, княже.

Ну что тут скажешь! Церквам в Киеве так и так не устоять. Раз Святослав решил «проредить», так и будет. А вот поставить во главе этой богоборческой операции христианина — отличный политический ход. С одной стороны, ясно, что никаких «переборов» не будет. Не бунт с беспорядочными пожарами, разгромом и грабежом, а управляемая сила народного гнева. Артём — герой. Город спас. Его не просто уважают — любят. Другое дело, что любовь толпы — вещь переменчивая. Но мечи княжьих гридней добавляют ей постоянства.

А с другой стороны, этот ход вобьет крепкий клин между Артёмом и его киевскими единоверцами. И можно спокойно оставить парня старшим по Детинцу, не опасаясь, что он будет лоббировать интересы христиан. А ромеям, если что, можно сказать, что ослабление присутствия христианской церкви — не есть личная воля князя, а исключительно воля народа, которую он, князь, обуздал, как мог. В идеале Святославу вообще стоило покинуть на это время Киев.

Что он и сделал.

Глава одиннадцатая

Спорное право боярина Шишки

Вышгород, персональный городок княгини Ольги, размерами уступал Киеву, но во всем прочем, пожалуй, превосходил. Посадов поменьше, зато стены повыше и покрепче, и дома за стенами солиднее. Можно не сомневаться, что и измором его взять было бы потруднее, чем Киев. Те же печенегι сюда даже и не совались.

Когда Духарев с дружинниками и Святослав, прихвативший с собой всего десяток гридней, подъехали к воротам города, те оказались заперты.

И отворить их далее никто не почесался. Хотя стражи наверху их точно видели.

— Открывай ворота, псы! — гаркнул Велим.

— Сам пес! — ответили сверху. — Прочь езжай!

— Велим, дозвожь я ему бороду укорочу? — попросил Йонах. — Он, свиное вымя, утром вдогон мне стрелял.

— погоди! — вмешался Духарев. — Эй ты! Я — воевода Серегей! Слышал обо мне, бездельник? Живо открыл ворота!

— Вот тебя-то как раз пущать и не велено! — радостно заорал сверху один из стражей, бородатый детина в сдвинутом на затылок шлеме.

— Это кем же не велено? — поинтересовался Духарев.

— Первый боярин Шишка не велел! — охотно ответил страж. — Так что убирайся, воевода, восвояси, пока я тя не стрельнул, как велено!

— Ты в меня стрельни, мордастый! — закричал Йонах. — Всё равно не попадешь!

— Это почему ты так решил? — заорал страж.

— Да всякому видно! Ты даже на сапог себе помочиться захочешь — и то промахнешься!

— Это почему это я на сапог промахнусь?! — возмутился страж.

Гридни захохотали. На стене — тоже. Даже князь улыбнулся. А вот страж побагровел и дернул из налуча лук. Все заржали еще пуще. Никому в голову не приходило, что боярский страж настолько тупоумен, что рискнет выстрелить в княжьего гридня. Не говоря уж о воеводе.

Но этот оказался тупоумен именно настолько. Он выстрелил. В Йонаха он, естественно,

не попал. Взял выше и угодил в Святославова гридня, который, естественно, тоже не стоял столбом, а отшиб стрелу щитом. И прежде, чем отбитая стрела упала на землю, защелкали тетивы луков, и стража снесло со стены.

И быть бы большой беде, потому что на вышгородской стене тоже схватились за луки, но тут Святослав бросил коня вперед и бесстрашно сдернул с головы шлем. Солнечный луч свернул на его бритой загорелой голове. Мотнулся назад пшеничный чуб, когда князь запрокинул голову и рыкнул почище пардуса:

— Не стрелять!!! Ополоумнели, дурни! Я — князь ваш! Шкуру сдеру! Живо открыть ворота!

Тут уж и вышгородские опомнились. Попрыгали вниз, вытянули засов, потащили створы.

Не дожидаясь, пока ворота откроют полностью, Святослав бросил коня внутрь, едва не сшиб кланяющегося в пояс вышгородского десятника и поскакал вверх по улице. А за ним, галопом, княжьи и духаревские.

На просторном подворье боярина Шишки было весело. Но не всем. Не веселилась меньшая челядь, которую согнали смотреть, как боярин наказывает того, кто ему не угодил. Не веселился наказываемый, гридень Зван, с которого содрали бронь и одежду и привязали к столбу посреди подворья. Не веселилась дочка боярина, к которой, собственно, и приехал в гости Зван.

Дочки, правда, на дворе не было. Ее по приказу отца еще утром двое доверенных увезли из города в потаенное место.

Не веселились и псы. Были у боярина три зверюги, специально натасканные на человека. Были. Теперь два «людоеда» валялись со вспоротым горлом, а третий медленно издыхал с ножом между ребер.

Не рассчитал боярин Шишка. Хотел продлить удовольствие и перед травлей велел освободить Звана. А тот ножик у челядника отнял да на Шишку кинулся. Тут псарь «людоедов» и спустил. И всё. Нет больше «людоедов». Правда, и гридня порвали собачьи клыки. Не то чтобы опасно, но потрепали основательно. Так что взяли Звана во второй раз и теперь уж воли не дали. Раздели и привязали к столбу, у которого Шишкин палач порол провинившихся холопов.

Привязали. Привели других псов, попытались науськать. Но не получалось. Не хотели охотничьи псы брать человека.

Зван, хоть и крови потерял изрядно, но держался. И вел себя храбро: поносил разными нехорошими словами боярина и описывал, что с Шишкой сделает воевода Серегей, когда обо всем узнает.

Боярин Шишка, в красных сапогах, будто ромейский василевс, в дорогой шелковой одежке. На жирной груди — византийский крест с рубинами и изумрудами, у пояса — короткая сабля с рукоятью в самоцветах. Морда толстая, красная, злая, брызги слюны изо рта:

— Запорю всех! Жрать его, жрать!!!

Хохот Звана.

— Ори, ори! Лопнешь — будет чем собачек накормить! Они гнилую требуху любят!

Псы лают, псари кричат... На дворе никто не услышал, как подскакали к воротам всадники. Стучать не стали. Духарев узнал голос Звана — этого достаточно. Махнул рукой...

Забор у Шишки высокий. Однако намного ниже крепостной стены. Змеями взлетели арканы. Побежали вверх по частоколу гридни... Сам он остался в седле. Рядом с князем, который улыбнулся одобрительно — понравилась ему выучка духаревских дружинников. Хотя, если вдуматься, — ничего хитрого. Вот когда под обстрелом, да наверху — вои с оружием...

Пять секунд — и за забором перестали орать. Только собаки забрежали еще пуще. Еще пять секунд — и створки ворот поехали в стороны.

— Добре, — похвалил Святослав и тронул коня. Окруженные дружинниками великого

князя Духарев и Святослав не спеша, стремя в стремя, въехали во двор.

Картина им представилась живописная. На ступенях терема сгрудились, выставив разномастное оружие, челядники Шишки. Человек пятьдесят. Вокруг крыльца, двумя линиями, гридни Духарева. Первое полукольцо — с мечами наголо, второе — с луками на изготовку. Их меньше, но результат схватки ясен даже ёжику. Поэтому и не нападают. Успеется. Звана уже освободили. Кто-то и меч ему в руку сунул...

«Лучше бы перевязали», — подумал Духарев.

Псари с собачками уже слиняли — от греха подальше.

— Убери своих, — сказал Святослав Духареву.

— Гридь, на-конь, — скомандовал Сергей. Цепочки мгновенно рассыпались. Дружинники, не выпуская оружия, разобрались по седлам. И снова построились позади воеводы.

— Прочь! — велел князь Шишкиным челядникам, и те, не заставляя повторять, кинулись кто куда. С большой охотой — умирать никому не хочется. Остались только четверо наемников-нурманов. Эти тоже в Валхаллу не рвались, но работа есть работа.

— Шишка! — рявкнул Святослав. — Вышел сюда!

Боярин появился в дверях. Уже не красный, а бледный. Но даже страх не выбил из него природного гонора.

— Здрав будь, княже! Зачем пожаловал?

— Ты что творишь, боярин? — спокойно произнес Святослав.

«Неужели выгородить хочет мерзавца?» — удивился Духарев.

Определенный резон в этом был. Шишка — боярин сильный. При Ольге власть имел изрядную и пользовался ею наверняка не только себе во благо, за что и был у княгини в большой чести.

Но Святослав — не тот человек, который ради выгоды пожертвует честью и Правдой.

— Я — в своем доме. — Увидев, что князь с ходу не отдал его воеводе Серегею, Шишка взбодрился. — А этот, — кивок на Звана, — дочь мою обесчестил. По Правде за бесчестье охальника отцу головой выдают.

— Верно, — согласился Святослав, Шишка совсем воспрял.

Зван с беспокойством посмотрел на своего воеводу. Духарев чуть заметно качнул головой: не беспокойся, мол, я тебя не выдам.

— Только вину его не тебе определять, боярин, а мне, — напомнил Святослав. — Это мое право. Княжье.

— Вышгород — великой княгини городок. Он киевскому столу не подлежит, — на знакомом поле законов и тяжб боярин снова надулся.

Зря.

— Был — княгини, — ровным голосом произнес Святослав. — Теперь — мой. И суд здесь — тоже мой. А ты, боярин, помню, моей матери верно служил. А мне?

Шишка хрюкнул. Удивился. Но быстро сообразил, куда идет.

— А тебе, великий князь, еще верней служить буду! — и даже попытался поясной поклон отвесить. Получилось плохо — брюхо мешало. А уж глазки как замаслились. Должно быть, представил боярин, как он при великом князе славно заживет. Великом князе, который всегда в походах...

А Святослав сделал паузу небольшую и совсем спокойно добавил:

— А я на этом гридне вины не вижу.

— Э-э-э... Как не видишь? — Шишка аж глаза выпучил. Удивился.

— А так. Не вижу, и всё.

— Но у меня видаки есть... — растерянно проговорил боярин.

— А зачем мне твои видаки. Я, боярин, свое слово сказал. Но если рассудить по Правде...

— Вот-вот! — оживился Шишка. — Если по Правде...

— Хочешь — по Правде? — осведомился князь.

— Хочу! — бодро ответил Шишка. Не почуял подвоха.

— Что ж, боярин, за верную службу моей матери надо тебя отблагодарить. Быть посему. Варяг Зван, готов ли ты постоять за себя по Правде?

— Благодарю, княже, за подарок! — Зван низко поклонился. — Только я не могу. Дочку я его люблю, жениться на ней хочу. А как это можно, если я ее отца убью?

Тут до Шишки доперло. Аж борода затряслась. По варяжской Правде подобные спорные вопросы решались непосредственным обращением к Перуну. То есть — поединком, в котором правый оставался живым, а неправый — соответственно, мертвым. Шишка был христианином, Зван — тоже. Так что Перун мог оказаться в затруднении. Вдобавок Зван был изранен и измучен... Но ни сам Зван, ни кто-либо из присутствующих ни на миг не усомнились, кто окажется правым, а кто — нет.

— Прости меня, княже, не могу я с ним биться, — Зван был простым гриднем, не князем. У князей — другая мораль.

Сыну Святослава Владимиру, например, ничто не помешало сделать своей женой дочь Роговолта полоцкого, предварительно убив не только ее отца, но и всю ее семью.

— Великий князь, неужели ты спустишь ослушнику? — закричал воспрявший Шишка.

— Соглашайся, Зван, — негромко посоветовал Духарев. — Дашь ему легонько по башке — и дело с концом.

Зван подумал — и кивнул.

— Коли боярин настаивает, будем с ним биться, — сказал он.

— Не со мной! — мгновенноотреагировал Шишка. — По закону я имею право выставить за себя поединщика. Вот он, Харальд, будет биться за меня! — Шишка показал на одного из своих нурманов.

Святослав поморщился. Хитрость Шишки не привела его в восторг.

Но закон соблюден. Духарев поглядел на Харальда-нурмана и сразу понял, что Звану с ним не справиться. Даже будь парень в хорошей форме, ему пришлось бы туго. Опытный битый волчара, искушенный именно в такой вот, один на один, пешей рубке. Духарев хорошо знал эту породу. С десяти лет — с мечом. С двенадцати — в виках¹³.

Сам Духарев, наверное, мог его завалить. Святослав — наверняка. Зван? Очень сомнительно.

— Зван тоже имеет право назвать поединщика! — Йонах опередил Духарева, намеревавшегося сказать то же самое.

— Может, ты хочешь биться вместо него? — спросил князь.

— Нет! — крикнул Зван.

— Да! — не раздумывая, заявил Йонах.

Святослав с большим сомнением посмотрел на молодого хузарина. Нурман усмехнулся, перебросил из руки в руку секиру.

— Йонаш, нет! Я сам!

— Да, — сказал великий князь. — Я принимаю замену. Молчи, воевода! — остановил он собравшегося возражать Духарева. — Слово сказано. На перекресток не пойдем. Биться будете здесь, места хватит. Биться будете пешими. Со своим оружием. До смерти.

Нурман насмешливо оскалился, сдвинул на глаза шлем, сдернул со спины щит.

Йонах спрыгнул с коня. В сравнении с Харальдом он смотрелся ребенком. Но не выглядел испуганным. Щита хузарин брат не стал, зато вынул из налуча лук.

— Эй-эй! — закричал Шишка. — Лук — нельзя!

— Почему — нельзя? — удивился Йонах. — Это мое оружие!

— Успокойся, хозяин, — пробасил нурман. — Пускай что хочет берет. Лишь бы не удрал.

— Я удеру? — Йонах засмеялся, звонко, жизнерадостно. — Это ты беги, нурман! В

¹³ Вик — военный поход.

спину бить не стану, обещаю!

— Цыпленок! — захохотал Харальд, крутнул топор. — Сейчас я сделаю из тебя полence. Сначала — обрублю руки...

— Начали! — скомандовал великий князь.

— ... потом я обрублю тебе ступни, потом... — продолжая говорить, нурман неспешно двинулся вперед. Духарев видел, что, несмотря на кажущуюся беспечность и самоуверенность, он осторожен и внимателен, а щит держит так, чтобы легко было перенять им стрелу.

Йонах стоял спокойно, расслабившись. Лук с наложенной стрелой — в опущенных руках.

— ... Потом...

Неуловимо быстрым движением Йонах вскинул лук. Нурман прыгнул вперед, стремительно, как кот, выбрасывая навстречу руку со щитом — раньше, чем раздался щелчок тетивы, ударившей о наруч Йонаха. Всем показалось: Йонах промахнулся, потому что выстрел не прервал атаки нурмана. Его топор, вылетев из-за щита, описал хитрую дугу, но прошел в ладони от бедра уклонившегося хузарина. Йонах сделал всего один шаг и остановился. А нурман упал. Лицом в землю. Будто не оружием сраженный, а волшбой. Окованный железом щит соскочил с руки и покатился по двору.

Йонах неторопливо двинулся к коню, вложил в налуч лук.

Князь кивнул одному из гридней. Тот спешил, подошел к нурману, перевернул его навзничь.

Нет, волшба была ни при чем. Обломанный о землю черенок стрелы торчал из глазницы поединщика.

— Шишка. — Святослав повернулся к боярину... Но боярина не было.

Пока все смотрели на поединок, боярин даром времени не терял. Смылся.

Великий князь на мгновение даже дар речи потерял. Такого, чтобы ищущий Правды удрал с судилища, при нем еще не бывало.

— Велю, пошли троих — обыскать дом! — скомандовал Духарев. — Трое — к воротам! Сам...

Йонах (уже в седле) гикнул и вылетел со двора, не дожидаясь остальных.

— ... сам с остальными выверни наизнанку этот городок...

— Моим именем! — рявкнул Святослав. — Найдите этого жирного бобра! Гривка с моей шеи тому, кто его притащит!

Гридни бросились выполнять приказ, Двор пустел. Остались только сам великий князь, Духарев, Зван, трое нурманских наемников Шишки а труп Харальда. — Пошли в дом, — сказал Святослав Духареву, — Что мы с тобой во дворе стоим, как челядники какие. Эй, кто-нибудь, коней возьмите!

Когда князь и воевода вошли в терем, нурманы спустились с крыльца, подошли к убитому соплеменнику, чтобы наверняка убедиться, что тот — мертв. Потом один из них, рыжебородый, со свернутым вправо носом, повернулся к Звану и спросил:

— Виру за Харальда ты платить будешь или поединщик твой?

— Какую еще виру? — удивился Зван.

— За убитого, — спокойно ответил нурман. — И сорок гривен. Родичам. А родичи его — мы.

— Но у нас другой закон... — Зван растерянно поглядел на дверной проем, в котором скрылся его воевода. Звану было худо: держался на одной силе воли. Досталось ему сегодня.

— По вашему закону, рус, выкуп и есть сорок гривен, — сказал нурман. — Ты будешь платить — или поединщик твой?

— Он сам должен платить, — вмешался другой нурман.

Наемники обступили Звана.

— Надо бы побольше взять, — сказал рыжебородый. — Поединщик твой не по чести бился. Но с ним мы еще потолкуем. А с тебя — сорок гривен. Не хочешь платить, тогда

доставай меч.

«Прикончишь его, — сказал Шишка рыжебородому, перед тем как сбежать. — Заплачу золотом. А живым привезешь — одарю по-княжьи. Где меня искать — ты знаешь».

Боярин Шишка был жаден. Ко когда речь шла о служивших ему воинах, боярин не скупился.

Однако просто так убить гридня нурман не рискнул.

Тем более в непосредственной близости от великого князя. Тем более что за живого Звана обещано больше.

Зван смотрел на нурманов. Будь он здоров и крепок, еще неизвестно — кто кого. Но сейчас нурман его убьет. Смерти Зван не боялся, но умирать ему не хотелось.

— Погодите, — сказал он. — Биться я готов, но не сейчас. Может...

— Он струсил, — сказал один нурман другому.

— Не думай, рус, что сумеешь от нас сбежать, — с угрозой процедил рыжебородый. И добавил по-норвежски: — Берем его и уходим, пока остальные не вернулись.

— Против конунга русов пойдем, что ли? — спросил его товарищ.

— А что нам конунг русов? Заберем этого и уйдем к Шишке. Я знаю, где его схоронка. Отсидимся до осени, а там видно будет. А за этого, живого, Шишка золотом заплатит.

— Ну тогда...

Договорить он не успел. Зван оттолкнул его, выскочил из кольца и выхватил меч.

Трое нурманов обнажили оружие. Они могли убить Звана тут же, но хотелось взять живым...

Банг! Рыжебородый вскрикнул и полетел на землю. Стрела вошла ему в ногу пониже края кольчуги и застряла в кости.

Двое других мгновенно обернулись... Один даже успел прикрыться щитом. Это его спасло. На время. Стрела пробила щит, но отскочила от панциря. Второго нурмана достал Зван, клинком по шее. Стремительный бросок его окончательно обессилил, но это уже не имело значения, Йонах выстрелил еще дважды. Обе стрелы оказались в воздухе одновременно. Одну, нацеленную в лицо, нурман ухитрился поймать щитом. Зато вторая преспокойно прошла под нижним краем щита и прошила кольчугу пониже пояса.

Йонах спешился, вынул саблю, кольнул корчащегося на земле нурмана в бороду. Хотел добить и рыжего, но Зван прохрипел:

— Нет, погоди...

— Почему? — удивился хузарин, пинком отбрасывая подальше меч рыжебородого и придерживая Звана, чтоб тот не упал.

— Он знает, где Шишка...

— Эка невидаль! — засмеялся Йонах. — Я тоже это знаю!

— Откуда?

— Сейчас и ты будешь знать, — хузарин тихонько свистнул, подзывая коня.

За конем волочился куль, перепачканный кровью и грязью, — боярин Шишка.

— Что тут случилось? — на шум из терема вышли Святослав с Духаревым и княжьи гридни.

— Эти, — Зван показал на побитых нурмаков, — хотели с меня виру за своего взять.

— Вижу: взяли сполна, — заметил Духарев.

— Ага. Спаси Бог, Йонаш вовремя поспел.

— Этот твой гридь, воевода, везде поспел, — проворчал Святослав. — Это у тебя, хузарин, не Шишка ли за лошадиным хвостом волочиться?

— Шишка, — подтвердил Йонах. — Хотел живым взять, да коника пожалел. Вишь, какой тяжелый кабан.

— Слышь, хузарин, а иди ко мне служить, — предложил Святослав. — Я тебе десяток дам. Отпустишь гридня, воевода?

— Не могу, — сказал Духарев. — Ты и так у меня сына забрал. А коли я парня отпущу, он мою дочку умыкнет.

Святослав засмеялся.

— Ну тогда ладно. — Он снял с толстой загорелой шеи золотую гривну. — Держи, Йонах Машегович!

— За что, княже? — удивился хузарин.

— За него вот, — Святослав кивнул на Шишку. — Неужто не слышал, как я обещал?

Йонах покачал головой, взял гривну, стянув шлем, нацепил на шею.

— Великая честь, княже! — сказал он, поклонившись. — Слишком большая цена за такого, как этот боярин.

— Это не боярина цена, а доблести, — поправил Святослав. — Поехали, воевода, в материн терем. Надо в этом городке порядок навести. Расплодилось тут... шишек. Коня мне!

Духарев последовал за князем не сразу.

— Дождись наших, — сказал он Йонаху. — Пусть похоронят Шишку и этих, — кивок на нурманов. — А этого рыжего...

— С рыжим мы разберемся, — быстро вставил Зван.

— Без тебя разберутся, — сказал Духарев. — Ты останешься тут. Я тебе лекаря пришлю. Йонах, скажешь здешним, что князь велел Звану за этим хозяйством присмотреть.

— А он велел? — удивился Йонах.

— Не велел, так велит. Сам тоже с ним останься. А то растащут Званово приданое, пока болеет. Да смотри, невесту у него не отбей!

— Это уж как получится! — засмеялся Йонах и пощупал гривну на шее.

— Хочешь в князеву дружину, Йонаш? — по-своему истолковал его жест Духарев.

— Не хочу. У тебя, батька, веселее. Да и отец велел тебе служить, а не князю. — И добавил после паузы: — А Данку я бы у тебя всё равно умыкать не стал. Потому что ты мне ее и так отдашь!

«Вот нахаленок!» — подумал Духарев. Сел на Калифа и поехал в терем покойной княгини. Сейчас ему лучше быть рядом со Святославом. Хватит на сегодня сюрпризов.

Глава двенадцатая,

которая начинается с политической экономии и авторской ретроспективы будущего, а заканчивается скверным известием

Князь Святослав задержался в Вышгороде. Здесь стояли дома доверенных бояр Ольги, тех, кто управлял ее личными землями, собирал оброки. Святославу следовало сразу показать, кто теперь хозяин. Смерть Шишки — наглядный урок для непонятливых.

В общем, Святослав всё делал правильно. Крепил власть. Переключал на себя ранее стекавшиеся к княгине финансовые потоки. Но свое намерение снести все церкви, заложенные и построенные матерью, а камни от них использовать как материал для сооружения языческих капищ, Святослав до конца не довел. Он был язычником, и для него Христос был лишь одним из множества богов. А богов у подвластных Киеву «языков» было действительно множество. У каждого покоренного племени — свои. Свои боги и свои князья, которых эти боги поддерживают. За Святославом стоял Перун. Перун был сильнее прочих, поэтому и великий князь киевский тоже был выше прочих князей. Но Перун не мог стать всеобщим богом. И потому Святослав не мог стать тем, кем был для своих подданных кесарь Византии, — правителем, чья власть священна для всех. Будь Святослав политиком, как его мать, он наверняка принял бы христианство. Но Святослав был воином, завоевателем, и христианские заповеди писались не для него. Хитроумный, как и положено полководцу, Святослав не был двуличным. Христианство он не принял, но искоренять христиан не стал. Да и не смог бы. Слишком много христиан было среди его людей.

Дружинники, лучшие люди, собственные сыновья Ярополк и Олег. Попытка полностью изгнать христиан из киевских земель обернулась бы кровавой междоусобицей, гражданской войной. Такую войну позже развяжет сын Святослава Владимир. Соберет антихристианскую коалицию, укрепит ее наемниками-скандинавами и наедет на христианский Киев.

Святослав проливать кровь не хотел, потому пощадил часть возведенных матерью церкви. Но ромеев в Киеве потеснил изрядно.

Такая политика великого князя стала еще одним поводом для охлаждения отношений между Киевом и Константинополем.

Святослава это не беспокоило. Он не собирался заискивать перед Византией. Все поборы, которые ромеи слупят с киевских купцов, великий князь киевский намеревался вернуть сторицей. Данью или добычей, как получится.

А когда стало ясно, что отныне в подвластных Киеву землях никаких послаблений христианам более не будет, большая часть Ольгиных бояр, старост, тиунов, мытарей без всяких угрызений совести вернулась к старой вере. «Мягкая» программа «христианизации» Руси, проводимая терпеливой и мудрой Ольгой, была после ее смерти насильственно прекращена ее язычником-сыном. Вернее, не прекращена — приостановлена. Позже сын Святослава Ярополк попытается продолжить дело своей бабушки, и его единокровный брат Владимир воспользуется этим, чтобы поднять против него сторонников старой веры. И затем, подло убив своего брата, воссядет на киевском столе и осуществит то, что не стал делать отец: использует камни разрушенных христианских храмов для возведения языческих капищ. Однако вскоре Владимир сочтет христианство более выгодным, чем язычество. Как следует поторговавшись с константинопольским двором, он выторгует себе в обмен на крещение и военную помощь и льготы, и невесту императорской крови, а затем уж крестится и крестит подвластную ему Русь. И не «мягко», как это делала Ольга, а злой силой. Что, впрочем, естественно для этого князя, прославившегося среди своих современников не великими ратными подвигами, как его отец, а жестокими расправами с подвластными ему племенными князьями и вождями, а также «врожденной склонностью к блуду». Сейчас нельзя сказать с уверенностью, что было более сильным побудительным мотивом в стремлении Владимира получить в жены кесаревну Анну: политические выгоды, желание утереть нос сыну императора Священной Римской империи, которому в этом браке было отказано, или похотливое желание уложить в постель сестру ромейских императоров.

Надо признать, ромейские кесари Василий и Константин были еще более склонны к блуду политическому, чем князь Владимир — к блуду плотскому. Остро нуждаясь в военной помощи Киева, кесари пообещали Владимиру сестру, если тот крестится. Владимир крестился, заслал ромеям русских воинов для военной поддержки... И хитрые ромеи попытались всучить князю поддельную «кесаревну». Однако недооценили разведслужбу Владимира. Обман был раскрыт, фальшивая принцесса затерялась среди восьмисот наложниц князя, а сам Владимир наехал на ромейский город Херсонес-Корсунь, захватил его и ограбил... И обменял на настоящую Анну. А уж затем вернулся домой и совершил «равноапостольское» деяние — крестил Русь.

Воистину неисповедимы Пути Господни.

Однако ж в Новгороде, когда-то поддержавшем язычника Владимира против христианина Ярополка, потом еще долго, из поколения в поколение, передавался рассказ о том, как крестил их «огнем и железом» Владимиров воевода Добрыня.

Тем не менее результат был налицо.

Русь крещена, а старые идолы порублены.

Одного только Перуна не рискнул варяг Владимир пустить на щепу. Сурового варяжского бога сволокли к Днепру и с относительным почетом сплывили на остров Хортицу.

Всё это случилось через двадцать лет после того, как великий князь Святослав велел рушить построенные матерью церкви. Не сделай он этого, возможно, его дальнейшие отношения с Византией сложились бы по-другому, и другой была бы его собственная судьба.

Но история есть история, обратного хода нет.

Духарев покинул Вышгород вечером того же дня. Волнения в городе уже улеглись. Ночью, правда, толпа с Подола накатила на ромейское подворье и попыталась вынести ворота, но ромеи были начеку и встретили погромщиков во всеоружии. Те только и смогли, что разгромить лавки вокруг стен. Внутрь не пробились. Зато ромеи, обороняясь, народу побили — с полсотни.

За убитых князь назначил виру: по гривне за покойника. Ромеи протестовали: мол, кто за разбойников виру платит? Но Святослав был непреклонен. Не в разбойниках дело, а в том, что его, княжьи, права ущемлены. На его земле убивать разбойников имеет право только он. Тут до ромеев дошло, что вира пойдет не родичам убитых, а в княжью казну. На этом спор закончился, ромеи денежки выложили безропотно и сразу вдвое подняли цены на свои «фирменные» товары — шелк, бархат... И зря. В этом году их монополия на «эксклюзивные» продукты была изрядно подточена задунайской добычей. Так что у ромеев товар попросту перестали брать, и византийским купцам пришлось снова снизить цены.

Но Духареву в этот день было не до рыночных проблем.

Пропала Данка.

Глава тринадцатая

Розыск

Киев — город не маленький. Но большинство его коренных жителей внутри своего социального слоя знали друг друга не только в лицо, но и по имени. А уж обитателей Горы знали все. Так что если бы Данка пропала в обычный день, проследить ее путь можно было не только от дома до ворот, но и в пределах поприща от городских стен. Глаза-то у всех есть.

Однако день был далеко не обычный, да и ночью беспорядки продолжались, так что розыск, учиненный в городе духаревскими гриднями и их добровольными помощниками, положительного результата не дал.

Зато выяснилось следующее.

Незадолго до полудня на подворье прибежал парнишка лет двенадцати. Искал Дану. Нашел, пошептался о чем-то, после чего Дана бросилась искать брата Богослава. Но тот как раз уехал в Детинец, к старшему брату. Данка тоже намылилась со двора, но тут ее матери сообщили, что девушка седлает коня, и Слада, не вступая в дискуссии, категорически запретила ей покидать родное подворье.

Сейчас Слада казнилась, что не стала выяснять, куда нацелилась дочка. В обычное время она непременно узнала бы. Впрочем, в обычное время не было бы и запретов.

Данка запрещение проигнорировала — сбежала. Только не верхом, а пешком.

Духарев Сладу не осуждал. Дана — девушка дисциплинированная. Кто мог подумать, что ослушается?

Однако ж ослушалась. Духарев поехал в Детинец. Пока Святослав разбирался в Вышгороде, в княжьем тереме заправлял Артём. Однако в самом Детинце старшего сына Духарева не было. Сказали: он где-то в городе. Но скоро будет.

— А Богослав с ним? — спросил воевода.

Этого точно никто не знал. Наверное, с ним. Где ж ему еще быть, как не с братом.

Духарев подождал с полчаса, потом из терема вышел Асмуд. Поздоровался. Поинтересовался: не к нему ли пожаловал воевода? Духарев объяснил ситуацию. Асмуд почесал бритую голову, кликнул отроков, что оказались поблизости, и велел: найдите боярина Артёма и скажите, отец зовет. А Духареву сказал:

— Пошли, воевода, медку примем. Расскажешь мне, что там твои гридни с боярином

Шишкой учудили.

Пока воевода разыскивал дочь, два его ближних гридня, Зван и Йонах, тоже вели розыск. Свой.

— Где Любушка? — спросил Зван. — Куда ее увезли?

Нурман ухмыльнулся:

— А ты угадай!

— Нам сказали: ее увезли твои соплеменники. Я уверен: ты знаешь, куда ее увезли.

— Может и знаю. А может и нет.

— Я тебя пока по-хорошему спрашиваю, нурман. — Зван помешал угли железком копыя. — Но если ты по-хорошему не хочешь...

— И что будет? — Рыжий нурман сидел на старом пне. Из пня проросли два молодых побега, каждый — толщиной с топориче. К этим побегам были прикручены мускулистые руки нурмана. А перед тем как привязать, побеги слегка согнули. Теперь побеги распрямились, и сидеть нурману было неприятно. Но встать он не мог. Не получилось бы. Так и сидел, время от времени встряхивая головой, чтобы отогнать комаров.

В нескольких шагах от нурмана горел костер, а у костра на корточках сидел Зван. Выглядел он значительно лучше, чем сутки тому назад. Обработанные мазью укусы не воспалились, а силы молодой организм восстанавливал быстро. Чуть поодаль расположился Йонах. Молодой хузарин поглядывал на рыжего едва ли не с сочувствием. Не так давно он перебил стрелой кость нурмана и без малейших угрызений совести перерезал бы ему горло. Но пытаться Йонах не любил. Хотя, как всякий опоясанный гридень, — умел.

— А что будет? — насмешливо спросил нурман.

Нурман носил гордое имя Хругнир и держался молодцом. Боль в раненой ноге терпел мужественно. К предстоящей процедуре относился с истинно скандинавским спокойствием. Когда-то его батюшка устроил для своих пленников соревнование: кто больше раз обойдет вокруг столба. А чтобы добавить в соревнование азарта, участникам надрезали животы, вытаскивали кишку и прибивали ее к столбу железным гвоздем. Победителем считался тот, кто наматывает на столб больше витков. Маленький Хругнир «болел» вместе с остальными зрителями и искренне огорчился, когда выбранный им «спортсмен» свалился на третьем «витке».

— Что будет? Сейчас узнаешь, — ответил Зван, осматривая наконечник.

— Надо еще подогреть, — со знанием дела посоветовал нурман. — В мясе он быстро остывает.

— Это верно, — согласился Зван. — Но если перегреть — закалка пропадет.

— Не пропадет, — подал голос Йонах. — Если сразу воткнуть — еще лучше будет.

— Ишь ты! Молодой, а дело знаешь! — похвалил рыжий.

— А ты старый, а дурак, — сказал Йонах по-нурмански. — Сдохнешь сейчас бесчестно, как грязный трэль. А мог бы в Валхалле с Одином пировать.

— Тем, кто своих предаст, в Валхаллу путь заказан, — тоже по-нурмански ответил рыжий.

— Рассказывай! — фыркнул Йонах. — Ваш Один и есть самый главный предатель. Зря, что ли, его отцом лжи зовут.

— Что ты, хузарский лис, об Одине знать можешь! — презрительно бросил рыжий.

— Знаю кое-что. Третья жена отца моего — из ваших.

— Ври больше!

— Элда, дочь Эйвинда. Эйвинда Белоголового.

— Ха! — воскликнул рыжий удивленно. — Покойник Эйвинд — старший брат жены моего младшего брата. Выходит, мы с тобой — родичи?

Йонах дипломатично промолчал. Пытать родичей — дурной тон.

— Значит, это Элда научила тебя болтать по-нашему? — не унимался Хругнир.

— О чем вы говорите? — спросил Зван, который не знал языка нурманов.

— Мы с ним, оказывается, родственники, — сообщил Йонах.
— Шутишь? — Зван обеспокоился. Родича Йонах жечь не станет. И другому не даст.
— Точно. Он дальний родич моей мачехи.
— Это не в счет, — успокоился Зван. — Ну, с чего начнем? Я предлагаю — с левого глаза.
— Родич, не родич... Это как посмотреть, — возразил Йонах. — Слышь, родич, тебя как зовут?
— Хругнир, — сказал нурмай.
Зван удивленно приподнял бровь. До сих пор рыжий отказывался называть свое имя.
— Я думаю, Хругниру ни к чему лишнее сходство с Одином, — сказал Йонах. — Пусть поживет пока с двумя глазами.
— Пусть, — согласился Зван. — Можно ему для начала пятки прижечь.
— Я думаю, — произнес Йонах, — пытками мы все равно ничего не узнаем от такого храброго воина.
За что удостоился одобрительного взгляда рыжего.
— Еще как узнаем! — возразил Зван, извлекая копье из костра.
— А я думаю — не узнаем! И еще я думаю: не случайно мы с ним родственниками оказались. Это знак свыше. Потому я предлагаю договориться.
— О чем это? — насторожился Хругнир.
— О том, что вот он, — Йонах кивнул на Звана, — берет тебя на службу.
— Это еще зачем? — удивился Зван.
— Что ты болтаешь, гридь? — воскликнул нурман.
— Объясняю, — сказал Йонах. — Наш князь отдал Звану дочку Шишки.
— Вы ее сначала найдите, — проворчал нурман.
— А вместе с дочкой — все, что у Шишки есть: добро, челядь, словом, всех, кто Шишке служил. И тебя, Хругнир, тоже. Надо же Шишкино добро от всяких татей охранять.
— Не смеши меня, гридь, — сказал нурман. — Какой из меня теперь охранник! Ты ж меня искалечил!
— Я тебя искалечил — я тебя и вылечу, — заявил Йонах. — Мы, хузары, кое-какие лекарские тайны от парсов узнали. После моего лечения нога у тебя будет — сильнее прежней.
— Эй, что ты такое говоришь! — по-печенежски произнес Зван. — Как ты ему ногу вылечишь? С каких это пор ты лекарем заделался?
— Лекарь не лекарь, а кое-что знаю. Вылечу — хорошо. Нет — значит нет. Главное: чтоб он нам сказал, куда твою Любушку увезли.
— Хитер, — одобрил Зван. — Слышь, нурман, — продолжал он на языке руссов, — поклянись Одином своим, что будешь мне служить?
— Лучше — Тором, — вставил Йонах. — Одином они клянутся, когда соврать хотят.
— Тором так Тором. Клянисься?
— А ты, варяг, поклянись Перуном своим, — заявил нурман. — Я вижу, крест у тебя на шее, так что ты еще и этим богом поклянись, что на службу нас принимаешь.
— Кого это — нас?
— Меня и земляков моих, которые Шишке служили...
— Ну ты наглый, нурман! — воскликнул Зван. — Нет, я тебе все-таки глаз выжгу!
— ... А ты, хузарин, — невозмутимо продолжал нурман, — поклянись своим богом, что вылечишь ногу мою. Иначе делайте со мной, что хотите, — ни слова от меня больше не услышите, Одином клянусь! — Подумал немного и добавил: — И Тором тоже.

Глава четырнадцатая

Суровый шум деревянского леса

Три всадника ехали по дубраве. Двое бородатых нурманов со свирепыми рожами и юная девушка с заплаканным лицом. Неосведомленный наблюдатель мог бы подумать, что это нехорошие северяне обидели девушку. И был бы не прав. Нурманы ни за что не стали бы обижать Любушку. Торгейр и Игги были доверенными людьми боярина Шишки. Настолько доверенными, что он без всякой опаски поручил им сопровождение своей симпатичной дочери. Хотя, если бы речь шла не о девушке, а о мешке с золотом, Шишка не был бы столь доверчив. И оказался бы прав.

Но Любушка всё равно была на них обижена и очень расстроена. Она бы еще больше расстроилась, если б знала, как отец вознамерился обойтись со Званом. А уж известие о том, что она осиротела, причинило бы Любушке настоящее горе. К счастью, Любушка об этом не ведала. Еще большее счастье, что о смерти Шишки не знали и нурманы, потому что их преданность боярину (а, следовательно, его дочери) зиждилась на щедрости Шишки живого. На щедрость же мертвеца рассчитывать глупо. Впрочем, невинности Любушки даже в этом случае ничего не угрожало. Невинная девушка «из хорошей семьи» стоит втрое дороже, чем та же девушка, которая уже не девушка.

Игги ехал впереди и негромко напевал. Но не следовало думать, что нурман был беспечен. Он оставался начеку. Он всегда был начеку, когда приходилось ехать по деревянской земле. Подлое племя. Слишком гордое. По мысли Игги, смерды-славяне должны были пахать землю, бить зверя, собирать мед и воск, а потом отдавать выращенное и добытое тем, кто знает толк в жизни. То есть — нурманам. Или боярам, чтобы те, в свою очередь, отдавали полученное нурманам, свеям, варягам... Тем, кто не ковыряется в земле, а едет по ней с мечом у пояса.

Но Игги понимал, почему Шишка обустроил свой тайный двор на деревянской земле. Боярин был одним из тех, кто по приказу княгини Ольги давил из деревян сок. И лишь часть выдавленного увозилась в Вышгород. Остальное доставалось лично Шишке. Все, до кого мог дотянуться боярин, обдирались им, как липка. Протестовать никто не смел. На этой земле очень хорошо помнили, как великая княгиня тысячами жгла и резала деревян после убийства своего мужа. Жаловаться и бороться бесполезно. Возникнут, как из-под земли, беспощадные гридни княгини или князь-воеводы Свенельда — и начнется страшное. От них не спрятаться в самых дремучих лесах. Отыщут проводников из самих же деревян, замучают пытками, но всё равно заставят выдать своих. Игги знал об этом не понаслышке. Сам, бывало, жег и резал.

Но есть совсем безмозглые смерды, которые могут забыть о почтении к властям и напасть даже на таких грозных воинов, как нурманы. Исподтишка, конечно, и при соотношении десять на одного, но — могут.

Так что Игги, который ехал впереди, был настороже. И Торгейр, который ехал последним, тоже.

Но они были бы намного осторожнее, если б знали, что деревянные старейшины уже разослали по дальним и ближним поселениям и хуторам радостную для каждого деревянина весть: великая княгиня Ольга умерла.

Богослав поднес ладонь к навозной куче и ощутил тепло.

— Догоняем, — обрадованно сообщил он сестре, вспрыгивая в седло. — Полпоприща — самое большее.

— Здорово! — воскликнула Данка. — Ты молодец, Слава! Настоящий следопыт. А это точно они?

— А кто же еще? — удивился Богослав. — Мы же с самых выселок за ними едем. Вперед!

Некоторое время ехали молча. Конские копыта сминали мягкую, усыпанную

узорчатыми листьями землю.

— Слышь, Слав, а что будем делать, когда догоним? — спросила Данка. — Ты точно уверен, что справишься? Это ж нурманы.

— Справлюсь, не беспокойся. Я ж их не на честный бой вызывать буду. Подберусь тихонько и сниму из лука. Думаешь, нурманов скрадывать труднее, чем кабанов? Я знаешь какой охотник!

— Ну расхвастался! — засмеялась Данка. Потом добавила серьезнее: — А все-таки надо было Артёму сказать. Мамка волноваться будет.

— Ему скажешь! — буркнул Славка. — Как его полутысячником сделали, он знаешь какой стал! Будто не Святослав — князь, а он. Да ну его! Сказал — справлюсь, значит, справлюсь! — Он повернулся в седле, лицом к сестре. — Мое слово...

Тут палые листья перед его конем пришли в движение. Что-то длинное, гибкое метнулось к копытам,

— Змея! — закричала Данка.

Славкин конь заржал испуганно, осел назад, Славка стиснул его коленями, удерживаясь в седле:

— Тише ты! Где змея?

Только это была не змея, а спрятанный в листьях волосяной аркан.

Рывок — подсеченный конь повалился набок. Славка успел вывернуться из-под него, но тут на него сверху сиганул кто-то здоровенный, оглушил и приплюснул к земле.

Еще двое бросились к Данке. Один сразу ухватил за узду, второй схватил Данку за ногу... И тонко взвизгнул, получив хлыстом поперек физиономии.

Данкина кобыла, норовистая зверюга, взятая из конюшни княжьего Детинца, терпеть не могла чужих, потому прижала уши и злобно хватанула за руку первого. Тот заорал и выпустил узду. Данка мгновенно развернула лошадь, ударила каблучками, лошадь рванула с места в галоп... И тут Данка наткнулась грудью на что-то упругое, седло выскользнуло из-под нее, и девушка кубарем покатила по земле...

Артём вошел в Детинец, когда Духарев с Асмудом уже ополовинили корчагу.

— Здравствуй, бать, что случилось?

— Случилось, — сказал Духарев. — Ты Славку куда посылал?

— Я? Никуда. Мне, бать, сейчас, знаешь, не до него. Сам же видишь, что в городе творится. Буянит народ.

— А он десятнику своему сказал: ты его послал.

— Интересно, куда? — сердито произнес Артём.

— Вот и мне интересно! Соврал?

— Соврал, — кивнул Артём. — Надо наказать.

— Это непременно, — согласился Сергей. — Только сначала, сынок, его надо найти. Его и Данку.

— А сестренка при чем?

— При том, Тоха, что ушли они вместе. Вернее, уехали. Взяли коней в вашей конюшне и отбыли. Мои выяснили, что их видели у северных ворот.

Всё это Духареву сообщили, пока он общался со старым Асмудом. Но Сергей решил все-таки дождаться Артёма.

Теперь Духарев знал наверняка, что Славка с Даной затеяли какую-то авантюру.

— Да ладно, бать, что ты в самом деле! Славка — княжий отрок. Данка — твоя дочь. Кто их тронет, сам подумай? Ну хочешь, я за ними сейчас пару гридней отправлю?

— Нет уж! — Духарев поднялся. — Не «пару гридней», а сам поеду.

— Как знаешь, — Артём повернулся и вышел во двор. Через минуту его в Детинце уже не было.

«Может, парень прав? — подумал Духарев. — Что я дергаюсь, в самом деле? Чай, не Дикое Поле — киевские земли. Лихие люди, конечно, и здесь есть. Но вряд ли кто-то

рискнет напасть на княжьего отрока...»

— Ну-ка погоди, — Зван поднял руку, и Хругнир с Йонахом тоже остановились. Собственно, остановился Йонах. И остановил лошадь нурмана, потому что тот, вконец обессилив, мешком лежал у нее на шее. У Йонаха в сумке имелось немного арабского снадобья, которое могло на время вернуть Хругниру силы, но, по мнению Йонаха, это время еще не наступило. Да и жалко было дорогого снадобья.

— Чего там? — спросил хузарин.

— Здесь проехали пятеро. Сначала трое, потом еще двое. Причем у одного конь — точно из княжьей конюшни.

— Откуда знаешь?

— А вот смотри, вот след подковы отпечатался. А в углу — три шишечки...

— Ну и какой вывод?

— Да никакого! — Зван прыгнул в седло. — Поехали, Догоним — узнаем.

Щелкнула тетива.

Зван мгновенно обернулся... Ничего опасного. Йонах тетерку подстрелил.

— Темнеет, — заметил Игги. — Надо бы на ночлег вставать,

— Поехали, — сказал Торгейр. — Там, впереди, полянка будет. И ручеек. Там и заночуем.

— Ну давай, — согласился Игги. Говорили они по-нурмански.

Дальше ехали молча. До поляны с ручейком добрались, когда уже начало смеркаться. Расположились под знатным, охватом в пять, дубом. Расседлались, развели костерок, достали снедь, собрали грибы, которые росли на полянке, нанизали на палочки, расположили над костром. Дома у себя нурманы грибы не ели. Грибы считались нехорошей пищей. Но здесь, на юге, пристрастились.

Любушка сидела, нахохлившись. Еду не брала.

— Ты, девка, ешь, — сказал ей Игга. — И не бойся. Мы тебе худого не сделаем. И никто тебя не обидит. А приедем на заимку, вообще делай, что хочешь. Хорошая у тебя жизнь, девка. Завидую я тебе...

— Ну-ка тихо! — оборвал его по-нурмански Торгейр.

Игги мгновенно умолк.

Какое-то время оба напряженно вслушивались в ночь. Но ничего необычного не слышали.

— Что не так? — спросил Игги.

— Показалось — смотрел на меня кто-то. Вон оттуда. Пойду-ка я гляну.

Торгейр поднялся, вытянул из ножен меч. Во вторую руку взял топорик.

Игги вынул пару треугольных метательных ножей, положил на траву. Выразительно посмотрел на Любушку и приложил палец к губам.

Глаза девушки округлились. Игги черпнул шлемом воду из ручья и выплеснул на костер. Огонь зашипел и погас. Игги коснулся плеча Любушки.

— Ложись, — шепнул он.

— Зачем? — испуганным шепотом спросила она.

— Надо.

Там, куда ушел Торгейр, было тихо. Это хорошо. Значит, там никого...

И тут раздался треск, какой бывает, когда кабан проваливается в ловчую яму. И — яростный рез Торгейра.

Игги вскочил — и кожаная удавка захлестнула ему шею. Нурман попытался прижать подбородок, но не успел. Зато успел просунуть под ремень большой палец правой руки.

Напавший уперся ногой в спину Игги, тянул изо всех сил и наверняка пересилил бы нурмана, но Игги левой рукой, обратным хватом выдернул меч и послал клинок назад — будто лыжной палкой толкнулся.

Клинок вошел легко: на нападавшем не было ни доспеха, ни даже куртки из твердой кожи.

Удавка ослабла.

И тут пронзительно вскрикнула Любушка. Игги отвлекся буквально на мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы получить по макушке дубиной.

Череп у нурмана был крепкий. Выдержал. А будь на Игги шлем... Но шлем валялся у погашенного костра. И его хозяин свалился рядом.

Любушка бежала, не разбирая дороги.

Несколько раз что-то вцеплялось ей в одежду. Может, чужие руки, но скорее всего — просто ветки. Любушка бежала, не чуя под собой ног. Она могла споткнуться, упасть в овраг, налететь на острый сук... Но не споткнулась и не убилась. Верно, благоволили ей лесные боги. Иначе не объяснить, почему юная девушка убежала, а битые, умелые, страшные в бою нурманы попались.

— Лучше бы тебе, деревлянин, нас отпустить, — сказал Славка. — Знаешь, кто наш отец?

— Не-а, — совершенно равнодушно ответил по глаза заросший бородой лесной человек. — Но всё равно твоей сестре повезло. Красивая. Понравилась нашему волоху. Возьмет ее младшей жонкой. Прольет чуток крови — да и всё. А тебе не повезло, парень. Жить те осталось дней несколько. Покуда охотники наши ваших осмнадцать голов нахватят. Тады уже будем вас — того.

— Вот придет мой отец с гриднями, будет вам — того! — сердито бросил Славка.

— Не-а, — беспечно отозвался лесовик. — Теперича ничё нам не будет. Это ране, когда старейшие наши клялись, что не станут с княгиней воевать, тогда у богов наших силы не было. А теперича померла ваша Ольга. Значит, кончилась клятва. И боги наши снова в силе. А коли кровушкой их напоить, так и вовсе всех, кто на деревлянскую землю сунется, — угнобят.

— Сейчас, размячался! Мой батька, между прочим, тоже ведун. А пестун мой, так он и вовсе одной ногой за Кромкой стоит. Слово скажет — и ты сдохнешь!

Лесовик нахмурился.

— Ты это, зря не болтай, — сказал он. — А то рот заткну. Понял?

— Понял, — буркнул Славка. Эх, развязали бы ему руки, он бы показал этому лешему!

Ну ничего. Батька — не за морем. Он здесь, в Киеве. Так что непременно их найдет. И лесовикам этим дурным — мало не покажется. Славке, ясное дело, тоже перепадет — за самовольство. И пусть. В первый, что ли, раз? Глазное, чтобы Данку не успели обидеть. В собственную смерть Славка не верил. В четырнадцать лет даже князьему отроку в нее трудно поверить.

— Хороший лес, — заметил Велим. — Чистый. Сухой. Дубы вокруг — как в Перуновой роще.

— Перуновой, как же! — хмыкнул Рёрах, ехавший справа от Духарева. — Здесь не Перуну нашему, а старым богам кланяются.

— Это каким же?

— Таким. Ты о таких, парень, и не ведаешь.

Велим обиженно поджал губы. Не понравилось ему, что Рёрах его «парнем» назвал. Но приходилось терпеть. Рёрах — это Рёрах. Таких вождей, как он, ныне не встретишь. Ведун к тому же. Глянет косо — и пропал человек. На подворье воеводы его боялись даже больше, чем парса, хотя парс, говорили, огненными бесами помыкает.

— Деревлянский это лес, — сказал Рёрах. — Их князя ране под хузарами были, потом — под уграми. Потом Свенельд их у угров отнял, а уж после Ольге покойной под великое княжение передал. Теперь они под руку младшему Святославовичу отойдут. Так великий князь угорскому князю Такшоню обещал. Мол, что Свенельд когда-то у тебя отнял, я твоему

внуку отдам.

Духарев с удивлением глянул на старика. Откуда он знает о тайном уговоре между дьяулой Такшоном и Святославом?

Рёрах его взгляд заметил — и подмигнул. А потом продолжил:

— Только лучше бы не ему эти земли отдать, а Владимиру. Этот — покрепче будет. Дерево ломать — железная рука нужна. Деревляне — старого корня. Богов своих живой кровью поят. Но про то лучше воевода расскажет. Он своими глазами видел.

— Да, это так, — подтвердил Духарев, Но в подробности углубляться не стал. Хотя очень хорошо помнил выложенные камнем и глиной желоба-лабиринты, в которых лежали мертвые тела.

Только не помогли кровавые жертвы деревлянскому племени. Хитрость Ольги и крепость русских клинков оказались сильнее божков-кровососов. Деревлянских жрецов-волохов русы потом старательно ловили по лесам и жгли. Многих переловили. Духарев очень надеялся, что всех. Еще ему очень хотелось бы знать, за каким лешим его дети поперлись в этот лес.

«Подманили их, — сказал вчера Рёрах. — Деревляцкие волохи подманили. Ольги-то они боялись. Теперь Ольга померла — осмелеют. Таким, как ты, отмстить захотят».

«Смеешься? — поднял бровь Духарев. — Они нам — мстить? Да одной моей дружины хватит, чтоб все их городки выжечь».

«Городки — ничто. А лес — вот их сила. В лесу ты против них — как цуцик слепой».

«Ну ты сказал, дед!»

«Как есть, так и сказал. Кабы сам князь всей силой взялся, тогда — другое дело. И не потому, что у князя воев больше. Тут не в воях дело. Под князем не только воины. Под ним — бояре, тиуны, старосты, наместники. У каждого — свои людишки: доверенные, послухи... Твои гридни могут хоть месяц по лесам шарить — ничего не найдут. А князь за день отыщет. Потому что ему скажут, где искать».

«А мне, значит, не скажут?» — недовольно спросил Духарев.

«А тебе — нет. За тобой — только гридни твои. А за великим князем — боги».

«За мной тоже Бог!»

«Э-э-э! У вашего ромейского бога в наших лесах силы нет. Это все знают: от старейшин ихних до самого последнего смерда».

«А как же покойная княгиня? Она ведь тоже была христианкой».

«Ольга — другое дело. Ей деревлянские старшие своими богами клялись. Но — только ей. А старшие теперь у деревлян — волохи. Раньше еще князь был, при князе — бояре ихние. Ольга всех убила: и князя, и бояр. Но князь с боярами в городе живут. Их завсегда достать можно. А волохи — в лесах: в схоронках, на капищах. Потому говорю: ты их не отыщешь. Ты — не отыщешь...»

Сергей уловил в словах Рёраха подтекст.

«А кто отыщет?» — спросил он.

«Я. Так что бери с собой полсотни гридней потолковей — и в путь».

«Хватит ли полусотни? — усомнился Духарев. — Сам же только что сказал: всей моей дружины не хватит, чтобы деревлянских волохов отыскать».

«Так мы их искать и не будем, — ответил Рёрах. — За детками твоими следом поедem — они сами нас и найдут».

«Толково, — согласился тогда Духарев. — Вопрос у меня только один: зачем мне к пятидесяти варягам еще один, старый и одноногий?»

«А затем, тупая голова, что без меня и тебя, и дружинников твоих лесовики запутают да и перебьют, как глупых сусликов!» — сердито бросил Рёрах.

«Да ладно тебе, дед! Вятичи небось тоже лесовики, однако ж прижали их, когда понадобилось».

«Вятичи твои — дичь непуганая. Их до Святослава никто по чащобам не искал. А деревляне — дичь сторожкая. Корень у них — древний. Вдобавок волхвовать умеют. Ну всё!

Довольно мне перечить! Сказал — поеду, значит — поеду. Чай, детки твои мне — не чужие».

И поехал. И всю дорогу зудел: учил воеводу жизни.

Духарев слушал. С достоинством, но почтительно. Многим был обязан Сергей старому варягу. Собственно, даже не многим — всем.

— О! — воскликнул Велим. — Ручей! Может, батька, здесь на ночлег станем?

— Где я скажу, там и станем! — ворчливо перебил сотника Рёрах. — Ишь, притомился! До кочи еще полпоприща проехать успеем!

И заставил своего коня прибавить шаг. Железный старик.

— Ну что, спешиваемся? — спросил Йонах Звана. — Темнеет уже.

Здесь, в лесу, хузарин как-то сник. Голос стал неуверенным, взгляд беспокойным. Не нравилось ему здесь. Много бы дал, чтоб не по лесу они шли, а по степному разнотравью.

— Можно, — согласился Зван. — А то нурман наш, не ровен час, помрет.

Хругнир совсем ослаб. Лежал мешком на лошадиной шее. Когда Зван с Йонахом вдвоем кое-как (тяжеленный, однако) сняли его с коня и положили на травку, нурман даже не очнулся. Только застонал.

— Ты помоги ему, Йонаш, — сказал Зван. — А я пока костерок разведу, грибочков поджарю.

— Лучше — тетерку, — возразил Йонах. — До утра протухнет птичка. Если тебе возиться неохота, тогда я сам обработаю.

— Нет уж, братец, ты давай нурмана обрабатывай. От твоей стряпни даже у волка брюхо заболит.

— Ты волка лучше к ночи не вспоминай, — проворчал Йонах. — Стемид говорил: примета дурная.

— Это вы, иудеи, примет боитесь, — высокомерно произнес Зван, отвязывая тетерку от Йонахова седла. — Нам, христианам, на всякие приметы — тьфу!

— Ну-ну, — пробормотал хузарин, осторожно снимая бинты с ноги Хругнира. — Тише, тише, нурман, не дергайся, — сказал он раненому, который в полубеспамятстве попытался отползти в сторону. — Коли сказал, что вылечу твою ногу, значит, буду лечить. А ты не мешай, а то буду тебя врачевать не так, как меня госпожа Сладислава учила, а как батюшка мой советовал.

— А что он советовал? — заинтересовался Зван.

— Дубинку взять да больного по лбу треснуть как следует.

— Не стоит, — серьезно сказал Зван. — Он после твоих отваров и так себя не помнит. А если завтра с дороги собьемся?

— Кто из нас лесной следопыт, ты или я? — поинтересовался Йонах.

— Ну я, — признал Зван.

— А невеста чья?

— Тоже моя.

— Значит, не собьешься, — уверенно заявил Йонах. — Ты шевелись давай. Я жрать хочу.

Коней не стреноживали. Напоили, привязали к деревьям, задали овса. Поужинали всухомятку. Рёрах велел огонь не разводить. С молчаливого согласия воеводы старый варяг принял командование над отрядом. После ужина Рёрах обошел лагерь, осмотрел всё, буквально обнюхал каждый окрестный дубок. Потом позвал Велима, приказал ему, чтоб делил воев по времени не на четыре стражи, как обычно, а на три. Еще распорядился, чтобы дозорные встали двумя кольцами, причем одна половина караульщиков, что во внутреннем кольце, расположилась на земле обычным порядком, а вторая — укрылась бы на деревьях. Более того, Рёрах указал, на каких именно деревьях, и даже, руководствуясь какими-то лишь ему одному понятными признаками, определил, какому гридню сторожить внизу, а какому

— наверху.

Духарев не вмешивался. Хотя и допускал, что все эти распоряжения — старческий маразм Рёреха.

Но одно он вынужден был констатировать: близость старого варяга каким-то непонятным образом смягчала гложущую сердце Духарева тревогу. А укладываясь спать, он заметил еще одну странность. Несмотря на близость воды, в этом месте совсем не было комаров...

Йонах проснулся от легкого прикосновения.

— Тш-ш... — чуть слышно произнес Зван.

Йонах сел. Подтянул поближе саблю, потом бесшумно достал лук, наложил стрелку... Темнота вокруг — хоть глаз выколи. Но Йонаху еще семи лет не исполнилось, когда он уже мог, по одному лишь звуку, пригвоздить к земле прошуршавшую крысу.

Шорохов вокруг хватало. Будь они в степи, Йонах сумел бы опознать каждый. В лесу — сложнее. Но отличить человеческие шаги было несложно.

Йонах поднял лук. Тотчас на его плечо легла рука Звана, чуть сжала мышцу, предупреждая: погоди. Но Йонах и так не собирался торопиться. То, как звучали шаги, не говорило об опасности. Напротив, шаг у человека был неровный и неловкий. Человек либо устал, либо ранен...

В трех шагах от Йонаха заворочался и засопел нурман. Потом застонал. Видно, двинул во сне раненой ногой.

Шаги смолкли. Йонах услышал, как тихо-тихо заскользил прочь из ножен меч Звана. Но теперь уже хузарин перехватил руку друга. За мгновение до того, как неизвестный остановился, Йонах уловил характерное шуршание ткани. Йонах осторожно опустил лук на попону и потянул носом воздух...

— Спрячь железо, — прошептал он. — Это женщина. Сейчас я ее возьму.

— Почему ты? — шепотом возмутился Зван, но Йонах уже нырнул во тьму.

Женщина не двигалась, но Йонах отчетливо слышал ее шумное, с присвистом дыхание. Сам он почти не дышал. И подкрадывался с подветренной стороны, чтобы запах его не выдал. Он схватит ее внезапно, как упавший с неба сокол — куропатку. Одинокая женщина в ночном чужом лесу... Это будоражит кровь. Это — как в сказке. Йонах не мог ее видеть, но он уже хотел ее. Он верил, что она молода и красива. Возможно, она вооружена. Но это лишь добавляло азарта. Схватить ее раньше, чем она воспользуется оружием. Схватить, опрокинуть, распластать на земле...

Йонах подобрался совсем близко. Теперь он мог даже различить ее тень в темно-сером просвете между деревьев. Йонах подкрадывался к ней сзади. Он втягивал ее запах расширенными ноздрями. От нее пахло долгим бегом и немножко кровью. И теперь Йонах точно знал, что она молода. Но красива ли?

Женщина его не слышала. Она прислушивалась к оханью и стомам нурмана. Оружия у нее не было. Йонах некоторое время стоял прямо у нее за спиной, вдыхая ее возбуждающий запах, чувствуя тепло разгоряченного тела. Потом шагнул вперед, прихватил ее за шею и правую руку, подсек и уронил на землю. Женщина забилась и захрипела: сдавленное горло не позволило закричать.

— Тише, тише... — зашептал ей в ухо Йонах.

Он мог бы ее ударить, оглушить, а потом без помех овладеть ею, беспамятной, но это было бы скучно.

Кроме того, Йонах не хотел ее обижать. Он еще не видел ее лица, но на ощупь она ему очень нравилась. Давно он не испытывал такого сильного желания. Если она вдобавок окажется еще и красива, Йонах, быть может, даже возьмет ее в наложницы. Точно, как в сказке. Поймать в ночном лесу красавицу...

Йонах выпустил ее руку — всё равно прижатая к земле, она ничего не могла сделать, только беспомощно елозила по земле коленями, — и рукой полез под задравшийся подол.

Женщина мгновенно перестала сучить ногами, попыталась свести колени, но, конечно, у нее ничего не получилось, и ладонь Йонаха проникла между ее ляжек. Женщина перестала сопротивляться, обмякла. Йонах испугался, что придушил ее слишком сильно, ослабил захват... И его добыча тут же воспользовалась этим, чтобы испустить жалобный тонкий вопль. Только один, потому что Йонах снова сдавил ее горло. Но этот единственный крик все изменил.

Мускулистые руки ухватили Йонаха за пояс, оторвали от женщины и отшвырнули в сторону.

Молодой хузарин покатился по земле, ударился головой о ствол дерева (к счастью, не сильно), по-кошачьи зашипел от ярости, вскочил на ноги — уже с саблей в руке — и бросился на врага.

— Йонаш! Стой, дурной!

Голос Звана «перехватил» занесенный клинок лучше, чем любой щит.

Значит, это Зван сдернул его с девки. За такое Йонах любому снес был голову, не раздумывая.

Но Зван — друг, он — свой. И никогда не поступил бы так лишь потому, что захотел овладеть женщиной первым.

Хузарин выругался по-своему и бросил саблю в ножны:

— Ну?!

Зван наклонился, помог женщине подняться. Два силуэта слились в один.

— Йонаш, это же Любушка...

Лицо Йонаха побледнело, губы затряслись... К счастью, было темно и этого никто не увидел.

Если бы кто-то посмел так поступить с Данкой, как Йонах — с невестой Звана, он бы... он бы...

Хузарин медленно опустился на колени, склонил голову и произнес глухо:

— Прости меня, брат...

— Йонаш! Встань! — Зван отпустил девушку, ухватил Йонаха за плечи, почти силой заставил подняться. — Нет твоей вины! Нет! Ты же не знал! Любушка! Мы ведь прощаем его, да?

— Д-да... — слегка заикаясь, проговорила девушка. Ее трясло. Она еще не оправилась от пережитого.

Много позже, после того как Любушку напоили горячим вином (плюнув на осторожность, друзья развели костер) и накормили, в объятьях Звана девушка наконец осознала всю невероятность того, что с ней произошло, и то, что она оказалась в безопасности (а что может быть безопаснее объятий любимого человека, который к тому же — опытный воин, опоясанный гридень самого воеводы Серегея), и немножко расслабилась.

Зван не стал ее огорчать сообщением о смерти отца, о том, кто убил боярина Шишку, и что боярин едва не убил его самого. Успеется. Зато он сказал, что великий князь разрешил ему взять Любушку в жены. А это значит, что так и будет, ведь никто не посмеет противиться воле Святослава.

— Не посмеет, — согласилась Любушка, подразумевая под «никто» своего отца. И не зная, что на землях, подданных Киеву, есть кое-кто сильнее, смелее и опаснее покойного боярина Шишки. И эти «кое-кто» плевать хотели на волю великого князя Святослава...

На них напали под утро, когда ранние сумерки смешивают нарождающийся свет с ночными тенями. Это было время стражи Йонаха, но Зван сказал ему: «Отдыхай», потому что сам спать не собирался... Но когда пригревшаяся Любушка заснула, Зван тоже задремал...

Лесовики пришли на дым. А может — по следу беглянки. Это было не так уж важно. Важнее то, что их было много и беспечность Йонаха и Звана (раненый Хругнир — не в счет: от раны и лекарств, которыми его потчевал Йонах, он был как во сне) дала им возможность

напасть внезапно.

Зван не успел ничего. Его и Любушку накрыли одной сетью, прижали рогатками к земле — как зверя — и принялись охаживать дубинами. Зван даже и сопротивляться не мог, потому что прикрывал Любушку.

С Йонахом получилось не так гладко. На него, спящего, тоже накинули сеть. Но он проснулся от первого легкого прикосновения, схватился за саблю, рассек сеть, но освободиться до конца не успел. Сеть дернули, запутав хузарину ноги и свалив на землю. Но когда на Йонаха налетели с дубинами, он и лежа ухитрился посечь троих лесовиков и еще одного зарезать насмерть засапожным ножом уже после того, как саблю выбили у него из рук.

Но врагов было слишком много. Йонаха задавили массой, основательно избили, связали как зверя, подвесив к шесту за связанные руки и ноги. Звану позволили идти самостоятельно. Только руки связали и на шею надели ремennую петлю. Так же поступили и с Любушкой. Нурмана, который не только не мог идти, но даже в себя не пришел, погрузили на волокушу, которую привязали к его лошади.

А вот коней Звана и Йонаха лесовикам удержать не удалось. Едва их отвязали, Зван завыл по-особому, кони вырвались и ускакали. Звану за это, понятно, всыпали, но зато кони не достались врагам.

Зван тащился следом за лесовиками, сплевывал кровь и думал о том, что их ждет. Поразмыслив, он решил: то, что неходячего нурмана не прирезали, а взяли с собой, — хороший признак. Возможно, остальным тоже сохранят жизнь. Значит, можно будет договориться. Выкуп дать или еще как-нибудь...

Гридень не знал, что с точки зрения деревянских жрецов физическое состояние жертвы не имеет значения. Живая — и ладно.

Когда Йонаха наконец сняли и уложили наземь, рук и ног он уже не чувствовал. Зато чуть позже, когда ослабили ремни, хузарин вцепился зубами в железный ворот кольчуги — чтоб не заорать от боли.

Двое лесовиков, которых оставили присматривать за ним, злорадно ухмылялись. Они с удовольствием зарезали бы пленника, покалечившего их родичей, но — придется потерпеть. Недолго. Когда солнце коснется края земли, свирепый чужак отправится за Кромку, чтобы служить пращурам деревянского племени. А чтобы чужак забыл, какого он рода, и дух его служил верно, в рот его положат деревянскую землю, вместо глаз вставят угли, взятые из вечного огня, на руки наложат древние знаки Верности и Повиновения, а сердце проткнут ветвью Священного Древа. И тогда там, за Кромкой, этот совсем молодой, но уже грозный воин станет разить врагов деревянского племени. И всё равно деревянцам было приятно поглядеть, как он мучается.

Глава пятнадцатая

Дервянский волох

Узловатые руки деревянского волоха покрывали синие и черные узоры древних знаков. По этим знакам любой другой служитель богов мог легко определить его ранг. Очень высокий ранг. Выше — лишь князь и сами боги. А поскольку князя у деревян сейчас нет, то — одни боги. Но если богов как следует попросить — они дадут деревянцам князя. Сильного князя, который вернет древнему народу отнятое захватчиками.

Однако боги ничего не делают даром. Пять дней назад, в видении, волох говорил с их посланцем. Посланец назвал цену. Восемнадцать должны уйти за Кромку, чтобы оттуда пришел Великий Дух.

Восемнадцать — это немного. Когда волох еще не был волохом, а всего лишь юным служкой при капище, за Кромку отправляли десятки душ. Но то были простые души обычных пленников, или тех, кому выпал Жребий, или тех, кого присылал князь. А сейчас боги потребовали необычную жертву. Всего восемнадцать, зато все они должны быть могучими воинами.

Среди деревлян таких почти не осталось, а те, немногие, нужны самим деревлянам. Поэтому Круг старейшин решил: жертвами должны быть русы. Правда, не все старейшины были единодушны. Сначала многие говорили, что ссориться с русами не стоит. Что это очень опасно.

Но тут очень кстати пришла весть о смерти княгини Ольги, и все поняли: это Знак от богов. Боги освободили деревлян от клятвы верности Киеву. И в тот же день побежали по деревлянским тропам вестники, скликая народ и объявляя ему волю старейшин.

И уже на следующий день к старшему волоху повели пленных, мухсчин и женщин (ведь у русов и женщины могут быть воинами — покойная княгиня тому порукой). К сожалению, лишь немногие оказались подходящими, потому охота продолжалась. И вот наконец сегодня на капище доставили последнего, восемнадцатого. Правда, один из пленников вызывал сомнение, поэтому старшего волоха попросили на него взглянуть.

— Он не помрет? — с сомнением спросил один из младших волохов, глядя на Хругнира.

Старший волох покачал головой. Он видел: над пребывавшим в беспамятстве мерцала зеленоватая дымка. Смерть уже отступила от нурмана. И даже раненая нога его не была тронута гнилью. Останься воин среди живых, и через недолгое время он снова смог бы взяться за меч и рубить врагов.

Нет, нурман не умрет раньше назначенного. Но всё же что-то в незримом облике раненого не нравилось старшему волоху. Что-то такое было в нем, побуждающее в волохе желание оставить нурмана в покое и держаться от него подальше. Волох знал: на подобные вещи следует обращать внимание, потому что таким образом боги могут подсказывать своим жрецам, как избежать злого будущего. Но этот нурман был самым безопасным из всех пленных. Наверное, этому человеку покровительствует сильный дух из Иного мира, подумал старший волох и глянул по-особому, стараясь разглядеть этого духа-покровителя... Не разглядел. Значит, дух этот не настолько силен, чтобы показаться. И, следовательно, о нем можно забыть.

— Всё, — сказал волох. — Этот — последний. Пошлите вестников, пусть сообщат народу: божья охота закончена.

— Еще одна добрая весть, — сказал младший волох. — Девку, которую упустили охотники из рода Бебунгаса, поймали охотники из рода Филина. А нурманы, которые были с ней, говорят: она — дочь самого боярина Шишки. Отец наверняка заплатит за нее большой выкуп.

— Деньги — пустое. Она — девственница? — строго спросил старший волох.

— Я думаю — да.

— А ты не думай, ты скажи: да или нет! — внезапно рассердился старший волох. Но тут унял свой гнев. — Ладно, это подождет. До осеннего праздника еще довольно времени. Позже я сам ее проверю. А сейчас иди и распорядись, чтоб вестники отправились немедленно. И пусть поторопятся. Божья охота закончена. Кровь нашего народа не должна литься зря.

Но деревляне, которые этим утром подобрались к лагерю русов, об окончании охоты, естественно, не знали. Иначе ни за что бы не рискнули напасть на такой большой отряд. Конечно, самих лесовиков было значительно больше — три рода собрались вместе. Но даже и таким числом лесовики все равно не осмелились бы напасть, не будь с ними волоха.

— Не бойтесь, — сказал волох. — Я отведу им глаза.

Волох немножко наврал. Он действительно умел отводить глаза (об этом знали), только эта волшба укрывала его одного.

Но у волоха не было другого выхода. Даже если придется перебить большую часть русов, оставшихся в живых, раненых и подбитых, всё равно хватит для жертвоприношения. Конечно, лесовиков погибнет намного больше, но ведь они умрут, выполняя волю богов, а значит, смерть их достойна и необходима. Однако простому человеку очень трудно перебороть себя и напасть на того, кто с рождения внушает ему почтительный трепет. Волох солгал. Но эта ложь — во благо. Боги простят...

Глава шестнадцатая

Ведун против волоха

Раннее утро — хорошее время для нападения. Когда воздух сереет и первые птицы вот-вот станут пробовать горлышки, напряженное внимание бодрствующих, порождаемое извечным глубинным страхом человека перед темнотой, невольно ослабевает, а сон спящих становится особенно крепок. Это самое подходящее время, чтобы нанести внезапный и потому особенно сокрушительный удар. Там мыслили деревляне. И мыслили правильно. Но не учли того, что их враги — не простые смерды, не купцы, даже не разбойники.

Ближняя дружина воеводы Серегея — сплошь опоясанные гридни, для которых воевать так же привычно, как смерду ходить за плугом. Они рождены для войны, живут войной, и им не нужно стараться быть внимательными, потому что внимательны они всегда.

Лесовики подобрались к лагерю затемно. Окружили и схоронились кто где, терпеливо выжидая, как и было уговорено, первой птичьей трели, чтобы разом закидать стрелами часовых и спящих. А потом накинуться дружно и бить всех, кто будет сопротивляться.

Лесовики всё сделали, как надо. Следопыты и охотники, они очень хорошо умели подкрадываться и, замерев, терпеливо ждать. И стрелять метко они тоже умели: с тридцати шагов попадали в бегущую по стволу белку. А уж в лицо человеку — запросто.

Часовые у костров их не заметили. Часовые на деревьях — тоже. Но и сами они не обнаружили русов, укрывшихся в засидках, потому что смотрели не вверх, а вперед.

Это была вторая ошибка деревлян.

Третья ошибка состояла в том, что первый залп они сделали не по спящим, а по бодрствующим.

Часовые-русы до последнего момента не подозревали о близости врагов. Но охотничья стрела летит не быстрее звука. А щелчки тетив и свист стрел для любого гридня — наилучший сигнал опасности.

Между хлопком тетивы о рукав или перчатку и ударом стрелы — мгновение. Но и мгновения оказалось достаточно. Семеро часовых разом упали на землю, и почти все стрелы прошли над ними. А те, которые попали, обломились о шлемы и панцири.

И опять сказалась разница между воинами и охотниками. За три удара сердца воин способен выпустить три стрелы. Охотнику-промысловнику нет необходимости стрелять быстро. Для него важнее — стрелять метко. Поэтому между первым и вторым залпами прошло достаточно времени, чтобы спящие проснулись.

Лесовиков было без малого четыре сотни. Русов — пятьдесят восемь клинков, считая воеводу и старого Рёреха. Но у деревлян не было ни единого шанса.

Теперь наилучшим выходом для нападающих было — броситься наутек. Но после второго залпа, ободренные обещанием волоха сделать их невидимыми, лесовики, кто — с копьем, кто — с дубьем, бросились врукопашную. Пока они бежали, вместо безмятежно спящего лагеря на поляне образовалась маленькая крепость из сомкнутых щитов, а в спины деревлянам ударили стрелы. Старый варяг хорошо подобрал места для засидок.

На лесовиках не было доспехов, потому били их не гранеными бронебойными

наконечниками, а широкими «срезами». А поскольку бежали лесовики беспорядочной скученной толпой, гряды, почти не целясь, метали сразу две-три стрелы. И собрали обильную «жатву» — до красных русских щитов добежали уже не четыре сотни, а три. Почти добежали. Когда до щитов оставалось шагов десять, воздух над поляной завибрировал от жуткого боевого клича, обрушившегося на бегущих, как удар штормового ветра.

И лесовики, все, как один, сбились с шага, а потом и вовсе застыли. «Красные щиты» сами устремились на ошеломленных деревян. И началась резня.

Варяжский зой вызвал дрожь не только у нападавших, но и у спрятавшегося поодаль деревянского волоха. Ему очень захотелось дать деру, но на соседнем дереве, как оказалось, сидел рус. Рус этот вполне мог заметить убегающего и послать ему в спину стрелу. Поэтому волох не побегал. Он опустился на землю, прижался спиной к древесному стволу, пробормотал слова волшбы и сам стал частью дерева.

Но он всё видел.

Видел, как мечи русов секли его соплеменников.

Видел, как, опомнившись, уцелевшие бросились бежать, но русы гнались за ними и рубили, рубили... А тех, до кого не могли дотянуться мечи, догоняли стрелы.

Волох видел, как победители деловито дорезали раненых, обшарили мертвецов, а потом наступила очередь тех, кого взяли в плен...

— Спасибо тебе, дед! — с чувством произнес Духарев.

В этом сражении его отряд не потерял ни одного человека. Четверо получили легкие ранения, но это пустяки. В том, что для русов бой обошелся почти без потерь, несомненно заслуга Рёреха, выбравшего место для лагеря и распределившего караульных именно с учетом такого нападения. Как будто старый варяг всё знал заранее. А может, и впрямь знал. Ведун как-никак.

— Пустое, — отмахнулся Рёрах. — Вели своим железо калить. Очень мне хочется с нашими пленниками побеседовать...

... Истошный вопль вновь разорвал воздух. Волох не знал, что русы делают с пленным, но не сомневался: тот расскажет им всё, что знает. Варяги и нурманы, которых среди русов большинство, славились своим умением развязывать языки. Пускай. Старейшинам потребовались пленники из киевских людей — вот и всё, что знают эти смерды. Никому из них не известно ни местонахождение капища, ни цель будущего жертвоприношения.

Пускай допрашивают. Рано или поздно они закончат и уйдут. Тогда волох сбросит чары и тоже уйдет. Но к родичам погибших он не пойдет. Не стоит. Ведь они могут подумать, что их близкие погибли из-за волоха. И ненависть к нему может оказаться сильнее привычки к послушанию и страху перед гневом богов.

«Почему он не слезает? — подумал волох, искоса глянув на сидящего на дубовой ветке руса. — Чего он ждет?»

Вопль пытаемого перешел в пронзительный животный визг и оборвался.

«Отмучился», — подумал волох. И был прав. Пытаемый потерял сознание. Но успел сказать нечто очень важное. И для русов. И для деревянского волоха.

— ... Волох, — пробормотал Рёрах, задумчиво глядя на обугленные пятки лесовика. — Я так и думал. Вот кто нам нужен.

— Да он уже удрал давным-давно, — сказал Духарев.

— Не-ет... — Старый варяг запрокинул голову, раздул ноздри, словно принюхиваясь... — Нет, он где-то поблизости. Выжидает.

— Выжидает? Он что — совсем глупый?

— Не глупый, — уточнил Рёрах. — Наглый. Слышал, что лесовик сказал? Обещал глаза отвести.

— Что ж не отвел?

— Видно, не получилось, — Рёрах усмехнулся. — Пойдем-ка прогуляемся, воевода. С некоторых пор, — он постучал по деревяшке, заменившей ему ногу, — я не люблю запах горелой человечины.

Двое всадников-русов проехали мимо волоха. На какое-то мгновение волох показалось: один из всадников что-то заметил. Волох подавил беспокойство, еще сильнее прижался к древесной коре, перестал думать и слушать, всем существом слился с дубом...

— Видел? — спросил Рёрах.

— Что?

— Волоха.

Духарев покачал головой.

— Эх ты... ведун! — пренебрежительно произнес старый варяг. — Туда глянь, в траве у дуба, между корней. Вот он, боровичок...

Духарев прищурился, медленно повел головой влево-вправо, как когда-то учил его Рёрах...

Сначала получилось неправильно: сквозь окружавший Сергея бор проступило совсем другое виденье: какое-то заросшее бурьяном поле, ржавая железная вышка с бочкой наверху...

Духарев мгновенно зажмурился: понял, что сквозь эту реальность проступил мир, в котором Сергей родился.

Успокоившись, он снова открыл глаза, попробовал снова... На этот раз получилось.

Так и есть. То, что сначала показалось ему наростом, частью древесного ствола, оказалось сидящим на земле человеком.

— Как он это делает? — негромко спросил он.

— Волох, — буркнул Рёрах, как будто это слово всё объясняло. Но потом снизошел и пояснил: — Это здешняя деревлянская волшба. Глаза-то отвести любая деревенская ворожея сумеет. У них — по-другому. Он будто в дерево прячется. Я слышал: особо сильные деревлянские колдуны умеют и по-настоящему в деревья прятаться. Но думаю: вранье. Стой тут. Я к нему сам подойду, — Рёрах кряхтя слез с лошади.

— Может, всё-таки вместе? — предложил Духарев. — Мало ли что...

— Ничего, — отрезал старик. — Мне он худого не сделает. А на «мало ли что» у меня вот что имеется, — Рёрах погладил рукоять меча. — Я ведь не только ведун, воевода. Я — варяг.

И похромал к дубу. По дороге махнул рукой гридню в засидке и показал знаком: стрелять нельзя. Тот, тоже знаком, показал: понял.

Хотя наверняка не понял, в кого мог бы выстрелить.

Волох так полно слился с духом дерева, что не сразу увидел старика.

Старик в боевом доспехе, с длиннющими седыми варяжскими усами... и без ноги. Калека. И не просто калека — ведун. Вместо отсутствующей ноги — серая плеть-поводок. За Кромку.

И проклятый дед его видел!

— Уходи, — одними губами произнес волох. — Властью, данной мне, велю: уходи прочь. Или познаешь гнев моих богов.

— Напугал, — старик ухмыльнулся. Ухмылка у него была на редкость мерзкая. Еще и потому, что дед был одноглазым. — Вишь, как коленка дрожит? — и постучал по деревяшке неизвестно как оказавшимся у него в руке мечом.

— Ты не посмеешь убить меня, — прошептал волох. — Посмертное проклятие...

— Серегей! — позвал старик. — Иди сюда.

Подъехал еще один варяг. Такой здоровенный, что конь под ним казался осликом. Спешился. Он тоже видел волоха!

— Посмотри на него! — велел старик, указывая на огромного воина. — Что ты видишь, лесной колдун?

«Вижу еще одного убийцу людей», — хотел сказать волох. Но тут он увидел!

Волох был мелкий, довольно молодой и очень неопрятный. Простоватое плоское лицо, редкая бороденка, нехорошие бегающие глазки. По требованию Рёреха глазки эти уставились на Духарева, потом скосились к носу...

В следующее мгновение волох дико взвизгнул, подскочил так, словно его шершень ужалил в гузку, и бросился наутек.

Духарев поймал его буквально на лету, поднял за шкуру. Грозный деревянский чародей вопил, сучил ножками и выкрикивал разные имена, среди которых проскакивали и знакомые: Сварог, Дажьбог...

Духарев повернул его лицом к себе.

— Уймись, — сказал он спокойно. — Может, тебя в ручей окунуть, чтоб ты успокоился?

Это, в общем, мирное предложение почему-то вызвало у волоха еще более сильный приступ безумия. Он завизжал еще пронзительнее, заколотился в руках Сергея, брызжа слюной и закатывая глаза.

Пришлось Духареву легонько приложить его об дерево. Волох обмяк.

— Что это с ним? — спросил Сергей.

— Тебя увидел, — усмехнулся старый варяг. По роже видно: очень доволен Рёрах.

— Что, я такой страшный? А я думал: страшнее тебя, одноглазого, не бывает.

— А ты не думай, — посоветовал старик, — ты делай то, что я скажу...

Волох раскололся, как вареное яйцо. До самого желтка. Выложил всё, что знал. Согласился показать дорогу к капищу. Он бы себя в задницу поцеловал, прикажи ему Духарев. Сломал бы спину, но расстарался. Словом, всё получилось замечательно, потому что выдавить из волоха информацию пытками было довольно затруднительно. К боли, как сообщил Рёрах, деревянские волохи относились довольно равнодушно.

— Слушай, дед, ну-ка выкладывай, что во мне такого ужасного, раз этот колдун испугался меня больше, чем собственных братьев? — отведя варяга в сторону, потребовал Духарев.

— Собратьев? Ха! Бери выше!! Он тебя боится больше, чем своих деревянских богов! А вот почему — тебе знать не обязательно. И хватит разговоров! Поднимай гридь, и в путь! Чует мое сердце: детки наши прямо к этим чернобо́жым колдунам угодили. Надо спасать.

Духареву стало ясно: ничего дед ему не скажет. Надо будет по возвращении домой парса попытать...

— Ничего, выручим деток, — уверенно ответил он. — Если деревяннин не соврал, до их гнезда не более поприща. Поспеем. — Духарев посмотрел на окруженную роем мух кучу мертвецов поодаль и добавил с холодной яростью: — Вырежу всех.

Глава семнадцатая

Капище деревянских богов

Капища большинства славянских богов стояли на возвышениях. На вершинах холмов, на высоких речных берегах. А те, что прятались в чащобах, всё-таки как-то обособлялись от дремучего леса: линиями священных камней, оградой с насаженными на колья черепами — чтоб духи убитых людей и зверей оставались поблизости и служили, отгоняя чужих...

Деревянское капище было другим. И лики деревянских богов не резались на холодном камне или мертвом дереве, а проступали прямо из коры неохватных дубов. Как это удавалось деревянским волохам — непонятно. Но чудовищные лики лесных божеств росли и менялись по мере роста древних дубов, которые они избрали своими вместилищами. Впрочем, росли дубы медленно, и потому для людей перемены были не очень заметны.

Только самые старые волохи замечали их.

Когда приходило время жертвы, на капище открывали чрево матери-земли: рыли между деревьями-божествами неглубокие рвы.

Обычно рвы копали будущие жертвы, но сегодня волохи открывали чрево собственноручно: развязывать нынешних пленников и тем более давать им в руки даже такие вроде бы безопасные орудия, как деревянные лопаты и каменные мотыги (оскорблять эту землю железом никто не смел), было рискованно.

Открывали чрево так. Старший из волохов привязывал к ногам турьи копыта, выпивал ковш священного напитка и призывал богов.

Спустя некоторое время кто-нибудь из богов отвечал на призыв и входил в бренное тело волоха. Тогда волох пускался в пляс, пел нечеловеческими голосами и весело скакал между деревьями.

Танец, впрочем, длился недолго. Вскоре волох падал на землю и засыпал. Но от его танца на земле оставался след. На месте этого следа и копали потом ров. Те, кто копал, частенько находили в земле человеческие кости. Иногда — целые черепа с еще не истлевшими волосами. Это никого не удивляло, ведь обычно и волохи, и жертвы ведали, для чего они здесь.

Нынешние жертвы об этом не знали, но могли догадаться.

Деревлянские волохи из младших доставили пленников к капищу. Вернее, не к самому капищу, а к землянке старшего волоха. Пленников привели сюда связанными, с арканами на шее. Арканов было по два на каждого. Концы арканов держали молодые крепкие волохи. В степи так берут особенно норовистых жеребцов. Пленников приводили по одному. Старший жрец подходил к пленнику сзади и бил его по голове кожаным мешочком, наполненным песком. Пленник падал. Его развязывали, снимали с него доспехи, одежду, всё, что на нем было. Потом связывали снова, несли на капище и укладывали в ров.

Только одного пленника не стали ни бить, ни связывать, поскольку он и так был без памяти. Этим пленником был норман Хругнир.

Волох бежал впереди. Очень хорошо бежал, ухареvu даже не приходилось придерживать едшего ровной рысью Калифа. Иногда волох оглядывался... И припускал чуть быстрее. На шею волоху был надет железный ошейник. Таким нурманы «украшают» своих рабов-трэлей.

«Ты теперь его раб, — сказал деревлянскому жрецу Рёрах, показав на Сергея. — Если ты попробуешь удрать, эта штука ухватит тебя за горло, задушит и отправит твой дух в худший из нижних Миров. Хочешь узнать, в какой? Тогда спроси у него», — старый варяг кивнул на Духарева, который ничего не говорил, но делал, что велено: вспоминал самые «острые» картины из своей канувшей в далеком будущем родины.

Деревлянин спрашивать не стал. Он только глянул на Сергея, побледнел еще больше и поспешно отвернулся.

Но бежал он хорошо, не выказывая никаких признаков усталости. Потому Духарев удивился, когда жрец притормозил.

Рёрах, скакавший следом за воеводой, обогнал его и подъехал к жрецу: выяснить, в чем дело. Сам Духарев, по роли, был слишком велик, чтобы снисходить до беседы с собственным рабом.

Оказалось, жрец остановился не потому, что устал или захотел отлить, а по более серьезному поводу. Впереди была деревлянская застава. Один из форпостов на подходе к капищу.

— Что ж он, урод, вывел нас прямо на заставу? — по-печенежски, чтоб пленник не понял, процедил Духарев.

— Я велел ему вести нас самым быстрым путем. Бот он и привел. Застав тут много, так что всё равно на какую-нибудь наткнулись бы, — пояснил Рёрах, тоже по-печенежски. — Что ты беспокоишься? Это же смерды. Зарежем их, как овечек. Главное, чтоб не заблеяли.

— Любушка! — воскликнула Данка. — Что они с тобой сделали, жабы?

— Ничего. Побили только, — Любушка, которую только что столкнули в землянку, тяжело опустилась на грязную медвежью шкуру, брошенную на охапку соломы. Данка подвинулась, уступая ей место. Тут вход закрыли, и внутренность землянки погрузилась в темноту.

— Побили, но не сильно, — сказала Любушка. — Меня Зван защитил.

— Зван! — обрадовалась Данка. — Где он? Близко?

— Близко, — грустно сказала Любушка. — И Йонашек твой — тоже. Только они нам не помогут.

— Йонаш?! Почему не помогут? — Голос Данки задрожал. — Их убили?

— Нет, не убили. Но они — в плену.

— Ну тогда ничего, — облегченно проговорила Данка. — Если сразу не убили, значит, выкуп хотят. Тогда ничего, — она обняла подругу. — Тогда всё хорошо будет.

Но в ее тоне не было уверенности.

— Слушай, а как ты с Йонашем и Званом оказалась? Малец твой говорил: отец тебя со своими людьми отправил?

— Долго рассказывать, — пробормотала Любушка. — Потом. Ох, Данка, что с нами теперь будет?

— Пусть только попробуют нам что-то худое сделать, — сказала Данка. — Мой отец тогда с ними такое сделает, такое...

Но в голосе ее опять не было уверенности.

Пока отец узнает, что они со Славкой уехали, пока он их отыщет... Тут она вспомнила, как смотрел на нее деревлянский волох, и задрожала.

— Холодно тут, да? — сказала Любушка, прижимаясь к ней потеснее. — Замерзла?

— Да, — ответила Данка. Хотя трясло ее не от холода.

— Первому, второму и третьему десятку спешиться. Пятому и четвертому — верхами, «крыльями» в обход, — скомандовал Духарев. — Глядите в оба, чтоб ни один не ушел. Верховые, марш! Пешие... — Тут его взгляд наткнулся на волоха. — За этим присмотреть...

— Я останусь, — подал голос Рёрах, выведя воеводу из затруднения: кому доверить колдуна.

Духарев кивнул, мысленно досчитал до ста, давая возможность верховым закончить окружение, потом спешился сам, вытянул из налуча лук:

— Помалу вперед, гридь. Прежде меня не стрелять.

И, пригибаясь, побежал между стволами туда, где, скрытые в тени деревьев, вздувались покрытые дерном бугры землянок.

Данка проснулась от приглушенного вопля. И тут же снаружи раздался еще один. На этот раз Данка услышала еще один звук, на мгновение опередивший крик. Характерный шлепок, с которым стрела ударяет в мясо. Данка очень хорошо знала этот звук: ее с семи лет учили стрелять.

— Любушка, проснись!

— А, что? Почему так темно? — Любушка спросонья не поняла, где она.

— Тише! Там, снаружи, — бой!

Дверь в землянку с треском откинулась. В светлом проеме возник деревлянин с топором.

Несколько мгновений он пялился в нутро землянки, сияясь что-то разглядеть, потом прыгнул вниз, замахиваясь топором.

Данка и Любушка отпрянули к стенам. Любушка — с испуганным вскриком, Данка — приседая и хватаясь двумя руками за край тяжелой медвежьей шкуры и дергая изо всех сил. Солома была сухая и скользкая, потому шкура подалась неожиданно легко.

Деревлянин замахал руками и опрокинулся на спину. Топор он выронил и, падая, треснулся затылком о землю. Данка ухватила топор, размахнулась и рубанула изо всех сил — как по деревянной колоде. Лезвие с влажным хрустом проломило грудь деревлянина. Он засипел, дернулся разок и умер.

Данка выдернула топор.

— Ты куда? — зашипела она на Любушку, сунувшуюся к выходу. — Убьют! Иди в дальний угол и сиди тихо.

Сама же Данка встала сбоку от дверного проема, приготовилась нанести удар, если кто ворвется в землянку.

Но никто не ворвался. Зато спустя некоторое время снаружи раздался молодой голос:

— Хорош пыхтеть, лесовик! Я знаю, что ты там. Вылазь и будешь жив.

— А ты кто таков? — чуточку задыхаясь от волнения, спросила Данка.

— О-о-о! Никак девка? — воскликнул другой голос. Но тоже молодой, звонкий. — Вылазь, девка! Убивать не будем. А вот что не тронем, не обещаю. Если пригожая...

— Размечтался! — крикнула Данка. — Смотри, Лисенок, батюшка мой тебя так тронет!

— Слышь, Лис, а деревлянка тебя, оказывается, знает!

— Какая я тебе деревлянка! — возмутилась Данка, вылезая наружу.

Топор она на всякий случай прихватила с собой. Но опасности не было. Ее тут же окружили отцовы гридни.

— А на топорике кровь, — заметил кто-то. — Чья это кровь, Данушка?

— Там внизу валяется, — ответила Данка. — Еще там... Ой, батюшка!

Раздвинув гридней, Духарев шагнул к дочери, вынул у нее из руки топор, обнял крепко, шепнул на ухо:

— Что ж ты сделала, глупая!

— Виновата, батюшка, — сказала Данка и всхлипнула.

— Сама хоть цела?

— Угу.

— А где Славка?

— Не знаю... — Данка всхлипнула еще раз. Она изо всех сил старалась не заплакать, но всё равно заревела...

— ... Отец наш небесный, вездесущий, да святится Имя Твое... — бормотал Славка разбитыми губами. Он видел синеву, сквозившую между листьями, но не знал, видит ли Господь оттуда, с небес, его, Богослава, лежащего в жирной земле деревлянского капища. А вот деревлянский идол видел его наверняка.

У ног Славки была голова нурмана Хругнира. Нурман был в беспамятстве и не знал, что его ждет. Зато другой нурман, которого положили прежде Хругнира, пребывал в сознании и громко призывал Одина. Йонах, чьи сапоги почти касались макушки Богослава, должен был бы молиться своему Яхве, но хузарин молчал. Наверное, обдумывал, как спастись. Вряд ли он что-нибудь придумает. Связали их надежно. По крайней мере Славку. Пленники лежали в канаве, один за другим. Вдоль канавы прохаживались деревлянские волохи с длинными посохами. Следили, чтобы никто не пытался подняться. Но молиться не мешали.

Внезапно вызывавший к Одину нурман умолк. Богослав тоже замолчал. И услышал страшное утробное мычание. Затем несколько глухих ударов — и мычание оборвалось.

Забубнили волохи, загудел барабан, затем, перекрывая эти звуки, раздался яростный вопль... Перешедший в жуткое мычание... Оборвавшееся со звуками ударов.

Славка был храбрым отроком. В киевском Детинце других не бывает. Но сейчас от его храбрости не осталось почти ничего. Он рванулся изо всех сил, пытаясь разорвать ремни. Конечно, ничего у него не получилось. Только волох у края канавы ткнул Славку посохом в грудь: лежать.

— Йонах! — позвал Славка. — Что они делают?

— Что-что... Убивают! — ответил хузарин.

— А как?!

— Молись своему Богу, Славка, — спокойно произнес Йонах. — Скоро ты узнаешь, как.

На самом деле Йонаху было совсем не спокойно. Ему очень хотелось жить...

Старший волох положил на землю киянку и присел на край рва — отдохнуть. Двое сопровождавших его помощников опустились рядом на корточки. Ноги старшего волоха покоились на теле жертвы. Жертва больше не дергалась. Душа ее ушла. От мертвого тела пахло горелым мясом, кровью и нечистотами. Старшему волоху нравился этот запах, потому что он нравился богам.

Волох поймал взгляд следующей жертвы. До того, как лечь в ров, жертва была тиуном на княжьем погосте. Этот тиун — единственный, с кем у волоха были личные счеты. По слову этого пса замучили до смерти младшего брата волоха. Только за то, что он отказался показать путь к капишу. Может, брат и показал бы путь, если б знал.

Лицо у тиуна белое-белое, немного припорошенное землей. Как у покойника. Только покойников не колотит от страха. Наверное, тиуна не следовало приносить в жертву, раз богам нужны именно воины. Но кто знал, что громогласный, очень грозный с виду тиун окажется трусом? Такое нередко случается. Здесь, в жертвенной земле, человек становится таким, какой он есть на самом деле. Однако боги ждут. Надо продолжать. Волох поднялся, наклонился к тиуну, ухватил его за челюсть, нажал пальцами в нужные места. Тиун завопил, широко открыв рот, и волох свободной рукой принялся набивать липкой влажной землей рот тиуна. Вопль перешел в мычание. Волох сел тиуну на грудь, не глядя протянул руку. Помощник вложил в нее маленький каменный нож, которым волох привычно проколол жертве глаза. Другой помощник протянул волоху жаровню, чтобы тот вложил в глазницы жертвы тлеющие угли. Угли волох брал руками, не обжигаясь, потому что боги оберегали его пальцы.

Тело жертвы под волохом перестало дергаться. Тиун сомлел. Волох сел поудобнее, взял протянутый колышек, киянку. Приставил колышек к груди жертвы — напротив сердца — и приступил к последнему действию. Жертва снова пришла в себя, затрепыхалась. Дерево с трудом вбивалось в плоть, железо входило бы легче. Но намертво соединить могло только древо. И оно соединяло. Землю и небеса, огонь и воздух, человека и небо, жертву и землю.

Волох закончил. Отложил киянку. Помощник побрызгал на жертву водой из священного источника. Наставник, учивший старшего волоха искусству жертвоприношения, говорил, что когда-то вместо колышка жертву и землю соединяли черенком дуба, и все священные дубы вокруг капища выросли именно так. И лики на них похожи на лица жертв, из сердец которых они произрастают.

Волох встал и посмотрел сверху на следующую жертву. Этого страх не сломил. Нурман. Глаза волчьи, грива зубра, ручищи — медвежьи лапы. Всё еще силится порвать ремни: руки аж дрожат от напряжения. Этому боги точно будут рады. Этот — могуч.

— Что глядишь, крыса? — бешеным басом прорычал нурман. — Ждешь, когда заору? Не дождешься!

И с лязгом, как волк, сомкнул челюсти. Этому рот пальцами не откроешь. Но на этот случай у волоха есть приспособление...

Нурман сражался до последнего. Бился под волохом, как норовистый конь, мотал головой... Здоровый, как медведь. Пришлось одному из помощников спуститься в канаву — поддержать.

Волох всё равно сделал всё, что надо, но запыхался. Руки дрожали. Надо бы передохнуть, но следующая жертва должна была быть легкой. Тоже нурман, но раненый, измученный болезнью, так и не пришедший в себя. Его даже не стали «пеленать» как остальных, — прихватили руки ремнями, и всё. Волох наклонился над ним, прислушался к учащенному болезненному дыханию, потом медленно опустился жертве на грудь. Раненый издал глухой стон, шевельнулся, но глаз не открыл. Волох набрал горсть земли, сунул

пальцы в приоткрытый рот раненого, оттягивая нижнюю челюсть... Поймал взгляд следующей жертвы, совсем молодого отрока. Глаза парнишки блестят от слез, но губы плотно сжаты. Волох многих отправил за Кромку и умел видеть многое. Сейчас он видел, что у этой жертвы — могучий дух. Боги будут довольны. Волох подумал, что отрока ждет великое посмертие, — и улыбнулся ему...

Славка видел, что волох сделал с нурманом. Это было страшно. Страшнее, чем просто умереть. Это была злая волшба, которая могла погубить Славкину бессмертную душу. Славка чуть не заплакал от бессилия и неотвратимости того, что случится. Но сумел с собой справиться. Он — воин, а не девка. Он не опозорит ни рода, ни дружины.

Волох уселся на раненого нурмана и посмотрел на Славку.

Взгляд у волоха был странный, но не злой. Так, бывало, смотрел на Славку Рёрах... А потом волох улыбнулся. По-доброму, как близкому родичу. Сразу вспыхнула надежда: вдруг он решил отпустить Славку? Вспомнилось, что говорил сторож-деревянник: мол, волох этот хочет взять Данку младшей женой. Тогда ему нельзя убивать Славку. Ведь тот — почти что его родич.

В это мгновение Славка не думал о том, что выйти за деревянского волоха для его сестры — позор и поругание. Ему слишком хотелось жить...

Волох улыбнулся отроку и увидел, как ожили и засияли его глаза. Как будто парнишка сумел прочитать и понять его мысли. Если так, то в этом отроке действительно великий дух. Возможно, он даже согласится стать личным проводником волоха в мире богов. Вот будет удача!

Волох отвлекся лишь на мгновение: подумал о себе, а не о том, что исполняет. И случилось непоправимое. Пребывавший в беспамятстве (а может, притворявшийся) нурман очнулся. И впился зубами в заскорузлые пальцы волоха. Тот заорал, попытался высвободить руку, но нурман повис на ней, как пес на медвежьей заднице. А когда волох попытался встать, нурман врезал ему здоровой ногой в пах.

Волох взвыл и плюхнулся на свою жертву. Нурман выпустил его пальцы, изловчился и вгрызся в волохово горло.

Тут помощники волоха наконец опомнились и бросились на помощь. Но они боялись причинить жертве вред (боги могут обидеться), и отодрать нурмана от старшего удалось не сразу. Только когда им на помощь пришли еще двое: один зажал нос нурмана, а второй врезал киянкой по раненой ноге. Но нурман всё равно был счастлив и широко улыбался окровавленным ртом.

А старшему волоху было совсем худо. Зубы северянина порвали ему горло и разможжили трахею, так что теперь он истекал кровью и суетливые помощники никак не могли ее остановить.

* * *

— Далеко еще? — спросил Духарев.

Рёрах не ответил. И деревянскому жрецу, который пер через бор уверенно, как хороший пес, вопрос не передал. Может, не услышал. Вид у старика был измученный.

«Как бы с коня не упал», — подумал Сергей и сделал знак одному из гридней: присмотри за дедом. Но, когда тот поравнялся с Рёрахом, старый варяг вскинул поникшую голову, буркнул:

— Не бойсь, не свалюсь.

Деревянник замедлил бег, потом и вовсе остановился, принялся.

Рёрах с ним пошептался, затем сам потянул воздух, кивнул и подъехал к Духареву.

— Уже близко, — сказал он. — Чуешь, горелым пахнет?

Духарев принялся, покачал головой.

— Я чую, — подтвердил Велим.

— И я, — сказала Дакка. — Это что, дядька Рёрах?
— Жертвой пахнет, — мрачно ответил старый варяг. — Как бы мы не опоздали, воевода.

— Так что мы тогда стоим? — сердито произнес Духарев.
— Деревлянин дальше идти не хочет. Говорит: там боги их живут. Боится.
— Больше, чем меня? — прищурился Духарев.
— Больше, — кивнул Рёрах. — Отпусти его, Серегей.
— Ты в своем уме, дед? Чтоб он их предупредил?
— Отпусти, — повторил Рёрах. — Я прошу. Он не выдаст.
— А дорогу как искать?
— Найдем, — уверенно ответил Рёрах.
— Ладно, пусть убирается.

Рёрах подъехал к деревлянину, расстегнул ошейник.

Жрец поклонился в пояс. Молча. И так же молча канул между деревьями. Только его и видели.

Духарев понял: деревлянин в любое время мог смыться. И оставался с ними лишь из-за своих мистических страхов.

— Давай, веди, — приказал он Рёраху.
— Вести и я могу, — влезла Дакка. — Я тоже горелое чую!
— А ты марш в хвост! — рявкнул Духарев. — И чтоб без фокусов. С тобой еще отдельный разговор будет! И за этой, как ее, дочкой Шишки, присмотри! Велю — вперед!
— Разведка? — заикнулся сотник.
— К лешему! Некогда! Гривь, за мной, рысью! — и дал шенкеля Калифу.
Велю тут же его обогнал, повел дружину. Но нескольких минут не прошло — и Духарев тоже уловил запах паленого...

Старшего волоха оттащили от рва. Хругнира скрутили и связали. На этот раз крепко, как остальных. Затем нурману разжали челюсти и принялись пихать в рот землю. Нурман рычал и вертел головой, но деревляне навалились втроем и кое-как справились.

Потом один из них подобрал маленький ножик старшего волоха и с третьей попытки воткнул его в глаз Хругнира...

Славка понял: спасения не будет. Старший волох, который мог его пощадить, теперь не у дел.

У ног Славки на корточках сидел деревлянин. Он держал голову Хругнира. Славка подумал, что мог бы ударить его ногами, но тут рядом со Славкиной головой упал ком земли. Славка дернулся, извернулся: посмотреть, что происходит. И увидел, что спутанный по рукам и ногам Йонах, извиваясь как червяк, выкарабкивается из канавы.

Последнее усилие — и он наверху.

А деревляне ничего не заметили: одни занимались Хругниром, другие на это глазели.

Конечно, глупо надеяться, что связанному Йонаху удастся скрыться, но это всё-таки лучше, чем лежать и ждать смерти. Славка, толкнувшись пятками, отодвинулся на полшага, потом перевернулся на живот, подтянул под себя колени...

Вылезти он не успел. Его действия заметили! Рывок, удар — и Славка опять оказался на спине. Волохи бросили Хругнира (из глазницы нурмана торчал нож) и всей толпой бросились за Йонахом.

Конечно, хузарина нашли.

И поволокли обратно. Но деревлянским богам сегодня не везло. Видимо, они слишком широко раззявили рты. А это может плохо кончиться даже тогда, когда эти рты — дупла вековых дубов.

Вокруг деревлянского капища обычно располагалась сторожа из волохоз помоложе, но сейчас не было никого. Все собрались на капище. Так что русы, спешившись, подобрались к

земляному жертвеннику вплотную. Как раз в тот момент, когда деревляне вытаскивали Йонаха из кустов, в которые тот сумел закатиться.

— Не стрелять, — одними губами произнес Духарев. — Брать живыми.

Команда бесшумно потекла от цепочки пеших к двум десяткам конных, которым предстояло охватить капище с флангов.

Приказ воеводы никого не смутил. Обратять три десятка невооруженных смердов — дело, с которым справится дюжина дружинных отроков. Таких, как лежащий в канаве Богослав...

Четверо волохов вновь собрались вокруг Хругнира. Еще двое занялись старшим. Остальные выстроились вдоль Канавы, следя за пленниками.

Волох, который взял на себя обязанности главного, потянулся к ножу, торчащему из глазницы потерявшего сознание Хругнира. Но вытащить его не успел. Тупая стрела ударила ему в висок, кардинально изменив и ближайшие планы волоха, и всю дальнейшую судьбу.

Его «коллеги» не успели ему посочувствовать. На капище в считанные мгновения появилось множество пеших и конных воинов. Волохам показалось: сотни. Но это было неверно.

Русов было много меньше. Просто они очень хорошо знали свое дело и при необходимости могли двигаться значительно проворнее лесовиков. Всё закончилось быстро.

Волохи, качественно связанные, легли рядом на тразку. Уцелевших пленников (их осталось всего шестеро) извлекли из канавы, развязали, помогли одеться, напоили вином или медом (по желанию), оказали кому надо врачебную помощь, наскоро опросили и представили самим себе.

Поврачевали немного и старшего волоха. Духарев решил привезти его в Киев — как живой трофей.

Тех, кому помочь было уже невозможно, приготовили к захоронению. Христиан (их оказалось двое) — в землю, остальных — на костер.

Полдесятка развязанных волохов помоложе занимались похоронными делами под присмотром трех русов.

Еще пятеро гридней Духарева форсированно допрашивали волохов поавторитетнее.

Интересовал их только один вопрос. Через десять с небольшим веков в стольном городе Киеве этот вопрос звучал бы так:

«И дэ ж ти гроши?»

За допросом, роняя на траву слюни зависти, наблюдал бывший наемник боярина Шишки Торгейр.

Его приятель Хругнир лежал на спине и, грызя деревяху, стоически терпел манипуляции Рёреха, лечившего его глазницу.

— Ничего, нурман, не грусти, — подбадривал его старый варяг. — Жить и с одним глазом весело. Вот хоть на меня погляди.

Хругнир вряд ли был способен что-либо разглядеть даже уцелевшим глазом, потому был вынужден верить Рёреху на слово.

— Видишь? — спросил Зван прижавшейся к нему Любушке, показав на страдальца. — А вот если бы я ему глаз вынул, врачевать его было б намного легче.

Любушка в его слова не вникала. Ей и так было хорошо.

Ее подруге Данке было тоже неплохо. С ней был Йонах.

— Бать, а ты не боишься, что они тебе отомстят? — спросил Славка.

— Мстилки обломятся, — усмехнулся Духарев, смахивая топором с дерева очередной страшный «лик». — Ты давай, сынок, щепу — в костер, а стес земелькой затри. Пусть дерево растет. Эх! Вот вернемся домой, возьму сотен десять, пройдемся по здешним лесам, стешем всю эту заразу!

Сказал — и вспомнил, что похожее обещание он дал относительно болгарских богумилов. Обещал — и не выполнил.

И триумфальное настроение Духарева подпортилось. Откуда-то просочилось

нехорошее предчувствие...

Но Сергей не дал ему ходу. Забыл, что он — «ведун». Ему было куда приятнее думать о хорошем, чем о всяких там дурных предчувствиях.

Впрочем, событию, которое и приведет к будущей беде, еще предстояло произойти.

Глава восемнадцатая,

в которой вместо триумфа Сергея Духарева ждет семейный разлад и недовольство великого князя

Три дня спустя, въезжая в Киев, Духарев чувствовал себя триумфатором. И не без оснований. Детей он вернул. Гривней своих защитил. Врагов наказал. И своих, и княжьих. Опять-таки — не с пустыми руками возвращается. Добычи на капище взяли немало. Все довольны, а некоторые просто счастливы. Данка с Йонахом, Зван со своей Любушкой. И дед Рёрах, совершивший на старости лет боевой поход, считай, наравне с молодыми.

В городе Духарев дружину распустил. При себе оставил только Велима с десятком самых ближних — для солидности и заодно — присмотреть за пленным волохом. Поганец оказался живуч — прошлым вечером оправился настолько, что, несмотря на долгий пеший переход, попытался смыться. Духарев, после недолгого размышления, поручил присматривать за ним Торгейру, а тот, с истинно нурманской простотой, взял да и подсек волоху сухожилия на ногах.

«Мы так особо шустрых трэлей стреноживаем, — пояснил он воеводе. — Это самый надежный способ».

«Согласен, — кивнул Духарев. — Но у него есть одно неудобство. Лично для тебя».

«Это какое?» — заинтересовался нурман.

«Тебе, Торгейр, теперь придется идти пешком. Лишних коней у меня нет».

В Киеве Духарев Торгейра от волоха избавил. Они с Хругниром теперь «принадлежали» Звану. Наследство боярина Шишки. Вместе со Званом и его невестой они отправились на его киевское подворье, волох с сопровождающими — в Детинец, а Духарев со своими — домой.

Слада встречала на пороге. Увидев Богослава и Дану, вспыхнула счастливой улыбкой. Но тут же закаменела лицом, заметив, что стремя в стремя с Даной, непринужденно касаясь ногой бедра дочери и держа руку у нее на плече, едет Йонах.

Ее реакция не укрылась от Духарева, и у него сразу испортилось настроение.

«Какого черта! — подумал Сергей. — Каждый молится так, как ему по сердцу. И точка. И нечего ломать счастье детей из-за того, что их предки разные веры выбрали. Нет, хватит с меня этих религиозных разборок!»

— Позволь, жена, представить тебе жениха нашей дочери Даны Йонаха Машеговича! — с вызовом произнес он.

И увидев, как засияли от неожиданной радости лица Данки и Йонаха, уверился, что поступил правильно.

Сладислава молча повернулась, взбежала по ступенькам и скрылась в доме.

— Бать, что это с мамой? — удивленно-испуганно спросил Славка.

— Не хочет, чтобы Йонах на твоей сестре женился, — сердито бросил Духарев, соскочил на землю и двинулся за женой.

— Слада!

— Что? — Голос у жены — ледяной.

— В чем дело? Ты сама сказала, что я могу решать, как считаю нужным!

— Ты — муж.

— Вот именно!

— И я, жена, должна повиноваться твоей воле.

— Сладушка... — Сергей потянулся к жене, но Слада отпрянула.

— Не трогай меня!

— Ну хорошо, успокойся... — Духарев растерялся. Никогда Слада не говорила с ним так.

— Прости, если я тебя огорчил. Но я думал не о себе, правда!

— О чем же ты думал?

— О счастье нашей дочери.

— Какое может быть счастье, если она навеки погубит свою душу! — закричала Сладислава.

— Да с чего ты взяла... — Духарев тоже повысил голос, но осекся. Они уже были не одни. В дверях стоял Богослав.

— Бать, гонец от князя, — пробормотал он смущенно. — Тебя кличут в Детинец. Срочно.

Посыл был княжий, но посылал его не князь, а Артём.

Сын просил срочно прибыть в Детинец. Слово «срочно» гонец повторил трижды. Так ему было велено.

— Что тут случилось? — спросил Духарев. — Опять печенег?

Гонец не знал.

— Ты поешь хотя бы, — безразличным мертвым голосом сказала Слада.

— Князь накормит, — без особой уверенности ответил Духарев.

Эх, совсем не так представлял он свое возвращение из деревянских лесов...

Во дворе Детинца Духарев столкнулся со Свенельдом.

— Где тебя носит, воевода? — проворчал Свенельд вместо приветствия.

— Да что случилось? — воскликнул Духарев.

— Поторопись, Святослав ждет! — Князь-воевода в сопровождении «свиты» поехал к воротам, а Духарев спешил и вошел в терем.

В большой палате Детинца толпился выводок тиунов, приказчиков и мелких бояр «хозяйственного» направления.

По их озабоченной суете и отрывистой быстрой речи князя Духарев с порога понял: идет подготовка к походу. Причем форсированными темпами.

Духарев удивился. До планового выхода в конце сентября оставался почти месяц.

Увидев его, великий князь воскликнул:

— Ну наконец-то! — Взмахом руки выпроводил всех. — Садись, воевода. — И, определив наметанным взглядом, что Духарев только-только с дороги: — Голоден?

— Есть немного.

— Коли немного, то потерпишь. Как дружина твоя? К походу готова?

— Думаю, дней десять надо, чтоб всех собрать, — Духарев со своим «заместителем» Стемидом еще не общался, но не сомневался, что у Барсука всё в порядке. Но добрая половина парней — в отпуске. Пока за ними пошлют, пока они подтянутся...

— Три дня, — сказал Святослав. — Я седмицу назад велел Стемиду твоему собирать воев.

Однако! Если Святослав пошел на такое «нарушение правил», как приказ чужим дружинникам, значит, дело серьезное. Духарев быстро прикинул «геополитическую ситуацию». Наезд скандинавов? Вряд ли. С этой проблемой Новгород с Роговолтом управились бы самостоятельно. Кто-то покусился на Хузарию? Напал на союзников-угров? Печенег что-нибудь учудили? Ромеи высадились в Булгарию?

— Ромеи напали на Булгарию, да?

— Близко, — проворчал Святослав. — Но мимо. Не ромеи, сами болгары взбунтовались.

— Да ты что? — изумился Духарев. — Борис?

— Нет, не Борис. Этот сидит в своем дворце за щитами моих гридней. Ждет, чем обернется. Вzbунтовались кметы¹⁴ на юге Булгарии. Может сами, а может и не сами. Сунулись сначала к Преславе — не вышло. От Плиски их тоже шуганули. Тогда пошли к Доростолу. Оттуда, от Устаха ко мне прибежал гонец.

— А что — мои? — спросил Духарев, подразумевая под «своими» болгарских ополченцев.

— Часть — в Доростоле. Часть разбежалась. Разбежалась или примкнула к бунтовщикам.

Крайне обидно, если окажется, что Духарев тренировал собственных врагов.

— Еще гонец сказал, — продолжил великий князь, — войско кметей от Доростола двинулось к Переяславцу.

— Ну и пусть им. В Переяславце стены крепкие и дружина у Гуннара — тоже.

— Ты, верно, устал воевода. Или поглупел. В Переяславце — мой флот.

— Ах ты... — До Духарева дошла вся серьезность ситуации,

— Значит, надо нашим в Булгарии собрать дружины в кулак, объединиться...

— Некому, — буркнул Святослав.

— Что — некому?

— Объединять некому. Свенельд, Икмор, ты... Все мои большие воеводы здесь. В Булгарии только Щенкель, но ему я крепко-накрепко велел держать Преславу и Бориса. Ты его знаешь, он от моего приказа не отступит.

— Что ты намерен делать?

— В поход. Завтра. Я ждал только тебя. Чем скорее мы выйдем к Дунаю, тем меньшей крови нам будет стоить возвращение в Булгарию.

— А что здесь, в Киеве?

— Сами управятся. Я им князем Ярополка оставляю. С данью и землями ему боярин Блуд поможет...

— Это еще кто?

— Есть тут один. Сам — из моравских мелких князей, но матери служил верно.

— Что-то мне его прозвище не нравится, — заметил Духарев. — Такое зря не дадут.

— Это точно, — согласился Святослав. — Боярин наглый и хитрый, как старый лис. Но — в силе, а главное — с вышгородскими у него вражда. А чтоб Блуда этого придержать если что, я над дружиной киевской твоего сына Артёма поставлю. Всё, воевода, не будем времени терять. Иди поешь и начинай сборы. Завтра с рассветом выходим.

Духарев кивнул, шагнул к дверям, потом вспомнил...

— Я волоха деревлянского привез, тебе показывали? Лесовики, твари, людей наших ловили, чтоб своим богам в жертву принести. Да не смердов, а...

— Знаю уже, — перебил его князь. — Поведали, зачем ты в деревлянские земли отъезжал. Потому и не ругаю, что меня не известил. А волоха твоего я велел утопить.

— Но он многое мог рассказать!

— Мог, верно. Только слушать мне его сейчас недосуг. Деревлянские земли теперь под моим младшим, Олегом, будут. Он, конечно, мальчишка еще, но я ему воеводой одного Свенельдова сотника дам. Он, было дело, еще при отце моем деревлян усмирять

— А Свенельд — что?

— Свенельд сам и предложил.

— Хорошо ли? — усомнился Духарев. — Деревляне ведь раньше под Свенельдом были. Не хочет ли он...

— Не хочет! — отрезал Святослав. — Иди, воевода, покушай. А со своей вотчиной я как-нибудь сам разберусь.

Духарев спорить не стал. Бессмысленно. Да и что ему до семейно-имущественных

¹⁴ Кметь (кмет) — наместник, правитель области, помещик и т. п.

проблем великого князя... Со своими бы до отъезда как-нибудь разобраться.

Разобраться — не получилось. Главная «проблема», Сладислава, отбыла из Киева, пока Сергей был у князя.

Духареву доложили: уехала по каким-то хозяйственным делам. Вернется через три дня.

А ведь наверняка знала, что Духарев утром уходит в Булгарию. И только Богу ведомо, когда вернется.

Что ж, это ее выбор. А у Сергея выбора и вовсе нет. Зато там, в Булгарии, его ждет Людомила...

Глава девятнадцатая

Возвращение в Булгарию

Войско великого князя, не поредевшее, а, наоборот, выросшее за счет притока новых воинов, скорым маршем, двуоконь, промчалось по степям и долинам, с ходу форсируя реки, не задерживаясь нигде. Люди и кони кормились зерном, добытым в деревнях, жители которых разбегались в ужасе, увидев на горизонте пыльное облако, поднятое десятками тысяч копыт. Пару раз настигали печенежские кочевья. Копченых не били, только забирали фураж и провиант. Желających присоединиться к русам тоже не гнали.

Если запасы зерна иссякали, а населенные пункты не подворачивались, фуражиров не посылали. Кормили коней травой, а сами ели конину. Зато времени не теряли, и потому обратный путь занял немногим больше времени, чем марш к Киеву.

Переплывать Дунай на набитых травой шкурах не пришлось. В устье их ждали лодьи, которые привел сюда Гуннар Волк.

Воевода Гуннар из Переяславца сбежал. Сделал вид, что намерен биться до последнего, настроил горожан на упорную оборону, а сам тихонько, под покровом ночи, вместе с дружиной погрузился на лодьи. На каждую лодью пришлось по три-четыре воина, так что путь у них был только один — вниз по течению.

Святослав не стал ругать Гуннара. Но и не похвалил.

— Ты сдал Переяславец — ты его и возмешь! — сказал великий князь.

Как это уже бывало, войско Святослава опередило весть о собственном возвращении.

Пятнадцатитысячная армия киевского князя появилась под стенами Переяславца ранним утром, но застать город врасплох не удалось. Булгары успели затвориться и с честью приняли бой.

Защитников было едва ли не столько же, сколько и нападавших. Почти половина мятежного войска обосновалась в Переяславце. Коренных обитателей мятежники из города выставили, оставив лишь несколько сотен женщин — для удовлетворения личных потребностей.

Всё-таки внезапность появления русов сыграла свою роль: им достались беспечно брошенные у стен осадные орудия и лестницы, с помощью которых булгары намеревались взять город. Мятежникам это «оборудование» не понадобилось, поскольку город им сдали без боя. А вот русам добыча пришлась очень кстати.

Резня была страшная. Несколько раз гридни Святослава уже готовы были отойти. Удерживала их лишь железная воля и личная храбрость великого князя, который решительно заявил: лучше умереть, чем отступить!

Духаревской дружине достались южные ворота. В штурмах воевода был человеком опытным, зря людей не клал, но сломать ворота так и не сумел. Всё равно к вечеру город был взят. Первым на стену взошел Гуннар Волк. Это стоило викингу половины хирда, но благорасположение Святослава он вернул. Как только нурманам удалось закрепиться на

одной из стен, участь Переяславца была решена. В рукопашной любой из русов, отборных воинов самого князя и лучших его воевод, нурман, варяг, любой опоясанный гридень, стоил десяти болгар.

Нурманы Гуннара захватили стену, на которую поднялись другие. Дальше — просто. Под прикрытием тучи стрел те же нурманы спустились вниз и открыли ближайшие ворота.

На этом битва кончилась. И нурманы, которым раньше было запрещено потрошить переяславцев, наконец отыгрались за вынужденное воздержание. Впрочем, остальные тоже не остались в стороне.

Но пожаров не было. Святослав загодя предупредил: кто по умыслу или без оного пустит «красного петуха», будет наказан смертью.

Итак, Переяславец был взят. Но на этом дело не кончилось. Оставив в городе всё того же Волка, Святослав двинулся от города к городу и в каждом устраивал дознание, чинил суд и расправу над всеми, кого он или его наместники считали подозрительными. Великий князь не желал оставлять за спиной вероятных врагов.

Только в Преславе, номинально принадлежащей кесарю Борису, Святослав не стал устраивать судилищ. Зато двинувшись в мятежные области, прихватил с собой только-только созданную «гвардию» болгарского кесаря.

Мятежные области сопротивлялись отчаянно. Терять им было нечего. Святослав же был беспощаден, как печенег. Уверенный, что источником бунтов была его прежняя мягкость, великий князь решил продемонстрировать, как выглядит его гнев.

Булгар убивали во множестве. И печенеги, и русы, и угры. Города сжигали. Когда наконец удалось взять оплот мятежников Филиппополь, Святослав велел казнить всех мужчин, а на женщин и детей надеть рабские ошейники.

Духарев, к счастью, от участия в этом терроре был избавлен. Он остался в Преславе с задачей формирования армии вторжения. Святослав не собирался ограничиваться «зачисткой» мятежных областей. Никифор Фока не выполнил обещания и тоже должен быть наказан. Расправившись с мятежными кметами, Святослав перейдет через горы и устроит такой же погром в византийской Фракии...

Так предполагалось. Но «зачистка» затянулась, и к тому времени, когда в Булгарии не осталось никого, кто бы с оружием в руках оспаривал «власть великого князя и хакана Святослава и его младшего брата кесаря Бориса», на гемейских перевалах уже лежал глубокий снег. Сухопутная дорога на Византию была перерезана. Великий поход к стенам Константинополя пришлось отложить.

Эту зиму Духарев, как и все воеводы Святослава, провел в делах. Шла интенсивная подготовка к будущему походу. Великий князь понимал, что Византия — крепкий орешек, поэтому активно искал союзников. Полтора месяца Духарев провел, мотаясь по степи и убеждая кочевников присоединиться к войску русов.

Но Рождество Христово Духарев приехал встречать в Доростол. Патриарх пригласил. А через два дня после приезда Сергея в Доростол приехала Людмила.

Глава двадцатая

Людмила

Возок, сопровождаемый двумя десятками верховых, въехал во двор патриаршей резиденции. Припорошенные снежком кони фыркали паром, звенели копытами о мостовую.

— Эй, раб Божий! — окликнул старший из всадников пробежавшего мимо монашка. — Сказали нам: здесь у вас воевода киевский гостит.

— Ага. — Монашек остановился, поглядел на сбрую, украшенную серебром, на

меховую рукавицу со стальными нашивками. Выше взгляд поднять не осмелился. Судя поговору, всадник был русом, язычником, а русов теперь в Булгарии боялись пуще ромеев. Монашек слышал: киевский князь, захвативши Филиппополь, двадцать тысяч человек на колья посадил. Филиппополь далеко, на другом конце страны, а рассказывавший об этом дальше Плиски не бывал, но монашек всё равно поверил. Ох, страшны эти русы! А особенно страшен воевода их, которого сам патриарх привечает. Правда, воевода не язычник, христианин. Вот ведь чудо Господне: зверообразный, огромный, как медведь, рус — христианин!

Монашек рискнул поднять голову... И увидел, что приехавший рус, тоже зверообразный, широкоскулый, весь увешанный оружием, скинул блестящий шлем с пошлемной шапкой и крестится на круглую маковку собора.

Монашек от удивления даже бояться забыл. Значит, верно говорил патриарх: придут дикие русы к Истинной Вере! И тогда, тогда...

Монашек не знал, что будет тогда, но сердце его наполнялось ликованием при мысли о том, что на стороне истинно верующих будут такие грозные воины.

Рус надел шлем.

— Ну и где он живет, наш воевода? — зычно спросил он.

— Здесь я, Дужка! — Духарев стоял на крыльце отведенного ему флигелька. Двое гридней, вышедших вместе с ним, узнали всадника и расслабились. Опасности для их воеводы не было.

— Так кого ты мне привез, воин? — Сергей сбежал с крыльца. Лицо его сияло улыбкой. Он уже догадался — кого.

Откинув кожаный полог возка, Духарев бережно вынул свою желанную. Личико Людомилы, выглядывающее из белой пушистой шапки, порозовело от мороза и стало еще красивее. Серые глаза в обрамлении черных длинных ресниц сияли счастьем.

— Замерзла? — Сергей все еще держал ее на руках — отпускать не хотелось.

— Нет. — Ее руки обвилились вокруг мускулистой шеи, лаская обветренную кожу соболиным мехом. — Но неси меня скорее в дом, мой ладо. Здесь ведь Божья обитель. Нехорошо.

— Несу! — Духарев взбежал по ступенькам, бросил на бегу своим гридням: — Принять, накормить, устроить! — И, подбегавшему челяднику: — Повару скажи: пусть накроет стол по-быстрому, вино, всё, что требуется. А боярышне прямо сейчас — горячего сбитню! Что стоишь? Бегом! — Сам же стянул с девушки рукавички, прижал к лицу прохладные ладошки, шепнул в ушко: — Соскучился ужасно! А пойдем наверх, пока стол собирают? Хочешь?

Людомила, потупив глазки, быстро кивнула.

Через полчаса в дверь горницы осторожно постучали.

— Батюшка-боярин, стол накрыт, — произнес робкий голос. — Изволите спуститься?

— Изволю! — крикнул Духарев, потянулся с хрустом, запустил пальцы в густые, пшеничного цвета волосы, потянул к себе. Людомила охотно прилегла ему на грудь, царапнула ноготками выпуклые мышцы, пропустила между пальчиками длинный варяжский ус...

— Никак не могу привыкнуть к тому, какой ты большой, — проговорила она, потершись щекой о колючий подбородок.

— А я никак не могу привыкнуть к тому, что ты — рядом, — признался Сергей. — И мне все время тебя хочется. Можно?

— Разве мужчины об этом спрашивают?

— Я спрашиваю. Если тебе не хочется...

Нежная ручка скользнула по его животу вниз, но дотянуться не смогла. Сергей все еще держал ее за волосы. Он разжал руку.

— Встань!

— Зачем?

— Встань-встань, хочу на тебя полюбоваться!

Людмила соскользнула с ложа, выпрямилась, потом смутилась под его пристальным взглядом, прикрыла лицо руками и от этого стала еще женственнее. Когда она наклонила голову, длинные волосы упали почти до колен, спрятав ее от взгляда Сергея. Только темные крупные соски выглядывали наружу между светлых прядей.

Сергей провел рукой по ее ноге — изнутри, от колена вверх. Хотя Людмила приехала к нему в возке, Сергей знал, что она предпочитает ездить верхом, причем по-мужски. От верховой езды кожа возле колен и на внутренней поверхности бедер была немножко грубее, чем положено ей от природы. Зато мышцы были крепкими и упругими.

— Не надо, Сережа, я тебя стесняюсь, — проговорила она тихо, не открывая лица.

— Почему?

— Отвыкла, наверное...

— Так привыкай! — засмеялся Сергей, подхватывая ее снизу и опрокидывая на себя.

Людмила вскрикнула и тоже засмеялась. Потом скатилась с него, перевернувшись на спину, закрыла глаза и замерла в ожидании...

Но Сергей лишь поцеловал ее в белое горлышко.

— Одевайся, солнышко мое. Яства стынут. Нам торопиться некуда. Поедим, потом покатаемся по окрестностям. Вечером к нам друзья придут, Устах, Понятко... Ну а потом у нас с тобой будет целая ночь, представляешь? Целая ночь впереди...

«И целая жизнь...» — добавил он мысленно. Духарев еще не знал, что эта ночь, ночь с десятого на одиннадцатое декабря 969 года от Рождества Христова, окажется одной из тех переломных ночей, когда колесница истории, взлетев на очередной холм, начинает стремительный бег вниз, безжалостно сокрушая сотни тысяч судеб, с одинаковым равнодушием разбивая вдребезги чаяния и мечты обитателей нищих хижин и сверкающих золотом дворцов.

Однако началось всё несколько раньше. Может — когда умерла княгиня Ольга. Но скорее всего — в тот день, когда василевс Византии Никифор Фока, вопреки собственной воле и здравому смыслу, вернул из изгнания единственного человека, чья слава не уступала его собственной: бывшего архистратига Иоанна Цимисхия.

Глава двадцать первая

Осень 969 года. Константинополь. Вуколеон. Опочивальня василевса Никифора Фоки

Было время, когда Никифор Фока был лучшим полководцем империи. Было время, когда брошенное им копьё прошивало насквозь всадника в полном доспехе. Обидно, что всё это было лишь шесть лет назад. Но не зря говорят, что один год на троне стоит трех. За шесть лет царствования Никифор из могучего атлета превратился в тучного обрюзгшего мужчину, доживающего шестой десяток в роскоши и излишествах. А возможно, дело тут было в ней, Феофано, императрице и самой соблазнительной женщине византийской империи.

Никифор Фока любил свою жену. Влюбился в то самое мгновение, когда шел в сопровождении верных по захваченному дворцу в Тронный зал, Золотую Палату...

... Глухо ударяли о ковры, лязгали о паркет и мозаику подкованные военные сапоги, высокие тяжелые двери распахивались перед новым василевсом, падали ниц придворные...

Наконец распахнулись последние, гигантские — и победоносный полководец, любимец судьбы Никифор Фока, широкоплечий, рослый, темнобородый, в забрызганных кровью латах вошел в Золотую Палату — и увидел на возвышении, на императорском троне ее...

Никифор нахмурил мохнатые брови, сжал огромные кулаки... Но, конечно, не

остановился.

Ноздри крючковатого носа нового императора свирепо раздувались, когда он шел по мозаичному полу к своему законному месту.

Не гремела музыка, не кричали механическими голосами украшенные самоцветами павлины, не рычали львы... Только грохот сапог нового василевса, еще не красных, кесарских, а обычных, заляпанных грязью и кровью, гулко отдавался под высокими сводами. Вот он шагнул на первую ступень... И Феофано, вдова почившего василевса, императрица и мать императоров, неопишимо грациозным движением соскользнула с древнего трона и опустилась на помост, склонив голову. А когда Никифор решительно преодолел все ступени тронной лестницы, вскинула голову, и пара огромных глаз, бездонных, загадочных, обещающих, сделала то, что было не под силу ни одному из врагов автократора.

Никифор Фока был сражен.

Никифор не удалил василиссу из дворца. Более того, презрев закон Церкви, он, крестный отец детей покойного Романа, взял в жены их мать. И за шесть лет ни разу не пожалал о содеянном. И никогда не отказывал Феофано, если она просила. И следовал ее советам. И настаивал на своем лишь тогда, когда слова Феофано шли вразрез с тем, что советовал Никифору его отец...

Отца больше нет. Никифор помнил, как шел за его гробом по крутому спуску, ведущему к гавани Софии, собственноручно укладывал в усыпальницу над морем...

— Мой господин, очнись! — Мелодичный голос Феофано отвлек василевса от мрачных мыслей.

— Ты меня не слушаешь, — укорила императора супруга.

Никифор потер ладонями лицо.

— О чем мы говорили? — спросил он.

— Булгарские царевны будут здесь через две недели.

— Очень хорошо. Что еще?

— Проедр Филофей возвращается вместе с ними. Он везет плохие новости: твой патрикий Калокир ведет собственную игру.

— А то я не знаю, — буркнул Никифор.

— Чего он добивается? — спросила Феофано. — Автономии Климатов?

Василеве усмехнулся.

— Нет, — сказал он. — Херсонесским номом Калокир не насытится. Ему нужно больше... Ему нужно всё.

— Что — всё? — не поняла Феофано.

— Пурпур.

— Ах! Но это не может быть. Ведь у нас есть император. Ты! Как он может надеяться...

— Может. Например, если у него здесь, во дворце, есть надежный человек, который возьмет и подсыплет яд в мой кубок.

— Но и это невозможно! Три человека пробуют твои яства и вина, мой господин!

— Потону и пробуют. Ядом меня не возьмешь. Но есть еще железо.

— Кто же осмелится?

— Может быть — ты? — Глаза Никифора сверкнули из-под мохнатых бровей.

Феофано рассмеялась. Но то был напряженный смех.

— Я люблю тебя, мой господин! — воскликнула она.

— Правда? Зачем же ты просишь меня вернуть из изгнания Цимисхия?

— Потому что он — твой родич! Он верен тебе, мой господин, и доказал это! Нехорошо, когда такой достойный муж попусту прозябает в изгнании! Он — блестящий военачальник, лучший. После тебя, конечно.

— В этом ты права, женщина, — согласился Никифор. — Он лучший. После меня. Но хочет быть не после, а прежде. Когда-то он отказался меня предать, но не остался в убытке. Получил от меня всё, что ему сулили мои враги. Я знаю его, женщина. Он очень опасен.

— Тем более его следует вернуть. Вызови его сюда, в столицу. Пусть живет здесь, под

присмотром твоего ока. Если он окажется изменником, здесь тебе проще будет от него избавиться.

— Избавиться... Он — мой брат по матери. Ты забыла? Ладно! — Никифор принял решение. — Он действительно может мне пригодиться. Но в Азию я его не верну. Там, у него слишком крепкие связи. Я вызову его сюда. И если смогу убедиться, что он мне верен, то снова дам ему войско и пошлю в Булгарию. Вот тогда и посмотрим, насколько он хороший военачальник!

— О, как ты мудр, мой господин! — Феофано склонила голову. Хрупкая покорная женщина... Но если бы Никифор мог в этот момент видеть ее лицо, он наверняка усомнился бы в ее покорности.

Глава двадцать вторая

Худые вести

Духарев встретил Рождество в Доростоле, а неделей позже вместе с Людомилой выехал в Преславу.

Там Духарева уже ждало письмо от Мышаты и в нем — худая весть. Названный брат сообщал, что Сладислава еще осенью покинула Киев и прибыла в Климаты с намерением провести там зиму, а весной, как только откроется судоходство, отплыть в Византию и уйти из «мира» в один из греческих монастырей.

Мыш заклинал Духарева бросить всё, мчаться в Крым и немедленно вернуть беглянку домой.

Но Сергей мольбе не внял. Глупости какие-то! Чтобы Сладислава бросила детей, дом, дела, всё, чем жила почти два десятка лет, — и в монастырь? Нет, это просто невозможно. Слада слишком рассудительна, чтобы выкинуть такой фортель. Но даже если и так, надо просто попросить Калокира. Одно его слово отцу — и жена Сергея будет сидеть в Крыму, пока не состарится. Ни один капитан не рискнет взять ее на борт против воли херсонского номарха.

Нет, ну правда, что за фокусы! Сначала дурацкое упрямство с замужеством Данки, потом этот идиотский отъезд... Нет, с этим надо кончать. В конце концов по всем здешним законам, хоть языческим, хоть христианским, жена — в полном подчинении у мужа. Так что нечего...

И Духарев остался в Преславе. До весны.

«Весной, — сказал великий князь Святослав своему побратиму патрикию Калокиру, — как только с перевалов сойдет снег, я разорву уложение с кесарем Никифором».

И Калокир, человек Никифора Фоки, возведенный им в сан патрикия, обласканный и одаренный щедро, улыбнулся и кивнул. Ни Калокир, ни Святослав еще не знали, что договор василевса и великого князя уже разорван Той, которая сильнее самого сильного земного владыки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ РУСЬ НА БАЛКАНАХ

ПРОЛОГ

Декабрь 969 года от Рождества Христова выдался ненастным. И эта ночь — с 10 на 11 декабря — не была исключением. Липкий мокрый снег падал с черного неба на черную воду, на лодку, на черные капюшоны гребцов. Зато ветра почти не было, и море было почти спокойно.

«Хорошая ночь», — подумал патрикий Цимисхий, глядя, как движется вдоль борта черная стена Вуколеона.

Хорошая ночь, Иоанн Цимисхий посмотрел на своих спутников, Михаила Вурца и Льва Педизсима. Можно ли им доверять? Кто-то же предупредил василевса о покушении. Может, кто-то из этериотов Валанта? Что если во дворце Цимисхия уже ждут стражники Никифора?

Когда стало известно, что Никифору донесли о заговоре, друзья уговаривали патрикия отказаться от покушения.

Цимисхий сказал: нет. Не только потому, что был бесстрашен. Еще и потому, что был умен. Если бы доносчик знал что-то определенное, Цимисхия уже схватили бы. По крайней мере, попробовали бы схватить...

Патрикий усмехнулся. Его один раз уже пытались арестовать. Тогда он, в одной рубаше, разогнал толпу dospешных стражников. Цимисхий был лучшим фехтовальщиком в этом городе. И знал об этом. Однако ни один фехтовальщик не устоит против сотни отборных воинов василевса...

И все-таки Иоанн был прав, когда отказался отменить или отсрочить сегодняшнее дело. Сегодня Никифор заставил своего спальника и начальника дворцовой стражи обшарить дворец в поисках заговорщиков. Завтра его люди обшарят весь город. И что-нибудь непременно найдут. Легко найти, если знаешь, где искать.

Цимисхий вглядывался в темноту. Не пропустить бы нужное место...

Не пропустили. Как только в темноте прорисовался силуэт каменного изваяния — льва, настигающего быка (как символично!), Цимисхий отдал негромкую команду, и лодка замедлила ход. Когда она причалила к стене, сверху упала веревка.

— Лезь, — велел Цимисхий Михаилу Вурцу. Патрикий Иоанн был храбр, но не глуп. Наверх он пойдет последним. Если там — засада, он услышит.

Кто-то из заговорщиков оказался слишком болтлив. Никифора предупредили. Удачно, что Феофано на стороне Цимисхия. Вспомнив императрицу, Цимисхий усмехнулся. Ненасытная сучка. Но хороша. Пожалуй, когда всё закончится, Иоанн оставит ее себе. Так же, как это сделал Никифор. Только, в отличие от Никифора, он не даст жаркой вагине и смазливой мордашке размягчить свой клинок. Цимисхий снова усмехнулся — двусмысленной мысли.

Лев Педиасим, уже ухватившийся за веревку, тоже осклабился. Решил, что Цимисхий хочет подбодрить его улыбкой.

Да, Феофано оказалась очень полезна. Ведь то она добила его возвращения. Влюбилась в Иоанна, как кошка. Это хорошо. Влюбленная женщина пойдет на всё. Даже на то, чтобы спрятать в своих покоях убийц своего мужа.

Цимисхий поймал веревку, прислушался...

На крыше было тихо. Значит, засады нет.

— Уходите, — велел он гребцам.

На крыше Вуколеона Цимисхия ждали не только приплывшие с ним, но и начальник этериотов Валант с доверенными людьми.

— Всё хорошо, — доложил Валант. — Путь свободен. Василисса Феофано дала стражникам вино с сонным зельем. Мы могли бы всё сделать сами, но ты же велел ждать...

— Хватит болтать, — перебил Цимисхий. — Вперед!

Заговорщики спустились с крыши на галерею и торопливо двинулись к цели.

Стража в коридоре и у покоев василевса спала. Но у дверей спальни заговорщиков встречали. Из ниши появилась изящная фигурка. Феофано.

— Он там, — прошептала она Цимисхию на ухо. — Двери не заперты. Я сказала ему,

что сама запру их. — Коснулась губами виска (они с Цимисхием были почти одного роста): — Храни тебя, Господь, любимый..

Патрикий потрепал ее по щеке левой рукой — правая уже тянула меч из ножен, отодвинул в сторону и распахнул двери.

Заговорщики с оружием наголо ворвались в спальню императора. Вурц и Педиасим обогнали Цимисхия, бросились к ложу и, откинув полог, одновременно вонзили мечи в одеяло... И отпрянули. Обернулись к Цимисхию. Рты открыты, в глазах — паника...

— Его нет, — выдохнул Михаил Вурц.

Лев Валант подскочил, сорвал с ложа одеяло... Пусто!

— Нас предали... — пробормотал кто-то за спиной Цимисхия. — Василисса...

— Молчать! — негромко произнес Цимисхий. — Никифор здесь! Ищите!

Заговорщики бросились обшаривать покои.

Цимисхий ждал.

В спальню проскользнула Феофано.

— Наверное, он в часовне, — сказала она Цимисхию. — Там, за гобеленом — дверь.

— Уходи, — сказал Цимисхий. — Не хочу, чтобы он тебя увидел. — И, когда Феофано вышла: — Валант! Оставь в покое сундуки. Я знаю, где он.

В маленькой часовне под иконами был расстелен красный войлок. На войлоке — шкура барса. На шкуре, укрывшись простым монашеским плащом, спал василевс ромеев Никифор Фока. Когда Цимисхий открыл дверь, император не проснулся.

Цимисхий остановился на пороге. Он смотрел на шкуру. Этого барса Никифор убил собственноручно, когда гостил в армянском имении Иоанна...

Цимисхий опустил руку с мечом и сделал шаг назад. Ему вдруг расхотелось убивать. Когда-то Никифор был его другом. Никифор сделал его автократором Азии, domestikом схол...

Но потом отнял всё и отправил в изгнание.

Цимисхий вспомнил, каково ему было жить изгнанником... И шагнул в сторону, освобождая проход в часовню.

— Взять его, — скомандовал Иоанн.

Заговорщики, толкаясь и отпихивая друг друга, бросились в часовню. Каждый из них ненавидел Никифора. И у каждого была серьезная причина для ненависти.

Заговорщики набросились на спящего.

Только Лев Валант, начальник этериотов, не участвовал в избиении. Возможно, его мучила совесть. Ведь он клялся защищать императора — и предал.

Кто-то схватил императора за волосы, кто-то изловчился ударить в пах. Заговорщики были вооружены. Никифор безоружен. Их было много. Он — один. Накинувшись на лежащего василевса, они пинали его ногами, били древками...

Но Цимисхий не особенно удивился, когда Никифор расшвырял их, как котят, и поднялся. Огромный, страшный, с всклокоченной гривой, окровавленный, бешеный...

Цимисхий шагнул вперед, поднимая меч, но Валант был ближе. Его клинок ударил императора в лоб, и Никифор упал. Валант выдернул застрявший в черепе меч.

Однако император был еще жив.

— Богородице, помоги! Спаси меня! — дико вскричал Никифор.

Иоанн Цимисхий опустился на ложе василевса.

— Не убивать! — крикнул он. — Тащите его сюда!

Заговорщики, вшестером ухватив грузное обмякшее тело, выволокли его из часовни и бросили к ногам Цимисхия.

Иоанн ухватил Никифора за бороду:

— Ты узнаешь меня? — спросил он.

— Богородице, спаси... — пробормотал Никифор. Кровь струилась по его лицу. — Спаси...

— Я — Иоанн Цимисхий. Это я сделал тебя императором, Фока. Я спас тебя,

поддержал в беде, воевал за тебя... А ты? Что сделал ты?

— ... Богородице святая, заступнице, помоги...

— ... Я — лучший полководец Рима. А ты сослал меня в деревню, прозябать в безвестности. Я дал тебе все, а ты лишил меня всего!

— ... Богородице...

— Презренный тиран! — рявкнул Цимисхий. — Отвечай мне!

— ... Святая заступнице...

Цимисхий, размахнувшись, ударил василевса кулаком. Никифор опрокинулся набок.

— Убить его! — велел Цемисхий.

Так в ночь с десятого на одиннадцатое декабря года 969-го от Рождества Христова, на пятьдесят восьмью году жизни, процарствовав шесть лет и четыре месяца, бесславно покинул сей мир василевс автократор Византии Никифор Фока.

Час спустя, когда узнавшие о беспорядках воины внешней стражи Большого дворца бросились на помощь своему императору, то увидели опущенные железные решетки и застывших по другую сторону этериотов с копьями наготове.

В это же время Иоанн Цимисхий в пурпурной императорской обуви вступил в Золотую палату и воссел на трон василевсов Византии.

Он еще не стал императором официально, но знал, что — станет. Главное сделано. Остались мелочи...

Аципофеодор, один из доверенных Цимисхия, вбежал в тронный зал.

— Василевс! — закричал он, падая на колени. — Мы окружены. Вуколеон осажден стражей Никифора!

— Не кричи, — спокойно произнес Цимисхий. — У Никифора больше нет стражи. Он мертв. Покажи им его голову. Скажи: те, кто захочет присягнуть василевсу Иоанну, будут вознаграждены.

Цимисхий знал, что будет дальше. Он знал: стража, армия, народ с охотой признают его власть. Империя — как женщина. Она презирает проигравших и пресмыкается перед победителями. Кстати, о женщинах...

— Приведите сюда василиссу Феофано, — приказал новый хозяин Вуколеона. — Я желаю ее видеть...

Глава первая

Посольство византийского императора

Послы нового повелителя Византии кесаря Иоанна прибыли в Булгарию, едва стихли зимние шторма и снова открылись морские дороги. Прибыли с помпой, на двух огненосных триерах, в сопровождении двухсот отборных воинов. Возглавлял посольство уже знакомый русам проедр Филофей. Проедр заслуженно считался в Константинополе знатоком скифов. Эта слава и спасла Филофея, приближенного василевса Никифора, от опалы.

Святослав принял послов в Доростоле. Без всякой помпы. В простой холщовой рубахе с темными пятнами влаги под мышками. Непосредственно перед приемом великий князь упражнялся на мече и не счел нужным переодеться.

Послы были оскорблены и смущены. Впрочем, откуда у дикого скифа понятие о протоколе?

Послы сообщили великому князю, что прежний император почил, а, следовательно, договор, заключенный им с русами, — недействителен. И, следовательно, пребывание русов на этой земле, издревле находящейся под опекой и заботой ромеев, недопустимо. И потому император Иоанн чисто по-дружески, но тем не менее настоятельно советует русам

тотчас же, без промедления и отговорок покинуть страну, которая ему отнюдь не принадлежит. Византия же со своей стороны обещает: если катархонт Святослав со своими воинами немедленно сядет на корабли и отправится восвояси, ромеи по доброте своей и христианскому милосердию не будут этому препятствовать и не станут жечь флот русов.

Святослав ответил, что о доброте ромеев в целом и о доброте императора Иоанна в частности ему хорошо известно. Например, Святославу уже поведали о том, как новый василевс был добр к своему предшественнику и повелителю Никифору.

Это все — лирика, ответили послы. Разумеется, сформулировано было в самых изысканных и возвышенных выражениях. Император Иоанн грозен и могуч, а величие и сила Второго Рима неоспоримы. Если катархонт Сфендослав будет противиться гуманному предложению василевса, то его посчитают нарушителем заключенного в давние времена мира. Со всеми вытекающими. И тут было бы нелишне Сфендославу вспомнить о судьбе его отца, архонта Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице Византии с огромным войском на десяти тысячах кораблей, а обратно, в Боспор Киммерийский, вернулся едва с десятком лодок, сам ставши вестником собственного разгрома. А уж о его дальнейшей жалкой судьбе и говорить не стоит. Так что лучшее, что может сейчас сделать его сын, — избавиться от своего присутствия земли мисян и не вынуждать ромеев выступить против него всей своей силой, потому что в противном случае архонт Сфендослав не только погибнет сам, но погубит и все свое войско (тут говоривший сделал паузу и обвел многозначительным взглядом присутствовавших здесь воевод), и в живых не останется никого. Даже вестника, который сможет оповестить родню русов о постигшей их страшной участи.

По лицу Святослава было видно: он с большим удовольствием предал бы смерти посланцев «грозного и необоримого». Но убивать послов — дурной тон.

Не вижу никакой необходимости для императора ромеев приходить сюда, ответил Святослав. Пусть василевс побережет силы, ведь мы сами очень скоро разобьем свои шатры у ворот его столицы. Мы, русы, природные воины, любим веселую воинскую потеху. Еще полезно будет узнать императору, что я, великий князь Святослав, никогда не терпел поражения и впредь тоже собираюсь побеждать. Надеюсь, узнав об этом, Иоанн уже не будет тшиться победить нас пустыми угрозами.

Что же касается незыблемости заключенных договоров, о коих говорили послы, то на этот счет у Святослава есть собственное понимание вопроса. Например, у него был союзный договор с императором Никифором, которого нынешний император Иоанн подло умертвил. А у русов не принято поощрять тех, кто убивает их союзников. Так что пусть узурпатор Иоанн готовится освободить место. Великий князь Святослав готов подыскать для Византии более подходящего василевса.

На этой оптимистической ноте прием завершился, послы вместе с охраной загрузились на корабли и отправились восвояси.

Всё это время за триерами очень внимательно наблюдали с берега лучники Святослава. С вероломных ромеев станется: плюнут огнем на тесно сгрудившиеся у берега русские лоды — и нет больше у русов флота.

Суда константинопольского купца Михаила, которого в Булгарии звали Момчилом Скопельским, а в Киеве — торговым гостем Мышатой, по-встречались с посольскими в устье Дуная и, обменявшись формальными приветствиями, встали у берега — перекусить и потолковать.

Глава посольства проедр Филофей не зря считался знатоком скифов — все три имели купца были ему ведомы. Но Филофей относился к тройному гражданству Мышаты-Момчила-Михаила вполне благожелательно, поскольку сам помогал купцу стать гражданином «Второго Рима». Со всеми вытекающими из этого статуса правами и привилегиями. А помог проедр купцу потому, что считал его своим агентом, причем весьма полезным и осведомленным. То, что информация может двигаться в обе стороны, Филофей

не предполагал. Хотя мог бы...

Купца охраняли славяне и варяги. Филофея — ромей. Поэтому беседовали купец и проедр по-печенежски.

— Он отказался, — поведал Мышате Филофей.

— А разве он мог согласиться?

— Конечно, не мог. Клекот орла с небес не может заставить льва выпустить из пасти добычу. Но он может его раздражить.

— Василевс хочет, чтобы хакан Святослав напал сам? — догадался Мышата.

— Именно так. Армия уже во Фракии. Предводительствуют ею магистр Варда Склир¹⁵ и стратопедарх Петр¹⁶.

— Варда Склир? Я думал, что после смерти¹⁷ жены Цимисхий утратил к нему благорасположение.

— Выходит, что нет.

— Бывший родственник василевса и евнух, — пробормотал Мышата. — Они там накомандуют.

— Пустое говоришь, купец, — проворчал Филофей. — Варда — полководец опытный. Да и патрикий Петр, хоть и евнух, а воин изрядный. Говорят, он однажды вождя скифов в единоборстве копьем насквозь пропорол.

— Он сам же небось и говорит, — скептически проговорил Мышата. — Вот перейдет Святослав через Гемеи...

— Не перейдет! — отрезал Филофей. — Как только сойдет снег, на перевалах встанут наши заставы. Там, в горах, мы и похороним войско вашего хакана.

— Почему — нашего? — обиделся Мышата. — Родом я — болгарин, служу, как ты сам знаешь, империи. Считаешь, плохо служу?

— Хорошо служишь, — примирительно произнес Филофей. — Святослава ты прошлым летом очень ловко из Булгарии выманил. А что не вышло у нас ничего, так в том твоей вины нет. Кто же знал, что Святослав успеет так быстро вернуться. Но сейчас твоя задача — проще. Святослав и сам настроен напасть на наши границы. Главное, чтобы эта хитрая лиса Калокир его не отговорил. Скажи своему брату воеводе, что войско наше во Фракии — слабое, а полководцы — никудышные...

Глава вторая

Беседа по-родственному

— ... Полководцы у них никудышные, — рассказывал Мышата внимательно слушающему его Духареву. — Войско под ними — тоже не из лучших...

¹⁵ Барда Склир (920—991 годы) — потомок знаменитого рода и выдающийся полководец своего времени. То, что Иоанн Цимисхий назначил его командующим «противоросского» корпуса, показывает, с какой серьезностью он отнесся к угрозам Святослава.

¹⁶ Стратопедарх (начальник военного лагеря) — старинное звание, которое к десятому веку в Византии уже не использовалось, но, по некоторым данным, император Никифор восстановил его специально для обозначения должности, созданной для патрикия Петра, который (обычное дело для приближенных византийского императора) был евнухом.

¹⁷ Сестра магистра Барды Склира была замужем за Иоанном Цимисхием. Умерла до того, как Иоанн стал императором.

— То есть, ты считаешь, мы их одолеем? — уточнил Сергей.

— Одолеем, — подтвердил Мышата. — Но есть одна загвоздка...

— Думаю, с этим мы справимся, — выслушав, сказал Духарев. — А Расскажи мне, брат, каков он — Иоанн Цимисхий?

— Каков? Ему сорок четыре года. Сам роста невысокого, но грудью широк и в плечах тоже, волосы цветом — как у тебя, только пожиже. Борода узкая, рыжеватая, нос тонкий. Говорили, василисса Феофано в него просто-таки влюбилась. И в это можно поверить — такой красавец.

— Да плевать мне на его внешность! — перебил Сергей. — Что он за человек? Что от него ожидать?

— Родом он из армянского нома. Говорят — лучший в империи на мечях и ловок необычайно: в сече летает, как птица. В молодые годы, бывало, наскочит один на целый отряд, порубит всех и к своим возвратится без единой царапины. Из лука стрелять горазд. Говорят, не хуже коренного степняка стрелы мечет. Но это вряд ли. Луки у ромеев, сам знаешь, так себе. А вот с копьем и дротиком управляется лучше любого. Рассказывали мне: он кладет кожаный мяч на дно стеклянной чаши и древком копья на полном скаку выбивает мяч в воздух повыше доростольской стены. А нрав у него такой, что везде первым хочет быть. В бою, в играх, с женщинами. А чего от него ожидать, так это смотря для кого. Для друзей и родичей — много хорошего. Для врагов — много неприятного, потому что полководец он знаменитый. Пороков у него немного, а характер такой, что ни перед чем не остановится. И не жалеет никого. Тут такое было: после того как Цимисхий власть захватил, должны были его на царство помазать, а патриарх отказал ему в помазании. Потребовал сначала выдать убийц Никифора и отослать Феофано. Иоанн согласился не колеблясь. Выдал им Льва Валанта, которого убийцей Никифора объявил, и Феофано из столицы выслал. А ведь это они его императором сделали.

— Нехороший поступок, однако, — заметил Духарев. — А ты говорил: к своим Цимисхий хорош.

— В первую голову он хорош к себе, — возразил Мышата. — А что убийц Никифора выдал, так это тоже правильно. Убийцы василевса должны быть наказаны. И он, новый василевс, должен наказать тех, кто пролил священную кровь.

— Можно подумать, они не для него стараясь! — фыркнул Духарев.

— Да хоть бы он сам Никифора и убил, какая разница. Главное, чтобы плебеи видели: закон соблюден. А что он Феофано изгнал, так это правильно. На ней, люди говорят, кровь трех василевсов. Настоящий мужчина никогда не позволит женщине сбить себя с пути. Тебе, брат, тоже не мешало бы об этом помнить.

— Ты на что намекаешь? — нахмурился Дунаев.

— А я не намекаю. — Заплывшие жиром глазки Мышаты внезапно открылись широко, глянули строго, с осуждением. — Я прямо говорю: женщина эта, с которой ты здесь живешь, сбита тебя с пути истинного. Из-за нее ты о родичах своих забыл. Жену свою, сестру мою Сладиславу, из дома изгнал, а сам...

— Молчать! — бешено выкрикнул Сергей. — Ты что несешь?! Думай, что с языка слетает, пока я тебе его не отрезал!

— Что знаю, то и говорю! — вскакивая, заорал Мышата. — Слада сама, что ли, из дома ушла?!

— Это она тебе сказала, что я ее выгнал? — Глаза Духарева сузились. Рука сама цапнула лежащую на лавке саблю,

— Не сама, — Мышата сообразил, что рискует остаться без головы, и сдал назад. — Она ничего не говорила. Сказала только, что хочет в монастырь уйти.

Духарев сдержал гнев, медленно выдохнул. Вот черт, едва брата не зарубил!

— Где она сейчас? — спросил он.

— В моем имении под Константинополем.

«Вот черт! — подумал Духарев. — Хотел же Калокира попросить, чтоб уплыть ей не

дали!»

— Послушай, Серегей...

— Нет, это ты послушай! — перебил его Духарев. — Возвращайся к себе и немедленно... Немедленно, понял, отошли ее домой! Сопровождающих ей дай надежных. И запомни: это моя жена, и я решаю, как мне с ней жить! Ты меня тут в нарушении закона попрекал, а сам чужую жену от мужа укрываешь!

— Никого я не укрываю! Если муж жену изгнал, она возвращается в дом своего отца, в дом своего рода, а род ее — я!

— Ты глухой? — процедил Духарев. — Я же те бе ясно сказал: я ее не изгонял! Она сама из дома сбежала, когда я в поход ушел!

— Не могла Сладислава такого сделать!

— Еще как могла! Потому что гордость в ней взыграла! Я, видите ли, против ее желания нашу дочь за хузариина отдать хочу!

— За какого еще хузариина? — изумился Мышата.

— За Йонаха, Машегова сына!

Мышата осел на лавку, поскреб затылок, задумался. Духарев ему не мешал. Налил чашку вина, выпил. Кислятина, Сейчас бы водки стакан... Поймал себя на том, что подобных мыслей у него не появлялось уже лет десять, — и тоже задумался.

Первым молчание нарушил Мышата.

— Так вот почему она в монастырь хочет, — произнес он уже спокойно. — Теперь я понимаю.

— А коли понимаешь, так объясни мне, тупому! — буркнул Духарев.

— Мог бы и сам догадаться. Она дочь отмолить хочет. Грех, на который ты Дану обрек.

— И ты туда же! — воскликнул Духарев. — Какой, к бесам, грех! Они любят друг друга! Йонах за нее жизнь отдаст, не колеблясь! Отец его — мой друг и муж редкого благородства! Что вам еще надо?

— Йонах — иудей.

— Можно подумать, ты у нас добрый христианин, — желчно произнес Сергей.

— Добрый, — кивнул Мышата, — Десятину исправно плачу, посты соблюдаю...

— Сейчас, между прочим, пост, — напомнил Духарев, который, общаясь с болгарским патриархом, был в курсе всех церковных мероприятий. — А ты только что у меня на глазах мясо жрал!

— Так я же в походе, — пояснил Мышата. — В походе можно.

Духарев только рукой махнул. На всё у этого кабана ответ есть.

— Значит так: ни в какой монастырь Слада не пойдет. Пусть возвращается домой и отмаливает Данку дома, в Киеве. Ты понял?

— Я-то понял, но переубеждать ее не буду, — спокойно ответил Мышата. — Сам сказал: твоя жена. Вот приезжай и уговаривай ее сам.

— Ты дурак совсем? — снова вскипел Духарев. — Куда я приеду? В Константинополь? Я — воевода Святослава! Да меня ромеи мигом в темницу упрячут!

— В Климатах тебя никто бы в темницу не упрятал. Но в Климаты ты не поехал. Потому что с девкой этой своей здесь вошкался!

— Опять двадцать пять! На носу своем потном заруби: это не девка, а боярышня Людомила Межицкая! Проявишь к ней неуважение хоть словом, хоть чем, я тебе лично, вот этой рукой, — Духарев поднес к физиономии Мышаты кулак, — зубы вышибу! Ясно тебе?

— Ясно, — буркнул названный брат, отодвигаясь.

— Всё, этот вопрос закрыт. Теперь о Сладе: от слова своего Йонаху я не отступлюсь. Хочет в монастырь — ее право. Никогда я твою сестру не неволил и сейчас не буду. Только напомни ей, что у нее, кроме дочери, еще сыновья есть. И если она желает их добрыми христианами вырастить, лучше бы ей в Киеве жить. Не думаю, что Киев дальше от Бога, чем ваш развращенный Царьград!

— А я думаю...

— А мне плевать, что ты думаешь! Мне надо, чтоб ты Сладе передал мои слова, ясно?
— Ясно, — буркнул Мышата.
— Передашь?
— Передам.
— Ну вот и хорошо, — кивнул Духарев. — Поладили. А теперь давай за это дело выпьем вместе.
Мышата поднялся, вздохнул шумно, покачал головой.
— Там во дворе сундучок с золотом стоит, — сказал он. — Это твое золото. А пить с тобой я не буду.
— Интересно, почему?
— Потому что лад у нас с тобой разный, вот почему! А сейчас я к князю твоему пойду: есть у меня и для него новости, — и, тяжело ступая, Мышата направился к дверям.
Духарев его не удерживал.

Глава третья

Гемейские крепости

— Ну и где крепость? — спросил Духарев проводника.
— Там, — болгарин показал кнутом. — Вон над той скалой. Видите зубчики чернеют? Это — первая. А вторая — подальше и с другой стороны дороги.
Под дорогой пастух подразумевал торную тропу по дну ущелья — единственную, по которой можно было провести войско через горы. К сожалению, тропу эту блокировали две древние, но еще вполне функционирующие крепости, в которых, по словам Мышаты, ныне располагались ромейские гарнизоны. Крепости эти намертво блокировали перевал, и еще год назад в них сидели болгарские парни, готовые беспрепятственно пропускать друзей и беспощадно сокрушать врагов. Но еще осенью, пока Святослав разбирался с мятежными кметалш, хитроумным ромеям удалось каким-то образом эти крепости занять. Теперь, как только войско союзников войдет в ущелье, ему хана.
Сверху посыплются камни и прочая дрянь, в обычном состоянии безобидная, но в данном случае смертоносная, поскольку падать будет с изрядной высоты. Если же ромеи вдобавок ухитрятся вызвать камнепады и отрезать вход и выход, то ущелье это превратится в братскую могилу для всего войска Святослава. Вот эту военную тайну стратегического уровня и поведал Духареву и великому князю Мышата. Как говорится, кто предупрежден, тот вооружен. Но от этого «оружия» будет не много толку, если крепости не удастся обезвредить. Так сказала привлеченное к решению вопроса компетентное лицо: угорский князь Тотош.
Тотошу можно было верить: он дважды ходил по вышеупомянутому ущелью в византийскую Фракию. Но тогда в крепостях сидели болгары, которые за определенную мзду готовы были изображать слепых и глухих.
Еще Тотош сказал: если разобраться с крепостями, этот тракт — самый удобный путь в Византию. Все остальные оберегаются несравненно лучше, а добираться до Константинополя морем может только завоеватель-самоубийца. Огненосный флот ромеев изжарит незваных гостей еще на подходе.
Это высказывание тоже никто из советников князя оспаривать не стал. Все помнили, каким радикальным был разгром князя Игоря.
Значит, либо придется отказаться от набега, либо разобраться с крепостями.
— Я разберусь, — сказал Духарев, и вопрос был закрыт. Воевода Серегей, это все знали, отвечает за свои слова.

Вот теперь пришло время разбираться. И Сергей понял, что ситуация несколько сложнее, чем он предполагал.

— Вон она, над той скалой, — показал проводник. — Видите, зубчики стены чернеют? Разведчики посмотрели в указанную сторону. Точно, чернели зубчики.

— Ага, вижу часового! — сообщил зоркий Йонах. — В нашу сторону не смотрит,

— А чего ему на нас смотреть, — отозвался проводник, местный пастух, нанятый Духаревым за две серебряные монеты. — С этой стороны к ним не подобраться. Да и солнце за нами — слепит.

— А с какой — подобраться? — спросил Велим.

— А там тропка есть — с той стороны по краю ущелья.

— А с нашей?

— А с нашей — никак. Потоку здесь крепость и поставили. А дальше — еще одну.

— А посмотреть на нее можно? — спросил Духарев,

— Можно, — подтвердил пастух. — Вон через тот гребешок перевалим — и увидим.

Чтобы перевалить через «тот гребешок», разведчикам понадобилось немало сил и времени. Там, где местный пастух скакал горным козликом, русы, в большинстве к горам непривычные, ползли еле-еле, по-улиточьи, прилепляясь к стенам и стараясь не смотреть в разверзшуюся под ними бездну.

Лучше остальных чувствовали себя горец-касог по прозвищу Дятел и сам Духарев, в котором в последние дни вновь проснулись навыки скалолаза.

Проводник не соврал: с «гребешка» вид открывался замечательный. В прозрачном горном воздухе крепость была — как на ладони. Даже подслеповатый то местным меркам Духарев видел все детали. Но одного взгляда было достаточно, чтобы понять: крепость эта является идеальным примером пословицы «видит око, да зуб неймет».

Шагах в ста за гребешком склон прорезала трещина шириной метров триста и глубиной, достаточной, чтобы, падая вниз, можно было с подробностям вспомнить наиболее интересные жизненные эпизоды.

Зато трещину можно было обойти. Так сказал проводник, показал нечто (язык не повернется назвать тропой), вызывающее у равнинного жителя головокружение и слабость в коленях одним своим видом. Там, дальше, пояснил проводник, есть маленькая долинка с родником и хорошей тропой. Там летом хорошо коз пасти. А еще дальше через трещину — подвесной мост. Человека выдержит. И козу тоже. И осла. Коня — нет. Но коню сюда и не подняться. Даже горным лошадам. В общем, если перейти через мост, то потом еще по одной тропке можно выйти на старую торговую дорогу. А от этой дороги уже к крепости идет тропа. Очень хорошая, широкая, можно осла с грузом провести. Раньше, говорят, она еще шире была, но в древние времена ее нарочно сузили: чтоб враг не подобрался.

— Раньше в крепости вои нашего кесаря сидели, а теперь — ромеи, — сказал проводник.

Духарев изумленно посмотрел на него. Оказывается, страшная военная тайна известна простому пастуху.

— Откуда знаешь? — спросил он.

— Люди говорили.

— Ага, — обрадовался Велим. — Значит, ромеи ваших как-то оттуда выбили?

— Не-а, — мотнул головой проводник. — Выбить — никак нельзя. Там только одна тропка узенькая. А в крепости такой большой лук стоит, — проводник широко развел руки, — на телеге. Он копыя метает далеко, шагов на триста. И никогда не промахивается.

— Почему? — спросил простодушный Уж.

— А я почем знаю? — пожал плечами пастух. — Вои рассказывали.

— Почему — это как раз понятно, — проговорил Велим. — Поставили машину, пристреляли по одному месту. Ты лучше скажи, как ее ромеи заняли?

— Как, как... Поднялись и заняли.

— А как же ваши?

— А наши еще раньше оттуда ушли. Как узнали, что ваши в здешних местах воюют, а в Преславе ваш князь сидит, так и ушли.

— Не понял, — нахмурился Духарев. — Чего они испугались? Их же оттуда никакому войску не выковырять.

— Так кушать же надо. А там кроме камней — ничего. Провиант им не подвезли, а наши без денег им ничего не давали. Сначала на оружие меняли, а потом перестали. Еды, вишь, и так мало. Самим не хватает.

— А много там воев было? — спросил Зван.

— Сотни две, может и больше. Наши говорили: ромеи в трех деревнях всех ослов забрали. Шесть дней корзины наверх поднимали.

— Булгарские дружины в крепостях были — по большой сотне, — сказал Духарев. — Я спрашивал. Но ромеев, может, и больше.

— Ловко! — оценил Зван. — У нас бы так: посадил на заставу сотню воев — и ни одна орда не пройдет.

— Мы-то точно не пройдем, — пробормотал Велим. — Что скажешь, воевода?

— Пока там, наверху, ромеи — не пройдем. Значит, надо их оттуда выкинуть. Сотни две, говоришь? — Духарев глянул на проводника.

— Вроде того.

— Да хоть бы и два десятка! — перебил Велим. — По ихней тропе всё равно не взойти!

— Значит, поищем другой путь, — спокойно ответил Духарев.

— Это какой? По воздуху?

Духарев не ответил. Думал.

— Скажи-ка, пастух, у вас тут кузнец поблизости есть?

— Как не быть. Есть кузнец.

— Вот к нему и веди.

— Как прикажешь, боярин.

* * *

Духарев снизу вверх смотрел на скалу и понимал, что он правильно сделал, решив штурмовать ее днем. Ночью для такого «опытного» скалолаза, как он, подъем был бы чистым самоубийством.

Судя по взглядам, которые бросали гридни на своего воеводу, они полагали самоубийством любую попытку взобраться на этот сорокаметровый клиф.

— Дятел, ко мне, — позвал Духарев горца-касога. — Сможешь залезть? — спросил воевода.

Горец помотал головой.

— Никто не сможет, — уверенно ответил он. — Видишь этот «лоб», воевода? Через него даже ящерица не перелезет.

«Лоб» был знатный. Кусок «отрицателаного» склона у самого верха скалы был высотой метров пять.

Да и остальная часть «маршрута» была — не сахар. Но пройти нужно. И можно.

— Ящерица, положим, перелезет, — произнес Духарев. — Видишь, какие там трещины.

— Так человек не ящерица, воевода. В трещину не поместится! — Касог засмеялся. Решил: шутит воевода.

Но Духарев не шутил.

— Сейчас полезем наверх, — сказал он. — Я первым пойду. Ты — вторым.

Касог весело хрюкнул. Думал, воевода опять шутит. Но воевода не шутил.

— Зван, давай сюда тюки, — скомандовал он, кивнув в сторону понурого ослика. — И веревки тоже.

Недавно дружинники недоумевали: зачем воеводе целая сотня железяк с дырками, теперь пришло время удовлетворить их любопытство.

— Эта железка, — сказал Духарев, — называется «костыль». Вбиваешь ее молотком в трещину, в «ушко» веревку продеваешь, потом становишься на нее, вбиваешь следующую,

— Батька, а зачем ты молоток кожей обернул? — поинтересовался Зван,

— Чтоб не так громко было. Если там, наверху, стук услышат, может нехорошо получиться.

— Какая простая хитрость, — касог Дятел вертел в руках полукилограммовый «костыль», — как я сам не догадался! Сколько раз кинжал в щель вставлял для упора, а вот про такое даже и не слышал. Ну ты умный, батька-воевода! — сказал он с восхищением.

Духарев промолчал. Присваивать чужое изобретение не хотелось.

— Стой смирно, — велел он касогу и обвязал его веревкой. — Поднимаешься наверх — пропускаешь свободный конец через «ушки». Закрепляешь. Забиваешь следующий — закрепляешь на нем.

— Это зачем? — поинтересовался касог.

— А затем, что если сорвешься, то не ухнешь вниз, а на веревке повиснешь.

— А если железка выскочит?

— Одна выскочит, другая удержит. Не болтай, а делай, что сказано!

Духарез сделал обвязку себе, посмотрел наверх.

— Ну-ка поднимите меня повыше, — велел он.

— Не надо, батька! — вмешался касог. — Лучше дай мне молоток.

Да, навыки скалолаза у касога оказались намного лучше, чем у Духарева, Горец — он и есть горец.

Минуты через три Дятел уже висел на скале метрах в десяти над головами русов и вколачивал в стену первый «костыль». Потом — следующий.

Духарев же глядел на него снизу, и всё его участие на этом этапе подъема сводилось к выкрикам:

— Закрепляйся, Дятел! Закрепляйся, не ленись!

Но касог всё равно пренебрегал страховочными мероприятиями. Закреплялся только тогда, когда сбрасывал вниз свободную веревку и поднимал очередную порцию «костылей».

Так продолжалось, пока Дятел не добрался до «лба». Тут дело у него застопорилось. Пришло время подключиться Духареву.

Сергей без проблем преодолел пройденный касогом участок. Дальше они поднимались вдвоем, Духарев поддерживал и страховал касога. Наоборот не получилось бы. Худой мелкий горец весил почти в два раза меньше воеводы. Духарев удерживал его одной рукой. А вот Дятел шестипудового воеводу не удержал бы и двумя.

Чтобы пройти «отрицательный» участок, потребовалось намного больше времени, чем на весь остальной путь. Но — прошли без потерь. Касог пару раз срывался, но оба раза «страховка» не понадобилась. Духарев перехватывал гридня рукой.

Последний «костыль» вбивали с крайней осторожностью, поскольку до основания крепостной стены оставалось всего метров двадцать. Дальше подбираться не имело смысла. Скала здесь была сравнительно пологой — угол градусов сорок пять. Кое-где даже кустики росли. Если бы в крепости слышали...

Не слышали. Духарев как можно тщательнее замаскировал последний костыль и веревку, и они с касогом неторопливо, проверяя каждый «костыль» (а где надо — вбивая еще), спустились в ущелье.

— И чего там? — с жадным интересом спросил Йонах. Самый молодой, он был самым нетерпеливым.

— К ночи столы накроют, — усмехнулся Духарев. — Завтракать будем наверху. А сейчас собираем вещички — и ко второй крепости.

Духарев решил: брать обе разом. А то мало ли... Вдруг у ромеев какая-нибудь связь налажена: зеркалами или дымом... Подадут сигнал тревоги — и все. Врасплох уже не взять.

Со второй крепостью тоже вышло чисто. Взобрались. Вывесили «дорогу», замаскировали. На всякий случай Духарев оставил в ущелье засады: у веревочных «дорог» и у ведущих к крепостям троп. Вдруг среди аборигенов окажется ромейский шпион, проведавший о планах русов. Как выяснилось позже, у ромеев действительно имелись осведомители среди горцев. Но нацелили их на совершенно другую задачу: предупредить о подходе войска Святослава. Так что в данном случае предосторожность оказалась лишней. Предупредить ромеев о «спецоперации» никто не пытался.

С наступлением сумерек два отряда духаревских дружинников — по большой сотне каждый — собрались внизу. Дождавшись темноты, полезли наверх.

Духарев «шел» с первым отрядом, но на этот раз — не во главе, а в арьергарде, и поднялся наверх одним из последних.

Ночь была ясная, лунная, но Сергея это не смущало. Наоборот, у дозорных будет лишний повод для беспечности. И луна висела хорошо, весь «тыл» крепости в тени и ведущий к ней склон — тоже.

Духаревские бойцы поползли к крепости. Заметить их было практически невозможно. Услышать — тоже вряд ли. Опоясанный гридень в мастерстве скрадывания даст фору любому охотнику. А вот учуять... Слабенький, но вполне ощутимый ветерок дул от русов к крепости. Если у ромеев есть собаки... Духарев заранее отдал команду: раздастся лай — бегом на штурм. Стены с этой стороны не слишком высоки — метра три с половиной. Может, и удастся взять с разбега...

Собачек у ромеев не оказалось. Зато оказался часовой. Он сидел на краю стены, свесив ноги наружу, и что-то кушал. Причем с таким аппетитом, что даже снизу было слышно чавканье.

Нет, не зря в Уставе сказано, что часовому на посту не положено набивать желудок, Духарев еще раз в этом убедился. С другой стороны, парень хоть покушал перед смертью. Щелчок тетивы, удар — и подстреленный караульщик рухнул со стены... на руки подхвативших его гридней.

Смерть ромея была быстрой: стрела вошла в переносицу.

Духарев поднял руку: приготовились!

По этой команде часть гридней поздоровее присела на корточки, другие взобрались им на плечи, встали на подставленные ладони, третьи приготовили «кошки» — растопыренные железные крючья, привязанные к веревкам...

Рука воеводы упала вниз.

Несколько десятков «кошек» взлетели и упали на стену.

Присевшие гридни одновременно распрямились, вскидывая вверх своих товарищей... Пара секунд — и половина штурмового отряда оказалась на стене...

А стена была пуста. Сбитый стрелой караульщик оказался единственным. Русам открылся внутренний двор вражеской крепости, беззащитный, как брюхо спящего тюленя.

Казармы, надвратные башенки с противоположной стороны, небольшой плац, посреди которого горел костер и сидели, закутавшись в плащи, беспечные ромеи. Только один из них обернулся на шум, глянул на стену... И, естественно, ничего не увидел, потому что, вместо того чтобы сторожить как положено, любовался языками пламени. Защелкали луки — и любители погреться у костра отбыли в бессрочный отпуск. Та же участь постигла часовых в башенках. Защищенные снаружи, со стороны двора башенки были открыты.

Правда, не все обитатели крепости оказались беспечными. В небольшом загончике за казармой пробудились гуси.

Когда-то эти птички спасли Рим. Но потомкам древних римлян повезло меньше. Внять тревожному гоготу они не успели. Русы взяли их тепленькими, прямо в удобных койках. Впрочем, ромеям тоже повезло. У духаревских гридней не было привычки резать пленных.

Когда дело было закончено, Духарев выждал некоторое время, потом приказал подать сигнал.

Ответ не заставил ждать: вдали, там, где в тень горы пряталась вторая крепость,

трижды мигнул огонь. Потом — еще раз. Вторая штурмовая группа боевую задачу выполнила. Путь на Византию был открыт.

Глава четвертая

Вторжение

Фракия пылала. Войско великого князя к его союзников растеклось по провинции, не встречая сопротивления, забирая всё, что можно забрать, и уничтожая то, что забрать невозможно. Всё живое бежало перед полчищами завоевателей, но разве обремененный семьей землепашец может убежать от летучих отрядов угорской и печенежской конницы?

Тележные оси гнулись под тяжестью награбленного, вереницы рабов брели к перевалам.

Князь Святослав выполнил свое обещание. Он сам пришел на землю ромеев. Прошел беспрепятственно мимо горных цитаделей, разбил и сжег приграничные крепости. Затем не спеша (но и не медля) двинулся к столице провинции Аркадиополю.

Сначала войско продвигалось вперед с осторожностью: союзники держались вместе, небольшие отряды разведчиков обшаривали всё вокруг и регулярно доносили князю, ханам и воеводам о том, что видели. Святослав знал о том, что император Иоанн прислал во Фракию двенадцать тысяч катафрактов под командованием стратилата¹⁸ Варды Склира. Двенадцать тысяч отменных воинов, дравшихся и в Европе, и в Азии, — это серьезная сила. А ведь кроме этих двенадцати тысяч у ромейского стратега имелись еще местные войска и пять тысяч легкой конницы патрикия Иоанна Алакаса. Конечно, под знаменем Святослава собрались не меньшие силы. Восемнадцать тысяч русской тяжелой пехоты и конницы. Шесть тысяч угорских всадников Тотоша. Почти десять тысяч болгар. Три тысячи печенегов хапон хана Гюйче и четыре тысячи всадников племени воротолмат хана Кошту. И еще тысяч пять-шесть разноплеменного народа: торкя, гузы, хузары, ясы, моравы... Искатели чужого добра самого разного происхождения, наслышанные об удаче киевского князя и надеявшиеся откусить свой кусок от византийского золотого тельца.

Позже византийский историк напишет, что Святослав собрал под своим стягом... триста восемь тысяч воинов!

Стратилату Склиру, несомненно, была известна настоящая численность «гуннов и скифов». Но выйти навстречу врагу византийский стратег не рискнул. Заперся в стенах Аркадиополя, куда загодя были доставлены в избытке припасы и амуниция. Заперся и выжидал. А Фракия горела...

Седельные сумы воинов воротолмат туго набиты монетами и драгоценной утварью, добро подешевле навьючено на заводных коней и на хребты пленников.

Насытившиеся кровью, бабами и жратвой степняки возвращались в лагерь, разбитый неподалеку от стен Аркадиополя. Печенеги знали, что в городе сидит ромейский хан с немалым войском. Ну и пусть сидит. Придет время, хакан русов возьмет город, а пока для воротолмат есть добыча попроще. Усадьбы ромейских малых ханов набиты добром, рабами, женщинами. И все это можно получить без боя. Просто прийти и взять...

— Великий хан!

Большой хан Кошту отвлекся от приятных мыслей, поглядел на своего воина.

— Чего тебе?

¹⁸ Что именно означает титул «стратилат», сейчас уже не узнать. Позднее, в хрониках XI века, упоминаются стратилаты Востока и Запада, но точное значение этого термина неизвестно.

— Всадники, великий хан! Там, впереди! Кошту прищурился...

Верно, всадники. Вопрос: чьи? Блеска доспехов не видать. Значит, не ромеи и не русы. Угры? Нет, похоже, шапки у них печенежские. Значит, люди хана Гюйче. Непорядок. У Кошту с ханом Гюйче — договор. К западу от города — территория Кошту. К востоку — территория Гюйче.

Кошту нахмурился. Чужие всадники приближались. Их было немало. Никак не меньше двух тысяч, а может и больше... Точно, печенеги...

Большой хан Кошту оказался прав лишь отчасти. Патрикий Иоанн Алакас был лишь наполовину печенегом — внуком хана, чья преданность была когда-то куплена кесарем Византии. Но Алакас не считал себя варваром. Варвары — это те, кто вторгается на землю империи, а не те, кто ее защищает.

«Ты должен сделать так, чтобы они пустились в погоню, — сказал Алакасу стратилат магистр Варда Склир. — Учти, они очень хитры. Мнимое бегство — их излюбленная тактика. Поэтому твое бегство не должно быть мнимым. Не торопись. Отступай, но огрызайся. Пусть думают, что ты вот-вот примешь бой. Но когда приведешь их к нам — убегай по-настоящему. Ты понял меня, патрикий?»

Алакас понял. И намеревался в точности выполнить приказ магистра.

Найти варваров оказалось нетрудно. Довольно большой отряд печенегов, разграбивший большое поместье, обремененный награбленным и пленниками, возвращался в свой стан. Видимо, печенеги приняли воинов Алакаса за своих, потому что не напали сразу, а выслали вперед небольшой отряд.

— Что вы тут делаете, хапон? — еще не доехав до византийцев, закричал один из посланцев. — Убирайтесь! Это наша земля!

Алакас неплохо знал печенежский. Он удивился и рассердился, услышав, что какой-то варвар называет землю старинной римской провинции своей.

— Убейте их, — по-гречески крикнул патрикий. Взлетели стрелы — и на свете стало на семь печенегов-воротолмат меньше.

Они их убили! Кошту не верил своим глазам. Просто так, без разговоров, взяли и утыкали стрелами. На виду у него, большого хана! На виду у тысяч храбрых воинов воротолмат!

Мозг большого хана, наполненный множеством разных мыслей, внезапно опустел. В нем осталось одно-единственное слово: месть!

Когда варвары, забыв о награбленном, разъяренной стаей устремились на воинов Алакаса, патрикий снова скомандовал: «Бей!» — и дождь из тысяч стрел накрыл скачущих печенегов.

Те не остались в долгу.

Византийцы бросились бежать. Варвары — за ними.

Алакас заранее изучил маршрут отступления и определил места, где следовало останавливаться и огрызаться. Всё получалось, как задумано. Даже лучше, потому что кони византийцев были свежими и более проворными. Всадники Алакаса останавливались, делали вид, что намерены принять бой, осыпали врага стрелами и снова пускались наутек. Сам патрикий скакал впереди отряда. Не потому, что боялся, а чтобы ею воины не убегали чересчур резво. Печенеги должны всё время висеть на хвостах ромейских лошадей.

И только когда впереди показалось заветное место, патрикий гикнул и дал коню полную свободу.

Хан Кошту совершенно точно угадал момент, когда отступление врагов превратилось в беспорядочное бегство. Враги испугались. Значит — догнать и резать!

Кошту испустил пронзительный вопль и ударил коня пятками в бока.

Печенеги завизжали и полетели вперед, не жалея лошадей. Еще чуть-чуть...

Взметая облака пыли, оба отряда промчались мимо рощи, за которой дорога изогнулась, огибая овраг... И Кошту резко осадил коня. На расстоянии примерно трехсот шагов, сверкая металлом доспехов, стояла ромейская латная конница. Ряды ее разомкнулись, пропуская всадников Алакаса, и сомкнулись снова.

И тут Кошту допустил промах. Он промедлил. Потерял те несколько минут, когда мог спасти хоть часть своих воинов.

И не остановил своих людей, когда те стали закидывать стрелами тяжелую кавалерию. А ведь их колчаны и так были изрядно опустошены во время неудачной погони. Кошту, как и любой степняк, знал, что катафрактам никогда не догнать легкую конницу. И его всадники действовали так, как они действовали всегда. Метали стрелы в приближающегося врага, пока колчаны не опустели, потом развернулись и пустились наутек.

Ромейская пехота возникла будто из-под земли. На скакавших впереди обрушился рой пращных ядер. Потом пращники нырнули внутрь шеренги, просочились, как вода между каменных плит, щетина копий опустилась навстречу печенегам, и пехота мерной поступью двинулась вперед. Легкой коннице не пробить строй тяжелой пехоты. Ни пиками, ни саблями не достать. Только стрелами. Но стрелы кончились. Степняки сунулись к роще, но там тоже был враг. И тут в тыл печенегам ударили катафракты.

Удар был стремителен и страшен. У печенегов было не больше шансов выжить, чем у лисы, которую с разбегу поддел клыками вепрь. Накат тяжелой конницы бросил степняков на копья пехоты. Шеренга остановилась. Перед копейщиками мгновенно образовался барьер из раненых и мертвых людей и лошадей. А катафракты продолжали давить, перемалывая сбившуюся в кучу массу печенегов, сабли и пики которых скользили по латам ромеев и их коней. Зато мечи и копья катафрактов с легкостью пронзали и рассекали кожаные панцири, пропитанные солью бурки и обшитые железными полосками шапки печенегов.

У большого хана Кошту доспехи были получше. Но никакие доспехи не могут выдержать удар стального наконечника в локоть длиной, которое держит умелый всадник на скачущем галопом коне. Кошту погиб одним из первых и не видел, как лучшие воины народа воротолмат превращаются в визжащее, окровавленное, умирающее мясо.

Лишь несколькими десяткам удалось вырваться из «мешка». За ними тут же устремились конники Алакаса...

Через час всё было закончено. Девятая часть союзного войска перестала существовать. Потери византийцев составили двадцать пять человек. Еще один этап военной кампании магистра Барды Склира прошел успешно.

Магистр Варда Склир был одним из лучших полководцев своего времени и в совершенстве владел военной тактикой и стратегией. И в то же время он был далек от того, чтобы недооценивать варваров. Как и большинство византийских полководцев, он не раз командовал наемниками из северных стран. И его кажущееся бездействие перед лицом вторгшихся в провинцию варваров было именно кажущимся.

Магистр Варда провел в провинции зиму. Он укрепил пограничье и занял ключевые крепости. Но не будучи уверенным, что варваров удастся остановить на границе, магистр досконально изучил территорию провинции, заранее планируя ход будущей кампании. Кроме того, он разослал во все области провинции доверенных людей, владеющих скифскими наречиями. Эти люди в случае вторжения варваров должны были рядиться в варварские одежды, беспрепятственно проникать в места расположения врагов и доносить магистру обо всех перемещениях скифов, их намерениях, об их силе и слабости.

Допуская, что силы варваров будут намного превосходить его собственные, Варда Склир укрепил и подготовил к осаде Аркадиополь. Магистр знал: василевс ждет от него победы. Если ценой победы станет разграбленная провинция, Склиру это не поставят в вину.

Варвары хлынули на землю империи внезапно. Они легко прошли сквозь горные заставы и приграничные укрепления и обрушились на Фракию. Но для Варды Склира их появление не было ни внезапным, ни неожиданным. Магистр был готов к такому обороту

событий. Пока враг, уверенный в собственной безнаказанности, грабил провинцию, Варда Склир изучал врага. И заодно приучал варваров к беспечности. Того, что войско скифов двинется дальше, в глубь империи, он не опасался. Оставить в тылу укрепленный Акрадиополь и сильную армию не рискнет даже безумец.

Катархонт Сфедослав безумцем не был. Варда Склир тщательно изучил его военную биографию и пришел к выводу, что катархонт россов никогда не бросается в огонь, очертя голову. Он стремителен, но не бьет наобум. Словом, у Варды Склира оказался достойный противник. Но он — всего лишь военный вождь варваров, катархонт. Первый среди равных. И вожди племен и народов, объединившихся под эгидой архонта россов, — не армия, спаянная железной имперской дисциплиной, а компания из нескольких разбойничьих шаек, подчинившихся более сильному вожаку. Это свора, которая в первую очередь думает не о победе, а о наживе. Они знают, что по отдельности будут уничтожены римлянами. Но когда страх перед угрозой уничтожения слабеет, слабеет и дисциплина. И вместо численно превосходящего войска армии Варды Склира будет противостоять несколько разрозненных и не готовых к бою отрядов.

Единственное, что может сделать Святослав, чтобы избежать такой ситуации, — осадить Аркадиополь. Осадить, но не взять. Тут двойного перевеса в численности окажется недостаточно. Это понятно каждому стратегу. И всё же Варда Склир надеялся, что Святослав рискнет. И воины магистра будут перемалывать варварское войско под стенами Аркадиополя до тех пор, пока численность и боевой дух скифов не упадут настолько, что превосходство византийцев станет очевидно, и тогда магистр выйдет из города и уничтожит Сфендослава. Когда стало ясно, что катархонт россов не станет штурмовать Аркадиополь, магистр приступил к реализации второго плана.

Начало было успешным. А допрос взятых в плен показал, что обстановка для продолжения наступления — самая благоприятная. Войска союзников увлечены грабежом. Никакой дисциплины: каждый думает только о том, чтобы набить сумы. Россы, основная сила Сфендослава, беспечны, поскольку уверены в своем превосходстве. Стан почти не укреплен.

Варда Склир встал перед дилеммой: продолжать уничтожать отдельные отряды варваров или атаковать ядро армии скифов, разом покончив с угрозой. Варда Склир, как и подобало решительному и отважному полководцу, выбрал второе.

Но отвага и опрометчивость — разные вещи. Поэтому магистр не бросился, очертя голову, развивать первый успех, а разработал план будущего сражения, который неминуемо должен был привести его к победе.

— Стемид! Позови воеводу! Кто-то скачет! — закричал дозорный.

— Скачет и скачет, — флегматично отозвался Стемид Барсук, синеусый варяг-тысячник. — Чего орешь?

— Дак торопятся! — оправдываясь, ответил дозорный.

— Ну-ка... — Стемид взобрался на коня, встал на седло, глянул, прикрывая глаза от солнца.

Конь попятился было, но Стемид рыкнул: «Стоять!» — и конь послушно замер.

— Ага... — пробормотал тысячник, изучая тучу пыли над фигурками всадников. — Копченые бегут... Точно ты сказал, парень, торопятся... Та-ак... Ясно! — Барсук ловко спрыгнул на землю: — Эй, гридь! Найди сотника Звана, пусть поднимает сотню. Скажи, Стемид велел.

Гридень сорвался с места и побежал через сонный лагерь в шатру Звана.

— Вот, батька, послушай, что они толкуют! — Барсук пихнул к Духареву двух порядком ободранных печенегов.

— Били нас! Сильно били! Много, много ромей! — на языке русов зачастил печенег.

— По-своему говори, — по-печенежски оборвал его Духарев. Степняк с облегчением перешел на родной язык и сравнительно внятно изложил историю гибели печенегов

воротолмат и их большого хана.

— Я так думаю, батька: это хорошо, что ромеи из крепости вылезли! — без спросу влез оказавшийся рядом (как же без него!) Йонах. — Сейчас поднимай всех! Побьем их, пока они обратно за стены не удрали!

— Цыть, волчонок! — прикрикнул на него Стемид. — Тебя не спрашивали! Счас ка-ак...

Йонах мгновенно укрылся за широкой спиной Звана. Кулачище у Барсука был немногим меньше, чем у самого воеводы.

— Что делать будем, батька? — спросил Барсук. — Может, уйдем?

— Может и уйдем, — задумчиво произнес Духарев.

Окружавшие его гридни недовольно заворчали. Те, что помоложе. Те, что постарше, — помалкивали. В лагере сейчас воев немного. Кроме дружинников Духарева, полторы тысячи гридней Мстиши Свенельдича, вернувшаяся вчера дружина Икмора и пять тысяч болгарской пехоты, подначальной Духареву. В общей сложности — меньше десяти тысяч копий.

Против катафрактов магистра Барды Склира маловато получается. Как говорится: пришла беда — отворяй ворота. А в данном случае отворять было нечего. Нет в их лагере ни ворот, ни даже самой чахленькой ограды. И строить уже некогда. Сидели беззаботно, как у себя дома. А ведь могли солидный частокол соорудить. Материала хватило бы. Духарев покосился направо, на опушку леса. Может, под деревья отойти? Там катафрактам не разогнаться. Но ведь и своим места для маневра нет...

Уходить совсем не хотелось. Здесь в лагере целая прорва добычи, огромный загон с пленной челядью... Всё это бросить... Нет, его просто не поймут. Да и самому жалко.

— Пока уходить не будем, — решил Духарев. — Стемид! Готовь гонцов, пусть скачут за ккязем (Святослав отбыл штурмовать какой-то городок ниже по реке), дозоры разослать, как положено, караульщиких расставить, в общем, сам знаешь. Еще — посылов к Икмору, Мстише и болгарам. Скажи: воевода Серегей на совет зовет. Ромеи идут!

— Уходить надо, воеводы! — заявил болгарский воевода с забавным на русский слух именем Пипка. — Побьют нас!

— Струсил, болгарин? — недобро усмехнулся Мстиша. — Как добычу делить, так поровну, а как драться, так хвост поджал?

— Ты, я гляжу, хвост выше всех задрал! — огрызнулся Пипка. — Уже готов малым числом на катафрактов набежать!

— Я-то готов! — запальчиво выкрикнул Свенельдич. — Я труса не праздную!

— Давай, давай! — с ухмылкой подначил его Пипка. — Уж Варда Склир как рад будет! Одного такого он уже распластал! Из четырех тысяч дюжины три прискакало!

Духарев вопросительно посмотрел на Икмора. Решать, что делать, не Мстише и не Пипке. Решать Духареву с Икмором.

— Ты гонцов к князю когда послал? — спросил Икмор Сергея.

— Как узнал — сразу. Но в любом случае Святослав не поспеет раньше завтрашнего полудня. Пока гонцы доскачут...

— ... Если доскачут! — перебил Пипка.

— Доскачут! — отрезал Духарев. — Я шестерых послал. Хотя бы один пробьется. Еще к Тотошу послал гонцов и к Гюйче. Но этих еще найти надо.

— А может, дожждаться, пока ромеи из Аркадиополя выйдут, а самим тихонько подобраться и на город напасть? — предложил Мстиша.

— А они потом тебе в спину ударят! — предположил болгарский воевода.

— А ты уверен, Серегей, что ромеи на нас нападут? — спросил Икмор.

— Я бы непременно напал! — воскликнул Мстиша.

Духареву старший Свенельдич напоминал Йонаха.

— Свенельдич, помолчи! Дай слово сказать! — осек его Икмор. — Так что, Серегей?

— Думаю, нападет, — сказал Духарев. — Военачальник он опытный. Полагаю: он

давно выбирал подходящий момент. Уверен: Варда прекрасно знает, сколько нас здесь. Если ему удастся нас разбить, то он сразу станет сильнее Святослава.

— Это еще не известно! — запротестовал Мстиша. — Святослава доселе еще никто не побеждал!

— Помолчи, тебе сказано! — сердито бросил Икмор. — Или молчи, или убирайся!

Мстиша надулся, но огрызаться не рискнул.

— Ты предлагаешь отойти, Серегей? — спросил Икмор.

— А ты? — задал встречный вопрос Духарев.

— Ты — старший над лагерем, — уклонился от ответа Икмор. — Решать — тебе.

— То есть ты готов поддержать любое мое решение?

— Да, — кивнул Икмор. — Ты ведь не только великого князя бою когда-то учил, но и меня тоже. Говори, воевода. Как скажешь, так и будет.

— Тогда мы остаемся, — решил Духарев. — Всем — готовность к бою. Мстиша, пусть твои гридни ходят дозорами вместе с моими. Пипка! Твои пусть рубят «ежи» и колья. Главная сила ромеев — катафракты. Надо подготовить им сюрпризы.

— Мы не успеем, — возразил болгарин.

— Сделайте, что успеете. Икмор, перенесите ваши шатры поближе к моим. Так будет надежней. Если ромеи нападут ночью...

Ромеи не напали ни в этот день, ни ночью. Зато вечером в лагерь вернулся Тотош со своими уграми. Шансы союзников на успех немного подросли.

Ромеи появились утром.

Глава пятая

Магистр Варда Склир, византийский стратиг

— Их не более девяти тысяч, — докладывал Варде Склиру старший над лазутчиками. — Причем половина — скверно обученные болгарские пехотинцы. Остальные — русские всадники из дружин разных вождей. Легкой конницы нет совсем. Зато там — вся взятая руссами добыча.

— А катархонт Сфендослав?

— Он занят осадой Никополя. С ним — лучшие из россов. Ударь, мой господин, и ты разом и сокрушишь врагов, и вернешь все утраченное нами.

— Что же, сожженные поместья восстанут из пепла, а убитые поднимутся из могил? Ладно, ладно, шучу! — Магистр издал сухой смешок. — Я доволен тобой. Ты проделал хорошую работу.

— Ты победишь!

— Не сомневаюсь.

Магистр кликнул начальника стражи и велел незамедлительно собрать всех командиров.

— Петр! — обратился Склир к стратопедарху. — Возьмешь пять тысяч лучших всадников, затемно обойдешь стан россов и затаишься в лесу. Как только я подам знак, поразишь их в спину.

— А не лучше ли ударить всем сразу? — предложил младший брат Варды, патрикий Константин, юноша с едва пробивающимися усиками, но при этом ростом на голову выше брата и много шире в плечах. Константин Склир уже успел прославиться замечательной силой и храбростью, но умом, увы, пока не блистал. — Мы же намного сильнее. Прихлопнем их разом!

— ... поразишь их в спину по моему знаку, — проигнорировав реплику юнца,

продолжал Варда Склир. — А знаком моим будет сигнал труб «военный сбор» и частая дробь тимпанов. Я хочу уничтожить их всех, до последнего человека, ибо эти люди оскорбили нашего василевса и должны умереть.

Варда Склир знал, что главного «оскорбителя» в лагере нет. Но это не имело значения. Все должны знать, что речь идет о чести василевса. Значит, никто не посмеет проявить малодушие. Магистр не опасался, что его вдвое превосходящая армия не справится с защитниками лагеря... Но Варда Склир был настоящим стратегом и не упускал ничего необходимого для победы. Правда, он не знал, что за ночь численность противника увеличилась.

Когда войско ромеев показалось вдали, в лагере русов уже заканчивали приготовления к битве. Заняла позиции конница, вышла на боевые рубежи болгарская пехота.

Первыми в бой вступили угры. Нахлестывая лошадей, они лавой понеслись на подступающих ромеев. Однако шагов за триста от линии катафрактов угры рассыпались по полю. Часть принялась осыпать врагов стрелами, остальные попытались зайти с флангов и были встречены конниками Алакиса. Так что, не причинив ромеям сколько-нибудь значительного урона, угры отошли. Два войска сблизилось и остановилось.

— Их примерно столько же, сколько нас, — сообщил Тотош. — Шесть-семь тысяч катафрактов, тысячи три конницы и несколько тысяч пехоты. Мы побьем их!

— Надеюсь. — Рост позволял Духареву глядеть через головы ближних гридней. Тем более что сегодня под ним был не Калиф, а другой конь, пусть не столь благородных кровей, зато более крупный и рослый. — Почему они не атакуют?

— Потешиться хотят, — сказал Стемид. — Сейчас охотника выпустят.

И оказался прав. Из рядов конницы выехал всадник огромного роста на таком же здоровенном коне. Оба — и конь, и всадник, были сплошь в сверкающем железе.

Всадник поднял копьё и заорал что-то оскорбительное. Духареву вспомнился тот, давний уже, поединок с печенежским богатырем. Тряхнуть, что ли, стариной?

— Что он кричит? — спросил Сергей.

— Да глупости всякие, — неохотно ответил Зван, лучше Духарева владевший языком ромеев. — Константин его зовут. Что сегодня он убьет пятьдесят россов, а с остальными расправится его брат Варда Склир.

— Значит он — брат Склира... — произнес Духарев. — А не огорчить ли мне нашего главного врага! Ну-ка! Дорогу! — Духарев подал коня вперед, раздвигая гридней.

— Батька, погоди! — попытался удержать его Стемид. — Нешто нет у нас богатырей, кроме тебя?

Но Духарев, не ответив, выехал из рядов. Ромей тут же, изготовив копьё, понесся на Сергея.

Духарев, держа в правой руке сулицу, поскакал навстречу.

Обе армии затаили дыхание. С одной стороны — всадник и конь, полностью укрытые латами, длинное копьё, крепкий щит, с другой — конь, прикрытый кожаным вальтрапом, всадник в круглом шлеме со стрелкой, в выдавшем виды панцире поверх кольчуги, с коротким полутораметровым копьём-сулицей...

Константин приник к конской шее, собрался в ожидании удара, ловя противника острием копьё, которым мог на скаку подхватить брошенный в траву платок или поймать подвешенное на перекладине бычье кольцо.

Константин увидел, что варвар придерживает коня. Сообразил, значит, что его жалкий дротик ничего не стоит против копьё катафракта. Сейчас повернется и нобежит. Тем хуже для него. Получит железо не в грудь, а между лопаток.

Но тут скиф, видно и сам сообразил, что удрать не получится, закричал страшным голосом и погнал коня навстречу Константину. Патрикий тоже закричал. Последние мгновения перед ударом! Сейчас его копьё со страшной силой поразит варвара в грудь...

Варвар уронил поводья, перебросил копьё из правой руки в левую, приподнялся на стременах и метнул его в Константина. Константин принял его на щит, который на долю мгновения закрыл от него врага, — и тот не упустил своего шанса, увернулся-таки от тяжелого копья. Всадники пронеслись мимо на расстоянии каких-нибудь двух-трех локтей. Константин сдержал коня, разворачивая его...

И тут что-то со страшной силой рвануло его щит, едва не вывернув из сустава руку и не выдернув Константина из седла. Он удержался лишь потому, что, выпустив копьё, из всех сил вцепился в луку седла.

В следующий момент щит соскользнул с руки патрикия, и тот понял, что хитрый варвар, оказывается, поймал его арканом.

— Ах ты собачий сын! — закричал Константин, выхватывая меч. — Сейчас я тебя достану!

... Не получилось. Ромей бросил пику и щит, но все-таки ухитрился удержаться в седле.

«Ладно, поглядим, каков он в рубке», — решил Духарев, разворачивая коня навстречу врагу и попутно отмечая, что конь слушается туговато. Может, стоило все-таки взять Калифа?

Ромей, раскручивая меч, уже летел навстречу. Здоровый, черт. И умелый. Вертит большим мечом легко, как стрекоза — крылышком.

Сергей, намеревавшийся взять в левую руку саблю, переменял решение и подхватил щит.

Ромей, конечно, ударил первым. Знатно ударил. Как нурман — секирой. Край щита снес напрочь. И пролетел мимо. Атаковать его сзади Духарев не успел: конь повиновался с опозданием.

Ромей наскочил снова. Заорал и опять рубанул по щиту. На этот раз Сергей был готов: проскочить не дал, встретил грудь в грудь. И достал-таки. Несильно: так, плечо оцарапал. Но первую кровь взял. Разъехались. Сошлись снова. Ромей снова заорал и рубанул что есть мочи. Но не по щиту, а по лошадиной шее.

Удар был подлый, но Духарев успел его увидеть. Будь под ним не этот тяжеловес, а Калиф, — увел бы коня в сторону. Но сейчас — не успел. Ромей ударил с такой силой, что не только разрубил конскую шею, но и поверг коня наземь. Духарев рухнул вместе с ним. Меч он выронил. Щит — тоже. Правая нога его оказалась под тушей агонизирующего коня. Но сознания Сергей не потерял. Уперся свободной ногой, перевернулся на спину... И увидел занесенный над собой меч. Ромей решил, что нынче — самое время приколоть беспомощного противника. Хекнув, ромей двумя руками вогнал меч... в землю. Сергей успел изогнуться и уйти от удара. Однако ногу освободить не смог. Вытянуть саблю — тоже. Зато сумел достать упрятанный в рукаве кистенек и шарахнуть ромея по лодыжке. Удар получился — так себе: лёжа — не замахнуться. Но ромей вскрикнул и отскочил.

Впрочем, он сразу сообразил, что Сергей по-прежнему почти беспомощен, оскалился и снова занес меч над головой.

Духарев рванулся с силой, умноженной отчаянием. Ногу пронзило жуткой болью... Но Сергей освободился. А ромей во второй раз промахнулся. Сергей вскочил... И упал снова. Нога не держала. «Вот и всё, — подумал он, глядя снизу на замахающегося ромея. — Прости, Господи, и прими...»... И тут увидел, как ромей бросает меч в ножны, бежит к коню, запрыгивает в седло, бьет его шпорами.

Чуть позже Сергей понял, что остался жив не из-за великодушия противника. Византийский богатырь дал деру, когда увидел, что от войска русов к поединщикам во весь опор несутся два всадника и уже поднимают луки...

Шеренга катафрактов тоже стронулась, но русы оказались проворнее. Русы (то были Зван и Уж), свесившись с седел, подхватили с земли своего воеводу и, держа его на весу между конями, понеслись к своим. Вслед им полетели стрелы, сорвались с флангов и помчались за ними легкие конники, но сразу вернулись, опасаясь угодить под накат катафрактов. Так что гридни благополучно донесли воеводу до своих.

— Посадите меня на коня! — потребовал Духарев.

Сам — не мог. Нога болела жутко. Не дай Бог — перелом. Надо же так неудачно! Но придется терпеть.

Набрав сокрушительный разбег, с грохотом катилась железная волна катафрактов. Земля гудела и дрожала...

Протяжно заревели рога русов.

Вскинулись луки. Гудящая туча ушла навстречу коннице и, встретив ее в двухстах шагах от русского войска, вынесла из седел с полсотни всадников. Волну не остановила.

Снова загудели рога.

Качнулась ровная шеренга гридней... И побежала. Разворачивая коней, русы отступали, уходили в стороны, открывая конному удару оцетинившуюся пиками линию болгарской пехоты.

Железный вал пронесся между отступающими русами (остановить его уже было невозможно) — и напоролся на ловушку: спрятанные в траве короткие заостренные колышки. С отчаянным ржанием падали кони, с грохотом ударялись оземь всадники... Но волна и сейчас не остановилась. Даже не ослабела. Первая линия пехоты исчезла, как не было. Вторая продержалась не больше минуты. Третья удержалась на флангах, но порвалась посередине. В прорыв хлынул железный поток — и наткнулся на четвертую линию — красные щиты спешившихся гридней Икмора.

Тем временем на потерявших разбег катафрактов с флангов насели конные дружины Мстиши и Духарева. Гридней Сергея в бой повел Стемид. Сам Духарев держался отдельно, под прикрытием малой дружины. Боец из него был сейчас никакой. Нога распухла так, что сапог пришлось разрезать. Лекарь наскоро обработал ногу, наложил лубок... Теперь Сергей мог держаться в седле более-менее уверенно. И то ладно.

Битва продолжалась без явного преимущества какой-либо из сторон. Пойманные в «мешок» катафракты перестроились, поднатужились и принялись перемалывать упершуюся пехоту и насевшую с флангов конницу. Русы, уступая катафрактам в качестве, когда речь шла о рукопашной, пытались взять числом. Но их в свою очередь теребила легкая конница, а с фланга давила ромейская пехота.

Словом, силы были примерно равны, и ни одна сторона не могла взять верх. Солнце ползло к зениту. Оно играло на стороне катафрактов. Мм, воевавшим на раскаленных равнинах Азии, зной македонского летнего полдня казался чуть ли не прохладой.

Внезапно забили барабаны ромеев, загрохотала медь, заревели трубы — и из леса неторопливо и грозно выехали всадники. Катафракты.

Дружина Сергея сражалась на правом фланге, а ромейская конница выступила слева, но Духарев лично в битве не участвовал, потому увидел их одним из первых. И сразу понял, что магистр Варда Склир переиграл русов. Сейчас катафракты ударят в спину дружинникам Мстиши, сомнут их, погонят на собственную пехоту, ряды русов и болгар смешаются...

И всё. Конец. Но у Духарева есть шанс спасти хотя бы собственную дружину. Пока ромеи будут громить левый фланг и центр, Сергей успеет отвести своих. Легкая конница ромеев — не помеха. Не остановят.

Отойти или драться?

Духарев колебался недолго.

Посланный Сергеем гонец пробился к Стемиду с приказом — выводить из боя всех, кого удастся. Собрать хотя бы тысячу, обойти место битвы и, в свою очередь, ударить во фланг катафрактам. Толку от этого будет — чуть. Но хоть что-то. Выиграть время, дать возможность Икмору перестроить своих.

Тем временем на левом фланге тоже увидели ромеев.

Мстиша попытался развернуть своих, двинуть навстречу... Пустая затея. Измотанные боем гридни Свенельдича противостоять свежим силам ромеев были не способны. Катафракты опрокинули их и погнали на собственную пехоту. Сам Мстиша погиб одним из первых. Убил его лично патрикий Петр, скопец, возглавлявший атаку засадных тысяч.

Разрубил молодецким ударом от плеча до пояса.

Войско союзников дрогнуло. Дружина Духарева не успела провести обходной маневр. Путь гридням перекрыла собственная пехота. Ядро союзников, русы и болгары, теснимые с трех сторон, отступали к своему лагерю, в котором уже бесчинствовала легкая конница патрикия Алакаса. Духарев увидел, как отходят угры. Тотош уводил своих, понимая, что разгром неизбежен.

— За мной, дружина, за мной! — надсаживая горло закричал Духарев, разворачивая коня. — Отходим! За мной!

Пользуясь тем, что на правом фланге сохранился хоть какой-то порядок, Духарев решил попробовать увести уцелевших. Сейчас главное — прочь от лагеря. Отдать его ромеям — пусть грабят. Главное — сохранить воинов.

То ли Инвар понял его замысел, то ли — под давлением катафрактов, но войско русов подалось вправо и, перестраиваясь на ходу, начало отступление. Ромеи наседали, но куда менее энергично, чем раньше.

Несмотря на все усилия магистра Склира и его лохаргов, большая часть ромейского войска устремилась к лагерю россов. Грабить. В общем, у Духарева и Ингмара был серьезный шанс уйти, сохранив свои дружины...

Но внезапно всё переменилось.

... Магистр Склир уже готов был отказаться от преследования отступающих русов, когда расклад сил на поле битвы радикально изменился. На горизонте появилось новое войско. И поскольку все силы ромеев в данный момент были уже задействованы, главнокомандующему Варде Склиру оказалось совсем не трудно догадаться, чье это войско.

Как уже не единожды сказано выше, магистр Склир был отменным стратегом. Поэтому сразу сообразил, что будет дальше. Загудели трубы: общевойсковой сбор.

Через несколько минут наиболее дисциплинированная часть ромейских воинов собралась вокруг своего командующего. Это были те, кому было суждено спасти. Предоставив собственной участи тех, кто не мог передвигаться или слишком увлекся грабежом, Варда Склир покинул поле боя и скорым маршем двинулся к Аркадиополю.

Он проиграл бой, не приобрел добычи, но не проиграл военную кампанию, сохранив значительную часть войска.

Русы тоже понесли серьезные потери. Не менее серьезные, чем ромеи. Но сил у них оставалось достаточно, чтобы продолжать грабить ромейские земли.

Ни стратилат Склир, ни великий князь Святослав еще не знали, что исход военной кампании этого лета будет решен не здесь, на землях Фракии и Македонии, а в далекой Кесарии, где дука¹⁹ Варда Фока, племянник убитого Цимисхием Никифора Фоки, поднял мятеж, сбросил черную обувь, надел красную и объявил себя императором ромеев.

Иоанн Цимисхий в ответ обвинил в предательстве отца и брата Варды Фоки: куропалата Льва и его сына Никифора²⁰ и приказал их ослепить. Но Варда Фоку это не остановило.

«Не Цимисхию, а мне принадлежит верховная власть! — объявил он. — Я могу гордиться тем, что дед мой был кесарем, а дядя — императором. А узурпатор Иоанн не побоялся всевидящего ока правосудия и заколол своего кесаря, как жертву, на разостланной среди пола постели, а отца моего и любимого брата подверг страшным мукам и по какому-то

¹⁹ Дука — должность, существовавшая в начале только как воинская. Но с конца X и особенно в XI веке дука (подобно domestiку схол) стал получать, помимо командования фемными войсками, гражданскую власть над фемой или рядом фем, где происходила война.

²⁰ Автор приносит извинения читателю за обилие одинаковых имен, но ничего с этим поделать не может. Имена подлинны.

неясному и недоказанному обвинению лишил их сладчайшего света. Справедливость побуждает меня отомстить за все это: я всемерно воздам ему за кровь близких, за то, что он замыслил погубить славный, доблестный род».

Это заявление не было голословной похвалой. Мятежник действительно собрал немалое войско, так что угроза была очень серьезной.

Цимисхию потребовались все свои силы, чтобы подавить мятеж. И возглавить эти силы должен был стратилат Склир. Поэтому в Аркадиоюль пришел приказ, вызывающий стратилата Склира в Константинополь, а к Святославу прибыли послы императора Иоанна с многочисленными дарами и четким указанием василевса: заключить мир с катархонтом россов.

Война закончилась — начался торг.

Его результата Духарев дожидаться не стал. Как только поджила нога, собрал своих дружинников, прихватил положенную ему часть добычи и отбыл в Булгарию.

Глава шестая

«Я отомщу...»

Сергей с трудом удерживался от того, чтоб не дать шенкеля Калифу, поднимая его в галоп.

Но следовало сохранять достоинство.

Воевода армии победителей не должен вести себя, как влюбленный мальчишка.

Тем более на глазах собственных воинов.

Поэтому так же неторопливо ложилась под копыта уже хорошо знакомая дорога. Текли мимо такие же знакомые сады и виноградники. А за спиной — привычная «музыка» рысящих конных сотен: дробь копыт, фыркание коней, голоса воинов, погромохивание железа...

Смерды, трудившиеся на земле, при виде войска прекращали работу, но не бросались прочь, а снимали соломенные капелюхи и кланялись в пояс.

Они воспринимали русов как хозяев, а не как врагов, и Духарев тоже не чувствовал себя на этой земле захватчиком. Это был Межич. Земля его Людомилы. Значит, и его тоже.

Развилка. Одна дорога вела влево, к усадьбе. Вторая — вправо, к замку. Его недостроенные стены уже можно было видеть.

Духарев свернул направо. Калиф, чувствуя желание хозяина, прибавил.

Стены из светлого камня выросли уже почти на три человеческих роста. Снизу они казались выше, чем на самом деле. Дорога спиралью поднималась по холму между массивных темных каменных глыб — к будущим воротам.

Еще издали Духарева насторожило отсутствие каменщиков. Но в замке не было не только каменщиков — вообще никого, если не считать мальчишки-козопаса.

— Где все? — спросил Духарев, когда перепуганного мальчишку поставили перед ним.

— Нету, — пробормотал козопас.

— У вас что, праздник какой-нибудь?

— Не-а.

— Тогда почему здесь никого нет?

— Дык нету никого, — парнишка жутко трусил, и Духареву стало понятно, что толку от него не добьешься.

— Едем в усадьбу, — сказал он Велиму, и войско двинулось дальше.

Ворота усадьбы были распахнуты, но никто не вышел навстречу русам. Наверное, Людомила уехала присмотреть за своими смердами, подумал Сергей.

Он сделал знак гридням: остановиться. А сам с несколькими ближниками въехал во двор...

И сразу почувствовал беду, когда увидел, что на месте дверей дома черный провал.

И во дворе царило запустение.

— Эй, есть тут кто? — гаркнул воевода.

Из дверей конюшни, прихрамывая, вышел мужик.

Морда знакомая. Кажется, Людомилин младший конюх. Только раньше он не хромал.

— Где все? — сурово произнес Духарев. — Что у вас тут случилось? Где госпожа?

— Госпожа? — тупо повторил конюх. — А-а-а, госпожа... Пойдем, великий господин, я покажу.

И похромал за дом.

Духарев поехал за ним. С каждым мгновением его беспокойство усиливалось.

За домом обнаружился лужок, заросший высокой, по брюхо коню, травой.

— Куда ты меня привел? — сердито произнес Духарев. — Я сказал: проводи меня к твоей госпоже!

— Так я и привел, — растерянно проговорил конюх.

— И где же она?

— Вот! — Конюх раздвинул сочные травяные стебли, и Духарев увидел...

Людомила сидела у окна и вышивала детский чепчик. До родов — еще полгода, но Людомиле было очень приятно думать о будущем сыне. Она почему-то была уверена, что будет сын. И что он будет похож на своего отца: вырастет он таким же большим, светловолосым и светлоглазым, как Серегей... но чепчик, который она сшила по мерке, взятой у кормилицы, был совсем маленький. Людомила прижала к щеке крохотный шелковый чепчик и улыбнулась. Кто бы мог поверить, что Людомила Межицкая будет так счастлива от того, что ждет ребенка от мужчины, с которым не венчана, который женат на другой и неизвестно когда вернется. Но он вернется, непременно вернется к ней. Людомила чувствовала это сердцем. Женщины всегда чувствуют...

Во дворе кто-то громко закричал. Так громко, что Людомила поморщилась. Блаженно-сладкое чувство в груди растаяло.

А на подворье продолжали шуметь. Потом раздался натужный скрип. Это закрывали ворота. Смазывать петли ворот запретил Пчёлко, потому что помнил, как бесшумно открыли их позапрошлым летом богумилы. Что ворота днем — на запоре, по нынешним временам — обычное дело. Разбойников в стране развелось, как червей в опаре.

Так что даже за усадебным частоколом нельзя было чувствовать себя в полной безопасности. Пчёлко торопил каменщиков, которые восстанавливали межицкий замок, но рабочих рук не хватало, и было ясно, что раньше следующей весны замок не восстановят. Это значит, что ребенок Серегея родится здесь, в усадьбе. Иу ничего, не страшно. Разбойников Людомила не боялась. В деревне каждый второй мужчина — арендатор и бывший воин, а для охраны усадьбы и поместья Пчёлко сформировал настоящее маленькое войско. Двадцать шесть бойцов под командой киевского гридня Дужки.

В дверь горницы постучали. Вошел Дужка. Бывший гридень Серегея внешне немного напоминал своего воеводу — светловолосый, с тяжелой квадратной челюстью, почти такой же высокий и широкоплечий. Только на двадцать лет моложе.

— Что случилось? — спросила Людомила, откладывая шитье.

— Большой отряд конных идет к нам, — сообщил Дужка.

Выражение озабоченности не шло его курносому веснушчатому, совсем юному лицу. Но внешность в данном случае не соответствовала сути. Дужка был опоясанным гриднем. Этим всё сказано.

— Отряд конных? — Людомила встрепелась: вдруг это Сережа?

Но Дужка тут же развеял ее надежду.

— Это враги, госпожа. Малец прискакал с Живкина хутора. Батька его послал сказать:

с ними «праведный» из еретиков. Аззанаил.

— А он ничего не напутал? — усомнилась Людомила. — Еретики — на конях?

— Говорит, нет. Все — в масках кожаных, но этого всё равно узнали. Они на хутор заезжали. Пограбили, но немного: только еду взяли и овес коням выгребли подчистую. Однако никого не убили и даже дочек Живкиных не попортили. Видно, что торопились, но Живка сына сразу к нам послал, так что подготовиться успеем. Может, даже и Пчёлко подойдет с подмогой из деревни.

— Всё равно будь начеку, — сказала Людомила. — Конные богумилы... Что-то мне беспокойно...

— Не тревожься, госпожа! — Дужка улыбнулся, сверкнул белыми ровными зубами. — Обороним тебя хоть от кого. А уж от безумных смердов — запросто. Хоть они на коней сядут, хоть на свиней. Помнишь, как мы их тогда? Как баранов резали!

— Хорошо, если так, — Людомила вздохнула.

— Я пойду, госпожа?

— Иди.

Людомила отложила шитье, встала и открыла ларь у окна. Там лежало то, что женщине носить грешно: легкая туранская сабля. Ее привез Людомиле по просьбе Сережи его брат Мышата. Мышата Людомиле не нравился. Противный такой, жирный, хитрый. А сабля хорошая. Людомила уже немножко научилась ею пользоваться. Что бы ни случилось, больше ее не возьмут, как тогда...

Пчёлку посыл Дужки застал на мельнице. Пчёлко считал мешки с мукой: донесли ему, что мельник приворовывает. С Пчёлкой по причине смутных времен постоянно находились пятеро воев. Они и привели гонца.

Выслушав его, Пчёлко не очень обеспокоился. Еретики — это гниль. Десяти настоящих воинов хватит, чтобы разогнать сотню. Но проверку всё равно придется отложить.

— Смотри у меня! — строго сказал Пчёлко мельнику. — Если узнаю... — Он показал мельнику запачканный в муке кулак. Мельник забормотал что-то, оправдываясь... Точно, подворовывает. Пчёлко, не слушая, вскочил на коня и поскакал к деревне.

В полях уже никого не было. Это потому, что гонец сначала в деревне побывал. Там не ждали. Действовали по определенному Пчёлкой порядку, ставшему уже привычным. Мужчины — к оружию, женщины с детьми и скотом — в схоронки.хлопотно, зато надежно.

В деревне мужи уже собрались и вооружились. Смерды — пешие, с привычными косами-топорами; ветераны, которых Пчёлко посадил на межицкую землю, — верхами, с настоящей зброей. Три больших десятка копий. Немалая сила по нынешним смутным временам.

Говорить ничего не надо. Все и так всё знали.

— Конные — за мной! — приказал Пчёлко и поскакал к усадьбе.

От деревни до усадьбы — недалеко. Но Пчёлко с конными все равно не успели. Разбойники уже были там. Крутились у частокола. Было их сотни полторы. Не так уж много, если считать, что это смерды-еретики, но Пчёлко еще издали заметил неладное. Повадку разбойников из простонародья он знал: напасть внезапно, врасплох, или задавить числом. Настоящего боя смерды вести не умели. Даже те, кто прошел кое-какое обучение, мог держать строй и колоть пикой, всё равно были никудышными бойцами, когда нужно было воевать самостоятельно. Малейший отпор — и такое «войско» бросалось наутек.

Те же, кто сейчас осаждал усадьбу, — другого толка. Они не лезли на стену, но вертелись слишком близко от частокола. На таком расстоянии со стены их уже можно было запросто снимать из луков. Только не похоже, что защитники вели успешную стрельбу: пока отряд Пчёлки галопом прошел четверть лиги, упал лишь один разбойник. Такое было возможно, если нападающие сами умели кидать стрелы. Но хороший стрелок из лука — это по определению опытный воин. А их среди еретиков не водилось.

Когда до усадьбы осталось шагов пятьсот, Пчёлко разглядел совсем нехорошее:

большая часть нападающих собралась напротив ворот. Часть, спешившись, прикрылась щитами из дубленых шкур и, судя по грохоту, ломала ворота. Другие прикрывали: густо метали стрелы. Так густо, что, похоже, почти задавили тех, кто на стенах.

Нападавшие тоже увидели отряд межицких. И повели себя так, что подозрения Пчёлки многократно увеличились. Осаждающие не прекратили штурм, чтобы всей силой навалиться на нового противника. Вместо этого от их основных сил отделился отряд и поскакал навстречу межицким. И численность этого отряда примерно соответствовала численности людей Пчёлки — копий сорок. Это означало, что враги не только сумели точно счесть межицких, но и посчитали, что при равном раскладе имеют преимущество. А ведь если они — опытные воины, то не могли не заметить, что атакуют они тоже не мужичков от сохи.

Всё это Пчёлко сообразил за то недолгое время, какое оба отряда скакали навстречу друг другу. Потом нападавшие дали залп... И треть межицких полетело с коней.

— Это не богумилы! — закричал Пчёлко. — Это ряженные! Берегитесь!

Поздно. Всадники сшиблись и сразу стало ясно: межицким не сдюжить.

Воина, скакавшего слева от Пчёлки, вражеское копьё вынесло из седла. Правда, сам Пчёлко успел поймать врага на острие, но на него тут же налетели еще двое. От одного Пчёлко отмахнулся щитом, от второго прикрыл воин, скакавший справа. В следующий миг Пчёлко увидел взлетевшую над соратником саблю, закричал, метнул копьё, целя в черную кожаную маску под круглым шлемом, но промахнулся, и вражеский клинок снес межицкому воину голову.

Вывхватив меч, Пчёлко бросил коня вправо, замахнулся, но кожанномордый перехватил его удар небольшим круглым щитом, а возникший сбоку еще один враг махнул саблей и небрежно, будто играючи, отсек Пчёлке кисть правой руки. Пчёлко не успел ни почувствовать боль, ни осознать, что произошло. Еще один взмах сабли: брызнули в стороны колечки шлемного тыльника; стальное лезвие легко прорезало мышцы, жилы, вошло в толстую кость позвоночного столба...

Пчёлко умер раньше, чем коснулся земли. Последней его мыслью было: как жаль, что не успели достроить межицкий замок. Замок бы им ни за что не взяли...

Дужка резко выпрямился, выстрелил — и нырнул за частокол раньше, чем его выцелили вражеские лучники. Ратник справа от него, болгарин из Плиски, попытался повторить то, что сделал Дужка, но замешкался, выбирая цель. Выстрелить он успел — не успел спастись. Стрела ударила ему в переносицу, и плисчанин молча, без вскрика, полетел вниз.

И сразу же, словно это падение было сигналом, раздался оглушительный треск, и одна из створок ворот, выворотившись из столба вместе с подрубленной петлей, повалилась наземь под ликующие вопли врагов, которые тотчас хлынули внутрь.

Но Дужка успел прыгнуть со стены раньше. Со всех ног он бросился в дом. В доме был подпол, а из подпола в соседний овраг вел подземный ход.

Дужка был одним из тех, кто рыл этот ход по приказу Велима. Велим распорядился выкопать этот лаз позапрошлой осенью, для того чтобы иметь возможность увести госпожу, если дела пойдут совсем худо. Вот как сейчас.

Людмила стояла у самых дверей с саблей в руке. Она едва не зарубила Дужку, но он успел перехватить ее руку.

— Госпожа, бежим! — закричал он.

Дорого было каждое мгновение, но Людмила уперлась.

— Нет, нет, Дужка! Я не могу бросить...

— Бежим! Это не богумилы! Это воины, настоящие воины! — Дужка поволок ее, упирающуюся, по узкому коридору на кухню...

Не успел самую малость. Десятка два воев в масках ворвались в дом, разбежались по коридорам и лестницам. На кухню бросились двое. Дужка отпрянул за дверной косяк и срубил первого сунувшегося. Второго — не получилось. Но враг не отступил, а принял бой.

Он был в кольчуге, с прямым мечом и в таком же круглом шлеме, как Дужка. Только Дужкино лицо не прикрывала кожаная маска.

С первого же удара Дужка понял, что противник владеет оружием лучше него. И враг тоже это понял, потому не стал звать на помощь.

— Беги, госпожа! — закричал Дужка.

Люк в подземный ход был прямо у него за спиной. Дужка сражался с отчаянной яростью, удерживая врага на пороге.

Но Людомила не воспользовалась возможностью спастись. Она осталась.

Какое-то время Дужка и его противник бились почти на равных — пока тот стоял в дверном проеме. Но потом врагу удалось отеснить Дужку от дверей, и бывшему дружиннику Духарева пришлось туго. Противник продолжал давить, пока не загнал Дужку в угол. Тут бы Дужке и конец, но его спасла Людомила.

С пронзительным криком она бросилась на врага, замахнулась...

Воин в маске хлестнул мечом — и госпожа межицкая упала.

— Перун! — бешено закричал Дужка и тоже ударил.

Его противник мог бы парировать, но почему-то замешкался, и клинок Дужки, проткнув кольчугу снизу вверх, на три пяди вошел в правое подреберье врага.

Дужка, хакнув, повернул и мощным рывком выдернул меч.

— Ты... варяг! — со свистом выдохнул побежденный и осел на пол.

Дужка поспешно захлопнул дверь, накинул крюк, подпер дверь тяжелым ларем, бросился к Людомиле... И понял, что с госпожой межицкой кончено. Мертва.

Раненный Дужкой хрипел и булькал пропоротыми легкими. Кровь лилась у него изо рта, вздувалась пузырями на губах. Умиравший силился что-то сказать, но не мог. Дужка не удержался: сдернул с него блестящую от крови кожаную маску... Это был не болгарин. Длинные варяжские усы слиплись красными мокрыми сосульками. В синих глазах уже плескался холод Кромки... Но Дужка его узнал. Когда еще ходил в отроках, Дужка видел этого варяга в Киеве. Несколько раз. На подворье воеводы Серегея. Он даже помнил, как его звали. Сулей. Дужка бросился ко второму, мертвому, сорвал маску... У этого было чужое лицо. Зато — знакомая татуировка на щеке. Дужка видел такую у ясов-переселенцев. Зачем этим двоим понадобилось рядиться богумилами, Дужка понять не мог. Зато понял: теперь у него только один долг. Добраться до воеводы Серегея и рассказать ему о том, что здесь произошло.

Не мешкая, он нырнул в подпол.

Через минуту после того, как за ним захлопнулся люк, дверь была выломана, и на кухню ворвались люди в масках.

Потом привели еще одного, невысокого, худого, тоже в маске, но без брони, в грубой застиранной рясе. Ему показали тело Людомилы.

— Это она? — спросили его.

— Она, — подтвердил тощий. И тут же воскликнул возмущенно: — Но она же мертвая. Вы обещали ее мне!

— Обещали — выполним, — сказал один из воинов. — А раз душа ее уже отлетела, то... догоняй! — и вонзил меч в грудь тощего.

— Как думаешь, догонит? — спросил он у своего соратника, наступая на труп, чтобы выдернуть меч.

— Вряд ли, — ответил тот. — Им — в разные стороны. Заканчивай быстрее — и уходим.

— Я бы пошарил в здешних закромах, — возразил первый.

— Нет! К чему тебе эти крохи? На свою долю ты купишь две такие усадьбы.

— Эту долю еще надо получить, — проворчал первый.

Спустя час захватчики покинули усадьбу.

После них осталось полсотни трупов обитателей усадьбы и один чужой. Выжившие жители Межича без труда признали в покойнике «праведного» Аззанаила.

* * *

— Вот так оно и было, — закончил печальную повесть конюх. — Всех побили. Госпожу — тож. Но не надругались, нет. Она — как воин билась. Саблей. Ну ее и зарубили. Во всей усадьбе только я один и остался. Должно, за мертвого приняли. На меня кто-то сверху упал да кровью своей залил. А потом наши меня из-под него вытащили.

— Значит, богумилы, — бесцветным голосом произнес Духарев. Рука его бездумно гладила белый, нагретый солнцем мрамор.

— Выходит так, — сокрушенно вздохнул болгарин.

Духарев посмотрел на плиту. На ней было вырезано христианское имя его любимой. Елена.

«Елена Межицкая, покойся с миром».

И дата.

«Я отомщу...» — подумал Сергей. Но мысль была вялая. Ненависти не было. Была пустота.

Можно вырезать всех богумилов в этой стране, да что толку? Разве Людомилу этим оживишь...

Через час дружина Духарева отправилась в обратный путь. В Преславу. И земля болгарская больше не казалась Сергею родной. Черная земля, серое небо...

Жить не хотелось. Но — надо. Он — воевода. У него — дружина, сыновья в Киеве, князь... А Людомилы нет.

Сергей до боли стиснул кулаки. Если бы знать...

Но Духарев не знал. Ни тогда, ни сейчас. Ему еще предстояло узнать.

Но не скоро. Только — будущей весной.

Глава седьмая

Зима

Бунт племянника убитого кесаря Никифора пришелся как нельзя кстати. Воспользовавшись стесненным положением нового византийского василевса, Святослав выжал из него все. Признание своих прав на придунайские территории Булгарии. Признание того, что Булгария отныне — данница Киева. За это Святослав «простил» Византии деньги, обещанные Никифором за «помощь» в усмирении Булгарии.

Однако Константинополю пришлось выложить немалые денежки за выкуп пленников и за то, чтобы войска союзников покинули Фракию и Македонию. Словом, империю ободрали, как липку. И главным в этом процессе был Калокир. Сам он на переговорах не присутствовал, но представители русской стороны действовали в точном соответствии с его указаниями.

Мир был заключен. Войско Святослава покинуло пределы империи. Часть — сушей, часть — морем. Невозбранность перемещения по морским путям тоже была одним из пунктов договора. Очень важным пунктом, учитывая абсолютное превосходство имперских огненосных триер над русскими лодьями.

Часть кораблей под водительством Свенельда и Икмора направилась напрямик в Киев. Воеводам было велено вербовать пополнение. Да побольше. В заключенном с империей договоре между русами и ромеями был провозглашен мир. Но продолжительность его не оговаривалась. Поэтому следующей весной Святослав намеревался снова посетить

«гостеприимные» ромейские земли. Ему понравилось.

Зимовал Духарев в Хузарии. Оставаться в Преславе ему не хотелось, а своего имения в Булгарии, достаточного, чтобы прокормить две тысячи дружинников, у Сергея не было. Ни Святослав, ни Борис ничего не пожаловали воеводе, Духарев мог бы взять сам, что приглянется, как это сделали другие: Гуннар, Щенкель... Не стал. Дружину Сергей и так прокормит. Пока у него это получалось неплохо: даже его отроки ходили, как бояре: в шелках и бархате, ездили на лучших конях, носили двойные брони, золотые гривны на обветренных шеях, а на своего батьку чуть ли не молились. В общем, Духарев покинул Булгарию через неделю после посещения Межича.

Ушел морем, на шестидесяти кораблях, оставив почти всех лошадей в Булгарии под присмотром полусотни дружинников.

Из Евксинского Понта, будущего Черного моря, в Сурожское-Азовское, потом — вверх по Дону до Саркела. Там Духарева встретил Машег. В Итиль ехали сушей, взяв коней из хузарских табунов.

Дела в Хузарии были неважные. Врагов у хаканата имелось в избытке, а поддержки от Святослава не было. Машег даже решил, что дружина Духарева и есть эта самая поддержка. Сергей не стал его разуверять. Мысль о бесцельном времяпрепровождении пугала, а война позволяла выкинуть из головы мысли о том, что уже не вернешь. Гридни его тоже порядком «застоялись» во время плавания. Словом, зимнего отдыха не получилось. Хотели для начала пощипать печенегов, но те, узнав о том, что в Хузарию прибыли русы (степная молва увеличила численность духаревской дружины раз в десять), сочли за лучшее откочевать подальше. Тогда, вместе с хузарами, сходили сначала на черных болгар, потом — на торков. Тем временем в Итиль доставили русские лоды. В ноябре Духарев с дружиной и с пятью тысячами добровольцев-хузар объявился под стенами Шемахи, захватил ее, разграбил и ушел раньше, чем появилась шахская армия. Добычи в этом походе взяли больше, чем во Фракии.

Ранней весной девятьсот семьдесят первого года лоды воеводы Серегея двинулись в Булгарию. Вместе с духаревской дружиной воевать Византию отправились две тысячи хузар. Одной тысячей командовал старый знакомец Рагух, второй — воинственная дочь Эйвинда Белоголового Элда. Сам Машег остался дома. Положение наместника обязывало.

Спустя положенное время флотилия воеводы вошла в устье Дуная, на три недели опередив ромейский военный флот.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ

ПРОЛОГ

Ясным весенним утром василевс Восточной имской империи Иоанн Цимисхий в сопровождении этериотов вошел в Храм Христа Спасителя на Халке²¹. Здесь хранились христианские реликвии, привезенные Цимисхием с востока. Вход в храм был неудобен — напоминал скорее лабиринт, а не вход в Храм Божий, а места для молящихся было совсем

²¹ Надвратная часовня, построенная императором Романом Первым. Впоследствии она была перестроена по приказу Цимисхия. Здесь же он будет похоронен.

мало, но василевс предпочитал молиться именно здесь.

Пока кесарь беседовал с Богом, большая часть его свиты терпеливо ждала снаружи. Но вот василевс появился в дверях, и царственная процессия двинулась дальше. Следующей целью Иоанна был Храм Софии-Премудрости, величайший из соборов византийской столицы.

Здесь василевса ждали. Соправители, сыновья почившего императора Романа, и супруга Цимисхия Феодора, дочь императора Константина Багрянородного. Феодора красотой не блистала, зато в ее добродетели и благородстве происхождения можно было не сомневаться. Иоанн венчался с ней третьего ноября прошлого года. На ее месте должна была быть красавица Феофано, но помазание на царство было для Иоанна важнее женской красоты, и Феофано была сослана в далекую фему Армениаки²², где когда-то родился сам Цимисхий. Там, в монастыре Дамидия, в заточении, предстояло закончить жизнь супруге двух императоров.

Итак, василевс занял свое место, и служба началась.

Служил патриарх константинопольский Полиевкт. Кому же еще, как не патриарху, молить Бога о ниспослании Ангела, кой летел бы впереди византийского войска и вел его к победе над дерзкими и кровожадными россам. Вновь напомнил патриарх пастве о пророчестве Иезекииля о «варварском князе Роша» и о том, что, не получив должного отпора, оный князь способен уничтожить даже величайшую империю. Словом, без Ангела Божьего сокрушить катархонта россов Сфендослава никак не удастся.

Иоанн слушал проповедь со смиренным лицом, но мысленно улыбался. Не то чтобы он не верил в мощь Господа... Но в данном случае более полагался на собственное полководческое умение. Сухопутные войска подготовлены. Флот собран и готов к отплытию. В Адрианополь, выбранный Цимисхием в качестве базы будущего наступления, свезено необходимое количество оружия и продовольствия. Нет, василевс не сомневался в будущей победе. И молил Бога лишь о том, чтобы победа эта далась не слишком дорогой ценой.

Цимисхий знал россов, поэтому, надеясь на лучшее, готовился в худшему.

Богослужение закончилось. Василевс под величественное пение покинул Храм Софии и направился в северо-западную часть столицы. В храм Богородицы во Влахернах. Достигнув храма и помолившись, василевс поднялся во Влахернский дворец, чтобы с балкона наблюдать за показательным сражением кораблей.

Василевс с удовольствием смотрел сверху на огненосные триеры, покачивающиеся на волнах у грузовсм пристани, что, плавно изгибаясь, тянется до деревянного моста через реку Барбисс²³, впадающую в великолепный залив Золотой Рог.

Более трехсот кораблей: триер, монерий²⁴, галей²⁵, двигавшихся слаженно и быстро. Прекрасное зрелище. После окончания маневров василевс наградит отличившихся и непобедимая флотилия выйдет в море, чтобы в положенное время достичь Истра, подняться вверх по реке и отрезать россам путь к бегству, когда василевс Иоанн во главе сухопутной армии перейдет через горы и, подобно ангелу мщения, обрушится на полчища варваров. И горе побежденным!

²² Армения.

²³ Совр. Кагитане-Су.

²⁴ Монерия — корабль с одним рядом весел, один из типов дромона.

²⁵ Галея — быстроходное судно, средневековый эквивалент сторожевого катера. Использовалось для патрульных и разведывательных целей.

Глава первая

Варяг и нурманка

— Вот такие дела, Элда Эйвиндовна, — закончил свой невеселый рассказ Сергей. — Нет теперь у меня ни жены, ни подруги.

Они сидели на втором этаже духаревского дома в Преславе. Вдвоем. Без гридней, без слуг. Впервые за все время совместного похода. Сидели, вспоминали прошлое...

А потом Сергея вдруг пробило: взял и рассказал Элде всё. Почему? Бог знает...

— У тебя есть сыновья, — неторопливо, тщательно подбирая слова, произнесла Элда. — И друзья у тебя есть. И дружина. — И другим тоном: — Машег знает?

Духарев покачал головой:

— Нет. Еще подумает: из-за его Йонаха я жену потерял.

— А это не так?

— Не так.

— Тебе виднее. Только я бы на твоём месте сиднем не сидела.

— И что бы ты сделала? Людомилу не воскресишь.

— Это да. Но Сладу твою вернуть можно.

— Это как же?

Элда взяла со стола серебряный кубок, отпила, поморщилась...

— Если бы ты знал, — проговорила она, — как мне надоело это вино. Сейчас бы пива нашего, северного...

— И тухлой акульей печенкой закусить, — буркнул Духарев. — Ты сказала, что можно вернуть мою жену. Как?

— Пойти и взять.

— Ну да. Вот я сейчас сяду на корабль, приплыву в Константинополь, ромеи заплачут от счастья и с удовольствием прикончат спятившего вражеского воеводу.

— У тебя, воевода, две тысячи воинов и золота больше, чем у болгарского хакана, — напомнила Элда.

Сергей посмотрел на свою собеседницу с удивлением:

— Предлагаешь с двумя тысячами воинов Византию завоевать?

— Византию воевать мы со Святославом будем, — сказала Элда.

— Но вряд ли завоюем.

— Не веришь в то, что Святослав сможет сделать Калокира кесарем? — удивилась Элда. — Но нынешний, знаешь, тоже не от отца византийский стол получил. И прежде него — Никифор. Все говорят...

— Вот поэтому и не верю, что об этом болтают на каждом постоялом дворе! — перебил Духарев. — За Никифором было ромейское же войско. Иоанн действовал тайно. И в самом Константинополе у него было множество сторонников.

— Но в империи — мятеж!

— Был. Варда Склир, с которым мы бились во Фракии, раздавил мятежников. А Иоанн — не дурак. Он уже готовится к нашему вторжению. Наши послухи доносят: в Адрианополь стягиваются войска. Так что этот поход будет потруднее прошлогоднего. Будь моя воля, я бы вообще туда не совался. По договору у нас с империей — мир.

— Войско должно воевать, — возразила Элда.

— А то мы этой зимой плохо повоевали! Можно идти на восток. Можно придавить печенегов. Можно двинуть на запад... Да куда угодно! Византия нам сейчас не по зубам. Таково мое мнение.

— Святослав считает иначе.

— Потому что ему зудит в уши Калокир. Потому что до сих пор князь не знал поражений...

— Скажи ему об этом.

— Говорил.

— Значит, плохо говорил.

— Плохо или хорошо — его дело. Он — князь. И он действительно великий полководец. Может, ему и виднее, — заключил Сергей без особой, впрочем, уверенности.

— Может быть. Но мы говорили о твоей жене. Ты хочешь ее вернуть?

— Интересно, как по-твоему я могу забрать ее из византийского монастыря?

— А ты хочешь? — строго спросила Элда.

— Сам не знаю...

— Узнаешь — скажи.

— И что будет?

— А то, что я сама всё сделаю. Даже денег твоих не возьму.

— Как же ты это сделаешь?

«Баба есть баба, — подумал Духарев. — Хочу — значит так должно быть. Независимо от реальных возможностей».

— Посмотри на меня, Серегей! — потребовала Элда.

Духарев посмотрел.

— Что видишь?

— А что ты хочешь от меня услышать?

Напротив Сергея сидела не молодая уже нурманка. Толстые, пшеничного цвета косы уложены так, чтобы удобно накрывать шлемом, лицо почти, мужское, обветренное, суровое. Шрам на щеке. Еще один — на лбу. Не женщина — воин...

— Хочу услышать: веришь ты мне или нет?

— Допустим, верю.

— Тогда скажи: вернуть тебе жену?

Духарев усмехнулся. Чисто нурманская простота.

— Что ж, верни, — сказал он, больше в шутку, чем серьезно.

— Договорились.

— Интересно, как...

— Мое дело, — отрезала Элда. — Теперь о твоей второй жене...

— Она не была моей женой! — перебил Духарев.

— Пусть так. О твоей убитой наложнице. Не дело воину такое спускать. Уважать перестанут.

— Не перестанут, — буркнул Духарев.

— А я говорю: спускать нельзя. Ты должен найти убийц и наказать примерно!

— Элда! В этой стране тысячи богумилов! Предлагаешь их всех перебить?

— Всех можно и не убивать, — рассудительно заметила Элда. — Поймать десяток-другой, допросить, как положено. Кто-нибудь наверняка проболтается. Это же смерды, рабы... Они языки за зубами держать не умеют. Времени у тебя — месяц. Пока твой князь в поход не отправится. Так что не жди, действуй.

— Может, ты и права, — согласился Духарев. Но предпринимать ничего не хотелось. Зачем? Людомилу не оживишь. Сладу не вернешь. Ничего хорошего из такого расследования не выйдет. Только плохое. С другой стороны, хуже, чем сейчас... Вряд ли.

— Ладно, — без особой охоты сказал Сергей. — Будь по-твоему.

— Вот и славно! — Элда улыбнулась. — Завтра и начнем.

— Начнем?

— Конечно, я — с тобой. До похода — месяц. Да мои хузары за месяц совсем обленятся.

Жизнь — интересная штука. Иногда достаточно лишь принять решение — и жизнь тут же подкидывает что-нибудь важное.

Духареву не пришлось ждать утра, чтобы начать. То, что он искал, само постучало в дверь.

И оказалось, что предчувствия его не обманули. Все оказалось намного хуже, чем можно было предположить...

В дверь негромко стукнули.

— Батька, — раздалось с той стороны. — Тут к тебе наш бывший пришел. Поговорить хочет.

— Что еще за наш бывший? — удивился Духарев.

— Дужка!

— Кто?! — Духарев аж подскочил. — Ну-ка сюда его быстро! Бего-ом!

— ... Вот так всё и было, — завершил Дужка. — Уж прости, воевода, что не сберег. Много их было. Сам бы рядом с ней лег, но подумал: надо тебе рассказать.

— Правильно подумал, — одобрил Духарев, посмотрел на Элду. — Вот такие дела, дочь Эймунда, — сказал он по-нурмански. — Ни к чему нам теперь богумилов трясти. — И, по-русски: — Значит, говоришь, варяги...

— Один варяг, — уточнил Дужка. — Сулеем его звали. И еще один из ясов, тех, кого Святослав на киевское порубежье подселил. Но про этого выпросить трудновато будет. А вот Сулей варягом был. Сам-то я визнавать не стал. Да мне, может, и не сказали бы, кому он служил. А от тебя, воевода, скрывать не будут.

— Это точно, — согласился Духарев. — Ты мне вот что скажи, Дужка: беда прошлым летом случилась. А ты мне об этом только сейчас сказал. Почему?

— Не успел, батька, — виновато ответил Дужка, не заметив даже, что оговорился: назвал Духарева батькой, будто всё еще его дружинник. — Я ведь в Переяславце был, с полоцкими. Как узнал, что ты в Преславе, сразу поспешил. Но не успел.

— Ничего. Дурные вести всегда приходят не вовремя.

— Почему — дурные? — спросила Элда. — Это же след зверя.

— Потому что я не люблю охотиться на тех, с кем ел из одного котла, — угрюмо произнес Духарев, — Не люблю, но — должен. Пойду скажу Стемиду, чтоб насчет Сулея вызнал. Барсук, он ведь всех киевских варягов знает...

Когда воевода вышел, Элда спросила:

— Дужка, ты у полоцких — как? В дружине или просто в дружбе?

— Клятвы не давал, — ответил бывший духаревский гридень.

— А мне снова послужить не хочешь?

— Послужу, коли возьмешь, — подумав, ответил Дужка.

— Возьму. Есть у меня для тебя особое дело...

Стемид выяснил.

И то, что он выяснил, было худшим из того, что мог предположить Сергей.

Глава вторая,

в которой Сергей потерял брата

Из Константинополя прибыла флотилия торгового гостя Мышаты Радовича. Духарев об этом узнал не сразу, поскольку жил в Преславе, а Мышата пришел в Переяславец.

Узнав, велел Стемиду в течение пяти дней перевести дружину к Доростолу, а сам с охранной сотней поскакал в Переяславец. Едва не опоздал. Мышатины приказчики уже заканчивали погрузку. Еще пара дней — и караван ушел бы в Византию.

Но сам Мышата погрузкой не занимался. Все финансовые вопросы он уже решил и теперь отдыхал в небольшом поместье, подаренном ему Святославом. Прежде поместье это принадлежало болгарскому кмету, убитому русами под Переяславцом позапрошлой осенью. У кмета остались родственники, которые считали, что киевский князь не вправе раздаривать их земли, но Мышата их мести неопасался. У него была отменная стража.

Несмотря на размолвку, происшедшую у братьев при прошлой встрече, Мышата принял Сергея тепло и радушно. И первым делом выразил соболезнование.

* * *

— Слыхал, слыхал о твоей беде, братец, — сокрушенно проговорил Мышата. — Эти еретики... Бить их надо! — воскликнул он с жаром. — Начисто вымести заразу! Чтoб семени их не осталось! Ты это сделаешь, брат? — Мышата схватил Духарева за руку. — Скажи, что нужно? Людьми, деньгами, всем помогу! Святослав не понимает. Ему до них дела нет! Но ты, Серегей, ты сможешь! Только скажи, что надо, я все сделаю! Только скажи! Надо?

— Надо, — сурово произнес Духарев, глядя прямо в зрачки Мышаты. — Надо, чтобы ты, брат, ответил на один вопрос. Где теперь твой охранник по имени Сулей?

Что-то мелькнуло в заплывших жиром глазках названного братца. Как-то по-особому дрогнули щеки, дернулся угол рта...

Одно мгновение — и Мышата взял себя в руки.

— Сулей? — проговорил он, будто припоминая. — Да он мне уже давно не служит. Откуда мне знать, где этот варяг?

— Давно не служит, говоришь? А я слыхал, еще полгода назад он был твоим доверенным человеком.

Духарев бил наугад, но попал. В глазах Мышаты опять, на краткий миг, мелькнула растерянность.

— Кто говорит? Врут! — и тут же перешел в атаку. — А зачем тебе Сулей? Хочешь на службу взять? Не советую. Боец он добрый, но диковат, строптив... — и умолк. Понял: не то говорит.

Духарев поднялся. Прошелся неторопливо по комнате. Мышата следил за ним напряженно-внимательно: как кот за большим псом... Но не успел даже отшатнуться, когда Духарев внезапно развернулся, ухватил названного братца за бархатные отвороты, поставил на ноги.

Добротная ткань затрещала — Мышата весил пудов восемь, — но выдержала. Названный братец захрипел, закашлялся, но вывернуться даже не попытался.

— Ты что? — просипел он. — Зачем?

— Забыл, кто я, Мыш? — с угрозой произнес Сергей, сверля взглядом Мышату. — Забыл, да?

— Что? Кто? — Лицо Мышаты побагровело, глазки забегали.

— Я — ведун, — раздельно, негромко сказал Духарев. — Что это значит?

— Что? — просипел Мышата.

— Это значит, — почти шепотом произнес Сергей, прожигая взглядом зрачки названного брата, — что я ведаю правду. Но ты — мой брат, Момчил. И потому я даю тебе возможность. Только одну, последнюю. Сейчас ты расскажешь мне всё. Всю правду. И если я увижу, что ты мне лжешь, Момчил, я преступлю ту клятву крови, которую мы с тобой двадцать лет назад дали друг другу.

— Ты меня убьешь? — слабым голосом спросил сын болгарского воеводы Рада Скопельского Момчил, которого в Киеве звали Мышатой, а в Константинополе — Михаилом.

— Убью, — подтвердил Духарев. — Но сначала отдам тебя своим варягам. Ты знаешь — они умеют развязывать языки. Так что я всё равно узнаю всё. — Духарев разжал пальцы,

и его названный брат тяжело рухнул в кресло. От него на три метра воняло потом и страхом. Момчил-Мышата-Михаил был сильным человеком. Его знали и ценили владыки этого мира, а денег у него было столько, что пожелай он купить столицу Булгарии — мог бы. Еще он мог нанять войско, вдесятеро большее, чем дружина Духарева. Но драться с воеводой он не мог. Даже если бы сейчас он оказался в десяти поприщах отсюда. Всё равно. Серегей был его старшим братом. И еще воевода был мужем Сладиславы. А дороже сестры у Мышаты-Момчила не было никого. Потому ради ее счастья Мышата не пощадил бы никого. И не пощадил.

«Я сделал это для них, — сказал он себе. — Для них, Серегея и Слады. Теперь, когда эта девка мертва, я могу говорить с сестрой, просить ее вернуться...»

Но сказать правду Серегею он не мог. Язык не поворачивался.

А если названный брат не шутит? Если действительно отдаст Мышату своим варягам?

Мышата еще больше вспотел. Он плохо переносил боль. Нет, этого не может быть. Здесь, в доме — охрана. Его людей больше, чем гридней, которых привел с собой воевода. Стража не позволит Серегею увезти своего хозяина!

Решив так, Мышата чуточку приободрился. Но вспомнил, что сейчас, когда они вдвоем, он целиком во власти старшего брата, — и снова сник.

Духарев опустил на скамью, испытующе поглядел на Мышату...

— Значит, не скажешь, — констатировал он. — Что ж, это твой выбор. Велим!

— Пересол! — одновременно выкрикнул Мышата.

Сотник Духарева и десятник охраны Мышаты появились в горнице одновременно.

— Велим. — Голос воеводы был ровен и равнодушен. — Убей его.

— Что? — бывалый и привычный ко всему сотник растерялся. Палец воеводы указывал на Пересола. Велим не знал, в чем вина Пересола. Но Пересол был киевлянином, бывшим дружинником княгини Ольги. Велим его хорошо знал. Но Велим знал и своего воеводу. Чтобы тот приказал убить Пересола, тот должен был совершить нечто ужасное. И всё-таки Велим колебался...

— Ты оглох, сотник? — Духарев немного повысил голос. — Убей его!

— В-воевода... За что? — Велим неуверенно потянулся к мечу.

Пересол схватился за свой меч много быстрее, но обнажить его не успел.

Духарев не смотрел на Пересола — взгляд воеводы был устремлен на Велима. Но, услышав звук извлекаемого меча, Сергей, не вставая, левой рукой вырвал из ножен саблю, хлестнул не глядя — и голова Мышова стражника слетела с плеч. Кровь брызнула вверх. Мышата открыл рот — закричать... И увидел кончик сабли у своего глаза. Воевода уже стоял на ногах, глядел на него сверху — вдоль чуть изогнутой дорожки темного узорчатого металла, выкованного мастерами далекого Дамаска.

— Ни звука, — произнес воевода негромким, но очень страшным голосом. — Ни звука, купец!

И вопль: «На помощь!», рвавшийся из груди Мышаты, умер, не родившись.

— Велим, — так же негромко сказал воевода. — Я хочу, чтобы в этом доме умерли все, кто носит меч.

— Воевода... Я не понимаю... — Велим смотрел на мертвого Пересола. — Это же наши...

— Нет, Велим. Это не наши. Наши — это ты и мои гридни, которыми ты командуешь. Ваши мечи принадлежат мне, и твой долг — повиноваться.

— Велим... — начал Мышата.

Но поучаствовать в разговоре у него не получилось. Кончик клинка коснулся его века. Глаза и рот Мышаты закрылись одновременно.

— Вас меньше, — сказал Духарев. — Но я знаю: вы справитесь,

Велим кивнул. Он тоже знал, что они справятся. Любой гридень из ближней дружины воеводы стоил двух таких, как Пересол. Сотник молча повернулся и вышел.

Духарев слышал его свист. Сотник созывал гридней. Через минуту в усадьбе Мышаты

началась резня.

Сам же хозяин, багровый, трясущийся, сидел в удобном византийском кресле и проклинал тот день, когда впервые увидел Людомилу Межицкую.

«Надо было убить ее сразу, — думал Мышата. — Сразу, как только она оскорбила меня отказом. Сразу...»

Самого себя Мышата не мог обмануть, как ни старался. Он приказал убить боярышню не только потому, что она прельстила Сергея и разрушила его семью. Было еще кое-что...

— Я дам тебе еще одну попытку, — воевода говорил громко, чтобы перекрыть звуки того, что происходило в доме. — Расскажи мне всё, купец. И в память о том, что мы когда-то были братьями, я не стану тебя убивать. Но если ты солжешь, я вырву тебе язык. А теперь говори, купец! Я слушаю...

И Мышата начал говорить. А начав, уже не мог остановиться. И выболтал то, что касалось уже не только Сергея, но и всех русов. Михаил-Мышата играл на обе стороны. И остался бы в выигрыше, кто бы ни победил. Узнай об этом Святослав, не сносить купцу головы.

Святослав призвал к себе Духарева на следующее утро. Уже после того как недогруженные лодьи купца Мышаты спешно отплыли к дунайскому устью.

Глава третья

Князь и его воевода

— Ты что творишь, воевода? — сурово спросил Святослав.

— Ты о чем, княже? — спокойно поинтересовался Духарев.

— О том, что ты сделал с боярином Мышатой! — резко бросил Святослав. Густые темные брови князя нахмурились, глаза метнули искры.

— Боярином? — Духарев коротко, недобро засмеялся. — Купца Мышату я знаю, Боярина — нет. Кто же, хотелось бы знать, нарек его боярином?

— Я! — рывкнул Святослав. — Отвечай, воевода!

— За что отвечать? — Недобрая усмешка по-прежнему играла на губах Духарева. Он — стоял, Святослав — сидел. На возвышении. Но Сергей все равно смотрел на князя сверху вниз.

— За то, воевода, что пришел в дом к боярину Мышате, убил его людей, а самого боярина избил и выгнал из города, словно пса! — С каждым словом голос великого князя наливался грозной мощью. — Ты что ж думаешь, Серегей, коли ты ближний мой воевода, то можешь творить, что вздумается? — С последней фразой Святослав поднялся, и теперь уже не Духарев, а он смотрел сверху. — Молчи, воевода! Довольно мне перечить! Больше я этого терпеть не стану!

— Ах не станешь... — Духарев с неожиданной даже для самого себя легкостью прыгнул вперед и оказался на возвышении — в трех шагах от великого князя.

Гридни Святослава метнулись — перехватить... Но князь остановил их взмахом руки.

— Может, все же выслушаешь, что я скажу? — Духарев говорил негромко. После грозного рыка Святослава его голос казался еще тише.

— Говори! — рывкнул Святослав. — Но что бы ты ни сказал — ответишь по Закону. И не думай, что отделаешься вирой!

— Вира? О какой вире ты говоришь, князь?

— По твоему приказу погубили сорок шесть свободных воев. Ты унизил и оскорбил моего боярина, ты...

— Это семейное дело, — негромко сказал Духарев.

— Что?

— Это семейное дело, — чуть громче произнес Духарев. — И я не свободных воев погубил, а наказал челядников собственного младшего брата за совершенное ими преступление. Мне и брата следовало убить, но — пожалел.

— И что же это за преступление? — сдерживая гнев, произнес великий князь.

— По приказу купца Мышаты его челядники убили мою соложницу Людомилу Межицкую, — ледяным голосом уронил Духарев.

— Я об этом не слыхал.

— Теперь услышал, — Духарев повернулся, прыгнул с помоста и пошел к дверям.

— А доказательства у тебя есть? — крикнул ему вдогонку Святослав.

Сергей остановился, обернулся:

— Есть, — сказал он. — И мне их достаточно.

И вышел.

— Неужели ты так его и отпустишь, княже? — удивился все это время молчавший Калокир.

— Да, — сердито, с досадой ответил Святослав. — Серегей не лжет. И он — в своем праве. Это — семейное дело.

Духарев был так сердит, что даже не рассказал Святославу о том, что выболтал ему перепуганный Мышата. О том, что к Доростолу идет сильный военный флот ромеев. С намерениями самыми недобрыми.

Впрочем, Святослав вряд ли поверил бы этой вести.

На днях к великому князю прибыл посол. Он сообщал, что разведчики Святослава под видом послов побывали в лагере Цимисхия, который не чинил им препятствий и отпустил, велел передать Святославу заверения в дружбе.

Армия при кесаре ромеев была изрядная, но и у Святослава войско было не маленькое. Это хорошо, сказал князю Калокир, что кесарь Иоанн покинул Константинополь и пришел в Македонию. Здесь с ним справиться будет намного легче, нежели останься он в столице. Если ударить внезапно, застать ромеев врасплох, победа будет за союзниками. Еще Калокир посоветовал не ставить сейчас стражу в гемейских ущельях, чтобы не насторожить ромеев. Лазутчики патрикия сообщили, что войско Цимисхия находится в укрепленном лагере и идти через горы не собирается. Тем более в канун праздника Пасхи.

Святослав совет патрикия принял, и гемейские проходы остались открытыми. Если бы князь не послушался совета Калокира, вся история Руси потекла бы совсем по другому руслу.

Но неизменно удачливому князю русов эта предосторожность показалась излишней. Он ведь не собирался обороняться. Он планировал — нападать.

Но кесарь Иоанн оказался лучшим стратегом и полководцем. Поэтому пока Святослав, уверенный, что враги готовятся праздновать праздник Пасхи, спокойно ждал подхода свежих сил из далекого Киева, ромейский василевс с передовым отрядом лучшей конницы и легкой пехоты²⁶ скорым маршем вышел к горам... И был приятно удивлен отсутствием стражи.

Девятого апреля девятьсот семьдесят первого года авангард ромейского войска вошел в никем не охраняемую клисуру²⁷ Сидера²⁸.

²⁶ Данные византийских историков о численности передового отряда Цимисхия весьма противоречивы: Скилица пишет, что кесарю Иоанну сопутствовало пять тысяч легкой пехоты и четыре тысячи всадников. Диакон указывает совершенно другое число: «фаланга воинов, сплошь, закрытых панцирями и называвшихся "бессмертными", а сзади — около пятнадцати тысяч отборнейших гоплитов и тринадцать тысяч всадников».

²⁷ Ущелье, которое может защитить небольшой гарнизон.

²⁸ Совр, Рекшийский проход.

Одиннадцатого апреля, за пять дней до Пасхи, беспрепятственно преодолев опасное место, Цимисхий с передовым отрядом вступил на болгарскую землю.

Основные силы византийского войска, предводительствуемые проедром Василием, с обозом и осадными орудиями двигались не столь стремительно, но они могли позволить себе не спешить. Гемейские ущелья уже были под контролем ромеев.

Двенадцатого числа ромеи вышли в Преславе.

Но в Доростоле об этом еще никто не знал. В Доростоле всё еще ждали возвращения союзников: угров и печенегов. И пополнения из киевских земель.

Никто не пришел. Две тысячи хузарских всадников под водительством Элды и Рагуха — вот и все союзные войска, что были в тот год под знаменами Святослава.

Глава четвертая

Падение Преславы

— Они появились как из-под земли, — мрачно произнес Щенкель. — Сначала их было не очень много — тысяч семь-восемь. Но с ними был их кесарь. Так он сказал. — Щенкель кивнул на Калокира.

— Я узнал его золотые значки, — подтвердил патрикий.

— Их было не слишком много, — повторил Щенкель. — И я решил выйти и ударить. Сначала мы потеснили их, но потом появилась ромейская конница, и мы отступили за стены. Ночью было тихо. Мы готовились к осаде, а вот он (кивок на Калокира) — сбежал. Вместе со своей малой дружиной.

— Я не сбежал! — возразил патрикий. — Я ушел за помощью. К нашему князю. Если хочешь назвать меня трусом, назови. И пусть нас рассудит железо!

Собравшиеся в шатре Святослава воеводы заворчали. Все знали, что Калокир очень ловок на мечах. Вдобавок Щенкель был ранен и измотан. И сказал он правду: Калокир именно сбежал. Сообщить Святославу о беде мог бы обычный гонец.

— Судить здесь буду я! — рявкнул Святослав, обрывая возникший ропот. — Ты, Калокир, уже солгал мне, когда сказал, что ромеи не воюют в праздник своего Бога.

— Я не солгал! — запротестовал патрикий. — Пасха — время мира. Начав войну, Иоанн поправил не только человеческие законы, но и закон Господа!

Святослав в упор посмотрел на Калокира. Несколько лет назад они с патрикием побратались, и ромеи стал одним из ближников великого князя. До сих пор его советы были верными и полезными. До сих пор...

Под пристальным взглядом великого князя патрикий смутился, опустил голову. Знал, что виноват.

— Говори, — велел Святослав Щенкелю.

— Ночью было спокойно, — продолжил воевода. — Но утром ромеям подошла подмога, огромное войско...

— Огромное?

— Думаю, не менее сорока тысяч. С орудиями, лестницами и прочей осадной снастью. Мы стояли крепко. И болгары были с нами. Но ромеев было очень много. Они захватили часть северной стены. Мы бы их удержали, но у ромеев были лазутчики в городе. Пока мы дрались на севере, еще один отряд ромеев зашел со стороны реки и лазутчики открыли им южные ворота. Тогда мы отошли во дворец и укрепились там. Мы думали: если

продержимся несколько дней, ты, княже, успеешь прийти нам на помощь.

Сначала всё складывалось. Ромеи грабили Преславу, на нас не очень давили. Но потом ромеи стали метать в нас горшки с огненным зельем, начался пожар, и я понял, что нам не устоять. Тогда собрал всех, открыл ворота, и прорвался, и ушел из города. Ромеи гнаться не стали, потому что грабили город и дворец.

— ... И тушили пожар, — подал голос Духарев.

Он сидел чуть в стороне. После недавней размолвки отношения их со Святославом были довольно прохладные.

— Ты откуда знаешь, воевода? — обернулся к нему Щенкель. — Тебя же там не было!

— Там были мои люди, — сказал Духарев. — Во дворце.

— Тогда почему они не сражались? — нахмурился Щенкель.

— Они сражались, — сказал Духарев. — Вместе с твоими. Когда ты уводил своих, они продолжали драться. Ты ведь только своих увел, Щенкель!

— Я хотел спасти своих воев, — пробормотал воевода. — Твои ведь тоже спаслись, коли сумели тебе рассказать о том, что было.

— Спасся один. Успел содрать бронь с убитого и прикинуться ромеем. Мой десятник Дементий.

— Мой опцион... — пробормотал Калокир.

— Бывший, — уточнил Сергей. — Он был во дворце, видел ромейского кесаря, и даже видел, как к нему привели царя Бориса с женой и детьми.

— Что с ними сделал кесарь ромеев? — спросил Святослав. — Убил?

— Нет, сохранил им жизнь. И даже величал Бориса владыкой болгар. Но это всего лишь слова. Казну царскую он забрал, город разграбил и даже имя городу сменить повелел. Теперь Преслава не Преслава, а Иоаннополь.

— Иоанн уже идет сюда? — спросил Святослав. — Что говорит твой десятник?

— Придет обязательно. Но когда Дементий покидал город, ромеи уходить оттуда не собирались. Они собирались продолжать грабеж и праздновать Пасху. Очень верно сказал Калокир: в праздник ромеи не воюют — только разбойничают.

— Надо было забрать казну у этого малохольного кесаря Бориса, — заметил Икмор. — Сколько добра пропало! Что будем делать, княже? Драться? Или отступить? Если Щенкель не перепутал — ромеев вдвое больше, чем нас.

— Еще не известно, сколько против нас ромеев, — возразил Святослав. — Выясним всё — и будем решать. Сесть на лодьи и уплыть — дело недолгое.

— Но решать, княже, придется быстро, — вновь подал голос Духарев. — Сюда идет большой ромейский флот. С огненосными кораблями. Когда придет, отступать будет поздно.

— Откуда ты всё знаешь? — недовольно, но с оттенком уважения спросил великий князь.

— Вот знаю, как видишь, — сказал Духарев. «Кабы ты не наехал на меня за Мышату, и ты бы знал». — мысленно добавил Сергей.

Святослав думал всю ночь. Уж очень ему не хотелось уходить из Доростола. Так ничего и не решил.

Глава пятая

Викинг и варяг

Ромейское войско вышло из Преславы семнадцатого апреля, но идти к Доростолу не спешило.

Сначала ромеи взяли город Динию. Взяли легко: гарнизона русов там не было, а

булгары сдались практически сразу. Что не помешало ромеям разграбить город.

Немного дольше армия Цимисхия простояла под Плиской, прежней столицей Булгарии. Там оборону держали не только булгары, но и пятьсот русов. Но под натиском многократно превосходящих сил пала и Плиска.

Та же участь постигла еще с десятков городов. Ромеи грабили всё. Дочиста. Даже церкви. По части последних особенно отличился родич Цимисхия магистр Иоанн Куркуас. Впрочем, и сам василевс, хоть и провозгласил себя «освободителем булгар», вел себя как завоеватель в чужой стране. Тем не менее булгары, ранее бывшие в союзе с русами, теперь сотнями и тысячами переходили под знамена ромейского императора.

Если бы Святослав решился и ударил всей силой, не дожидаясь, пока Цимисхий выйдет к Доростолу, возможно, ему удалось бы переломить ход войны. Но Святослав медлил. Это было так не похоже на великого князя, что приводило в смущение его воевод.

Некоторые по собственному почину ушли навстречу ромеям. Хоть чуть-чуть пощипать врага. Другие, такие как Гуннар Волк, занялись откровенным грабежом. Князь не препятствовал. Похоже, он больше не верил, что ему удастся отстоять болгарские земли. А коли так — можно разбойничать. Хоть ромеям не достанется.

Подобное поведение окончательно отвергло от Святослава болгар. Кое-кто из воевод: Свенельд, Щенкель, Духарев — полагали, что это неправильно, но сделать ничего не могли.

Утешало одно: Доростол великий князь отдавать не собирался. Сотни русских отрядов обшаривали окрестности по обе стороны Дуная, собирая фураж и продовольствие. У русов был серьезный шанс удержать Доростол, могучую крепость, толщина стен которой достигала десяти локтей.

При дележке «обрабатываемых» территорий Духареву достался район Скопле. Символично. Ведь именно здесь была вотчина отца Слады. Видно, Бог решил проявить милость к родичам семьи Сергея. Духарев не станет брать сверх необходимого и убивать без нужды тоже не станет.

Однако уже на подходе у городу Духарев обнаружил, что его опередили. Два скопельских села уже были разграблены, причем варварски: жители убиты, дома сожжены...

Сергей пришел в ярость, поднял дружину в галоп и поспел как раз вовремя. Поразбойничавшие на духаревской «территории» как раз доламывали ворота.

Конечно, это оказались скандинавы. Нурманы и свей. Головорезы Гуннара Волка. Сотен пять (дружина ярла Гуннара изрядно поредела за последние два года), но зато со своим ярлом во главе.

— Что ты здесь делаешь, свей? — не скрывая гнева, рявкнул Духарев. — По жребию это мои земли!

— Заблудился! — В наглых сумасшедших глазах ярла — дьявольское веселье.

— Зачем ты пожег села?

— Захотелось!

— А убивал зачем?

— А я люблю убивать, воевода!

Сергей поглядел наверх. Там, на стенах — защитники Скопле. Женщины, старики, мальчишки... Мужчин, воинов, почти не осталось. Не стреляют и не мечут ничего со стен. Может — нечего, а может — ждут, чем кончится спор двух русских воевод. Шансов у них никаких. Один-два хороших удара — и воротам хана.

— В этом городе ты не будешь убивать, ярл!

— Да ну? И кто мне помешает?

— Я! И моя дружина!

— Из-за каких-то жалких болгарских смердов ты, воевода, готов отдать кровь своих дружинников? — удивился Гуннар.

Духарев в упор смотрел на свей. Спутанная светлая борода, щербатый рот, синие веселые глаза под кромкой сдвинутого на затылок шлема. Да, ему очень весело, этому ярлу по прозвищу Волк, хитрому, как скандинавский бог Локи. Дружина Духарева сильнее, чем

его хирд. Закованной в панцирь спиной Сергей чувствовал мощь тысячи гридней. Чувствовал так же ясно, как острый запах конского пота, исходящий от разогретого скачкой Калифа.

Если Сергей прикажет, дружина ударит. Но скандинавы — могучие воины. Хорошо, если после битвы от духаревской тысячи останется больше половины. Каждый из дружинников Сергея это знает. Но прикажет воевода — и они будут драться. Драться за ничтожный городок Скопле, родину Сладиславы. Сбежавшей жены Сергея...

— Пополам! — предложил Гуннар. — Всё, что добудем, честно поделим. Годится?

— Что ж, пожалуй, я с тобой соглашусь, Волк, — сказал Сергей.

Он спрыгнул на землю, притопнул, разминая ноги.

— Да, соглашусь, — повторил Духарев. — Не стоит проливать кровь наших воинов ради какого-то болгарского городка. Но есть еще кое-что, ярл. Еще кое-что, кроме этого городка и того, что можно на нем взять.

— О чем ты, воевода? — Гуннар прищурил один глаз. Северный акцент в его речи стал явственнее.

— Всё просто, ярл. Ты заступил мне дорогу, вот и всё. — С металлическим шелестом клинки выскользнули из нолсен. — Теперь ты понимаешь?

— О да! — Гуннар Волк оскалился и вытянул свой меч. — Теперь я понимаю! Великому князю это не понравится. Великий князь и так не слишком любит тебя, воевода Сергей.

— Ты боишься? — насмешливо поинтересовался Духарев. Сабля в его левой руке размазалась в воздухе сверкающим веером.

— Я никого не боюсь, варяг! — Ярл перебросил меч в левую руку, правую закинул за плечо — ему тут же подали копьё. — Ни тебя, ни князя, никого!

— Если ты такой храбрец, почему тогда сбежал от гнева своего конунга? — поинтересовался Духарев.

Они уже не стояли — кружили. Пока еще — на отдалении, не сходясь.

— В жизни всякое бывает, — философски ответил ярл. — Помнится, и тебя уносили с поля битвы.

— Ну ты-то, ярл, удирал на собственных ногах! — Духарев сделал пробный выпад. Гуннар парировал с легкостью. И сразу же попытался достать Духарева копьём. Вот это он сделал напрасно. Недооценил остроту «Дамаска». Духарев хлестнул наискось, по нисходящей, и срезал наконечник копья пониже железной оковки, превратив копьё в простую дубинку, которую Гуннар швырнул Сергею в лицо. Духарев небрежно отшиб ее мечом... И резкая боль уколола ногу.

Вместе с древком хитрый свей метнул спрятанный в рукаве нож.

Духарев не успел глянуть, насколько серьезна рана. Гуннар обрушился на него, как выскочивший из берлоги медведь. Бил с двух рук — мечом и короткой секирой, наседал, вертелся юлой, норовя зайти сбоку, быстрый и очень ловкий, несмотря на изрядные габариты.

Сергей отбивался. Экономно, умело. Не позволяя втянуть себя в хаотический бой, навязываемый ему Гуннаром, и не отступая ни на шаг. Он создавал, что является для свей очень неудобным противником. Если бы Духарев бился двумя мечами, как многие варяги, ярлу было бы проще. Но меч и сабля — это другое. Немного похоже на меч и секиру. Только сабля, особенно такая, как у Духарева, намного опаснее. Однако Гуннар был опытейшим воином. Минута, другая — и он приспособился. Тогда, неуловимым отработанным движением, Духарев сменил руки. И обратным движением «Дамаска» чиркнул по плечу свей. Вскользь, но кольчужные звенья так и брызнули.

Гуннар отпрыгнул, тяжело дыша, и Сергей наконец получил возможность глянуть на свою ногу. Ничего страшного. Нож прорезал кожу штанины и оцарапал икру. Ерунда. Но Духарев продолжал смотреть на ногу. И более того, выразил лицом крайнюю озабоченность. И Гуннар купился. Сдвинулся вправо — так, чтобы солнце светило в спину, метнул секирку

(Духарев уклонился, с запозданием, но все-таки успел), прыгнул вперед и рубанул сложно и хитро, наискось, из-под руки. Он был уверен, что ослепленный солнцем Сергей не увидит его движения.

Но Духарев не смотрел на ярла. Он смотрел на его тень. И угадал удар за мгновение до его начала. Не так уж сложно, если ты наизусть знаешь все приемы скандинавского боя. Угадал — пропустил мимо себя, прикрывшись плоскостью меча, — и с разворота, с оттягом, хлестнул Гуннара саблей по основанию шеи повыше пластин панциря. Кольчужный ворот не спас ярла. Клинок прорезал кольчугу, рассек толстую золотую цепь, украшавшую шею нурмана, — и саму шею: кожу, мышцы, артерии, позвоночник. Ярл еще бежал — мимо Духарева, поднимая меч для нового удара, а кудлатая голова в круглом красивом шлеме уже летела отдельно от тела. Когда она ударилась оземь, шлем соскочил и завертелся волчком, а голова покатилась под ноги Калифа. Конь Духарева заржал и попятился.

— Хороший удар, — сказал Зван Йонаху.

— Хорошая сабля, — уточнил хузарин. — И нурман был хорош. Как он ловко метнул нож. Я тоже так научусь. Пригодится.

Духарев смахнул кровь с клинка, вложил саблю и меч в ножны, вскочил на Калифа.

— Забирайте своего ярла и убирайтесь! — прогремел он. — Это моя земля!

Город Скопле не был разграблен. И провианта русы набрали всего тридцать шесть возов. Гуннар взял бы вдвое больше. Плевать ему, что жители перемерут от голода. Хотя не факт, что после «визита» скандинавов в городке остались бы жители...

А Святослав Сергею ничего не сказал. Зыркнул сердито — и отвернулся. Он уже потерял одного воеводу и не хотел терять второго. Понимал: одно неверное слово, Духарев вместе с дружиной сядут на лодьи — и прощай, Булгария. Воеводе здесь нечего защищать. Своих земель у него тут нет. Ничего нет. Был дом в Преславе... Теперь там ромеи. Только клятва и удерживает воеводу рядом с его князем. А даст Святослав повод — возьмет воевода назад свою клятву. И уйдет. И даст повод другим. Могут и хузары с ним уйти — дружен с ними Серегей. Могут уйти и полоцкие княжича Бранеслава. Им тоже не за что сражаться здесь, на болгарской земле. А там и Свенельд со своими... И останется от двадцати с лишним тысяч воев у Святослава не больше десяти. С десятью тысячами против сорока тысяч Цимисхия... Лучше тоже уйти. Но тогда все увидят: отвернулась удача от Святослава. Перун! Разве вернешь удачу, отсиживаясь за стенами!

Святослав принял решение. Он встретит ромеев снаружи. В чистом поле. И там поглядим, кто крепче!

Глава шестая

Ромеи и хузары

Авангард ромейского войска двигался по широкой удобной дороге, несколько опередив основные силы. Возглавлял авангард, состоявший из легкой конницы из восточных фем и наемников из сопредельных Византии земель, архиг критян Анемас. Когда-то звали его не Анемасом, а Аль-НуМаном, и был он сыном и соправителем эмира критян Абд-эль-Азиза. Десять лет назад Никифор Фока разбил критян и взял Аль-НуМана в плен. Но не казнил, а сохранил жизнь. И стал Аль-НуМан Анемасом. И вот уже десять лет воевал на стороне победителя. Нынешний василевс Иоанн знал Анемаса лично. И не раз скрещивал с критянином клинки, поскольку был критский араб Анемас большим мастером сабельного боя. За это умение взял его Цимисхий в личные телохранители. И одарил многими милостями. Так архиг Анемас стал одним из лучших людей Константинополя. А сейчас еще более возвысил Анемаса василевс. Доверил командовать авангардом.

Ехал Анемас впереди войска и гордился оказанной честью. И от этой гордости торопил коня, желая побыстрее выйти в стенам Дристры-Доростола, где прятался от гнева василевса катархонт россов. Так торопился архиг Анемас, что не заметил: далеко оторвались его всадники от главных сил.

Хузары Рагуха прятались в роще у дороги. Разведчик сообщил Рагуху, что передовой отряд ромеев числом около полутора тысяч сабель опередил главные силы более чем на десять стрелищ и идет беспечно, проверяя дозорами лишь дорогу и не беспокоясь о ее окрестностях.

Хузар было меньше, около тысячи. Но на их стороне — внезапность. Пришло время смочить хузарские стрелы ромейской кровью...

Ничто не предвещало беды. Даже птицы пели, как обычно. Но Анемас почувствовал опасность нутром прирожденного воина.

— Стой! — закричал он. — Трубач! Сигналь: «Все ко мне! Сабли наголо! К бою!»

Лишь на дюжину ударов сердца опередил критский принц команду Рагуха: «Бей!»

Однако опередил. Всадники встrepенулись, подхватили щиты. Передовая сотня даже успела сомкнуться вокруг командира.

И тут с двух сторон ударили в ромеев хузарские стрелы.

Били в упор, поэтому почти треть ромеев в первые же мгновения боя оказалась на земле.

Но остальные не растерялись. Бросились в атаку и вынудили хузар вступить в рукопашный бой.

Бились жестоко. Силы были почти равны. Но хузарские луки оказались опаснее ромейских копий, и очень скоро стало ясно, что авангарду — конец.

Оборвался рев трубы — подстреленный трубач рухнул в пыль.

От лучшей сотни Анемаса осталось не более тридцати клинков. Они были рядом, когда Анемас бешеным волком метался между деревьями, сшибаясь, рубя, настигая, вспарывая клинком вражеские доспехи. Хузарские стрелы сбрасывали ромеев с седел, хузарские сабли секли их, но сын критского эмира казался заговоренным: стрелы летели мимо, а столкнувшиеся с ним хузары — гибли.

— Умри! — закричал Рагух, вскидывая лук.

Но на пути хузарской стрелы возник древесный ствол, и проклятый ромей опять уцелел.

Эх, будь они в степи, а не в здешней тесноте горных дорог и поросших лесом лощин...

Но что зря стенать. Рагух сам выбрал место для этой битвы. И он почти победил. Осталось только прикончить ромейского тысячника.

Движением колен хузарин послал коня навстречу ромею. Ромей полетел на него. Рагух выпустил стрелу, когда между ними было всего двадцать шагов. Два удара сердца. Стрела должна была прошить ромея насквозь: никакие доспехи не спасли бы...

Но когда Рагух отпустил тетиву, ромей упал с коня.

То есть Рагуху показалось, что ромей упал. На самом деле Анемас соскользнул с седла, нырнув коню под брюхо. И через два мгновения снова оказался в седле.

Вторую стрелу Рагух выпустить не успел. Не успел и взяться за саблю. Клинок возникшего ниоткуда Анемаса чиркнул хузарина по шее. И всё.

Арабский скакун унес Анемаса к новому врагу, а прошедший через сотни битв хузарин понял: конец.

— Барух ата адонаи... — успел произнести Рагух, но тут силы покинули его, и «белый» хузарин в первый и последний раз в жизни упал с коня.

Его смерть стала смертью всех его воинов. Некому было командовать отступление. И подоспевшая на зов трубы конница ромеев вырезала всех.

Лишь троим удалось уйти. Эти трое поведали Святославу, что ромеи уже рядом. В

четверти поприща.

И тогда Святослав поступил так, как и положено не знавшему поражений полководцу.

Нет чести в том, чтобы отсиживаться за стенами, объявил он своему войску. Нет доблести в том, чтобы прятаться от врага. Только в настоящей битве приумножается слава. Потому князь русь встретит врага в чистом поле.

Однако в том, чтобы пресечь смертоносный разбег ромейской конницы, ничего худого нет. Поэтому заостренные колья, ямы и прочие ловушки, которые нетрудно спрятать в траве, уже готовы.

Выезжая из города во главе своей дружины, Духарев вспомнил, как без малого три года назад он впервые увидел этот город и это поле. Какие грандиозные планы были у них тогда... А теперь? От пятидесятитысячного войска осталось меньше половины. Сколько добрых воев сложили головы!. За что? За золото? За то, чтобы князь Святослав назвался хаканом болгарским? Рагук, старый товарищ, за что погиб он? А тысяча его хузар? Они могли бы стать щитом своей собственной родины, которой нынче ой как нелегко, а легли здесь, на чужой земле.

Но эти мрачные мысли никак не отражались на лице Духарева. Любой, кто взглянул бы на него в эти минуты, решил бы: воевода Серегей выезжает на поле битвы, чтобы победить.

А сын критского эмира Анемас уцелел. Один из семидесяти шести воинов, оставшихся от полуторатысячного авангарда.

— Ты снова мой телохранитель, — сказал ему василевс.

Анемас не спорил. Другого за подобную беспечность василевс наказал бы намного суровее.

Глава седьмая

Первая битва у Доростола

Василевс Иоанн смотрел с холма на выстроившееся на равнине войско россов. Их было меньше, чем он ожидал. Но Сфендослав — противник, которого рискованно недооценивать. Линия больших красных пехотных щитов, щетина длинных копий. А где же скифская конница? Вот она, на флангах. Интересно, почему на флангах, а не впереди? Ведь обычная тактика россов: налететь, осыпать стрелами — и отойти. Нападать, не вступая в ближний бой, держа дистанцию. И только в критический момент отойти под прикрытие пехоты. Здесь вполне достаточно места для такой тактики. Перед шеренгой россов — ровная земля, поросшая свежей зеленой травой. Почему тогда конница в отдалении, на флангах?

— Ударь их всей силой, мой повелитель! — воскликнул стратопедарх Петр. — Наши катафракты уничтожат жалких скифов!

— А что скажешь ты? — Иоанн обернулся к магистру Барде Склиру, командовавшему лучшими (не считая «бессмертных», конечно) воинами империи, ветеранами восточных войн.

Магистр Склир ответил не сразу. Среди стратигов Цимисхия у Барды Склира был наибольший опыт войны с россами. И он уже атаковал пехоту россов латной конницей...

— У россов было время подготовиться, — сказал магистр Склир. — Они стоят так, будто приглашают нас атаковать их катафрактами. Уверен: в траве — острые колья, веревки, железные «ежи» и прочая дрянь. Пойдем в лоб — потеряем людей и коней.

— Согласен, — кивнул василевс. — Вперед пойдет тяжелая пехота. С ней — лучники и пращники. С флангов их прикроет легкая конница. А катафрактов мы побережем для решающего удара.

— Кесарь придержал катафрактов, — заметил Икмор. — Хитер!

Великий князь и те из его воевод, которые в этом бою должны были командовать конницей, стояли на небольшом холме в полукилометре от пехоты. Над ними струились знамена, а позади застыли в готовности конные дружины.

— Они достаточно умны, чтобы не наступать дважды на одни и те же грабли, — сказал Духарев.

Святослав промолчал. Он смотрел, как приближается пешее войско ромеев. Ровном шагом, неторопливо. Впереди доспешных воинов — лучники и пращники. Пока не стреляют — далеко. А на флангах гарцует легкая конница. А позади, в трех-четырех стрелищах — главная сила. Катафракты. Над ними значки ромейских воевод, а золотые значки самого кесаря поблескивают еще дальше.

Когда ромейская пехота оказалась в половине стрелища от спрятанных в траве ловушек, Святослав сделал знак сигнальщику. Тот трижды дунул в рог. Пехота русов стронулась и подалась назад. Неторопливо, сохраняя строй, но всё же это выглядело как отступление. И ромеи купились. С шага перешли на бег... И наткнулись на колышки, «ежи» и «растяжки». Сначала бегущие впереди лучники и пращники, уже готовившиеся осыпать русов стрелам и снарядами, потом — тяжелая пехота...

Зато русские лучники не оплошали. Пошла первая волна стрел, потом вторая, третья... Четвертая — с паузой, уже после того, как первая волна накрыла ромеев.

Особенно досталось легкой пехоте. Среди тяжелой потерь было немного. В основном пострадали воины первых шеренг.

Но ромеи всё равно отступили. Русы отбили первую атаку, причем с блеском.

Однако это была еще не победа. Так, проба сил с обеих сторон.

Снова забили барабаны, завывли гнусаво ромейские трубы, и пехота снова двинулась в атаку.

Теперь они двигались с большей осторожностью. Пращники и лучники прятались за латниками и били навесом, через головы своих. Эффективность такой стрельбы была меньше, чем у русов, но зато и ромейских стрелков было раза в три больше.

Когда между противниками осталось меньше ста шагов, войско Святослава пришло в движение. Волчий вой варягов, рычание нурманов, яростные вопли остальных ратников слились в один грозный хор, и тысячи русов бросились навстречу врагу. Несколько секунд — и оглушительный грохот сшибшихся латников возвестил о начале самого страшного и кровопролитного этапа битвы — рукопашной сечи...

Солнце клонилось в закату. Битва, длившаяся уже более двух часов, не утихала. Ромейская пехота накатывалась на сомкнутые шеренги русов... И откатывалась, оставляя на щедро залитой кровью земле мертвые тела. Свои и чужие.

Десятая атака...

— Пора, княже, пора! — не выдержал Ингвар. — Самое время ударить!

Духарев его понимал. Тяжко вот так стоять и смотреть, как сражаются и гибнут другие, свои...

Но он понимал и Святослава. Тот ждал, что Цимисхий не выдержит и бросит в бой катафрактов. Вот тогда и ударить...

Русы отбили десятую атаку. Ромеи отошли, перестроились. Русы тоже перестроились: выдвинулись вперед те, кто был сзади...

— Левый фланг, князь, — негромко произнес Свенельд.

— Вижу, — буркнул Святослав.

Духарев тоже видел: на левом фланге, где держали оборону черниговские и смоленские (спешенные дружинники и ополчение), глубина строя уменьшилась почти втрое.

— Не выдержат, — сказал Свенельд.

— Посмотрим, — великий князь, прищурясь, глядел вдаль, туда, где блестели значки кесаря Византии и стояла ромейская конница.

Снова завывали трубы, и ромеи пошли в одиннадцатую атаку.... И опять откатились.

Левый фланг устоял.

Солнце коснулось гор. Тяжкая битва. И русам в ней приходилось тяжелее. Ведь их было почти вдвое меньше. Но сплоченность и высокий боевой дух войска, не знавшего поражений, придавали им сил.

Двенадцатая атака.

И левый фланг дрогнул...

— На-конь! — покрывая голосом грохот битвы, взревел Святослав.

Духарев успел увидеть, как стронулись с места ромейские катафракты, и тут Калиф сам рванулся с места и полетел вслед за гриднями Святослава, догоняя, обгоняя, вырываясь вперед, обгоняя остальных дружинников...

Всадники бурей пронеслись вдоль пехотного строя, мгновенно остановив отступление черниговцев и смолян (бежать под взявшую разбег конницу — смерть), широко обогнула левый фланг и врезалась в гущу ромеев.

Двоих врагов Духарев поддел на пику. На втором ударе пика увязла. Пришлось ее бросить и взяться за клинки.

В этом бою Сергей сражался не как воевода — как простой всадник. Рубил, отбивал, сёк, колол, полностью отдавшись битве... Пока вдруг не обнаружил, что больше не видит вражеских лиц, — а только щиты, брошенные за спину, и тыльники ромейских шлемов. Пехота побежала.

Как выяснилось позже, пехота ромеев не просто побежала. Великий князь повел атаку таким образом, что побежала она навстречу накатывающимся катафрактам.

Но те тоже были не лыком шиты. Взяли в сторону, огибая собственную беспорядочно отступающую пехоту.

И тут, краем уха, Духарев услышал сквозь грохот битвы, как рог сигнальщика трубит отход.

Сергей глянул туда, где билась дружина великого князя. Знамено с пардусом двигалось не назад, а вперед, навстречу катафрактам.

Через полминуты латная кавалерия империи и конница русов сшиблись. Но схватка была совсем короткой. Солнце уже село. Быстро темнело.

Войска разошлись. Русы отступили к Доростолу, ромеи — к холму, с которого василевс Иоанн руководил битвой.

— Воины! — зычно воскликнул Иоанн. — Мы победили! Россы бежали. Только ночь помешала нам разгромить их.

Войско императора стояло у подножия холма. Первые шеренги были освещены красноватым светом факелов, дальние терялись во мраке.

— Архистратиг Сфендослав, доселе не знавший поражений, ныне посрамлен силой вашего оружия! — провозгласил Иоанн. — Святой Георгий — с нами!

Ответом ему были приветственные клики. Но не слишком энергичные. Впрочем, это можно понять — бой был тяжкий.

— Воины! За проявленную доблесть каждому будет выдано месячное жалованье!

Вот теперь войско откликнулось намного бодрее.

— Отличившиеся получают награды! Пусть командиры кентурий подадут списки! И сегодня у нас будет пир! Вдоволь жареного мяса! По две бочки вина на кентурию! Мы победили! Враг бежал! Это наш праздник! Возблагодарим Господа за это!..

В полумиле от ромейского кесаря на поле боя медленно ползали огни. Это при свете факелов мортусы русов и ромеев подбирали и уносили павших. Рус и ромей, встречаясь, не убивали друг друга. На этом поле смерть и так собрала обильную жатву.

Так кончился день 23 апреля 971 года от Рождества Христова.

Глава восьмая

Путь домой отрезан!

— Смотри, как трудятся, точно муравьи, — сказал Икмор.

— Это они болгар согнали, — заметил Духарев.

С доростольской стены воеводы смотрели, как ромеи возводят укрепленный лагерь на небольшом холме примерно в пяти стрелищах от города. Строили на совесть: частокол, ров, сторожевые башенки...

— Всерьез устраиваются, — проворчал Икмор. — Должно быть, крепко мы им вчера всыпали, что они теперь открытым лагерем стоять боятся.

— Да нет, это у них обычай такой, — возразил Сергей. — Так еще издревле у них повелось: первым делом такой вот лагерь построить. Между прочим, правильный обычай. Помнишь, два года назад их войско с царевичами к Преславе шло? Так если бы не этот обычай, я бы им ночью задал жару. Хотя тут они, конечно, поосновательней строят, и это тоже понятно. Ведь не на одну ночь — на месяцы. Понимает кесарь ромейский — с наскока такой город не взять.

— Да ему вообще нас не взять! — сердито сказал Икмор. — Нас здесь восемнадцать тысяч, и с нами Святослав! И припасов на пятьдесят дней. Меч им в глотку, а не Доростол!

— То-то и оно, что на пятьдесят. Сейчас апрель. А Цимисхий может под стенами хоть всё лето простоять. И что тогда?

— А то, что сядем на лодьи, переправимся через Дунай и возьмем на тамошних смердах, сколько нужно.

— Сюда флот ромейский идет, — напомнил Духарев.

— Сомневаюсь я. Шел бы, так уж давно был бы здесь.

Духарев промолчал. После того как он убил Гуннара и перерезал людей Мышаты, доверие к нему пошатнулось. Его теперь считали немного тронутым. Уважали по-прежнему: для здешнего воина легкое безумие было почти нормой, особенно — в бою. Но для воеводы и ближнего княжьего мужа «сдвинутый шифер» — свойство категорически неприемлемое.

— Десять золотых гривен, — сказал Духарев.

— Что — десять гривен?

— Если ромейский флот придет сюда в течение двух недель.

— Принято! — мгновенно отреагировал Ингвар.

Между тем ромеи на холме почти закончили. Воеводы увидели, как они поднимают вверх длинные копья и навешивают на них щиты. Неплохая оборонительная идея.

На помост взобрался княжий отрок.

— Здравия вам, воеводы! Великий князь на совет зовет!

Патриарший дворец, избранный Святославом в качестве ставни, от «нашествия варваров» изрядно утратил лоск. Похоже, с тех пор как отбыл патриарх, тут никто не убирал. Только мусорили. Хорошо хоть костры не разжигали в залах.

Совет длился недолго. Собственно, это был не совет. Святослав уже принял решение и сейчас просто сообщил его воеводам.

Доростол не отдавать. Стоять крепко, но воевать активно, изнуря врага внезапными вылазками.

Этакий воинственный спич на тему: победа будет за нами. Но ничего конкретного.

Что удивило Духарева, так это отсутствие на совете Калокира. Что же получается: патрикий смылся?

Спрашивать у Святослава, куда делся патрикий, Духарев не стал. Спросил позже у Стемида. Тот навел справки и выяснил, что Калокир отбыл из Доростола еще позавчера. С

полусотней собственных фемных катафрактов. Куда — неизвестно. Но Святослав провожал его лично. Следовательно, великий князь — в курсе. Ну и ладно.

После совета Духарев зашел проведать своих раненых гридней.

Под госпиталь были отданы несколько залов патриаршьего дворца и часть прилегающего к нему монастыря.

Пока больше половины госпитальных площадей пустовало. Но радости от этого мало. Для первого боя потери были огромные. Оставалось надеяться, что противник потерял еще больше. Все раненые были обихожены. Лекарям русов помогали сведущие во врачевании болгарские монахи. Пока медперсонал справлялся.

Во вчерашнем бою дружина Духарева потеряла семнадцать человек убитыми и около трех десятков — ранеными. Это не считая тех, чьи ранения были настолько легкими, что они остались в строю. Невеликие потери в сравнении, скажем, со смоленскими или полоцкими, которые стояли в пешем строю. Но Духареву был дорог каждый дружинник, потому с каждым из раненых (кроме двоих, пребывавших без сознания) Духарев поговорил обстоятельно. Подбодрил.

Выходя из дворца, Сергей встретил Устаха.

Устах был мрачен. Во вчерашней сече полегло больше трети его гридней.

Духарев утешать его не стал: путь воина всегда вдоль Кромки идет.

Пошли в ближайшую харчевню — помянуть усопших.

Увидев знатных русов, хозяин залебезил, засуетился, быстренько выставил из «VIP-подвала» каких-то местных богатеев, в две минуты «накрыл поляну».

— Зря я остался, — сказал Устах. — Бранеслав, княжич мой, как уехал прошлой осенью, так и не вернулся. Должно, Роговолт не пустил. И правильно. Всего золота не завоюешь, а земли эти нам ни к чему. Ты уж прости меня, братко, я тебе как другу больше скажу: и князь твой Святослав, который в кесари метит, нам в Полоцке тоже ни к чему. В дружбе с ним быть — пожалуйста. Дань ему платить малую — не зазорно: через него вся богатая торговля идет. Но ползать перед ним на брюхе — ну уж нет!

— О чем ты говоришь, Устах? — Духарев даже удивился. — Когда это Святослав своих союзников на брюхе ползать заставлял?

— Это — пока он великий князь. А кесарем станет — еще и не то заставит. У кесаря, сам знаешь, союзников нет. И друзей тоже. Только слуги и рабы.

— Да ну тебя! — махнул рукой Сергей. — Даже спорить с тобой не хочу. Не хочешь Доростол защищать — уходи. Никто ведь не держит.

— А ты уйдешь? — быстро спросил Устах.

Духарев покачал головой.

— А говоришь: никто не держит, — укоризненно заметил Устах. — И Элда тоже тут. И Машегов сынок. И Понятко. Как же я вас брошу? Давай лучше о другом. Помнишь, как мы...

Проговорили часа три. Хорошо пообщались. Еще бы сидели, да никак. Оба — воеводы. Забот — выше крыши.

Всё-таки хорошая штука — жизнь. Обидно только, что не знаешь, когда она кончится. Может — через тридцать лет. А может — уже на следующий день...

На следующий день, двадцать пятого апреля 971 года, жизнь Духарева не кончилась. Зато он выиграл десять золотых гривен.

Пришел ромейский флот.

Только радости от выигрыша у Сергея не было. Лучше бы ему проиграть.

Глава девятая

Вторая битва у Доростола

Лодьи русов сошли на берегу под стеной. Здесь они были в безопасности. Ромейские огненосные триеры не рисковали подойти ближе, справедливо опасаясь попасть под обстрел доростольских орудий.

Но водный путь был для русов заказан. Римский флот отрезал не только путь к отступлению, но и возможность переплыть на тот берег, чтобы возобновить запасы.

В осажденном городе это понимали все. Надо было что-то делать... Что?

Тем временем войско ромеев приблизилось к городу и принялось издали обстреливать русов. Со стен им отвечали тем же. Эффективность такой перестрелки была невелика. Ромеи прятались за большими щитами, а русы — за гребнем стены.

Цель этой вялой имитации штурма была, очевидна: выманить русов на вылазку. Зоркий глаз без труда различал византийскую конницу, только и ждавшую, когда воины Святослава сунутся наружу.

Так продолжалось целый день, и только к вечеру, когда у ромеев наступило время ужина, Святослав подал сигнал к атаке.

Конные дружины русов выехали одновременно сразу из двух ворот: западных и восточных. Духареву достались восточные. Их «контролировали» македонские и фракийские войска под командованием уже знакомого русам стратопедарха Петра. Западные «охранял» тоже старый знакомец — Варда Склир, у которого под началом были воины с Востока. Эти посерьезнее македонцев. Потому Икмору, который командовал западным отрядом, пришлось тяжелее. Но всё равно момент был выбран очень удачно.

Русы с ходу стоптали легкую пехоту и приняли катафрактов лоб в лоб.

В наступающих сумерках бой превратился в мясорубку. Кольчуги и панцири русов по прочности не только не уступали, но часто даже превосходили крепостью броню катафрактов. И вдобавок меньше стесняли движения. Кроме того, большинство гридней управлялись с лошадьми без помощи поводьев, что впоследствии дало основания византийскому хронисту написать, что, мол, скифы — такие дикари, не умеют даже пользоваться поводьями. Впрочем, хронисту простительно, ведь он никогда не видел в деле обоерукого воина-варяга.

Темнота сгущалась. Сергей рубился почти наугад. Интуитивно угадывал опасность, уклонялся, снова рубил. Его дружине повезло: фракийские и македонские полки состояли в основном из «молодежи». Гридням Икмора пришлось тяжелее. «Азиаты» Барды Склира были настоящими ветеранами. Вдобавок в ближнем бою действовали не мечами, а тяжелыми булавами, плющившими шлемы и дробящими кости даже сквозь панцири и кольчуги.

Когда из ромейского лагеря подоспела подмога, русы вновь отступили за стены. Враги попытались проскочить следом, но со стен на них обрушили столько «гостинцев», что ромеи отступили и вернулись в лагерь. Это дало возможность русам собрать павших.

Двадцать шестого апреля 971 года к ромеям наконец подошли обозы, а вместе с ними и осадные машины.

Этот день прошел без происшествий. Несколько мелких вылазок, вялая перестрелка. Цимисхий ждал, когда наконец подготовят машины и можно будет начать планомерную осаду.

— Завтра мы дадим им настоящий бой! — решительно заявил Святослав своим воеводам. — Выйдем всей силой и порадуем Перуна.

И они вышли в поле на закате и бились до темноты.

И потерпели поражение.

Только ночь дала русам возможность спрятаться за стенами.

В этом бою погиб воевода Щенкель.

А ромеи отошли, уверенные в том, что осажденные после такого разгрома не рискнут даже носа высунуть за стены крепости.

Но русы рискнули. И на следующее утро проснувшиеся ромеи увидели, что теперь Доростол окружает широкий и глубокий ров.

И, чтобы подвести к стенам города осадные машины, этот ров придется засыпать, заплатив за это не одной тысячей жизней.

Русы тоже готовились к долгой осаде.

Дружинники Духа рева выбрали несколько домов с достаточно большими дворами, выселили из них жителей (война, ничего не поделаешь), поставили навесы для коней, заполнили хранилища зерном, собрали и снесли в кладовые дружинный провиант. У хранилищ и кладовых Стемид распорядился поставить стражу. В условиях осады пища становилась дороже золота. Правда, это был резерв. Главные запасы хранились в патриаршем дворце под охраной княжьей стражи. Никто не сомневался, что и эти припасы будут делиться по чести: поровну между всеми, включая и воевод, и самого великого князя. Но хватит ли этих припасов?

Об этом думали все, и воины-русы, и оставшиеся в городе жители. Глашатаи князя объявили во всеуслышание, что все доростольцы, которые хотят потрудиться на защите города, будут получать тот же паек, что и вои Святослава. А остальные? А женщины и дети? А если запасы русов кончатся? Что тогда? Вдруг пойдут по дворам суровые усатые воины, отнимая у горожан последнее?

Никто не знал в точности, что будет. Впрочем, нет. Один человек знал. Свенельд.

Глава десятая

Лихая вылазка

— Месяца полтора, возможно два, если мы будем жить впроголодь, — доложил Свенельд, которому великий князь поручил провести подсчет имеющихся в крепости запасов. — А потом нам придется есть своих коней.

Воеводы помрачнели. Съесть собственного коня... Да для многих лучше собственную руку съесть!

— Что будем делать, воеводы? — спросил Святослав. — Где добудем пропитание?

— Да где ж его добудешь, княже? — развел руками Лют Святославович, коему, как младшему, принадлежало первое слово.

— На ту сторону не попасть, — поддержал Люта воевода черниговский. — А тут мы всё уже выбрали. Кабы и можно было выйти из крепости, всё равно не сыскать ничего. Да и не выйти. Все проходы ромеи стерегут.

— Выбраться — это нелегко, — признал его правоту Духарев. — А вот место, где есть пища, я знаю.

— Что за место? — спросил Святослав. — И много ли там пищи?

— Много, — ответил Духарев. — А место это называется: ромейский обоз.

Некоторые блмжники Святослава рассмеялись: решили, что воевода шутит. Не засмеялись четверо: Устах, Икмор, Свенельд и сам Святослав. Они достаточно хорошо знали воеводу Серегея, чтобы понять: это не шутка.

Духарев вернулся в отведенные ему покои и сразу потребовал к себе сотника Дементия и тысячника Стемида.

Через некоторое время сотник и тысячник покинули своего воеводу. А еще через некоторое время Дементий появился во дворе, но уже не в богатом облачении сотника, а в потрепанной одежде, кожаном панцире и войлочной шапке македонского прашника.

Никто не засмеялся. Даже не улыбнулся. И не потому, что сзади маячила синеусая хмурая физиономия скорого на расправу Стемида Барсука. Любому гридню понятно: если

сотник переоделся ромеем, значит, пойдет лазутчиком. А это пострашнее, чем держать удар латной конницы. Там ты — в строю, рядом — свои. А лазутчик — он один. И попасться ему — похуже, чем просто умереть.

К вечеру погода испортилась, поднялся ветер, начался дождь, затем и град пошел.

Духарев сидел в тепле, у жаровни. Рядом с ним — Устах и Понятко. Как встарь, когда Духарев был десятником, а Устах и Понятко — простыми гриднями. Теперь все трое — воеводы. Но стали ли они от этого счастливее? Вряд ли.

Так думал Духарев, слушая, как стучит по подоконнику град. Мелкие ледышки падали на пол и постепенно таяли. Крохотное небесное войско...

— Как думаешь, вернется твой Дементий? — спросил Устах.

Духарев пожал плечами.

— До сих пор возвращался, — уклончиво ответил он.

Дементий вернулся. Промокший до нитки, измученный. Сбросил на пол мокрый плащ. Не чинясь, уселся за стол и принялся жадно поглощать оставшееся от трапезы воевод, запивая вином.

— Ну что, узнал? — не вытерпел Понятко. Духарев положил руку на его предплечье: потерпи.

Он знал: Дементий справился. Иначе вел бы себя иначе. Он справился, и потому сейчас ему можно всё. Даже испытывать терпение трех воевод.

Дементий насытился, откинулся на спинку стула, рыгнул.

Появился отрок с сухим шерстяным плащом. Дементий стянул через голову мокрую рубаху, с удовольствием завернулся в плащ.

— Какая ночь, батька, — произнес он, широко улыбаясь. — Какая замечательная ночь!

— Что же в ней замечательного? — спросил Устах. — В такую погоду из-под крыши выходить — сущее наказание.

— Вот именно, воевода! Вот именно!

Лодий не взяли из-за глубокой осадки. Для этого рейда годились только небольшие однодеревки, которые могли плыть по мелководью. Варяги рассаживались в лодки по восемь человек. От воинов пахло мокрой кожей и жиром. Брони у всех были густо смазаны. Рассаживались почти на ощупь, потому что темнота была кромешная. Ни одной звездочки не проглядывало сквозь сплошной щит туч. Град прекратился. Но сильный ветер по-прежнему вспенивал воду и хлестал по лицу мокрой плетью дождя.

В этот рейд были отобраны лучшие рубаки из трех дружин. В основном — варяги. Стрелков не брали. В такую погоду тетивы мгновенно приходили в негодность. Поэтому несчастный и обиженный Йонах остался в городе, а его приятель Зван сидел сейчас у весла в одной лодке с Сергеем и Дементием... И Святославом.

Великий князь присоединился к ним в последний момент. И, как все, взялся за весло. Дементий сидел у руля.

Тронулись. Дементий был прав: прекрасная ночь. Плеск весел почти полностью тонул в шуме ветра и волн. Идти против ветра и против течения было трудно, но, что несравненно важнее, на обратной дороге и ветер, и течение будут на стороне гребцов.

Растянувшись цепочкой у самого берега, так близко к нему, что днища то и дело задевали дно, челны русов плыли по Дунаю. Видимость была — не дальше протянутой руки. Темень кромешная. Лишь пару раз со стороны реки, довольно близко, промелькнули огни — сигнальные фонари на кораблях ромейского флота. Но с кораблей лодки русов не заметили.

Дементий настороженно вертел головой. Он не присматривался (всё равно ничего не видно), а принюхивался и прислушивался.

— Дым, — сказал Зван. — Пахнет дымом. Мы близко?

— Еще пару стрелищ, — сказал Дементий.

— Приналяжем, други, — пробасил Святослав. Великому князю не терпелось. Впрочем, как и всем.

Сбоку смутно виднелась черная громада леса. Вот берег чуть изогнулся, образуя небольшой заливчик.

— Здесь, — сказал Дементий. И крикнул коротко и пронзительно: чайкой. Это был сигнал. Русские лодки повернули к берегу.

Нос первой однодеревки зашуршал по дну. Духарев и Святослав, сидевшие на первой паре весел, одновременно прыгнули за борт, ухватили лодку и потянули на песок.

Варяги высадились.

— Здесь лесок, — сказал Дементий воеводам. — За ним — поляна большая. Там — обоз.

— Сначала окружить, потом резать, — скомандовал Святослав. — Никто не должен уйти и предупредить своих.

Варяги вошли в лес. Ветер грозно гудел в вершинах деревьев, но внизу почти не чувствовался.

Вскоре впереди забрезжил свет. На обширной прогалине горели костры, прикрытые сверху от дождя толстой просмоленной тканью. Стояли груженные возы, шатры. Лошадей не было. Надо полагать, их отвели пастись в другое место.

Варяги бесшумными тенями скользили меж стволов. Несколько минут — и кольцо замкнулось. И тогда в шум ветра впелся леденящий душу пронзительный волчий вой...

Дело закончилось тоже в считанные минуты. Обозников было больше, чем варягов, но мало кто из них успел даже схватиться за оружие. Русы резали их, как овец. Врывались в шатры, вытаскивали полусонных из-под телег...

В плен взяли только троих. Тех, что спали в самом шикарном шатре. Остальных перебили. Спасти удалось немногим. Но судя по тому, что никто не помешал русам загрузить добычу на лодки, эти, бежавшие в ужасе, скорее всего, заплутали в ночном лесу и до ромейского лагеря не добрались.

Часа через два отяжелевшие от груза однодеревки тронулись в обратный путь. Легкий путь. Русы поставили паруса, и ветер сам понес лодки к Доростолу.

Василеве Иоанн узнал о дерзкой выходке росссов только утром.

Он был в бешенстве.

Он был близок к тому, чтобы отдать приказ казнить начальников флота, прохлопавших росссов. Но в конце концов смиростивился. Пощадил. Однако предупредил строго: еще одна такая оплошность — и не сносить им головы.

Отныне, приказал Цимисхий, оба берега Дуная должны быть под неусыпным и непрерывным наблюдением. Невзирая на погоду. Чтобы ни одна водяная крыса...

А все дороги, ведущие из крепости, перекопать. И поставить на них заставы. И чтоб самое позднее через пять дней все боевые машины были собраны и приступили к делу. Он, василевс Иоанн, не собирается сидеть здесь до середины лета. Его место в столице, а не в этой паршивой Мисии! А он вместо этого должен выковыривать из мисийской крепости каких-то зазнавшихся варваров!

Он был прав, василевс Иоанн Цимисхий. Место византийского кесаря — во дворце кесаря. В противном случае есть достаточно большой шанс, что в этом дворце появится новый кесарь.

Глава одиннадцатая

Мятежник

Фортуна обращалась с куропалатом Львом Фокой, как штормовое море с боевой

триерой. То возносила вверх, то роняла вниз, да так, что хрустели шпангоуты и казалось: еще немного — и конец.

Когда его брат Никифор стал василевсом, Лев Фока вместе с ним вознесся на самый гребень. Никифору казалось, что его положение незыблемо, но Лев знал — это всего лишь гребень волны. И потому старался обратить обретенную власть в нечто более долговечное. В деньги.

Говорили, что жадность куропалата способствовала падению Никифора. Но Лев был уверен, что это чушь. Брата предала эта шлюха Феофано. Брата убили бы, даже если бы Лев раздал все деньги жадному охлосу.

Даже оказавшись здесь, в Митимне, на острове Лесбос, вдалеке от Константинополя, в келье монастыря, куропалат Лев был убежден в том, что, копя и умножая состояние семьи, был абсолютно прав.

Деньги помогли ему поднять восстание. Деньги спасли глаза Льва. Когда Цимисхий приказал ослепить Льва Фоку, подкупленный палач лишь слегка опалил ресницы куропалата. Деньги позволили Льву прилично жить в убогой монастырской келье и вовремя получать все новости столицы. Но нынешней встрече Лев был обязан не деньгами. Патрикий Калокир приехал к нему по собственному почину.

— А говорили: ты сидишь в осаде вместе с этим варваром Сфендославом, — сказал Лев Фока.

— Как видишь — я здесь, — ответил патрикий.

— А Цимисхий?

— Узурпатор увяз под Дристрой.

— Насколько крепко?

— Думаю, не меньше чем до середины лета. Стены Дристры крепки, а россы умеют драться.

— Допустим, — согласился куропалат. И спросил напрямик: — Зачем ты приехал, патрикий?

— За тобой, — так же прямо ответил Калокир. — Стража подкуплена. У пристани — быстроходная галера. В столице тебя ждут. Решайся, куропалат Лев!

Брат убитого императора встал. Положил руку на плечо патрикия. Лев был высок ростом, даже выше своего старшего брата. И рука у него была тяжелая, как и положено руке воина.

— Я отблагодарю тебя, патрикий! — сказал он торжественно.

— Что ты решил? — деловито спросил Калокир. — Мы уходим?

— Здесь, в монастыре Пиламис, ты будешь в безопасности, — сказал куропалату Калокир. — Настоятель многим обязан твоему брату. Не выдаст. Завтра сюда приедут твой сын Никифор и те люди, которым ты доверяешь. Но ты должен написать им собственноручно. Боюсь, мне они не поверят.

— Я напишу, — кивнул Лев Фока. — Пусть мне принесут пергамент и чернила. Не будем терять времени. Не позднее чем через пять дней я должен быть во дворце.

— В чему такая спешка, мой господин?

— Это столица, патрикий. Слухи здесь распространяются очень быстро. И мы должны успеть раньше, чем эти слухи доберутся до ушей друнгария.

Спустя три дня всё было готово. Друзья куропалата заверили его, что смогут в нужное время поднять достаточно вооруженных людей. Стража дворца была подкуплена. Более того, подкупив одного из дворцовых ключарей, друзья Льва уговорили его изготовить и передать им восковые отпечатки ключей от дворца. А когда тот сделал и отдал заговорщикам восковые формы, они наняли ремесленника, который тотчас же выковал и сами ключи. Теперь Лев и его сообщники могли в любое время беспрепятственно проникнуть во дворец.

Глубокой ночью Лев Фока взобрался на корабль, который пересек Босфор и пристал к городской стене. Куропалат проник в город через тайную калитку, находившуюся под

храмом святого Фоки.

Теперь до порфиры, скипетра и Хрисотриклина²⁹ Льву Фоке — рукой подать. По крайней мере, так он думал.

Но фортуна опять сыграла с ним с ним жестокую шутку.

Лев Фока остановился в доме одного из своих друзей, расположенном в Сфоракии³⁰. Он ждал, пока его сторонники соберут достаточное количество людей, чтобы уверенно доминировать на улицах Константинополя и противостоять друнгарии Льву, наместнику Цимисхия, который, несомненно, будет драться до последнего. Сотни заговорщиков растеклись по столице, вербуя сторонников. Один из них (история не сохранила его имя) направился к своему родственнику, начальнику царской ткацкой мастерской, поведал тому, что куропалат — в городе, и стал уговаривать поднять своих людей в поддержку брата прежнего императора. Родственник пообещал немедленно собрать людей, но выйдя из дому, направился напрямик к друнгарии Льву.

Наместник Цимисхия был поражен. Лев Фока — в городе? Заговор вот-вот перейдет в мятеж? Невозможно!

Но Цимисхий не зря оставил именно его, друнгария Льва, своим наместником. Возможно или невозможно — надо действовать. Друнгарий и был человеком действия. Через час дом, где расположился куропалат, был окружен сильным отрядом стражи.

Лев Фока сразу понял, что всё пропало. Но он тоже был человеком действия. Пока его сторонники готовились к безнадёжной обороне дома, куропалат вместе с сыном ускользнул через боковую дверь и, понимая, что из столицы ему не вырваться, бросился в храм Святой Софии, припал к алтарю и умолял об убежище.

Тщетно.

Воины друнгария, презрев законы Господа, выволокли обоих из храма.

На следующий день триера с мятежными отбыла на остров Калоним³¹.

Позже, по приказу Иоанна Цимисхия, Лев Фока был лишен своих владений и на этот раз ослеплен по-настоящему.

Вот так, из-за некоего ткача государственный переворот не состоялся. И Иоанн Цимисхий, вместо того чтобы поспешить в Константинополь — отбивать свою столицу, остался под стенами Доростола.

Глава двенадцатая

Вылазка

Шел второй месяц осады. Ромейские осадные орудия безостановочно бомбардировали город, били в стены. Особенный вред причинял огромный камнемет, расположенный напротив западных ворот.

²⁹ Хрисотриктин — «золотая палата», роскошный центральный зал в главном императорском дворце, где происходили торжественные приемы императором послов; имел форму восьмиугольника и венчался куполом с 16 окнами.

³⁰ Сфоракии — район Константинополя, находился к северо-западу от храма св. Софии.

³¹ Калоним — остров в группе Принцевых островов. Относительно Калонима написано у Диакона. Другой хронист, Скилица, утверждает, что мятежники были сосланы на остров Прота. Но для нашего повествования совершенно не важно, кто из них прав.

— Его надо уничтожить, — сказал Святослав. — Сжечь. Вылазку сделаем после завтрака. — И уточнил: — После ромейского завтрака. Пусть они как следуют набьют животы.

— Набить как следует живот я бы тоже не отказался, — заметил Лют. Мысленно все присутствующие с ним согласились. Вот уже три недели осажденные сидели на жестком пайке. Осада затягивалась. Припасы следовало экономить.

— Те, кто пойдет на вылазку, получают двойную порцию, — сказал Святослав. — Когда вернутся.

«Те, кто вернутся», — подумал Духарев. Будь его воля, он уже давным-давно начал бы переговоры. На что надеется Святослав, ему было непонятно. На вылазку отправились Духарев с Икмором. С ближними дружинниками. В этом деле главное — не численность, а скорость. Как только труба в ромейском лагере позвала к трапезе, пятьсот дружинников Сергея и семьсот гридней Икмора выстроились у западных ворот.

Спустя положенное время высоченные створы пришли в движение. Не дожидаясь, пока ворота откроются полностью, воины устремились в расширяющуюся щель. Первой — дружина Сергея.

Эх! Как приятно после городской тесноты вновь почувствовать бьющий в лицо ветер!

Наверное, все русы испытывали нечто похожее. О том, что обратно можно и не вернуться, никто не думал.

Свобода! Бросив поводья, Духарев потянулся за луком. Запела первая стрела. И тут же защелкали тетивы его гридней. Тысяча стрел ушла вперед, обгоняя всадников и заставляя обслугу и охрану ромейских машин прижиматься к земле, прятаться за мощными деревянными станинами.

Навстречу Духареву выскочил ромей с копьем, упер древко в землю. Решил, видно, с перепугу, что он — в строю. Духарев бросил коня вправо, хлестнул саблей — как по соломенному чучелу. Другой ромей бросил копье и пустился наутек. Смешной. Убежать от всадника! Духарев пронесся мимо, кольнув ромея в затылок мечом, и осадил коня. Преследовать бегущих не входит в их задачу.

Духарев засвистел по-особому, созывая своих, увлекшихся погоней, обернулся.

Гридни Икмора выплескивали на осадные машины кувшины с маслом, кидали куски смолы. Икмор активно руководил процессом. Всё шло, как надо.

— Батька, глянь! Ты глянь! — завопил непонятно как оказавшийся рядом Йонах. — Сам кесарь ромеев!

Духарев быстро развернулся. На них неслась ромейская конница. Сколько — оценить трудно. Но впереди всадников скакал ромей, чьи доспехи, казалось, состояли из чистого золота, а перья шлема были почти метровой длины. Насчет чистого золота — это, конечно, вздор. Ни один воин не пойдет в бой в доспехах из мягкого металла. Но бронь, и впрямь достойная кесаря. Может, прав Йонах? Вот это была бы удача!

В этот момент Духарев забыл о том, что Цимисхий — лучший воин Византии. Он думал: убить кесаря — и война закончится.

— Грiddy, за мной! — туром взревел он и бросился навстречу ромеям.

Вражеская конница стремительно приближалась.

Духарев успел увидеть, как несколько стрел ударили в «золотого» всадника, но соскользнули, не причинив вреда. Знатная броня у кесаря ромеев!

Сшиблись! Лишь одно мгновение было у Сергея, чтобы нанести удар. В последний миг уклонившись от острия пики, Духарев махнул саблей. «Золотой» всадник пригнулся, и клинок лишь срезал пышные перья. И всё. Конь унес Духарева в гущу ромеев. Вернуться было невозможно. Мимо, ошетилившись пиками, неслись катафракты. Каждый норовил поддеть воеводу на острие. Но это была непростая задача. Еще мгновение — и Духарев сшибся с каким-то ромеем грудь в грудь. Завизжали, забили копытами злые боевые кони. Катафркт бросил копье, ухватился за булаву, попытался, паскуда, треснуть Калифа по голове. Что за манера у них такая паскудная — лошадей бить! Духарев попытался достать ромея саблей, но того уже оттеснили влево. И удар достался другому катафракту...

Закрутилась конная сеча.

А потом вдруг ромейские всадники «закончились». Духарев и сотни две его дружинников вылетели на открытое место. То есть «открытого» места было метров двести.

Дальше бодрой рысцой поспешала к месту боя ромейская пехота. Еще дальше, из крепости на холме, выезжала латная конница. Но эти вряд ли поспеют раньше чем через четверть часа. Море времени.

— Вперед! — закричал Духарев, и они поскакали на врага.

Увидев всадников, пехотинцы остановились, сомкнулись и оцетинились пиками. Очень разумно. Только вот Духарев не собирался их атаковать. Только придержать немножко.

— Стрелами! Бей! — крикнул он.

А сам развернулся и поскакал обратно.

Теперь ему стало ясно, что катафрактов было от силы сотни три. Соединенные дружины Икмора порубили их всех!

«Золотого всадника» завалил его Велим. Отмахнул голову, поднял ее за огрызок плюмажа.

Русы дружно взревели. Похоже, все были уверены, что прикончили именно кесаря ромеев. А вот Духарев в этом сильно сомневался. Вряд ли кесарь ромеев разъезжает с тремя сотнями охраны. Ну да ладно. Дело сделано.

— Жги! — закричал Икмор. И осадные машины врага утонули в пламени.

Духарев глянул в сторону ромейского лагеря. Черт! Латная конница — уже в трех стрелищах.

— Уходим! Уходим! — загремел он, — В крепость! Живо!

И русы, побросав все трофеи, помчались к воротам. Но голову вражеского вождя Стемид прихватил с собой.

Позже ее накололи на копье и подняли над стеной. Пусть ромеи снизу полюбуются на трофей.

К сожалению, это был не император Византии. Всего лишь стратиг, магистр Иоанн Куркуас³², которому Цимисхий поручил охранять осадные орудия. В отличие от своих прославленных предков, этот успел отличиться лишь тем, что лихо грабил болгарские церкви. Да прохлопал порученные ему машины.

Об этом позже рассказал пленник-ромей.

Тем не менее это была замечательная победа. И боевой дух защитников Доростола поднялся сразу на несколько пунктов.

Однако в целом положение осажденных оставалось очень трудным. Еще месяц-полтора — и в крепости начнется настоящий голод.

А Святослав ждал...

Глава тринадцатая

Византия. Женский монастырь святой Пелагеи

Двенадцатого июля 971 года к воротам маленького монастыря святой Пелагеи, располагавшегося в четырнадцати милях от Константинополя, подъехали пятеро мужчин. Последний вел на поводу оседланную лошадь без всадника.

На одном из мужчин было облачение чиновника царского дворца, на других — доспехи

³² Куркуасы — один из аристократических родов Византии, предположительно кавказского происхождения.

этериотов.

Монастырь был женским, но входить в его внешний двор мужчинам не запрещалось. Да и сам привратник был мужчиной.

— Игуменью сюда! — по-хозяйски скомандовал чиновник.

— Сейчас, мой господин, сейчас! — залопотал привратник, ничуть не усомнившись в праве гостя повелевать. Рядового чиновника не сопровождает царская стража. — Эй ты! — крикнул он молоденькой монашке, заглядевшейся на красавцев-этериотов. — Бегом за матушкой!

Игуменья появилась довольно быстро. Надо полагать, ей сообщили, что приехал человек из Дворца.

— В твоём монастыре находится россинка Сладислава, — без преамбул заявил чиновник. — Она приняла постриг?

— Еще нет. А в чем дело? — Игуменья испытывала сильнейшее желание поставить на место спесивого чиновника, но опасалась. Мало ли чей он родственник и каковы его полномочия.

— Тебя это не касается, — отрезал чиновник. — На, смотри! — и протянул игуменье пергамент.

Первое, что бросилось в глаза настоятельнице монастыря святой Пелагеи, — две печати. Одна принадлежала патрикию Льву, друнгарию флота, которому император Иоанн доверил управлять в свое отсутствие. Вторая — самому патриарху византийскому Полиевкту. Игуменья порадовалась, что не стала порицать дворцового посланника за неучтивость. Она поцеловала печать патриарха и велела немедленно позвать послушницу Сладиславу. Та пришла.

— Ты — жена стратига россов Сергия? — прямо спросил чиновник.

— Да, — так же прямо ответила послушница.

— Поедешь с нами, — распорядился чиновник. — Ольдер, помоги ей сесть на лошадь. Один из этериотов спешил, шагнул к послушнице. Та отпрянула.

— Никуда я не поеду! — воскликнула она. — Матушка!

— Повинуйся им, — сухо сказала игуменья. — Такова воля святейшего патриарха.

Послушница сникла. Этериот подхватил ее и усадил в седло. Боком. Сесть иначе не позволяло одеяние послушницы.

— Эй, постойте! — раздался сердитый голос. — Куда вы ее увозите?

К монастырю приближался еще один отряд, состоявший тоже из пяти человек. Возглавлял его роскошно одетый толстяк. Остальные четверо, вооруженные и доспешные, надо полагать, были его охраной.

— А кто ты такой, чтобы спрашивать? — процедил чиновник.

— Я — доверенное лицо проедра Филофея! — рявкнул толстяк. — А кто ты?

— А я — посланник друнгария Льва!

Вновь прибывшие между тем въехали в ворота и остановились, загородив выезд.

— Не перечь ему, почтенный Михаил! — взмолилась игуменья, увидев, что воины схватились за мечи. — У него грамота с печатями друнгария и святейшего патриарха Полиевкта!

— Покажи!

Игуменья подошла и протянула ему свиток. Толстяк прочитал его, буркнул:

— Такие печати на рынке делают за одну золотую монету!

Чиновник засмеялся.

— Экий ты подозрительный, Михаил! — сказал он. — Сразу видно, что человек Филофея. Но только я всё равно заберу ее с собой. У меня приказ. Хочешь, поехали с нами, если сомневаешься.

— И поеду, — буркнул толстяк.

Он дал знак своим, чтобы пропустили этериотов, а сам пристроился справа от чиновника.

Сначала ехали молча, потом чиновник спросил:
— Скажи мне, Михаил, кто тебе эта женщина?
— Сестра, — буркнул толстяк.
— Тогда понятно, почему ты так расшумелся. Выходит, русский стратиг — твой родич.
— Мы — в ссоре, — проворчал толстяк. Женщина бросила на него быстрый взгляд.
— А как друнгарий узнал, что она была женой стратига Сергия, не знаешь? — помолчав, спросил толстяк.
— Не была, а есть, — поправил чиновник. — Она ведь еще не приняла постриг. А про стратига я сам не знаю. Должно быть, донес кто-то.
— Как тебя зовут? — спросил толстяк.
— Федор, — ответил чиновник. — Я — из рода Масхиев, — добавил он горделиво.
— Знаю твой род, — сказал толстяк. — Достойный... но бедный. — И добавил после паузы: — А я, Федор, очень богатый человек. И могу сделать богатым и тебя, и твоих спутников.
— О какой сумме идет речь? — спросил чиновник.
— Достаточной, чтобы компенсировать недовольство друнгария от того, что какая-то там послушница нечаянно прыгнула в пропасть. Нет, лучше бросилась в море и утонула.
— Интересное предложение... — Чиновник почесал грудь.
Этериоты и охранники толстяка, до этого момента державшиеся настороженно, увидев, что дело идет к сделке, перестали опасаться друг друга и ехали теперь рядом. Можно сказать, парами.
— Очень интересное... — повторил чиновник и оглянулся на этериотов.
Этериот, что ехал последним, молодой, светловолосый, с веснушками на коротком неромейском носу, оскалился весело и хлопнул в ладоши.
И тогда чиновник без всякого предупреждения выхватил из-за пазухи длинный стилет и вонзил его под левую лопатку толстяка.
И в тот же миг этериоты вынули мечи и обрушили их на расслабившихся соседей.
Только один из охранников сумел увернуться. Но в драку не полез, развернул коня и собрался дать деру, но один из этериотов метнул свой меч подобно копьё, и тот на целую пядь вонзился в спину убегающему.
— Хороший бросок, Торгенстайн, — похвалил по-нурмански этериот, которого звали Ольдер. — Впору самому Эгилю.
Чиновник прыгнул на землю, наклонился к упавшему толстяку, сказал по-булгарски:
— А ведь как точно угадал покойник: на рынке печати делали. За один золотой.
И отстегнул от пояса, убитого увесистый кошелек.
Один из этериотов ухватил за повод коня женщины. Впрочем, та и не делала попытки убежать. Сидела в седле с окаменевшим лицом, словно в столбняке.
Молодой этериот, тот, что хлопал в ладоши, подъехал к ней.
— Сладислава...
— Зачем вы это сделали? — по-гречески спросила женщина.
Этериот греческого не знал. Но — понял. Сдвинул на затылок шлем, сказал по-булгарски:
— Узнаешь меня, госпожа?
— Дужка?!
— Да, госпожа, это я. Хочу, чтобы ты знала: твой брат приказал убить мою госпожу, боярышню Людомилу Межицкую.
— Значит... Значит, это твой воевода приказал... убить Момчила.
— Наемники твоего брата напали на Межич и убили всех, кто там был. Спасся только я. Верно, боги хранили меня, чтобы я поведал воеводе правду. Твой брат, он был хитрец: всё сделал так, чтобы подумали на богумилов. Твой муж, — Дужка особо выделил эти слова, — воевода Серегей, приказал убить всех, кто свершил это злодеяние. Но главного злодея пощадил. Потому что этот купец был его братом. Но мне, госпожа, он не брат. И будь моя

воля — он не умер бы так легко.

— Я понимаю тебя, — тихо проговорила Сладислава, опустив голову. — Понимаю. Это моя вина. Прости меня, Господь милосердный... — Женщина перекрестилась. Потом подняла голову: — Меня вы тоже убьете?

— Как можно, госпожа! — возмутился Дужка. — Что ж мы, тати? Нет, тебя мы отвезем домой.

— У меня нет дома.

— Твой дом — дом твоего мужа. Федор! Хватит обирать покойников. Поехали!

— погоди! — воскликнула Сладислава. — Вы что же, так их и бросите?

— Вороны подберут, — усмехнулся Дужка.

— Так нельзя!

— Еще как можно!

— Тогда я не поеду с вами!

— ... грозила соколу куропатка! — подхватил тот, кого звали Ольдером.

— погоди, Ольдер! — оборвал его Дужка. — Скажи, госпожа, если мы их похороним, поклянешься ли ты, что поедешь с нами добром?

— Да, — не раздумывая, ответила женщина.

— Ольдер, Торгенстайн, вон там яма подходящая. Берите мечи охранников, и за дело. Федор, ты пока за дорогой пригляди!

И сам, подавая пример, спешился, поднял меч одного из убитых.

— Сойдет вместо лопаты, — сказал он. Ольдер и Торгенстайн последовали за Дужкой.

— Тут до полудня работы, — недовольно проворчал Ольдер. — Ты веришь этой бабе?

— Это не баба, а жена воеводы Серегея! — отрезал Дужка. — Если она дала слово, не отступит. Это у нас всем ведомо. Копай, воин, если хочешь получить остальные денежки. Иль не видишь, как она кручинится? А коли руки на себя наложит? Волохом клянусь, ни гроша тогда больше не получите!

— Эх, — вздохнул Олдер. — Надо было у купца выкуп взять!

Дужка только хмыкнул и вонзил меч в жирную землю.

Глава четырнадцатая

Гибель воеводы

Середина лета. Жарко. Душно. Даже в роще у реки. А в городе — совсем тяжко. Особенно — в осажденном городе. Воды, правда, в Доростоле вдоволь, но с едой — совсем туго. Всю живность в городе съели еще в июне. По ночам храбрецы выходят из города на реку. Ловят бреднями рыбу. Это опасно. Вдоль берега бесшумно ходят ромейские корабли. В темную ночь их не видно. Бьют стрелами на звук. Да и огнем могут плеснуть. Но русы тоже наловчились — ныряют тогда в воду и плывут за пределы горящего пятна. С бреднем и рыбой, само собой, приходится распрощаться.

Дружинникам голодно, а жителям-булгарам — совсем плохо. За конскую голову дерут полгривны.

Словом, настроение у осажденных — упадническое. Надежды нет. Боевой дух тает... Даже сам великий князь в последние дни ходит мрачный. До него дошла весть, что мятеж, затеянный братом покойного кесаря, не удался. Теперь действительно надеяться не на что. Только — на себя.

— Надо биться! — заявил Святослав. — Ромеи с каждым днем становятся сильнее, а мы — слабее. Покажем им, что есть доблесть русов! Насытим их кровью землю, порадуем Перуна! Я сам поведу войско!

— Нет! — в один голос воскликнули Свенельд и Икмор. Поглядели друг на друга... Икмор кивнул, уступая старшему.

— Мы все знаем твою храбрость, княже, — рассудительно произнес Свенельд. — Но сейчас твой долг перед дружиной — остаться здесь. Если мы проиграем эту битву — отойдем обратно за стены и попробуем еще раз. Если погибнешь ты — мы пропали. Без твоей удачи, княже, мы пропадем!

— Не много ее осталось, моей удачи, — проворчал Святослав.

— Доселе ты поражений не знал, — вступил Икмор. — И мы еще не разбиты. Пока ты жив, батька, мы выстоим! Другого пути нет!

Духарев мог бы ему возразить: есть еще путь переговоров. Но ведь и Святослав не мог этого не знать. Кажется, Духарев догадывался, в чем состоит его план. Показать ромеям свою силу. Победить их вряд ли удастся, но если византийцы увидят, что разгром Святослава обойдется им очень дорого, то, скорее всего, предложат вполне приемлимые условия сдачи.

— Икмор! — Святослав повернулся к своему первому воеводе и ближайшему другу. — Войско поведешь ты. Всё войско. В крепости останутся только раненые да две сотни моих ближних гридней.

Ранним утром двадцатого июля 971 года ворота Доростола открылись.

Ромеи, которые на безопасном отдалении по приказу василевса сторожили россов, сунулись было — перехватить. Но сразу поняли, что это — не обычная вылазка. Вся армия катархонта Сфендослава выходила в поле. Выходила и строилась для битвы.

Вспокоенные гонцы примчались к василевсу.

— Хорошая новость, — спокойно сказал Иоанн Цимисхий. — Я этого ждал.

— Как ты догадался, величайший? — подобострастно осведомился стратопедарх Петр.

— Сфендослав слишком горд, чтобы умереть от голода.

Более жестокой, более кровопролитной битвы Духарев еще не видел. Ромеи накатывались на русов железными волнами. Накатывались и отходили, оставляя окровавленные тела людей и коней. Русам отступать было некуда. За ними была доростольская стена. Ромеев было больше, но воины Святослава бились крепче. И лучшим из них был Икмор. Воистину это был его звездный час. Сергей, «державший» со своей дружиной правый фланг, никогда еще не видел воеводу таким. Казалось, Икмор был везде. Стоило русам где-нибудь дать слабину, Икмор, словно по волшебству, появлялся в этом месте. И тотчас брешь затягивалась, линия выравнивалась, а только что напиравшие ромеи удирали прочь.

Заляпанный ромейской кровью от маковки шлема до оковок на верховых сапогах, Икмор, казалось, стал в полтора раза выше ростом. Воины в передовых шеренгах периодически сменялись, конница русов время от времени отступала под прикрытие пехоты, чтобы передохнуть. Только Икмор не отдыхал ни разу. Он бился, как нурманский берсерк. Нет, как будто в него воплотился Перун. Под ним убили уже четверых коней, но на самом воеводе не было ни царапины. Уже не только русы, но и ромеи узнавали его. Стоило им увидеть поблизости воеводу, и они тут же подавались назад, потому что пара мечей в руках Икмора означала смерть для любого врага, оказавшегося в пределах досягаемости.

Битва длилась больше семи часов. Солнце давно перевалило через зенит и поползло к закату.

Когда длина тени от стоящего вертикально копья сравнялась с длиной самого копья, русы перешли в атаку. Цимисхий бросил им навстречу резервные тысячи катафрактов, но тяжелая конница соединенных дружин опрокинула их и устремилась дальше, к холму, на котором стоял ромейский лагерь.

Икмор был впереди. А впереди Икмора бежал внушаемый им ужас.

Иоанн Цимисхий наблюдал за битвой сверху.

За ним сверкающей стеной стояли «бессмертные». Телохранители. Последний резерв.

Лучшая часть войска.

Цимисхий видел, как отступает пехота стратопедарха Петра. Как катафракты Барды Склира пытаются сдержать контратаку конницы россов, но вражеский клин неумолимо ползет вглубь.

Видел он и прущую на ромеев пехоту россов. Их было почти вдвое меньше, чем воинов под началом Петра.

Но россы наступали, а ромеи отступали. Отступали правильно, сохраняя боевые порядки. Но Цимисхий знал: между правильным отступлением и беспорядочным бегством — совсем тонкая грань.

Видел василевс и группки легкой конницы русов, облачками черного дыма вившиеся вокруг массы сражавшихся. Если ромеи побегут — им конец.

Цимисхий, не глядя, спиной чувствовал напряженное ожидание «бессмертных». Если бросить их сейчас в бой, они, скорее всего, сумеют переломить ситуацию... Или не сумеют. Но выбора нет.

— Анемас! — позвал он.

— Я здесь, мой повелитель!

Сын критского царя Курупа соскользнул с коня, хотел упасть на колени, но василевс знаком запретил.

— Хочешь заслужить мою милость, принц?

— Больше жизни, мой повелитель!

— Видишь того большого вождя варваров, который бьется впереди остальных?

— Да, мой господин!

— Убей его!

Духарев, окруженный гриднями, прорубался сквозь строй катафракт. Он метров на пятьдесят отстал от Икмора, рвавшегося вперед с такой яростью, что его собственные гридни за ним еле поспевали. В боевом неистовстве Икмор крушил панцири ромеев, как рачью скорлупу. Воистину, он один стоил сотни воинов.

Бросив Калифа вперед, Сергей привстал на стременах и достал вражеского всадника раньше, чем тот опустил булаву на голову увлекшегося Звана. Воодушевленный примером Икмора, Зван забыл об осторожности и рвался вперед, очертя голову. Решил, что он один сможет разогнать всех ромеев. И едва не нарвался.

Духарев достал еще одного, увидел, как завалил оплошавшего ромея Зван...

Йонах, мудро укрывавшийся за спинами более рослых русов, метал стрелу за стрелой. Хузарин на рожон не лез, зато его стрелы поспевали всегда в самую пору.

Все гридни Духарева могли сражаться в одиночку, но он всегда старался вбить им в голову: держаться вместе. Сотнями, десятками, на худой конец, тройками. Не удаляться друг от друга дальше, чем на две длины копья. Не обгонять, не отставать.

Нельзя сказать, что они всегда придерживались этой тактики. Но сейчас — да.

Подскочивший сбоку ромей попытался достать Духарева пикой. Узнал, сучий сын, по доспеху, что Сергей — воевода. Духарев уронил саблю, повисшую на петле, перехватил древко, дернул — и подставил ромея под меч Стемида. Крутанул пику в руке, выискивая мишень...

... И увидел, что Икмор попал!

Ромеи всё-таки отрезали его от гридней, осадили со всех сторон. Икмор ревел, как бешеный тур, и рубил вкруговую, но вместо заваленных катафракт на него тут же лезли другие. Наседали, норовили пырнуть издали. Кто-то метнул булаву, угодив точно по тыльнику шлема, но Икмор будто не заметил. Пару раз его уже крепко достали. На левом плече обгаренный кровью панцирь висел лохмотьями, обнажая серебристую сеть кольчуги. На спине броня тоже была прорвана. Но трудно было понять, достал ли враг до живого. Слишком много чужой крови было на Икморе, чтоб можно было разглядеть его собственную.

Вдруг ромейские катафракты расступились, и на Икмора нахлынули другие. Тоже — катафракты, но — рангом повыше. На свежих отменных лошадях, в золоченых доспехах со знаками василевса на налобниках шлемов. «Бессмертные». И первым вылетел вперед лихой всадник на настоящем «арабе», с круглым неромейским щитом и узкой длинной саблей.

С ходу он бросился на Икмора. Но когда воевода подал коня навстречу, всадник на «арабе» очень ловко подался в сторону, уходя от удара. Икмор крутнулся следом, но не достал. «Араб» снова, ловко, как заяц, прыгнул в сторону... И его всадник оказался за спиной Икмора. С пронзительным кличем хлестнул саблей...

Икмор, не глядя, выбросил руку с мечом... И клинок ромея напрочь отсек руку воеводы.

Духарев закричал и изо всех сил метнул в ромея трофейную пику. К сожалению, это оружие было мало пригодно для метания.

Икмор наконец сумел развернуть коня, но опоздал.

Сабля упала на его плечо, там, где панцирь был разорван. И сразу, наискось, — по могучей шее.

Когда голова воеводы отделилась от плеч, ромеи издали такой ликующий вопль, что в нем потерялись все остальные звуки битвы.

И тогда Духарев забыл об осторожности, испустил жуткий варяжский вой и бросился к месту гибели Икмора...

Ромеи отступили. Первый раз за все время доростольской осады поле боя осталось за русами.

Но это была не победа. Потери были слишком велики, чтобы радоваться. В угрюмом молчании русы складывали погребальные костры. Погибли многие. Почти треть всего войска Святослава. На великого князя было страшно смотреть. Он словно сам умер. Смерть Икмора, самого близкого друга, ошеломила его. Икмор, который с детских лет всегда был рядом с ним, — мертв. Лежит, иссеченный, обезглавленный на погребальном костре...

И ущербный месяц чужих небес смотрит сверху на страшную тризну.

Утром русы вернулись за стены Доростола. А с восходом от ромеев прибыл посол. Духарев надеялся: для переговоров. Но посол принес не предложение мира, а вызов.

Глава пятнадцатая

Последняя битва

— Василевс и автократор Восточной империи Иоанн Цимисхий, дабы избежать ненужного кровопролития, не убивать и не истощать силы народов, предлагает князю русов решить наш спор смертью одного мужа. Пусть тот, кто победит, тот и будет властелином всего!

Закончив, посланец императора Иоанна сделал шаг назад и поклонился в пояс. Сопровождавший его трубач надул щеки. Раздался низкий гнусавый рев ромейской трубы.

Святослав смотрел на посла мутным от горя взглядом. Приди тот два дня назад, возможно, князь и принял бы вызов. Пусть Цимисхий — лучший поединщик Византии, но он бы рискнул. Веры ромеям нет. А теперь нет и Икмора. И некому будет принять войско, если Святослав падет.

— Если император не желает больше жить, есть десятки тысяч других путей за Кромку, — равнодушно произнес великий князь. — Пусть кесарь Иоанн изберет, какой захочет.

С тем посол и отбыл.

Осада продолжалась. Ромеи вяло обстреливали крепость из уцелевших машин. Русы

еще более вяло отстреливались.

Так прошло три дня. А на четвертый войско русов покинуло крепость и выстроилось под стенами Доростола, чтобы принять свой последний бой.

— Лучше умереть со славой, чем бежать с позором! — сказал воинам Святослав. — Мы, покорившие все соседние народы, мы, побеждавшие неизменно, разве можем мы вернуться домой, спасаясь бегством? Если мы теперь отступим перед ромеями, кто вспомнит потом о нашей несокрушимой мощи и великой доблести? Мы сами погубим свою славу. Этого быть не должно. И не будет. Мы сегодня встанем здесь, под этими стенами, и будем биться так, как не бились никогда прежде. Здесь мы победим или умрем со славой, свершив подвиги, о которых будут веками помнить и наши враги, и наши друзья. Я поведу вас, други, и пусть моя судьба станет вашей судьбой. Мертвые сраму не имут!»

За много сотен поприщ от доростольских стен груженные заморскими товарами лодьи медленно ползли против днепровского течения. Когда ветер спадал, купеческие челядники выбирались на берег с бечевой. Это была тяжкая и опасная работа. Но еще тяжелее и опасней были волоки. На волоках стояли печенег большого хана Курэя. Купцы исправно выделяли им долю, но степные волки — волки и есть. Любой подханок, дай ему волю, немедленно накинулся бы на купцов и отнял бы и товар, и свободу.

Порукой того, что этого не будет, была купеческая охрана. Эти в волочении лодий не участвовали. Стояли с оружием наготове. Наблюдали.

Одним из таких охранников был Дужка. Бывший гридень мог бы заплатить за дорогу, но решил, что в этом нет смысла. В страже он или нет, а нападут разбойники — будет драться, как все. Так что служба стала его платой за харч и место на палубе. Для него и Сладиславы.

Жена воеводы честно выполнила клятву. Делала всё, что требовалось. Дужка ей верил. Нурманы проводили их до Тмutorокани. Там Дужка с ними расплатился. До Киева он должен был сопровождать госпожу один.

Хлопот с ней было не много. Сидела тихонько, шептала молитвы. А вот насчет копченых Дужка очень беспокоился. Что-то много их нынче собралось на днепровских берегах. Худого пока не делали, только мзду брали. Но всё равно страшно. Не за себя. Вдруг и эту женку воеводену уберечь не удастся?

Дужка говорил с купцами. Тем тоже было страшно. А куда денешься? Не возвращаться же обратно в Тмutorокань? Эх! Был бы в Киеве великий князь, небось не смели бы копченые безобразить!

Но вот беда: далеко грозный Святослав. Воюет чужие земли. А своим от него помощи нет. Тяжко...

Тяжко было киевским купцам, но их великому князю приходилось намного тяжелее.

Ромеи обсели со всех сторон. Давили числом, плющили мощными ударами конницы. Но русы держались. Раз за разом отбивали атаки. А когда время подошло к полудню, ромеи иссякли. Выдохлись. Пыль, жара, пот, кровь...

И пришло время русов.

Едва напор ослабел — русское войско распрямилось, словно до предела сжатая пружина. Великий князь точно угадал момент, когда заколебался боевой дух врагов. Пехотные ряды разомкнулись, и на отходящих неторопливо ромеев обрушилась латная конница, лучшие гридни из всех дружин. Их было немного, но они составили «голову» тарана, ударившего в ослабевший ромейский строй. Впереди всех летел на белом коне великий князь Святослав.

И ромеи побежали. Побежала славная ромейская конница. Со всех ног припустили прашники и лучники. Труднее всего пришлось тяжелой пехоте. Кое-где они пытались построиться и удержать врага, но, оказавшись на пути княжьей атаки, были мгновенно втоптаны в землю.

Но ромеев все же было намного больше. И строй у них — шире и глубже. Да и полководец отменный. Пока таранный удар Святослава сокрушал пехоту, лохарги и таксиархи Цимисхия остановили бегущую конницу. По приказу василевса воинам принесли мехи с вином, чтобы утолить их жажду и укрепить их дух.

А сам Цимисхий...

Иоанн сделал то, на что способен только император-воин. Он лично повел своих всадников в бой.

Взревели трубы, ударили барабаны и литавры. Две тысячи лучших воинов Византии, телохранителей-«бессмертных», стальным потоком покатались с холма, набирая скорость. Они мчались туда, где бешеные россы рвали в клочья слаженный строй ромеев.

— Туда! — закричал Духарев, увидев впереди мелькнувший значок ромейского стратига.

Там, повинаясь воле командира, ромеи сплотились, образовав островок устойчивости среди хаоса сечи.

— Туда! Бей!

Гридни поднажали. Опрокинули первые ряды. Значок стратига покачнулся.

Духарев увидел самого стратига. Тот вздыбил коня, прикрывшись от удара Велимовой пики.

Пика угодила в незащищенное брюхо животного. С ужасным ржанием лошадь рухнула наземь.

— Феодор! Феодор убит! — закричали ромеи.

Но стратиг был жив. Вывернувшись из-под падающего коня, он, здоровый бычара, с трех сторон окруженный врагами, подхватил с земли чей-то труп и, прикрываясь им, будто щитом, успел-таки отступить под защиту своих воинов, которые с возродившимся мужеством бросились на помощь командиру.

Гридни Духарева сцепились с ними, кололи и рубили, метали копья, били стрелами, но ромеи дрались с не меньшей яростью и, отступая, дорого продавали каждый шаг.

А в сотне метров от этого места клин «бессмертных» промчался сквозь поспешно расступившиеся собственные порядки и стальным кулаком ударил в атакующую «голову» русов.

Ближних гридней Святослава отбросило назад. Знамено с пардусом упало. Это увидели все. И теперь уже ромеи возликовали, а русы закричали в ужасе. Все, кто был рядом, устремились к месту падения знамени.

Две пики одновременно ударили в великого князя. Святослав уклонился от одной, успел прикрыться от другой сброшенным с плеча щитом, но силой удара щит вырвало из его руки.

— Он мой! Мой! — закричал окруженный со всех сторон телохранителями Иоанн Цимисхий, пытаясь пробиться к владыке русов. Но раньше императора поспел все тот же Анемас. Подлетев к Святославу, он вздыбил коня и нанес князю такой же страшный удар, каким вчера поверг воеводу Икмора. Хорошая броня выдержала, но лопнула подпруга. Падая, Святослав успел уцепиться за конский доспех и повис на боку беснующегося жеребца. Он держался изо всех сил. Упасть под копыта — верная смерть. Но защититься от врага он уже не мог.

Анемас вскинул саблю... Взмах — и у россов больше не будет катархонта...

Первая хузарская стрела попала в налобник шлема критского принца, запрокинув его голову назад так, что хрустнули позвонки. В следующее мгновение целый град стрел обрушился на Анемаса. Большая часть не причинила вреда, разбившись о латы, но три или четыре достигли цели. Анемас пошатнулся в седле, попытался укрыться за своими товарищами, но не успел. Копье, брошенное на скаку с расстояния десяти шагов дочерью Эйвинда Белоголового, пробило золоченый панцирь и выбросило критянина из седла.

В следующий миг пика «бессмертного» ударила Элду в левый бок и пронзила ее сердце.

Самое страшное для легкой конницы — попасть под удар тяжелой. Это и случилось с хузарами, подоспевшими на выручку своему князю. Их стрелы, сабли и короткие копья не могли ничего сделать против стального кулака отборных катафрактов.

Они полегли почти все.

Зато удержали врага на время, достаточное, чтобы дружинники Святослава оправились и собрались для нового удара, а сам великий князь вновь оказался на спине своего коня.

Сражаться как прежде он не мог, но он был жив. Этого оказалось достаточно, чтобы русы снова воспряли духом.

На крохотном пятачке площадью в полгектара сгрудились тысячи воинов. В такой тесноте катафрактам уже было невозможно пользоваться своими длинными копьями. Они рубили мечами, крушили булавами шлемы русов... Если удавалось. Зато русы в такой сече чувствовали себя, как рыбы в воде...

Но над ними уже сгущались тучи. И не только в переносном смысле (Варда Склир наконец собрал, построил и воодушевил покинувших поле боя ромеев для новой атаки), но и в прямом — небо потемнело, усилился ветер, закружился поднятый в воздух песок, черная тень упала на поле боя...

Засверкали молнии, раскаты грома потрясли мир... Но вместо потоков дождя на людей обрушился песок. Ураганный ветер и тучи песка, бившие прямо в лицо русам...

И, не в силах бороться с расшвырянутой стихией, русы повернули коней.

Ромеи их не преследовали. В этом светопредставлении все увидели знак свыше. Битва прекратилась в считанные минуты. Когда потоки ливня хлынули на поле боя, смывая кровь с земли и изуродованных тел, тяжелые ворота Доростола уже закрылись.

Позже ромейский историк напишет, что византийцы видели над полем боя великомученика Феодора Стратилата, которому молился о помощи кесарь Иоанн. Возможно, так и было. В бешеном разгуле стихий трудно увидеть что-либо на расстоянии пяти шагов, зато узреть божественного покровителя — очень легко.

Позже василевс Иоанн велел разобрать до основания церковь, где покоились останки святого, и воздвигнуть на этом месте большой храм. И заодно переименовал город Евханию в Феодорополь.

Позже.

Он мог себе это позволить. К этому времени великая битва киевского князя Святослава и Восточной Римской империи за власть на Балканах закончилась полной и окончательной победой ромеев.

Князь русь, вернувшаяся за стены Доростола, и сам великий князь киевский Святослав еще не знали, что ромеи победили окончательно и бесповоротно. Но в нынешнем разгуле стихий русы, поклонявшиеся богу грома Перуну и иным языческим богам, увидели ясный знак. Богам угодно, чтобы война закончилась.

Того же мнения придерживались и ромеи. Но об условиях мира еще предстояло договориться.

Глава шестнадцатая

«С помощью Господа...»

Василевс в окружении телохранителей ехал по месту вчерашней сечи. На этот раз поле боя осталось за ромеями. Однако потери их были огромны. Почти половина армии василевса навечно осталась под Доростолом. А ведь эти воины были так нужны империи.

Правда, катархонт русов все-таки запросил мира. Однако его послы держались так

гордо и независимо, что всем было понятно: это будет мир, а не капитуляция.

Что ж, этот мир нужен Иоанну не меньше, чем Сфендославу.

Место императора — в столице, а не здесь, на границе империи. Иоанн и так слишком долго задержался в Булгарии. Кончается второй месяц лета...

— Стой! — скомандовал Цимисхий. — Пропустите меня.

На этом месте вчера шел самый свирепый бой. Здесь едва не был убит Сфендослав. Здесь погиб Анемас. Здесь, в этом месиве мертвых людей и лошадей, мог бы, провернись всё иначе, оказаться и сам Цимисхий...

Нет, вряд ли. Господь, вручивший Иоанну власть над великой империей, не дал бы ему умереть.

— Приступайте, — разрешил император, и воины, спешившись, занялись телами своих погибших товарищей.

Трупы мертвых русов откладывали отдельно. Причем доспехи и одежду с них не обдирали. Их возвратят соплеменникам. Это станет одним из условий будущего договора.

Ромейский воин несколькими ударами меча перерубил древко пики, которая прошила конника россов. Убивший его катафракт лежал рядом со стрелой в глазу. Цимисхий вспомнил этого варвара. Именно он метнул копье, добившее Анемаса. Эх, каким славным рубакой был критский принц!

Ромеи поволокли тело росса к его мертвым соплеменникам. Шлем соскочил с головы мертвеца. В грязь упали две толстые косы.

— Постой, — сказал воину император. — Это что, женщина?

— Да, мой повелитель, — подтвердил тот. — Среди воинов-россов есть и женщины. Положить ее отдельно?

Василеве покачал головой:

— Нет. Пусть лежит рядом с другими воинами. Все они — язычники. Все они отправятся в ад. Но сражались они храбро.

— Но с помощью Господа нашего ты разбил их, величайший! — подобострастно произнес сопровождавший василевса стратопедарх Петр.

— Да, это так, — согласился Иоанн.

Однако в голосе его все-таки прозвучало легкое сомнение.

Глава семнадцатая

Сдача Доростола

Цимисхий отдал россам тела всех погибших. В броне и одежде. Правда, оставил себе мечи. Росские мечи очень ценили в Константинополе. Кроме того, они нужны были Иоанну для триумфа. Мечи побежденных — наилучшее доказательство победы. А Цимисхию было важно, чтобы его многомесячное сидение под Доростолом выглядело именно победой, а не соглашением.

Но сам он понимал, что это именно соглашение, а не капитуляция. Для начала василевс обязался выдать россам хлеб: по два медимна³³ зерна на каждого. Из расчета двадцати двух тысяч человек. То есть того войска, которое было у Сфендослава, когда он впервые закрылся в стенах Доростола. По расчетам Цимисхия, ныне под рукой великого князя было в три раза меньше воинов, но василевс спорить не стал. Сейчас для него главное, чтобы Сфендослав побыстрее ушел из Булгарии.

³³ Медимн — мера измерения сыпучих продуктов. Примерно 10 кг.

Потому он согласился на многое.

Согласился восстановить в полном объеме мирный договор, заключенный между Киевом и Константинополем ранее.

Позволил россам вывезти из Доростола всю взятую добычу, включая и ту, что добыта во Фракии и Македонии.

Поклялся Именем Господним, что огненосные триеры позволят флоту россов беспрепятственно уйти вниз по Дунаю со всем этим немалым добром.

Поклялся, что отныне повелитель россов — его друг и союзник.

В ответ на это Сфендослав тоже пообещал немало. Иметь мир и совершенную любовь с любым великим царем ромейским, с кесарями Василием и Константином и со всеми людьми их; никогда не злоумышлять против Византии, не собирать на нее воинов, не вести на нее иноплеменников, ни на Византию, ни на то, что находится под властью ее... И многое, многое другое³⁴. Именами Перуна и Волоса поклялся Сфендослав и скрепил договор собственной печатью. То же сделал и василевс Иоанн. Только клялся он не кумирами языческими, а истинным Богом.

Цимисхий вспомнил свою вчерашнюю встречу с вождем россов...

... Василевс выехал на берег Истра в лучших своих доспехах, сияя златом и драгоценными камнями. Так же роскошно разделись и его спутники.

А вождь россов прибыл на встречу в простой белой рубахе, отличавшейся от одежды его воинов лишь несколько большей чистотой.

Сфендослав не стоял величественно у носа лодьи, а сидел на гребной скамье, так же как и его воины. И украшений на нем не было совсем, если не считать вдетой в ухо золотой серьги с карбункулом и двумя жемчужинами. То, что на вожде не было ни доспехов, ни шлема, неприятно удивило василевса. Получалось так, что он, василевс, опасается и не доверяет россам, а те, напротив, выразили ему свое полное доверие и бесстрашие. Сама внешность Сфендослава тоже удивила Цимисхия. Особенно бритые голова и подбородок. Ромеи стригли волосы лишь по случаю траура или осуждения. Стрижеными ходили лишь шуты и фокусники. Да и серьги в Византии носили лишь дети и моряки³⁵.

Василевсу поставили высокое кресло на берегу. Сфендослав остался сидеть на гребной скамье. Вид у него был суровый и угрюмый.

Цимисхий глядел на него с интересом. Катархонт россов выглядел настоящим варваром. Жаль, что он отказался от поединка.

Сфендослав отложил весло, кивнул василевсу как равному. Цимисхий встретился с ним взглядом... и понял: этот человек должен умереть. В светло-синих глазах вождя россов Цимисхий прочел: он никогда не уступит. И никогда не сдастся. Это враг, с которым невозможно договориться. Его можно только уничтожить. Нужно уничтожить, потому что этот человек — прямая угроза империи.

Катархонт встал. И заговорил. Его голос, мощный, низкий, звучал ясно и красиво.

³⁴ Полный текст этого договора имеется в «Повести временных лет» — документе, историческая достоверность которого весьма спорна, но, учитывая то, что стилистически текст договора очень серьезно отличается от основного текста, можно с большой долей вероятности предположить, что летописец пользовался списком с настоящего документа.

³⁵ Вот описание внешности Святослава, данное византийским хронистом Диаконим: «... Умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами». Правда, есть основания полагать, что это описание недостоверно, так как лично Диакон при встрече кесаря и князя не присутствовал. Но другого, увы, у нас нет.

«Наверное, он хорошо поет», — подумал Цимисхий.

Сфендослав клялся своими богами, что будет верен нынешнему договору. Когда он закончил, на лодье встали еще двое. И тоже поклялись.

Потом пергамент прикрепили к стреле.

Стрела воткнулась в песок у ног Цимисхия.

Пергамент отцепили и подали василевсу. Тот прочел и убедился, что текст — тот самый, который был согласован с его советниками. Печать князя тоже была настоящей.

Василевс встал. Взял другой пергамент и поклялся Именем Господним, что будет соблюдать договор так же крепко, как и россы.

Росский экземпляр мирного соглашения привязали к дротику. Патрикий Константин, племянник магистра Склира, размахнулся и метнул дротик в сторону лодьи. Катархонт россов поймал его на лету.

Весла вспенили воду, лодья развернулась и ушла к крепости.

Вечером россы вернули ромеям всех захваченных пленников. Ромеи поступили так же.

Утром следующего дня россы ушли из Доростола. Вереница их кораблей растянулась на две мили. Но любой достаточно зоркий глаз мог различить, что воинов на кораблях совсем немного.

— Их так мало, — сказал василевс Варде Склиру. — Не поспешили ли мы, вот так просто отпустив их домой?

— Только прикажи, величайший — и наш флот сожжет их всех до одного! — воскликнул магистр Склир.

— Нельзя, — строго ответил Иоанн Цимисхий. — Я поклялся Именем Господа.

— Клятва, данная язычнику, ничего не стоит.

— Стоит. И очень дорого, — сурово произнес Цимисхий. — Если это клятва Помазанника Божия. Пусть плывут невозбранно, магистр... Навстречу своей судьбе. А сейчас позови ко мне проедра Филофея. Немедленно.

Разговор императора и его дипломата был короток. Проедр, весьма озабоченный, бросился к своей палатке — собираться. А василевс вызвал к себе командующего флотом, велел ему выбрать самую быструю галеею и вместе с экипажем предоставить ее в распоряжение императорского посла Филофея. Немедленно.

* * *

— Знаешь, княже, я до сих пор не верю, что они нас пропустили, — сказал Духарев.

— Я тоже, — кивнул великий князь. — Но они нас выпустили! — Святослав улыбнулся. Наверное, в первый раз после смерти Икмора. — Нас здорово потрепали, воевода. Но мы живы. И всё добытое — с нами. Значит, боги не отвернулись от нас, верно?

Духарев рассеянно кивнул. Он наблюдал за ромейской галеей, которая шла мимо флотилии, с легостью обгоняя тяжело нагруженные корабли русов.

— Не нравится мне этот кораблик... — пробормотал он. — Чую: он худое несет.

Святослав покачал головой.

— Не веришь мне? — спросил Духарев.

— Верю. Ты же ведун. Но всё равно пускай плывет. Я Перуном клялся, что не нарушу мирной клятвы. И не нарушу. Боги оберегут нас от зла. Перун! Слышишь меня? Дай мне только вернуться домой — и я принесу тебе такую жертву, какой ты еще не видел!

Святослав запрокинул голову, глядел в синее небо так, словно ждал удара грома...

Но небо было ясным и чистым. И невозможно было сказать: услышал ли Перун великого князя...

Глава восемнадцатая

Уход Свенельда

— Нет, княже, я не согласен! — решительно заявил Свенельд. — Неправильно это — разделяться. Нас и так мало!

— Нас мало, а коней — еще меньше! — отрезал великий князь. — Ты сделаешь, как я сказал: возьмешь самое ценное: золото, самоцветы — и пойдешь напрямик, степью. А я пойду водой.

— Не дело это, княже! — Свенельда было не так легко переубедить. — Не пропустят тебя печенеги. Переймут на волоках.

— Это мы еще посмотрим! Зато пока они будут сторожить меня на Днепре, ты степью пройдешь в Киев.

— Зачем тебе плыть самому, княже? — не сдавался князь-воевода. — Иди с нами. А с лодьями пусть воевода Серегей пойдет. Он хитрый. Вывернется как-нибудь. А ты Киеву нужен!

Святослав подошел плотную к Свенельду, положил руки ему на плечи, заглянул в глаза.

— Ты был мне хорошим наставником, князь-воевода, — сказал великий князь. — Так же, как Асмуд. Так же, как Серегей. И вы все учили меня: судьба дружины — это судьба князя. Я пойду водой, Свенельд. А ты — полем. Если я не дойду, значит, боги от меня отвернулись. Зачем Киеву князь, которого не любят боги?

Свенельд молчал. Понял, что переубедить Святослава бесполезно.

— Я пойду водой, — еще раз повторил великий князь. — Но не до самого Киева. Встану на острове Хорса и буду ждать там тебя. А ты, воевода, дойдешь до Киева, соберешь воев, сколько надо, и на лодях двинешь ко мне навстречу.

— А если копченые на тебя раньше нападут?

— Не думаю. Волок за Хортицей для нападения самый удобный.

— А если не поверят копченые, что у тебя золото? — усомнился Свенельд. — Если догадаются? Мне в степи от орды не уйти.

— Не догадаются, — качнул головой князь. — У копченых тут свои послухи есть. А коли нет, так им ромеи непременно подскажут, что хакан Святослав в Киев идет с малым войском и большой добычей. А с тобой мы полаялись, потому что я, жадный, всё золото под себя подгрел, с тобой делиться не захотел. Вот ты и обиделся, бросил меня и уехал.

— А если не поверят?

— Поверят. Они ведь по себе судить будут, копченые. Скажи, князь-воевода, ты можешь себе представить печежского большого хана, который бы двести мешков золота своему подханку доверил?

Свенельд покачал головой.

— Не можешь. Вот то-то.

Святослав помолчал немного и произнес уже не по-княжьи сурово, а мягко, по-дружески:

— Но если боги и впрямь от меня отвернулись... Отдай добычу моим сыновьям, князь-воевода. И еще... Поклянись, что поможешь Ярополку удержать киевский стол.

— Клянусь Перуном и Волохом, — торжественно произнес Свенельд, коснувшись седых усов, груди и рукояти меча. — Я буду с ним, пока жив. Или пока он не велит мне уйти.

— Благодарю тебя! — Святослав коснулся щекой щеки князь-воеводы и шепнул ему на ухо: — Только я дойду. Мы с тобой еще покажем врагам, каковы наши мечи, друже! — И, отстранившись, снова превратился в сурового вожда. — Отправляйся, князь-воевода! Придешь — не медли! Один потерянный день может обернуться потерей всего.

* * *

Дружина Свенельда ушла вскоре после полудня, забрав почти всех коней.

Вряд ли кто-то из русов поверил, что Свенельд и великий князь поссорились по-настоящему. Но вот о том, что Свенельд увез с собой золото, драгоценности и всё, сколько-нибудь ценное, что можно было увезти в седельных мешках, знали только сам Свенельд, Святослав и Духарев с Поняткой, последние воеводы Святослава.

Вместе со Свенельдом ушли полочане и оставшиеся в живых хузары. Ушли в сурожскую степь, стараясь сразу же отойти как можно дальше от Днепра.

Лодьи Святослава должны были отплыть утром. Им спешить было некуда. Разведчики еще вчера видели впереди передовые дозоры печенегов.

Вечером того же дня Духарев велел послать за Йонахом.

— Вот что, сынок, — сказал он. — Возьми моего Калифа, пару заводных и скачи в Саркел. Твой отец должен быть там. Расскажи ему, как погибла Элда. И еще передай ему наказ князя: пусть поднимет всех, кого сможет, и спешно идет к нам. Скажи: великий князь в опасности. Скажи: если всё будет, как задумано, мы доплывем до острова Хортицы. Там и будем ждать.

— Это где большое капище? — уточнил Йонах.

— Точно. Дальше мы не пойдем. Дальше — волок, на котором печенеги на нас наверняка нападут. Так что станем на острове и будем ждать подмоги. Из Киева, если Свенельд первым поспеет. Или — твоего отца.

— А он точно — в Тмуторокани? — усомнился Йонах. — Не в Итиле?

Духарев наклонил голову, чтобы скрыть усмешку. Из его гридней только Йонах был способен так отреагировать на прямой приказ.

— Точно. Дойдешь? Вокруг полно копченых...

— Ха! Бог мне свидетель — через десять дней я буду в Саркеле!

— Надеюсь. Когда выедешь?

— Как стемнеет. — И добавил, словно извиняясь: — Ты верно сказал, батька, копченых вокруг — как лягушек на болоте.

— То-то и оно. Иди, собирайся. Если кто и сможет проскочить, так это ты, сынок. Только дойди, а уж за наградой дело не станет.

Молодой хузарин метнул на него пылкий взгляд, даже рот открыл...

Но спросить не рискнул. Сказал коротко: «Дойду, батька». И вышел из шатра.

Впрочем, Духарев и сам знал, какая награда любя сыну Машега. Данка...

Купеческая флотилия, к которой присоединился Дужка, подошла к последнему волоку. Печенегов на берегу было — черным-черно.

Только сошли на берег, сразу подлетел копченый.

Печенежский большой хан Курэй звал к себе старшего караванщика. Тот взял с собой золото на откуп и пошел. Попробуй откажи, когда тебя со всех сторон окружают копченые! Когда сотни всадников в мохнатых шапках стоят на высоком берегу и смотрят, как челядь, надрываясь, тянет на катках струги и лодьи, волочет на тележках товары... И только воля большого хана удерживает степняков.

Старейшина сам был из Киева. Хана Курэя знал не первый год. Вернее, был с ним знаком, потому что знать печенега невозможно.

Старейшину сопровождали десять воинов. Не для защиты (от большого хана не защитит и тысяча) — для почета.

Среди этих десяти был Дужка.

Курэй сидел на кошме у входа в свой шатер. Это было хорошим знаком. Значит, большой хан собирался говорить, а не резать.

Старшему караванщику бросили на траву кусок войлока: садись. Это тоже было добрым знаком.

Разговор начался тоже хорошо.

Большой хан осведомился, как здоровье караванщика, его сыновей, стад, жен, челяди... Старейшина отвечал с большой почтительностью, слова подбирал очень тщательно. Любая оговорка могла стоить больших денег... Или многих жизней.

Обошлось. Обмен приветствиями прошел гладко.

Старшина передал золото. Курэй прикинул по весу, кивнул и бросил мешочек одному из своих. Теперь, взяв золото, он должен был отпустить купцов с миром.

Но большой хан почему-то медлил.

Дужка видел, как течет струйка пота по бронзово-загорелому виску караванщика.

Над Дужкой нависали два всадника-степняка. Воняло от них, как от старых козлов, но Дужка делал вид, что не замечает ни степняков, ни их воня. Стоял, расслабившись, всем своим видом выказывая полное доверие печенегам. Если что — все равно не уйти. Между тем беседа между большим ханом и караванщиком возобновилась. Говорили они на языке печенегов. Дужка знал речь степняков не очень хорошо. Но общий смысл разговора понимал. Большого хана интересовал великий князь Святослав. Где он? Велика ли его дружина? Когда собирается домой?

Старейшина отвечал честно. Дескать, сам он Святослава давно не видел, поскольку флотилия плывет из Константинополя. Но в Тматорокани говорили: Святослав всё еще в Булгарии. Воюет там кесаря ромеев.

Как это так? Курэй удивился. Святослав с ромеями воюет, а купцы его — торгуют.

Так то киевский князь воюет, пояснил купец. А они — нет. Их дело мирное.

Значит, купец не знает, когда великий князь пойдет домой?

Нет, не знает.

Что ж, тогда счастливого пути. Старейшина встал, с явным облегчением. На тот раз пронесло.

— Бойтся, волк копченый, нашего князя, — сказал он своему помощнику, когда лодьи благополучно отплыли от волока.

— Еще бы ему не бояться, — поддакнул помощник. — Князь наш — пардус!

У Дужки сложилось другое мнение. Не страх уловил он в расспросах Курэя, а совсем другое чувство. Но разубеждать своих нанимателей не стал. Да они бы и не послушали. Человеку свойственно верить в то, во что хочется верить. И только настоящий гридь всегда готов к худшему.

Но худшее для каравана, похоже, осталось позади. Степняки отстали. До Киева — шесть-семь переходов. Скоро, скоро всё закончится...

Глава девятнадцатая

Хортица

Лодьи русов поднимались вверх по Днепру. Шли на парусах, когда был попутный ветер. В иное время стояли на якорях, потому что лодий было много, а гребцов мало. Силы следовало беречь.

От берегов тоже старались держаться подальше. Хотя в одном месте все-таки пришлось высадиться и тащить лодьи на катках. Печенеги вертелись вокруг, но напасть не рискнули. С князем остались почти полторы тысячи гридней. Грозная сила. Обычным разбойничьим отрядам они точно не по зубам. Но если поспеет большая орда...

Орда не поспела. Но русам пришлось попотеть.

От флотилии, с которой Духарев пришел в Булгарию, у него осталось только три корабля. Остальные пришлось продать. В дружине Сергея осталось всего двести семнадцать гридней. Правда, три сотни воев он отправил вместе со Свенельдом. Под водительством Звана. Вместе со своей долей добычи. Хотел послать старшим над конными Стемида, но старый варяг покинуть воеводу категорически отказался. Так же, как и Велим. Что ж, может, оно и к лучшему. У Звана в Вышгороде жена молодая...

Словом, осталось у Духарева по семьдесят пар рук на каждый большой корабль. Для гребли достаточно, а вот на волоке пришлось нелегко.

Но успели. Повезло. Большая часть печенегов оказалась на другом берегу. Переправляться же вплавь на виду у русов степняки не рискнули.

Однако теперь копченые были начеку. Сопровождая флотилию, они шли по обоим берегам.

А впереди было еще одно опасное место — волок перед Хортицей. Если вода будет стоять низко...

Когда лодьи русов приблизились к острову, стало ясно, что им повезло. Вода стояла достаточно высоко, почти полностью закрывая камни. Одна лишь Ненасыть торчала наружу, вспарывая мутную воду.

Слаженные удары весел уверенно толкали узкие лодьи вверх по реке: мимо порогов, но достаточно далеко от берегов, чтобы обсевшие их печенеги не могли опасно метать стрелы.

Сотник Велим, стоявший справа от Духарева, захохотал и показал печенегам кукиш.

На берегу оказался кто-то достаточно зоркий, чтобы увидеть оскорбительный жест, перенятый русами у болгар. И достаточно глупый, чтобы пустить стрелу. Стрела упала с недолетом метров в пятьдесят. Но выстрел все равно был неплохой.

Неподалеку от острова неподвижно стояли две большие лодки.

«Пардус» Святослава взял вправо, обходя их по широкой дуге. Пройти между лодками было удобнее, но кормчий знал, что там сеть.

С лодок князю что-то прокричали, что — Духарев не расслышал. Но понял, что в святилище Хорса все путем, потому что «Пардус» уверенно двинул к пристани, а князь гридни на лодье не потрудились вздеть брони.

«Дошли, — подумал Духарев. — Слава Богу, мы дошли. Теперь все будет хорошо».

Вечером они с князем сидели у костра на высоком берегу и допивали сладкое ромейское вино. Шумели над головами вековые дубы священной рощи. Внизу темнели на светлом песке выволоченные на берег лодьи. Неподалеку от них горели костры. Основной лагерь русов был там, под кручей, поближе к воде. А здесь, наверху — старшие. Князь, воеводы Серегей и Понятко, ближние гридни... Те, кто уцелел.

Отсюда, сверху, был хорошо виден днепровский берег, отделенный от них полукилометровой водной гладью. Там тоже мерцали огни. Множество огней. Не меньше семи тысяч степняков пришли сюда. Впятеро больше, чем русов. Но это было уже не страшно. День-два — и подойдет из Киева подмога. Или Машег со своими поспеет.

— Пока копченые кочуют по Дикому Полю, ромеи всегда будут грозить ими Киеву, — задумчиво произнес Святослав. — Мы должны вышибить из рук кесаря это оружие. Как думаешь, Серегей, года тебе хватит, чтобы уgomонить копченых? — спросил он.

— Года? — Духарев прикидывал. — Если взяться вместе с хузарами и уграми — тогда хватит. С воротолмат и цапон я договорюсь. Хоревой мы под Киевом всыпали крепко, не скоро оправятся... Курэй... — Духарев посмотрел на многочисленные костры по ту сторону воды... Курэя придется бить. Просто так он со своих кочевков не уйдет. А вот остальных можно заставить откочевать. Главное, чтобы ромеи не могли с ними снестись и посулить денег.

— Деньги я им сам дам, — сказал Святослав. — Самых жадных возьмем с собой в новый ромейский поход.

— Ты хочешь опять идти на ромеев? А договор?

— Клятвами я обменялся не с ромеями, а с этим маленьким Цимисхием, — возразил

князь. — Сам знаешь: ромейские кесари долго не живут. Пройдет год-другой — и его отравит какой-нибудь евнух.

— На Калокира надеешься? — усомнился Духарев.

— Там и без Калокира есть кому воду мутить. Но Калокир знает, кого купить. И наших там немало. Вот хоть бы брат твой Мышата...

— Он мне больше не брат! — перебил Духарев.

— Помирись, — уверенно произнес князь. — Я тебя знаю, воевода. Ты зла не помнишь. Да и Христос ваш учил: прощать.

Сергей промолчал.

— Этой зимой опять на север поедешь, — сказал Святослав. — Его возьмешь, — кивнул на дремлющего Понятку, — Стемида своего. Наберешь там себе дружину новую, втрое больше прежней, и вместе с Машегом и Тотомешем очистите Степь. Дам я тебе за это всю дань, что с хузар мне положена. И еще добавлю. Как разберешься с копчеными, будут под тобой все степные торговые пути. И войско сильное, чтоб их стеречь. Крепости поставим, где надо. Степняков всех примучим или побьем, чтоб такого... — великий князь показал на противоположный берег, — больше не было. Вдоль всего Днепра городки наши поставим, смердов сюда переселим. Будет тут жито расти не хуже, чем в Булгарии. А там, глядишь, и ромеи против кесаря своего забунтуют. Тут мы и поспеем. Булгарию обратно заберем. Потом я во Фракию пойду, а ты для меня Корсунь возьмешь.

Духарев оторвал взгляд от костра — посмотрел на Святослава. Великий князь не шутил. Он верил в то, что сейчас сказал. И все, кто сидел вокруг этого костра, — тоже верили.

«А ведь так всё и будет, — подумал Сергей. — Он многому научился за эти годы. И у него действительно есть всё: деньги, слава, крепкая держава, союзники. Это отец его Игорь вернулся из похода нищим и побитым. А Святослав не разбит. Он временно отступил перед более сильным противником. Но отступил с честью, с оружием, с огромной добычей. И дома его никто не сочтет проигравшим. Да, многие погибли. Но их роды и семьи получают причитающееся мертвым золото. А молодые, те, кто составит будущее русское войско, будут смотреть на живых. Тех, что вернулся с богатством и славой.

И вместо одного убитого под знамя с пардусом придут десять новых воев. А через год-полтора, натасканные ветеранами, "обкатанные" в степных войнах и лихих набегах, эти новобранцы превратятся в войско еще более грозное, чем то, которое Святослав три года назад повел на болгар.

Прав был погибший Икмор. Пока жив Святослав, княжью русь не победить. Настоящая слава — дороже денег. Вот она, настоящая слава русов: сидит у костра, пьет трофейное вино и знает, что впереди — новые победы и еще большая слава».

— Я хочу, чтобы ромейские Климаты платили дань мне, а не кесарям, — говорил между тем великий князь. — Я возьму с них меньше.

— Все равно они могут и упереться, княже, — заметил Понятко. Он проснулся от бодрого голоса Святослава и решил принять участие в беседе. — Кесарь ромейский далеко и в их дела не лезет, а твоя Тматорокань — рядышком.

— Согласится, не согласится — кто его спросит! — пренебрежительно сказал князь. — Вот придет к ним воевода Серегей с десятью тысячами гридней — и пусть попробуют поспорить... А то Калокир вернется и обрешит с ними все по-мирному.

— Калокир? — с сомнением произнес Понятко. — Змея он, твой Калокир! Из Преславы сбежал, из Доростола сбежал...

— Из Доростола я его сам отпустил, — сказал великий князь. — Но что змея, это ты прав, воевода. Тем и хорош, что змея! — Святослав усмехнулся. — Я его еще сделаю кесарем ромеев! А тебя — корсуньским наместником. Хочешь?

— Можно, — солидно ответил Понятко.

— А воеводу Серегея — кесарем болгар, — Святослав подмигнул Духареву. — Выкину трусливого Бориску, а тебя на болгарский стол посажу.

— Почему именно болгар? — насторожился Духарев.

— Уж больно ты их любишь. Да и родня у тебя там!

— Не у меня, у Сладиславы, — уточнил Духарев.

— Ну я и говорю — родня! Володимир мой в Новгороде будет княжить, Олег — у древлян, Ярополк — в Киеве. Свенельду я вятичей отдам. Машегу — Итиль, а сам дальше пойду. Будет у меня, Серегей, вотчина от Заката до Восхода, поболее, чем у древних ромеев. Как у Искандария-Александра, о котором твой парс рассказывал. И Самандар я тоже возьму — зря мы его тогда пожгли! Запомни мои слова, воевода: когда мне будет столько лет, сколько тебе нынче, не только кесарь ромейский, но и кесарь запада Оттон станет мне данью кланяться!

Огненные сполохи играли на суровом лице киевского князя. Негромким был его голос, но такая уверенность звучала в нем, что ни Духарев, ни старшие гридни, сидевшие вокруг костра и молча внимавшие беседе князя и воевод, ни на миг не усомнились в том, что так и будет.

Духарев поглядел на дальние печенежские костры. Сторожат, черти, и не ведают, что сочтено их время. Еще год-другой, и уже не нужно будет киевским гостям брать с собой воев, чтобы оборонять волоки. И отступное копченым платить не потребуется. А степь вокруг распашем...

«Булгарский кесарь Серегей...» — попробовал он на зуб свой будущий титул. Звучит неплохо! Кесаревна Сладислава — тоже звучит отменно.

«Верну ее, — твердо решил он. — Воину жена нужна. Настоящая. Такая, как Слада... Или Людомила...»

Вспоминать о погибшей было больно. И еще долго будет больно... Может быть — всегда...

Но — ничего. Еще повоюем. И — чем черт не шутит! — может, попируем когда-нибудь в ХрисотрикLINE, Золотой Палате, которую с таким восторгом описывал Мышата.

Эх Мыш, Мыш... Что же мне с тобой делать? Может, и вправду простить?

Сергей прикрыл глаза, зевнул. Устал, однако. Тяжелый был путь. Но теперь, слава Богу, худшее позади. Теперь можно и поспать.

— Спать, воевода, — произнес князь, будто прочитав его мысли. А может и прочитал: сколько лет они вместе. — Отдыхай. Время позднее. Дозоры я сам поставлю.

— В три череды, — уточнил Сергей. — Не ровен час — копченые через реку сунутся.

— Не сунутся, — сказал Святослав. — Место здесь наше, святое, Хорсово. Хоре нас от врагов оборонит. И ночь нынче безлунная. Копченые в такие ночи не воюют: стрелкам целить трудно.

Духарев мог бы возразить: первая его схватка с печенегами, происшедшая много лет назад здесь же, у Хортицы, случилась именно в безлунную ночь. Но подумал, что здесь, на острове, они все равно в безопасности, — и смолчал. Кивнул, отошел от костра, расстелил попонку, седло под голову положил и тут же уснул.

* * *

Страшный рев ударил в уши. Духарев дернулся, открыл глаза.

— Сергей Иванович, вы что, уснули? — бледный человечек в диковинном шлеме заглядывал в глаза.

— Ты кто? — резко спросил Духарев.

— Я? — Человечек удивился. — Семенцов я! — Голос его звучал как-то странно, прямо в ухе. — Старший лейтенант Семенцов. — Мы нашли его! Будете стрелять?

Духарев потрогал голову. Похоже, на нем был точно такой же нелепый шлем и... как это называется? Ларингофон?

— Стрелять? В кого?

— Как в кого? В волка!

— Какого волка? Где?

— Да вон он, внизу! Взгляните сами!

Духарев не без труда (какой-то он стал тяжелый и неуклюжий) поднялся, ухватился за ручку (человечек старательно придерживал его за пояс), выглянул...

Под ним была пустота. Воздух.

Ниже, саженьх в тридцати, стремительно убегала назад степь. А по степи длинными быстрыми прыжками мчался маленький серый волчок.

— Здоровый, зверюга! — радостно сообщил человечек. — Будете стрелять?

— Стрелять?

И тут Духарев всё вспомнил. Ну да, стрелять. Это же охота. Традиционный подарок от местного бабая. Знак дружбы. И благодарность за пятимиллионный откат. Сколько же наварил сам Духарев? Ой много! Он больше года бился с конкурентами за это месторождение. И выиграл, несмотря на то, что против был сам здешний главный бабай. Эх! Завтра — в Москву. А сегодня, напоследок...

— Давай дуру! — гаркнул он, и второй пилот сунул в протянутую руку «калаш».

Духарев выпустил очередь. Пули взбили пыль метрах в десяти перед бегущим зверем. Волк метнулся в сторону. Вертолетчик заложил вираж. Духарев покрепче ухватился за ручку. Выпустил еще одну очередь. Опять мимо. Стрелять одной рукой из «калаша» было неудобно. Надо было «стечкин» взять.

— Пониже! — крикнул Духарев, выпустив еще три короткие очереди.

Грохот последней помешал ему услышать взрыв, отрубивший «хвост» вертолета.

Машину закрутило волчком.

Пилота, державшего Духарева за пояс, бросило в открытый люк. Но он продолжал судорожно цепляться за Сергея. Рывок был так силен, что поручень не выдержал. Одно крепление отлетело, пальцы Духарева соскользнули, он почувствовал, что летит. Потом — страшный удар оземь... И всё.

— А-а-а!!!

Ночь взорвалась. Воздух визжал от рвущих его стрел. Рядом дико кричали раненые... И пронзительно-яростно визжали степняки.

Духарев падал. Вернее, катился вниз по склону, прочь от костра. Причем в правой руке у него была сабля. Успел схватить. Рефлекс сработал.

Стрелы, выпущенные навесом, вгрызались в землю совсем рядом.

Духарев нырнул за мощный дубовый ствол. Спрятался, скорчился между корней, выжидая.

Костры в лагере русов гасли один за другим. Должно быть, их заливали водой. Горел только костер, у которого спали старшие. Духарев, Святослав... Святослав!

Сергей высунулся из-за ствола. Вокруг костра лежали. Был ли среди них князь?

Проклятье! Как они подобрались? Дозорные прохлопали? Расслабились, дурни! Теперь всё. Конец.

Тут Сергей услышал шорох. Кто-то проворно полз к нему снизу. Раз прячется, значит свой.

— Ты кто? — негромко спросил он. Шорох прекратился.

— Батька, ты? — осторожно спросили из травы.

— Я, Велим. Давай сюда.

Сотник проворно подполз к Сергею. Он был в броне. Далее щит на спине висел. А на Духареве — только кольчуга. Панцирь у костра остался.

Снизу раздавались вопли и визг.

— Что там? — спросил Духарев.

— Копченые с той стороны зашли, — сказал сотник. — Я как раз спускался наших

проверить, а тут они. Сразу стрелы кидать начали. А там же берег, не укрыться. Наши к камням бросились, а я наверх, к тебе побежал... А у вашего костра стрел — гуще, чем колосьев в поле. А ты — живой!

Велим умолк, прислушался к тому, что происходило внизу. Нехорошее там происходило.

— Надо вниз, батька! Там наших режут!

Мгновенное колебание... Ускользнуть под покровом темноты, сбросить железо, нырнуть в темную воду... Один раз Сергей уже так спасся...

— погоди, Велим. У костра броня моя осталась. Заберу.

Духарев по-пластунски пополз наверх.

Жив ли Святослав?

У костра — не меньше дюжины мертвых тел. Почти всех накрыли во сне. Ближние гридни. Понятно, прошитый сразу семью стрелами... Духарев достал из мешка панцирь. Не вставая, натянул. Только после этого приподнялся — посмотреть, есть ли среди мертвых великий князь...

Князя не разглядел, зато увидел взбирающихся с противоположной стороны копченых.

И не раздумывая, рванул к ним. Резко. Как спринтер на старте.

Троих копченых он срубил в считанные секунды. С десятков степняков с воплями кинулись вниз. Решили, видно, что здесь целая прорва русов. Но остальные немедленно взялись за луки, и Духарев, спасаясь, припустил к дубу, за которым остался Велим. Присел рядом, задумался. Внизу, судя по всему, дело плохо. Печенегов много больше. И русов они застали врасплох. То есть дело не просто плохо, а совсем худо. Никаких шансов. Копченые вырежут всех, и они с Велимом ничего тут не изменят. Просто будет на два трупа больше. Зато, пока копченые лютуют внизу, Сергей с Велимом могут пройти верхом, спуститься туда, где берег чист, дальше — «железо» на щит и — на ту сторону. Там раздобыть коней...

И тут Духарев услышал рог. Боевой рог Святослава. И все «разумные» планы вылетели из его головы.

— За мной! — крикнул он Велиму и очертя голову бросился вниз по крутому склону.

Как он ничего не сломал во время этого сумасшедшего спуска — уму непостижимо. Почти в крошечной темноте, по камням, по корням, по осыпям, он не сбежал — слетел. И сразу угодил в самую резню. Но это была его стихия: драться вслепую, в самой гуще. Сергею было проще, чем печенегам. Он знал: вокруг только враги. А вот копченым было неудобно и тесно. И не разглядеть, кто враг. Они перекрикивались гортанными голосами, чтобы угадывать друг друга... И чтобы Духареву было сподручнее их рубить. Единственное, чего опасался Сергей: задеть поспевающего за ним Велима. Но избежать этого было просто. Не отступать. Двигаться только вперед.

Кто-то напрыгнул на Духарева сзади, вцепился в шлем, заорал истошно: «Рус, рус!» — и ударил ножом в спину. А может и не ножом, чем-то еще, острым... Недостаточно острым, чтобы пробить панцирь.

Духарев не успел его сбросить. Висевший на Сергее степняк дернулся и сам отпал. Похоже, его срубил кто-то из своих.

Металл чиркнул о металл: печенежская сабля проехала по наплечнику. Сергей кольнул мечом, повернул, выдернул... И снова услышал рог князя. Совсем близко. Сергей завыл по-варяжски, ударил крест-накрест, рванулся вперед... И упал, запутавшись ногами в груде лежащих на земле тел.

Кто-то тут же наступил Духареву на шею... И, взвизгнув, повалился на Сергея, задергался в агонии. Может, не тот, другой. Не важно. Духарев спихнул с себя умирающего и пополз вперед по скользкой от крови «баррикаде» из теплых еще мертвецов. Кто-то с кем-то рубился — так и лязгало... Духареву наступили на руку, на крестец... Сергей извернулся, резнул саблей по сапогу. Слава Богу, судя по воплю, это был не рус, а степняк. В следующий миг в Духарева едва не воткнули меч.

— Я — свой! — чудом увернувшись, закричал он. — Я — Сергей!

Он распрямился — и тут же получил мощнейший удар в спину, не пробивший бронь, но толкнувший Сергея вперед, на... руки своих. Своих!

— Серегей! Живой! — раздался рядом голос Святослава.

— Живой! — с удовольствием подтвердил Духарев. — Велим! Велим! Сюда!

— Иду! — Из мрака возникла фигура, тускло блеснула чешуя панциря... Удар! Отвратительный хруст... Велима развернуло и бросило на Духарева. Сергей подхватил его, не выпуская сабли, шагнул назад. Справа и слева тут же выдвинулись гридни — прикрыли.

— Отпусти меня, воевода, — прохрипел сотник. — Я — целый. По щиту попало.

Оглушительно заревел рог.

Сергей отпустил Велима и занял свое место в строю.

И понял, что их никто не атакует.

Он чувствовал, что печенег — рядом. Но через барьер мертвецов никто не совался.

И еще он увидел, что небо на востоке чуть-чуть посветлело.

— Князь! — позвал он.

— Я тут, воевода. — Голос Святослава был бодр и тверд.

— Светает, князь.

— Вижу.

— Плохо.

— Знаю.

— Может, попробуем пробиться к лодьям?

— Не выйдет. Мало нас.

Мало? Духарев попытался прикинуть, столько их здесь. Не сумел. Темно. Но раз князь говорит: мало...

— Что же делать будем, княже?

И почти физически почувствовал напряженную тишину, повисшую над отрядом русов после этих слов.

— Стоять, — сказал Святослав. — Стоять крепко. — И добавил, как тогда, в Доростоле, перед решающей битвой: — Мертвые сраму не имут.

Удивительно, но даже в эту минуту Сергей не пожалел о том, что выбрал бой, а не бегство.

Глава двадцатая

Мертвые сраму не имут

Большой хан Курэй смотрел на горстку уцелевших русов. Их было не больше сотни. Сбившись вместе, как отара испуганных овец, они ждали, когда он, Курэй, решит их судьбу. В утренних сумерках Курэй не мог разглядеть их лиц. Зато он мог видеть сотни мертвых тел, усеявших берег. И многие из них были телами его воинов. Особенно же много убитых степняков — вокруг кучки русов.

Подъехал брат Курэя, младший хан.

— Нашли золото? — отрывисто спросил Курэй.

— Нет, — коротко ответил брат.

— Почему?

— А где его искать?

— А ты спроси! — процедил большой хан.

— Не у кого спросить, старший. Все мертвы. Дорезали их. Не успел я, — младший брат сокрушенно покачал головой. — Вот только эти и остались. — Он показал на ошметинившихся мечами русов. — Что прикажешь, старший? Закидать их стрелами?

— Нет! Дай дорогу! — Курэй проехал мимо младшего брата и направил коня к уцелевшим.

— Я — большой хан Курэй! — крикнул он. — Кто из вас будет говорить?

Одни из телохранителей Курэя держали наготове щиты — прикрыть большого хана от опасности, другие подняли луки — бить того, кто осмелится послать в Курэя стрелу.

Никто в Курэя не выстрелил.

— Говорить буду я!

Русы раздвинулись, пропуская своего вожда вперед.

— Узнаешь меня, Курэй?

— Да, хакан, я тебя узнаю.

Не солгали ромеи. Перед большим ханом стоял хакан Святослав. Он был здесь. И — с малой дружиной. Но где его золото?

— Что скажешь, Курэй? — спокойно спросил Святослав.

Конечно, он не боялся. Великий воин не испытывает страха, когда видит свою смерть. Святослав — великий воин. В степи это известно всем. Но Курэй сейчас для Святослава могущественнее смерти, ведь он может подарить хакану русов жизнь. Святослав не может не думать об этом.

И в этом — его слабость. Сегодня. Но «завтра» у хакана русов не будет. Таких врагов не оставляют в живых. Разве что превратив в друзей. Но хакан Святослав не станет другом Курэя. Он слишком велик для этого. Однако сейчас он слаб. Воины Курэя могут перебить его крохотную дружину раньше, чем взойдет солнце. Святослав не откажется от надежды.

— Отдай мне золото, хакан. А я отдам тебе твою жизнь.

— Моя жизнь, хан, принадлежит Перуну и моей дружине, — ровно произнес Святослав. — Ты можешь попробовать ее взять. Отдать — нет. Она — не твоя.

Курэй кивнул. Святослав — великий воин. Курэю хотелось бы стать его другом. Но этого не будет. Не может волк дружить с пардусом. Но волк может добить пардуса, если тот ранен и слаб. И съесть его сердце и печень. Тогда вся степь будет принадлежать волку.

— Значит, не скажешь, где золото?

— Скажу, — спокойно сказал Святослав.

— Где же оно? — Курэй был очень удивлен и даже немного разочарован. Неужели он переоценил мужество врага?

— Оно уже в Киеве, большой хан, — лицо киевского князя — маска из грязи и засохшей крови. — Пойди и возьми, коль не боишься. Но учти: твой родич Кайдумат уже приходил. Псы обглодали его кости.

— Хоревой — не родичи мне! — отрезал Курэй. Он не терпел угроз и рассердился. — Прощай, хакан!

Большой хан повернул коня... И тут кто-то из русов бросил в него копье.

Телохранитель хана вскинул навстречу щит. Копье пробило щит и руку печенега, но хана не задело.

В ответ град стрел накрыл русов.

— Не стрелять!!! — закричал Курэй. — Живыми! Живыми брать!!!

Тысяча всадников закружила карусель вокруг поредевшего строя русов. Арканы взлетали и падали, пытаясь выдернуть из строя воинов Святослава...

... Грядни стояли крепко. Если кого и удавалось зацепить, клинок товарища успевал вовремя рассечь волосяной аркан.

Зато то один, то другой зазевавшийся степняк вылетал из седла, катился по жухлой истоптанной траве под ноги русов и, дернувшись, замирал навсегда, приколотый точным ударом копья или клинка.

Казалось, что линия красных русских щитов незыблема.

Но это только казалось.

Русы устали. Вымотались. Сначала — многомесячная осада, потом — тяжелейший

поход, и, наконец — ночная сеча вместо долгожданного отдыха. Иные из гридней стояли лишь потому, что их поддерживали плечи соседей.

Духареву было легче, чем другим. Он успел «перехватить» несколько часов сна. Но он тоже устал. В ушах набатом гудел стук собственного сердца. Спину сводило от боли. Рука, державшая чужой щит, онемела. Сергей стоял в первой шеренге. Высокий, больше чем на пядь выше остальных, Духарев чаще других становился мишенью. Движения его были точны и экономны, но каждое требовало напряжения всех сил. А сил осталось чуть-чуть...

Духарев не услышал команды. Просто почувствовал, как окружавшие его гридни подались назад, туда, где громоздились острые каменные обломки и козырьком нависала над берегом десятисаженная круча.

И тут большой хан не выдержал, поднял лук и выпустил первую стрелу. По крутой дуге стрела прошла над головами печенегов и упала точно в центр русского строя. Пойманная на щит, она никому не причинила вреда. Но вслед за ней на русов обрушились тысячи стрел.

Ответить степнякам было нечем. Колчаны гридней давно опустели. Сбившись еще плотнее, русы укрылись за большими щитами и продолжали отступать. Но теперь путь их был отмечен телами тех, кого достали печенежские стрелы.

Щит Сергея был так истыкан легкими печенежскими стрелами, что стал похож на спину гигантского ежа. Некоторые прошили щит насквозь, но металл умбона они пробить не могли, и левая рука Духарева была в порядке. Насколько может быть в порядке рука, которую не чувствуешь.

Наверное, кто-то там наверху заботился о Сергее, потому что, когда тень берега легла на поредевший строй русов, воевода был еще жив. А может, дело было в том, что справа от воеводы стоял его тысячник Стемид Барсук, а слева — сотник Велим.

И тут печенеги пошли врукопашную. Наверное, решили, что несколько десятков измученных русов — легкая добыча.

А может, Курэй все еще рассчитывал взять их живьем и выпытать, где спрятано золото.

Когда Духарев увидел бегущих на него пеших степняков (между камней верхами не очень повоюешь), он хрипло рассмеялся. Засмеялся, сбросил с шуйцы тяжелый щит, встряхнул рукой, пытаясь вернуть ей боевые качества, глянул направо, поверх головы Стемида, увидел, что Святослав (живой!) тоже отбросил щит и вытянул из ножен второй меч, запрокинул голову и испустил низкий вибрирующий бой:

— Перу-ун!!!

И принял на клинок первого, самого прыткого, печенега.

* * *

Духарев лежал на земле. Нет, не на земле, на чем-то более мягком. Пошевелиться он не мог. Тела не чувствовал. Но, скосив глаза, увидел нелепо вывернутую ногу в камуфляжных штанах. Второй пилот. Духарев упал на него. Еще Духарев видел черный дым.

«Вертолет упал», — сообразил он.

Теплое дыхание коснулось щеки, и Духарев увидел волка. Зверь смотрел на него. Духарев хотел закричать, но голос тоже пропал. Волк сделал еще один шаг и слизнул кровь с лица. Духарев закрыл глаза...

Всадники Машега и воины киевской дружины вышли к Хортице почти одновременно. Но киявяне пришли на лодьях, поэтому высадились на остров первыми.

И сразу поняли, что опоздали. Живых на Хортице не было. Потом выяснилось: копченые вырезали даже жрецов Хорса.

Чернели выволоченные на сушу лодьи с выброшенным на песок грузом и пробитыми днищами. Берег вокруг них был усеян тысячами мертвых русов и печенегов. Степняки Курэя уходили так поспешно, что бросили тела своих.

— Опоздали! — с яростью выдохнул Ярополк. — Догоним проклятых псов?

Артём покачал головой:

— Позже, мой князь. Давай поищем: может, кто из наших еще живой.

— Князь? — Ярополк вздрогнул, как от удара. — Думаешь, мой отец...

Артём пожал плечами, поглядел на левый берег.

— Смотри, — сказал он. — Хузары.

Ярополк повернулся и увидел, как спускаются к воде всадники и входят в воду серые от пыли кони.

— Это Машег, — сказал он.

Артём наклонился к лежавшему ничком руссу. Перевернул. Панцирь на мертвеце был изрублен, но умер он не от ран, полученных в сече. Его добили. Горло гридня было перерезано от уха до уха.

— Прошлой ночью, — сказал Артём, выпрямившись.

— Что — прошлой ночью? — спросил кто-то из окруживших Артёма и князя дружинников.

— Его убили прошлой ночью.

— Совсем немного опоздали... — пробормотал Ярополк.

— Намного, не намного — какая разница, — буркнул Артём.

— Разница есть.

Это произнес Машег. Бросив поводья Йонаху, он прошел между расступившимися дружинниками к Ярополку и Артёму.

— Копченые уходили в спешке, — сказал он. — Не успели осквернить тела. И, может быть, не успели добить всех.

В глазах Ярополка вспыхнула надежда.

— Что стоите! — закричал он. — Ищите князя!

Князя нашли не сразу.

Обезглавленный труп опознал Йонах. По сломанному мечу, рукоять которого все еще крепко сжимали мертвые пальцы. И по груде трупов копченых вокруг убитого.

Воеводу Серегея отыскиали здесь же. Под варягом Стемидом, убитым ударом в затылок.

Воевода лежал на песке ничком. Из спины торчал обломок печенежской пики. Доспехи, голова, руки Серегея были черными от запекшейся крови. А в правой руке, так же как у его князя, — оружие. Сабля. Только целая.

Верно сказал Машег. В большой спешке уходили печенеги, раз не успели забрать такой замечательный клинок.

Йонах наклонился, осторожно высвободил саблю из судорожно сжатых пальцев.

— Возьми, — печально сказал он, протягивая ее Артёму. — Теперь она твоя.

Но Артём даже не посмотрел клинок. Он смотрел на спекшийся от крови речной песок, на котором распростерлось тело его отца. Йонах увидел, как расширились глаза боярина Артёма. Артём смотрел на руку, из которой Йонах только что вынул саблю. Йонах тоже посмотрел на эту руку и негромко вскрикнул. Потому что увидел, что рука эта медленно-медленно ползет по песку и пальцы ее слабо шевелятся, пытаясь нащупать потерянную рукоять...

Эпилог

Голову великого князя Святослава Игоревича на поле битвы не нашли.

Позже узнали, что большой хан Курэй увез ее с собой и сделал из черепа князя драгоценную чашу, из которой в особо торжественных случаях поили потомков большого

хана Курэя, чтобы частица могучего духа великого воина вселилась в них и помогла стяжать славу, столь же великую, как слава князя Святослава Игоревича.

Но это не спасло род Курэя. Пришли половцы, и не стало печенегов.

А князья Русь — остались.